

Р

УТЕШЕСТВИЯ

В ВОСТОЧНЫЕ СТРАНЫ

Плано Карпини

и Рубрука

Джованни
дель Плато Карпини

ИСТОРИЯ
МОНГАЛОВ

Тильом де Рубрук

ПУТЕШЕСТВИЕ
В ВОСТОЧНЫЕ
СТРАНЫ

РЕДАКЦИЯ
ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ
И ПРИМЕЧАНИЯ
Н. П. ШАСТИНОЙ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА · 1957

ПУТЕШЕСТВИЯ НА ВОСТОК ПЛАНО КАРПИНИ И ГИЛЬОМА РУБРУКА

Вступительная статья

Тринадцатый век в жизни народов Азии и Европы был веком больших потрясений и значительных событий, оставивших глубокий след в судьбах народов. В этот век в Европе происходило формирование крупных феодальных государств, сопровождавшееся ликвидацией феодальной раздробленности. Продолжались крестовые походы, но рыцари-крестоносцы терпели одно за другим поражения, что имело некоторое влияние на ускорение ликвидации феодальной раздробленности в Европе.

В Азии в XIII в. возникла мощная раннефеодальная империя монголов, под завоевательными ударами которых пали многие государства Азии и Восточной Европы. Походы монголов потрясли своим размахом и ужасами завоевания буквально весь мир. «Завоевание монголами Средней Азии в 1219—1221 гг., поход Джебе и Субэдэя в Северный Иран, Кавказ и Юго-восточную Европу (1222—1224) произвели на умы современников столь сильное впечатление, что в 20—30-х годах XIII в. о нашествии монголов (татар) говорили во всех странах Средней Азии, Северной Африки и Европы как о величайшем несчастье, постигшем тогдашний мир»¹. О том, что слухи о монгольских победах и о жестоком истреблении населения в покоренных и завоеванных областях дошли до европейских государств и встревожили их обитателей, свидетельствуют бесхитростные записи средневековых летописцев. Наиболее ранней из этих записей, повидимому, надо считать краткие сведения о монголах, имеющиеся в хронике Альберика из аббатства «Трех фонтанов» (Albericus Trium Fontium). Этот хронист считал причиной прекращения монгольских походов 1219—1224 гг. известие о падении Диаметты в 1219 г., что совершенно не соответствовало истинному положению дел, так как монголы про-

¹ Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение, М.—Л., 1950, стр. 52.

должали свои походы. Он полагал также, что поход монголов был окончен в 1222 г., а во главе похода находился царь Давид или пресвитер Иоанн. Подобные записи свидетельствуют о том, что в Европе весьма смутно представляли себе реальные события, разыгравшиеся в Средней Азии в 1219—1224 гг., когда под ударами войск Чингис-хана пали цветущие государства Мавераннахра, Хорезма. Подобные сведения, записанные европейским хронистом, отражают лишь недостоверные слухи и известия о монголах, распространявшиеся в Европе, в которых причудливо переплелись фантастические вымыслы со сведениями реального характера.

Тот же Альберик из «Трех фонтанов» на основании рассказа очевидца описал внешний облик монголов в следующих словах: «Голова у них большая, шея короткая, весьма широкая грудь, большие руки, маленькие ноги и сила у них удивительная. У них нет веры, они ничего не боятся, ни во что не верят, ни чему не поклоняются, а король их называет себя королем всех королей»¹.

Сохранились и другие сведения о монголах в известной «Chronica Major» Мэтью Парижского, одного из наиболее ученых историков XIII в. (ум. 1259 г.), который, рассказывая об ужасе, внушенном походом Бату в Европу в 1237 г., сообщает, что даже на далеких берегах Англии была сорвана ежегодная торговля сельдями, так как купцы из Готланда и Фрисланда не решались плыть в Ярмут в страхе перед возможным появлением монгольских войск. Сельди, сообщает хронист, подешевели, как никогда.

Слухи о монгольских завоеваниях, распространяемые бежавшими из Венгрии и Богемии жителями, вызывали беспокойство не только среди правящих классов европейских государств, но и среди народных масс.

Распространению тревожных вестей способствовало также появление в 1238 г. во Франции, а затем и в Англии посольства Исмаилитов. Глава могущественной секты Исмаилитов, один из крупных владык на Ближнем Востоке, имя которого вызывало страх и трепет среди мусульманского населения, обратился к королям французскому и Генриху III английскому с просьбой о помощи против монгольских войск. В сведениях, полученных от посла Исмаилитов, образ монголов-завоевателей рисовался в самых мрачных тонах. Эти сведения также были зафиксированы в хронике Мэтью Парижского под 1240 г. Рассказывая со слов исмаилитского посла о монгольских завоеваниях, хронист сообщает: «Подобно саранче, распространились они (т. е.

---

¹ The Journey of William of Rubruck to the Eastern parts of the World. Edited by W. W. Rockhill. London, 1900, p. XIII.

монголы) по лицу земли, они принесли ужасающие опустошения в восточных частях, разорив их огнем и мечом. Пройдя через землю Сарацин, они разрушали до основания города, рубили леса, низвергали крепости, выдергивали виноградники, опустошали сады, убивали горожан и крестьян» (Мэтью Парижский, *Historia major Angliae*).

Вскоре после пребывания в Европе посольства Исмаилитов во Францию пришли тревожные вести о монгольском нашествии на Восточную Европу.

Известно, что монголы предприняли второй завоевательный поход на Запад после курилтае князей 1235 г. Во главе похода был поставлен внук Чингис-хана — сын его старшего сына Джочи, называвшийся Бату (что значит «твердый, крепкий»), известный в русских летописях под именем Батыя. В качестве его помощника был назначен один из способнейших монгольских полководцев, сподвижник Чингис-хана военачальник Субэ-дэй. Огромная по тем временам монгольская армия двинулась в поход из Монголии и в течение нескольких лет выполнила намеченную на курилтае программу завоеваний. В 1236—1237 гг. были завоеваны все обширные пространства Дешт-и-Кыпчака, земли Булгар, Крым, Кавказ. В 1238 г. началось покорение русских княжеств — пали Рязань, Владимир и многие другие города. В 1240 г. был захвачен и разорен Киев — краса и гордость Киевской Руси.

Покорив и разорив русские княжества, монгольские отряды вторглись в Польшу, Моравию и Силезию, одерживая одну за другой победы над пытавшимися оказать сопротивление феодальными владыками. Известие о большой битве под Лигницем, в которой монголы разбили войско силезского герцога, письма о помощи венгерского короля Белы IV, разбитого под Пештом, и другие подобные же сообщения не могли не встревожить французского и английского королей, императора Фридриха II и римского папу Григория IX. Между ними начались даже какие-то переговоры, о том, как организовать сопротивление монголам. Церковь также начала проповедовать новый крестовый поход на этот раз не против сарацинов, а против монголов. Но за переговорами не последовало сколько-нибудь реальных действий, этому мешали феодальные распри между крупнейшими властелинами европейских государств. И неизвестно, что ожидало бы Европу, если бы сами монголы не прервали свой поход 1236—1242 гг. Дойдя до самой Адриатики, опустошив Венгрию, Моравию, Силезию, монгольские войска неожиданно остановились и также поспешно, как продвигались, устремились назад.

Немало исследований было посвящено выяснению причин, в силу которых монголы прервали свои завоевания, и Бату, стоявший во главе монгольских войск, не смог удержать

захваченных областей в Восточной Европе. Некоторые европейские авторы полагают, что монголы получили отпор от рыцарских войск и устрашились закованных в латы рыцарей. Но если внимательно рассмотреть ход европейского похода монголов, то легко можно уяснить себе, что рыцарские войска неоднократно терпели от монголов полный разгром. Да и военная техника монголов мало в чем уступала европейской технике того времени.

На основании многочисленных свидетельств иранских и ираноязычных авторов один из крупнейших востоковедов нашего времени академик В. В. Бартольд пришел к выводу, что причинами внезапного ухода монголов из Восточной Европы были, во-первых, ссоры между монгольскими полководцами, особенно между чингисидами-царевичами Гуюком и Бури с главой похода Бату и с Субэдзем; во-вторых, известие о смерти Угэдэй-хана и освободившемся престоле Великого хана ¹.

Несомненно, эти факты имели определенное значение для монголов. Но нельзя забывать также еще в одном весьма значительном факторе, на который указал в своих исследованиях ныне покойный член-корреспондент АН СССР А. Ю. Якубовский. Он обратил внимание на то, что монгольские войска были значительно ослаблены в борьбе с русскими княжествами. Мало того, в тылу монгольских войск во время похода Бату на Запад вспыхнуло большое восстание. Героическое сопротивление завоевателям было оказано восставшими булгарами, половцами и другими народностями, населявшими Поволжье ². Подавление восстания вызвало необходимость отправить часть монгольских войск обратно на Волгу. Все перечисленные факты и явились комплексом причин, заставивших монголов уйти из Европы, прервать свой поход, столь устрашивший и взволновавший европейские народы.

Монголы ушли из Европы, но страх перед ними, перед возможностью нового нашествия остался. В Европе хорошо были известны притязания монголов на мировое господство и никто не сомневался в способности этого народа осуществить подобные замыслы. Проповедь крестового похода против монголов не имела ощутительных результатов, хотя и поддерживалась новым римским папой Иннокентием IV, избранным в 1243 г. вместо умершего Григория IX. Энергичный Иннокентий IV принял также другие меры, чтобы выяснить, не собираются ли монголы вновь в поход. С этой же целью он отправил миссионеров к монголам с официальным поручением попытаться обратить монгольского хана в христианство. Подобному намерению,

¹ В. В. Бартольд. Batu-khan. В «Encyclopédie de l'Islam», стр. 699.

² Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение, стр. 58—59.

весьма странному с точки зрения реальных возможностей и истинного положения дел в Монголии, способствовали усиленно распространявшиеся слухи о легендарном пресвитере Иоанне, или попе Иване, правившем неким могущественным христианским государством в Азии.

Легенда о пресвитере Иоанне, возникшая, повидимому, в результате известий о существовании несториан в Центральной Азии, была широко распространена в средневековой литературе. Впервые о пресвитере Иоанне упоминается в хрониках XII в. под 1145 г. Более столетия просуществовала эта легенда, подкреплявшая намерение римского престола обратить в христианство кочевников далекой Азии.

Таким образом, у этой духовной миссии имелись две задачи — разведывательная и миссионерская. Последняя задача определила состав миссии, подобранной целиком из монахов ордена францисканцев-миноритов, особенно отличавшихся в качестве проповедников. Миссии, во главе которой находился влиятельный минорит Плано Карпини, было предписано отправиться к монгольскому хану. Через два года была отправлена и другая миссия с доминиканцем Асцелином во главе, которая дошла лишь до монгольского военачальника Байджу, находившегося в Иране.

Отчеты этих миссий оказались чрезвычайно ценными, так как содержали много новых сведений о странах доселе малоизвестных или даже совсем неизвестных европейскому миру. Особенно интересен отчет Плано Карпини. Его труд, дошедший до нас в нескольких списках XIII в., представляет собой ценный источник не только для истории монголов, но и для истории нашей страны, так как автор явился свидетелем разорения и тяжелого состояния Руси и народов Поволжья, наступившего в результате монгольского нашествия.

* *

*

Плано Карпини был итальянцем, родом из Перуджи и происходил из знатной семьи. Его итальянское имя было Джованни дель Пьяно-Карпине, но в исторической литературе принята латинизированная форма этого имени Плано Карпини. Он был одним из основателей монашеского ордена францисканцев и близким другом самого Франциска Ассизского. Плано Карпини занимал достаточно видные должности в римской церкви, по поручению которой бывал и в Германии и в Испании, поэтому нет ничего удивительного, что выбор Иннокентия IV пал именно на него. Плано Карпини отправился в свое далекое путешествие не один. В состав миссии входили еще два монаха-францисканца: Бенедикт из Польши и Стефан из Богемии.

Последний воротился с дороги, добравшись лишь до Киевской Руси. Бенедикт же сопровождал Плано Карпини повсюду, но не оставил записок о своем путешествии. Короткий рассказ Бенедикта о путешествии в Монголию был передан Симоном де Сен-Кентином, участником одной из миссий, о которой дошли лишь краткие сведения, записанные на основании устных рассказов Винцентом из Бовэ, прозванным Бовезским.

Миссия Плано Карпини, снабженная буллой Иннокентия IV к монгольскому хану, выехала из Лиона 16 апреля 1245 г. Более двух лет длилось путешествие через многие земли и различные государства. Маршрут Плано Карпини можно приблизительно восстановить, внимательно вчитываясь в его отчет и пытаясь точно идентифицировать приведенные им названия, что, следует заметить, иногда затруднительно сделать. Плано Карпини, доехав до Волги, прибыл в ставку Бату и хотел передать этому монгольскому князю письмо римского папы, но Бату не принял письма, адресованного Великому хану, и отправил миссию дальше в Монголию. Плано Карпини и Бенедикт были вынуждены совершить длинное и утомительное путешествие через Хорезм, Семиречье и Тарбагатай в Центральную Монголию, где стали невольными свидетелями редкого и интересного события — возведения на престол великого хана Гуюка. В ставке Гуюка они прожили почти четыре месяца и были отправлены обратно 13 ноября 1246 г. Только через полгода добрались они на обратном пути из Монголии до Киева, а осенью 1247 г. Плано Карпини прибыл в Лион, где и представил папе Иннокентию IV ответ монгольского хана Гуюка и свой подробный отчет о путешествии. Этот отчет Плано Карпини, написанный им на латинском языке, представляет собой книгу, названную им «*Libellus historicus*» и дошедшую до нас в нескольких редакциях.

Три месяца пробыл Плано Карпини при дворе Иннокентия IV, получил почетный сан архиепископа и был назначен в город Антивари, где, повидимому, и умер. Точная дата его смерти неизвестна — это случилось не ранее 1248 г., но не позже 1252 г. Плано Карпини вполне справился с поставленной перед ним разведывательной задачей. Он достаточно подробно описал вооружение, войска монголов, а также их тактику ведения войн.

Сохранилась краткая характеристика Плано Карпини у одного итальянского хрониста, видевшего его при дворе папы римского в ноябре 1247 г. Вот как он описывает Плано Карпини: «Это был человек достойный, остроумный, образованный, красноречивый и очень способный к разнообразным делам; он написал толстую книгу о том, что видел замечательного у татар и в других местах. Когда его утомляли вопросами на этот счет,

он принимался читать эту книгу, что я и сам много раз и слышал и видел»¹.

Сочинение Плано Карпини дошло до нас в нескольких редакциях. Еще в XIII в. оно неоднократно переписывалось, так как вызывало неизменный интерес у образованных людей того времени. Существование двух редакций сочинения Плано Карпини — одной краткой, другой более подробной, подтверждается признанием самого автора, который в одной из дошедших до нас рукописей XIII в. сообщает, что он сам разрешил снять несколько копий со своего сочинения, еще не вполне законченного — «поэтому, — пишет он, — пусть никто не удивляется, найдя эту рукопись более подробной и более исправной, чем остальные, так как с тех пор, что я приобрел некоторый досуг, я пополнил, исправил и отделал ее в тех частях, где она была неполна»².

Несмотря на то что сочинение Плано Карпини было широко распространено в XIII в. и существовало много рукописных копий с него, до нас дошло из них только пять. Одной из лучших копий считается Лейденская рукопись, выполненная или в самом конце XIII в. или в начале XIV в. Эта рукопись была положена в основу издания сочинения Плано Карпини, подготовленного французским исследователем этого текста Д'Авезаком в 1839 г. Но в конце XIX столетия в библиотеке Кэмбриджского университета была обнаружена рукопись более раннего происхождения с более исправным текстом. Эта рукопись была использована Бизли³, весьма тщательно изучившим ее. Две рукописи сочинения Плано Карпини имеются также в Национальной библиотеке Парижа, и еще одна хранится в Британском музее. Этими пятью рукописями исчерпываются известные списки «*Libellus historicus*». Весьма интересной новостью явилось известие о найденном фрагменте из рукописи Плано Карпини, хранящемся в научной библиотеке Иркутского государственного университета им. А. А. Жданова. Эта находка была исследована и описана членом-корреспондентом АН СССР М. П. Алексеевым. В библиотеке хранилась книга, переплетенная в кожу, оклеенную с внутренней стороны листом пергамента, который представлял собой страницу какой-то рукописи, не имевшей никакого отношения к самой книге. Книга поступила в библиотеку Университета из бывшей Иркутской духовной семинарии, обладавшей не плохим собранием старинных книг. В семинарию же эта книга попала вероятнее всего еще

¹ D'Avèzàc. *Relation des Mongols ou Tartares par le frère Jean du Plan de Carpin*, Paris, 1839, p. 598.

² D'Avèzàc, *op. cit.*, стр. 445.

³ C. R. Beazley. On a hitherto unexamined manuscript of John de Plano Carpini. — *Geographical Journal*, 1902, December. v. 20, № 6, стр. 646—647.

в XVIII в. или из Польши или из юго-западной России, во время комплектования библиотеки семинарии.

Когда фрагмент рукописи, написанный отчетливым готическим почерком XIV в., был изучен, то выяснилось, что он представляет собой VII, VIII и часть IX главы сочинения Плато Карпини в редакции известного компилятора XIII в. Винченца из Бовэ (ум. 1264 г.). Последний составил огромную, в десять больших томов, энциклопедию, пользовавшуюся широкой известностью в свое время. Энциклопедия называлась «*Speculum Majoris*», т. е. «Великое зеркало», и состояла из четырех частей, также называвшихся «*Speculum*» (название «Зерцало» часто употреблялось в средневековой литературе для обозначения собраний различных сочинений энциклопедического характера) с прибавлением эпитета, соответствующего содержанию данной части — *Speculum naturale*, *Speculum doctrinale*, *Speculum morale* и *Speculum historiale*. Четвертая часть этой огромной энциклопедии «*Speculum historiale*» была посвящена собранию исторических сочинений и состояла из четырех больших томов. Именно в этой части и находилось сочинение Плато Карпини, но в пересказе составителя энциклопедии Винченца, который переменял порядок глав, слегка сократил текст, но в то же время добавил некоторые подробности, взятые им из рассказов Симона де Сен-Кентина. Сличение текста пересказа Винченца с найденным фрагментом позволило М. П. Алексееву установить, что перед нами лист рукописи из энциклопедии *Speculum Majoris*. При этом важно отметить, что найденный фрагмент писан не с печатного «Зеркала» («*Speculum Majoris*» после изобретения книгопечатания издавалась неоднократно в XV и XVI вв. В Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина имеется экземпляр «Зеркала», изданный в Венеции в конце XV в., отличной сохранности), а с рукописного и, по мнению М. П. Алексеева, выполнен не позже XIV в. и содержит несколько вариантов. Текст фрагмента отличается от текста рукописей Плато Карпини. Мы сочли необходимым дать в примечаниях на соответствующих страницах перевод этих фрагментов, опубликованный М. П. Алексеевым¹, так как в них содержатся разночтения, представляющие интерес для исследования исторической географии Центральной Азии.

Книга Плато Карпини была переведена на многие языки. Французский перевод ее (все же в значительной мере вольный) был впервые опубликован в XVII в. в известной книге Пьера Бержерона «*Voyages faits principalement en Asie dans les XII, XIII, XIV et XV siècles*» (Paris, 1634, переиздана дважды в

¹ М. П. Алексеев. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей, Иркутск, 1941, стр. 550—551.

1723 и 1735 гг.). Английский перевод также был опубликован еще в XVI в. Хэклейтом в его знаменитом собрании путешествий «Principal Navigations» (1598 г.) и Перкисом (Purchas) в его не менее известном «His Pilgrims» (1625 г.).

В русской исторической литературе сочинение Платона Карпини стало известно еще в конце XVIII в., когда появился первый русский перевод этой книги, сделанный с французского текста, опубликованного Бержероном. Этот перевод выдержал два издания (первое в 1795 г., второе в 1800 г.), что свидетельствует о том, что эта занимательная книга нашла спрос у читателя. Переводчиком был, повидимому, Алексей Малиновский, подписавшийся лишь инициалами.

Через четверть столетия появилось и научное издание сочинения Платона Карпини на русском языке, помещенное в первом томе «Собрания путешествий к татарам» Д. И. Языкова. Хотя со времени появления в свет этого издания и прошло более 125 лет, но до сих пор оно сохраняет известную ценность уже по одному тому, что издатель опубликовал параллельно латинский текст и русский с него перевод. Кроме того, комментарии, сделанные Д. И. Языковым, были выполнены для своего времени на высоком научном уровне и не потеряли в некоторых отношениях своего значения и поныне.

Д. И. Языков наметил поистине грандиозный план изданий подлинных текстов и переводов целой серии известных путешествий к монголам в XIII—XV вв., но сумел издать лишь первый том, в котором поместил сочинения Платона Карпини и Асцелина. Он отчетливо понимал значение и цель предпринятого им труда. «Путешествия к монголам нужны для нашей отечественной истории», — писал Д. И. Языков в своем предисловии¹. К недостаткам издания Д. И. Языкова надо отнести сделанную им перестановку глав сочинения Платона Карпини и присоединение к его тексту вставок из рассказов Симона де Сен-Кентина в пересказе Винченца из Бовэ.

Лучший же русский перевод с латинского дал А. И. Маленин, издавший его в 1911 г. Перевод этот, выполненный высококвалифицированным латинистом, не потерял своего значения и в наше время.

Путешествие Платона Карпини не оставалось никогда достоянием одних специалистов, о нем рассказывалось в популярных изданиях и статьях, среди которых из вышедших у нас в последнее время можно отметить перевод книги М. Шервуда «Былые пути в Китай» (М., 1931) и статьи М. Адамович в журнале «Наша страна» (1940 № 10).

¹ Собрание путешествий к татарам и другим восточным народам, т. I, СПб., 1825, стр. IX.

Из многочисленных иностранных изданий труда Плато Карпини обращает на себя внимание уже упомянутое выше французское издание текста и перевода Д'Авезака в 1839 г.¹, английское издание Бизли в 1903 г.²

Бизли изучил и сопоставил все рукописные и первопечатные тексты сочинения Плато Карпини, снабдив их ценными критическими замечаниями. Следует отметить также издание А. ван-ден-Вингарта, вышедшее в 1929 г.³ В этом издании собрано 10 описаний путешествий на Восток, начиная с Плато Карпини.

Не следует думать, что этими книгами ограничиваются издания работы Плато Карпини. Новых изданий вышло немало, но далеко не все заслуживают упоминания, так как не дают много нового по сравнению со старыми публикациями и повторяют устаревшие примечания без учета новых исследований. К таким работам, например, относится немецкое издание доктора Фридриха Риша⁴, вышедшее в 1930 г. Оно снабжено многочисленными примечаниями, построенными, к сожалению, на материалах, во многом уже утративших свою ценность. В наше время, когда историческая и востоковедная наука шагнули далеко вперед, когда поднято и изучено много новых источников на восточных языках, когда проведены грандиозные археологические исследования, при каждом издании путешествия Плато Карпини следует использовать последние научные достижения, которые помогут лучше комментировать давно известный текст. С этой точки зрения работа Риша не выдерживает критики.

Ничего нового не принесло также и последнее по времени издание переводов Плато Карпини и Гильома Рубрука, помещенное в выпущенной недавно книге «The Mongol Mission». Книга эта, вышедшая под редакцией Кристофера Даусона в Англии в 1955 г., представляет собой собрание заново сделанных переводов описаний путешествий Плато Карпини, Гильома Рубрука, Монте Корвино, Бенедикта-Поляка, Андрэ из Перуджи. К этому собранию добавлены также переводы двух папских булл, отправленных к Великому хану монголов, и перевод письма Гуюк-хана к папе Иннокентию IV. Переводы с латинского текста сделаны одной монахиней из аббатства Стэнбрук,

¹ D' A v e z a c. Relation des Mongols ou Tartares par le frère Jean du Plan de Carpin, Paris, 1839. (Recueil de Voyages et de Mémoires publié par la Société de Géographie, vol. IV, livr. 2.)

² C. R. B e a z l e y. The texts and versions of John de Plano Carpini and William de Rubruquis, London, 1903.

³ Anastasius van den W y n g a e r t. Itinera et relationes fratrum minorum saeculi XIII et XIV, Jirenze, 1929 (Sinica Franciscana, vol. I).

⁴ Fr. R i s c h. Johann de Plano Carpini. Geschichte der Mongolen und Reisebericht 1245—1247, Leipzig, 1930.

имя которой не упомянуто ни на титульном листе, ни в предисловии. Ценность этой новой книги состоит единственно в том, что в ней объединены упомянутые выше сочинения. Книга рассчитана на широкие круги читателей, примечания сведены до минимума и во многом повторяют материалы Рокхилла. Вступительная статья К. Даусона посвящена, во-первых, истории отношений между Востоком и Западом в XIII и XIV вв. и, во-вторых, вопросу о пропаганде христианства среди монголов в те же века. Ни вступительная статья, ни новые переводы не представляют особой научной ценности. Они не выдерживают никакого сравнения ни с трудом Рокхилла, ни с изданием Бизли, ни с переводом А. И. Малеина. Однако выход этой книги свидетельствует об определенном интересе широких слоев зарубежных читателей к замечательным путешествиям далекого прошлого.

Книга Плано Карпини вызвала также немало различных статей, посвященных или толкованию отдельных терминов, им употребленных, или разъяснению темных мест. Особый интерес представляет работа Галсана Гомбоева, бурятского ученого ламы, преподававшего монгольский язык в Казанском, а затем в Петербургском университете. Галсан Гомбоев (1820—1863 гг.) был прекрасным знатоком жизни монголов. Написанная им работа «О древних монгольских обычаях и суевериях, описанных у Плано Карпини»¹ до сих пор не потеряла своего значения.

Отметим также небольшую, но весьма ценную работу блестящего французского сиолога и монголиста Поля Пелльо «*Les Mongols et la Parauté*», первая глава которой посвящена письму Гуюк-хана, привезенному Плано Карпини папе Иннокентию IV. Письмо считалось утраченным, и о нем было известно лишь из отдельных упоминаний и латинского перевода, сохранившегося у средневекового автора XIII в. Адама Салимбене в его «Хронике». Но в 1920 г. подлинник письма на персидском языке был обнаружен в архивах замка св. Ангела в Ватикане. Изучению этого письма и посвящена работа Пелльо. Да и в других сочинениях Пелльо имеется немало ценных замечаний о путешествии Плано Карпини.

* * *

Через несколько лет после возвращения Плано Карпини из далекого и трудного путешествия ко двору Великого хана монголов из Европы в Центральную Азию была отправлена еще одна миссия, состоящая также из монахов, принадлежавших к

---

¹ Труды Восточного отдела имп. Археологического об-ва, 1859, ч. VII, стр. 236—256; см. также «*Bemerkungen zu Plano Carpini*» в «*Mélanges Asiatiques*», 1856, 2, стр. 650—666.

ордену миноритов. Но задачи, стоявшие перед этой миссией, были несколько иного рода. Кроме вопроса о возможности проповеди христианства среди монголов, миссия должна была выяснить возможность союза с Великим ханом в борьбе против ислама, союза крестоносцев с монголами в затянувшихся войнах на территории Малой Азии. Европейским государям казалось весьма заманчивым превратить монголов, ведущих также войны в Малой Азии, в своих союзников, особенно после того, как французский король Людовик IX, отправившийся в шестой крестовый поход в 1248 г., потерпел основательное поражение от «неверных сарацин» в битве при Мансуре. И это поражение, и пленение самого короля, и продолжительное пребывание его в Азии, после того как за него был выплачен большой выкуп, упорное сопротивление мусульманских государств — все эти обстоятельства заставляли Людовика искать новых возможностей вести войну. Одной из таких возможностей и был хитро задуманный план вовлечения монголов в войну в качестве союзников.

Для выполнения этого плана Людовик IX и отправил в Монголию особую дипломатическую миссию, во главе которой был поставлен хорошо ему известный монах-минорит, участник шестого крестового похода, энергичный, умный и широко образованный Гильом Рубрук.

Описание путешествия в Монголию в 1253—1255 гг., составленное им, очень значительное сочинение, важное не только для истории монголов, но и для истории географических знаний.

Путешествие Рубрука дало много новых для своего времени сведений о странах, им посещенных, а его наблюдательность позволила ему заметить множество ценных и важных подробностей из жизни монголов XIII в. Сочинение Рубрука по справедливости считается одним из серьезных источников по истории Востока, имеющих в западноевропейской литературе позднего средневековья.

Более образованный, чем его предшественник Плано Карпини, Рубрук, кроме того, был лучше подготовлен к своему путешествию, хотя бы уж потому, что оно не было первым, а результаты предыдущих путешествий, вероятно, были ему известны. Поэтому в сравнении с Плано Карпини он смог дать более значительное и по объему и по содержанию описание. Сочинение Рубрука занимает одно из первых мест среди описаний путешествий на Восток в средние века, уступая, пожалуй, по своему значению только книге Марко Поло.

Биографические сведения о Рубруке очень скудны и извлечены главным образом из его собственного сочинения. Даже фамилия путешественника сохранилась в довольно неустойчи-

вой форме, так как существует до 11 различных ее написаний¹. Его прозвище или фамилия «Рубрук» произошло от названия одной деревни во Фландрии, откуда, повидимому, он происходил. Долгое время в исторической литературе его именовали Рубруквис, что представляет собой латинизированную форму прозвища. Собственное же имя его было Виллем, или Гильом,— французский вариант этого фламандского имени. Последнее довольно прочно вошло в литературу, вероятно потому, что Рубрук прожил многие годы во Франции и находился на службе у французского короля. Точные годы его жизни не установлены, он родился между 1215 и 1220 гг., умер около 1270 г. Свое знаменитое путешествие он совершил в расцвете сил, в возрасте до 40 лет. Это был человек стойкий и выносливый, легко перенесший невзгоды длинного и утомительного путешествия и даже удивлявший монголов своим пренебрежением к самым необходимым удобствам. Так, строго соблюдая правила монашеского ордена миноритов, он ходил всегда босиком, что было, несомненно, трудно в зимние холода в Монголии. Некоторую часть пути он прошел пешком. По его собственным словам, Рубрук «был очень дорожен», так что для него всегда подыскивали наиболее сильного коня. Его спутник брат Бартоломео не мог перенести невзгод обратного путешествия и навсегда остался в Каракоруме. Рубрук же мужественно совершил обратный путь, при этом отчасти другим маршрутом.

Хотя сведения о жизни Рубрука и очень скудны, но все же известно, что он встречался со знаменитыми людьми своего времени. О встречах с Рубруком пишет английский ученый Роджер Бэкон, познакомившийся с ним в Париже. Бэкон, по его собственному признанию, «прилежно просмотрел книгу» Рубрука. Он использовал данные его путешествия для географического обозрения и описания современного ему положения Центральной Азии. Сравнение текста сочинения Бэкона с текстом Рубрука, а также терминология, употребляемая английским ученым, позволяют считать, что основным материалом для указанной части «*Opus Majus*» был отчет нашего путешественника². Рубрук был близок к королю Людовику IX и его матери Бланке Кастильской, которая была одной из образованнейших женщин своего времени. Об этой близости к королевской семье свидетельствует хотя бы то, что Рубрук несколько раз вспоминает о подаренном ему королевой Маргаритой псалтыре с прекрасными миниатюрами. Рубрук сопровождал Людовика IX во время шестого крестового похода и можно предпо-

¹ В разных рукописях фамилия Рубрука пишется различно — de Rubruk de Rubruck, de Rubruc, Risbrouc и т. п.

² Roger Bacon. «*Opus Majus*». Edited by J. H. Bridges. Oxford, 1900, vol. 1, стр. 305, 364—374 (Pars quarta Geographia).

ложить, что при нем ко двору Людовика прибыли монгольские послы военачальника Илчигидая, и при нем был отправлен в 1249 г. в Монголию Андрэ Лонжюмо, о путешествии которого он сам неоднократно упоминает. Упоминает Рубрук и о Филиппе де Тузи, с которым виделся, повидимому, в Цезарее. Это был своеобразный человек, аристократ и крестоносец, ради политических целей женившийся на команской (т. е. половецкой) княжне и хорошо знавший жизнь команов. Он в числе нескольких рыцарей был отправлен к хану команов императором Болдуином II. От него Рубрук мог получить достоверные сведения о дорогах через степи Дешт-и-Кыпчака.

Прежде чем отправиться в свое путешествие, Рубрук, повидимому, провел несколько лет на Ближнем Востоке. Он получил назначение послом в Монголию в то время, когда находился в Акконе (город в Палестине), и именно оттуда и начал свое знаменитое путешествие. Из Акконы он прибыл в Константинополь, где пробыл довольно долго, готовясь к длительному путешествию, и в мае 1253 г. на корабле отправился в Крым, откуда продолжал свой путь на Восток. Его спутниками были монах минорит Бартоломео из Кремоны, молодой клирик Гильом Госсель, малообразованный и несообразительный толмач (на то, что он недостаточно владеет языками, Рубрук жалуется в своем сочинении), и молодой отрок Николай, купленный им в Константинополе; таким образом, вся миссия состояла из пяти человек. Высадившись в Солдае, крупном торговом городе Южного Крыма, Рубрук со спутниками двинулся на север уже по суше. Пройдя через Перекоп, южнорусские степи, он двинулся на Восток в лагерь Сартака, а затем и на Волгу в лагерь хана Бату, откуда был отправлен в Каракорум к Мункэ-хану.

Бату не считал себя вправе позволить Рубруку проповедовать христианство среди монголов, как того добивался Людовик IX, и отправил его для разрешения этого вопроса к самому Мункэ-хану. В конце 1253 г. Рубрук был уже в Монголии. Прежде чем дойти до Каракорума, Рубрук почти три месяца кочевал вместе с ханской ставкой и только в апреле попал в блестящую столицу Монголии.

Рубрук был единственным европейцем, описавшем подробно Каракорум, хотя там побывало немало жителей различных государств Европы. Но ни один из них не оставил письменного свидетельства о монгольской столице. Марко Поло же, давший сведения о Каракоруме, скорее всего писал о нем с чужих слов — ему не удалось посетить монгольскую столицу. Рубрук же побывал в Каракоруме в лучшие годы его существования. Описание им составленное служит весьма ценным источником по истории города, куда некогда стекались товары со всего мира, съезжались послы и купцы из многих стран и который

через столетие с небольшим был разрушен и забыт. И только через несколько веков развалины Каракорума были обнаружены русским исследователем Азии Н. М. Ядринцевым. Археологические раскопки, производившиеся в 1947—1949 гг. под руководством члена-корреспондента АН СССР С. В. Киселева, приоткрыли нам жизнь этого города, так внимательно описанную Рубруком.

Во время пребывания Рубрука при дворе Мункэ-хана состоялся любопытнейший диспут между представителями и проповедниками различных религий. Только из описания Рубрука мы узнаем о подобном предприятии монгольского хана, пожелавшего выслушать миссионеров разных вероисповеданий. Анализируя материал описаний и сопоставляя его со сведениями китайских источников, можно прийти к выводу, что христианская проповедь потерпела у монголов неудачу, а буддизм, по видимому, восторжествовал.

В Каракоруме Рубрук провел около двух месяцев и в июне 1254 г. отправился в Европу, описав обратный путь значительно более кратко, чем передний. Через год после возвращения в Акру он закончил описание своего путешествия. О дальнейшей его жизни известно очень немного. Он долго жил в Сирии, но затем, получив разрешение Провинсиала — главы францисканцев в Сирии, отправился в Париж.

Сочинение Гильома Рубрука издавалось много раз. Современных ему рукописных списков до нас дошло немного. Один из них лег в основу наиболее ранней публикации описания путешествий Рубрука, осуществленной только в 1600 г. Хэклейтом. Через четверть века появилась другая публикация, основанная на более полной рукописи, обнаруженной в Кэмбридже, — путешествие Рубрука вошло в знаменитое собрание путешествий Перкиса, называвшегося «His Pilgrims». Французский перевод путешествия был опубликован Бержероном в XVII в. С тех пор труд Рубрука издавался неоднократно на многих европейских языках. Одним из лучших изданий является книга В. Рокхилла под названием «The Journey of William of Rubruck to the Eastern parts of the World»¹. Рокхилл снабдил перевод сочинения Рубрука многочисленными и подробными примечаниями, представляющими большое достоинство его книги. Заслуживает внимания и упомянутая уже книга Бизли², изучившего все важнейшие рукописи Рубрука и ранние печатные издания и снабдившего их ценными и интересными примечаниями. Из последних изданий Рубрука можно

¹ London, Printed for the Hakluyt society, 1900.

² C. R. Beazley. The texts and versions of John de Plano Carpini and William de Rubruquis, as printed for the first time by Hakluyt in 1598 together with some shorter pieces, London, 1903.

упомянуть книгу Хербста¹, в которой дан доброкачественный перевод латинского текста Рубрука на немецкий язык. Комментарий же Хербста основан главным образом на работах Рокхилла и Фр. Шмидта, установившего маршрут Рубрука². По сравнению с этими работами Хербст дает не очень много нового.

Как уже было сказано, перевод Рубрука на английский язык появился также в книге «The Mongol Mission».

Из зарубежных работ научно-популярного характера, основанных на материалах путешествия Рубрука, можно назвать довольно интересную книгу Леонардо Олшки³, посвященную французскому мастеру Гильому Бушэ, взятому в плен монголами в Венгрии и уведенному в глубь Монголии. Рубрук встретился с Гильомом Бушэ в Каракоруме и рассказал о нем и его замечательных работах в своей книге. Леонардо Олшки тщательно собрал все высказывания Рубрука о Каракоруме и попытался нарисовать картину жизни этого большого монгольского города. Изучив средневековые технические достижения, Олшки показал, что мастерство Гильома Бушэ, соорудившего серебряный фонтан во дворе Мунхэ-хана, находилось на высоком уровне современной ему техники. Интересные иллюстрации, взятые из средневековых книг, удачно дополняют текст. Появление этой книги, посвященной французскому мастеру, невольно наводит на мысль, что и русский художник — мастер Козма, о котором так тепло и хорошо рассказал Плано Карпини, заслуживает также самостоятельного изучения и отдельной работы о нем.

На русский язык перевод путешествия Рубрука был сделан А. И. Малеиным и опубликован им вместе с переводом «Истории монгалов» Плано Карпини в 1911 г. Прекрасный и точный перевод с латинского был выполнен А. И. Малеиным с учетом всех изданий текста Рубрука. В примечаниях переводчик использовал комментарии Рокхилла, Бизли и других исследователей сочинения Рубрука. А. И. Малеин пользовался также рукописным переводом, сделанным Д. И. Языковым для предпринятого им «Собрания путешествий в восточные страны», но так и не опубликованного.

Считаем небезинтересным дать краткие сведения о переводчике и комментаторе публикуемых классических описаний средневековых путешествий на Восток.

¹ H. Herbst. Der Bericht des Franziskaners Wilhelm de Rubruck über seine Reise in das innere Asiens in den Jahren 1253—1255, Leipzig, 1925.

² Fr. M. Schmidt. Über Rubruk's Reise von 1253—1255. В «Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin», 1885, т. XX, стр. 217—255.

³ Leonadro Olshki. Guillome Boucher. A French Artist at the court of the Khans, Baltimore, 1946.

Александр Иустинович Малейн (1869—1938) был крупным ученым специалистом-латинистом и отличным знатоком средневековой латинизированной литературы. Окончив Петербургский историко-филологический институт, А. И. Малейн затем в течение почти 30 лет преподавал в этом институте. Его магистерская диссертация была посвящена римскому поэту Марциалу, а докторская — исследованию текста загадок, содержащихся в сочинении средневекового автора английского епископа Альдгельма. Одновременно с работой в Историко-филологическом институте А. И. Малейн читал лекции в С.-Петербургском университете и вел оживленную деятельность в Библиологическом обществе при Академии наук. После Октябрьской революции А. И. Малейн был профессором Ленинградского университета и старшим научным сотрудником Института книги, документа и письма Академии наук СССР.

А. И. Малейным был сделан весьма значительный вклад в дело изучения истории народов СССР тем, что он предпринял и осуществил издание переводов и комментариев к ним сочинений иностранных путешественников по России. Им были изданы прекрасные переводы дневника Иоанна-Готлиба Корба «Путешествие в Московию» (СПб., 1906), «Записки о московитских делах» Сигизмунда Герберштейна, «Книги о московитском посольстве» Павла-Новия Новокомского (СПб., 1908) и ныне переиздаваемой «Истории монгалов» Платона Карпини, «Путешествия в восточные страны» Гильома Рубрука (СПб., 1911). Из них перевод Рубрука на русский язык был осуществлен впервые, остальные же сделаны заново, причем основаны на тщательном изучении текстов рукописей указанных сочинений. Издание этих книг являлось в свое время незаменимой услугой, оказанной А. И. Малейным всем занимавшимся изучением истории России. Прекрасное знание тонкостей средневековой латыни позволило А. И. Малейну добиться большой точности переводов, а его научная добросовестность позволяет всегда смело полагаться на те сведения, которые он сообщает¹.

Научное наследие А. И. Малейна состоит почти из 300 печатных работ².

В настоящем издании полностью воспроизводится перевод

¹ См. некролог «А. И. Малейн», «Вестник Древней Истории», 1938, № 4, стр. 270.

² Неполные библиографические списки работ А. И. Малейна публиковались не раз. Лучшим из них следует считать список, помещенный в «Sertum Bibliologicum» (Петербург, ГИЗ, 1922). Издание этой книги под пышным латинским названием «Книговедческая гирлянда» было предпринято в связи с 30-летием ученой деятельности А. И. Малейна и представляет собой подарок юбиляру, преподнесенный ему его учениками и сотрудниками по Библиологическому обществу.

А. И. Малеина как «Истории монгалов» Плано Карпини, так и «Путешествия в Восточные страны» Гильома Рубрука, опубликованных в С.-Петербурге в издании А. С. Суворина в 1911 г. При этом сохраняются обусловленные латинским текстом особенности написания личных и собственных имен. Так, например, личные имена авторов путешествий в переводе даны в их латинской форме. Со времени публикации А. И. Малеина прошло уже 45 лет. Монголоведение за эти годы сделало большие успехи, и комментарии А. И. Малеина во многом потребовали пересмотра и дополнения. Мы старались пополнить их новейшими сведениями, учитывая работы крупнейших востоковедов, уделявших внимание путешествиям Рубрука и Плано Карпини. Особенно много полезных замечаний по материалам первых европейских путешественников содержится в работах П. Пелльо, В. В. Бартольда, Б. Я. Владимирцова. Сведения Плано Карпини и Рубрука используются в трудах многих советских историков, занимающихся изучением Древней Руси, Хорезма, Дешт-и-Кипчака и других мест, через которые проходили маршруты этих средневековых путешественников. Мы старались пополнить примечания материалами новейших исследований советских ученых — А. Ю. Якубовского, С. П. Толстова, М. Н. Артамонова, А. Н. Насонова, С. В. Киселева и других. Очень полезным оказалось новое издание «Сборника летописей» Рашид-ад-дина, I и III тома которого вышли в 1946—1951 гг. в издательстве Академии наук СССР.

Иллюстрации, подобранные к настоящему изданию, воспроизводят старинные (XIII—XVII вв.) восточные рисунки и миниатюры, посвященные монголам. Часть иллюстраций более позднего происхождения — это рисунки французского художника XVIII века, иллюстрировавшего третье переиздание знаменитой книги Пьера Бержерона «*Voyages faits principalement en Asie dans les XII, XIII, XIV et XV siècles*». Они довольно далеки от действительности, но интересны как попытки изобразить монголов и Монголию согласно представлениям о них французов XVIII в. Следует отметить, что по характеру рисунка и исполнению эти иллюстрации в какой-то мере напоминают известные востоковедам картины художников-иезуитов, гравированные в Париже в XVIII в.

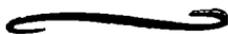
Карта, приложенная к настоящему изданию, воспроизведена в основном по карте, составленной В. А. Казиным и опубликованной в книге Б. Д. Грекова и А. Ю. Якубовского «Золотая Орда и ее падение», М., 1950. Маршрут Плано Карпини и Гильома Рубрука нанесены по материалам В. Рокхилла с некоторыми изменениями в соответствии с новейшими данными.

Н. Шастина

Джованни
дель Пано Карпини

ИСТОРИЯ
МОНГАЛОВ

ИОАННА ДЕ ПЛАНО КАРПИНИ, АРХИЕПИСКОПА АНТИВАРИЙСКОГО, ИСТОРИЯ МОНГАЛОВ, ИМЕНУЕМЫХ НАМИ ТАТАРАМИ

ачинается история Монгалов¹, именуемых нами Татарами².

Всем верным Христовому учению, до коих может дойти настоящее писание, Иоанн де Плано Карпини, брат ордена миноритов³, легат⁴ апостольского Престола, посланец к Татарам и иным народам востока, [желает] милости Божией в настоящем, славы в будущем и торжествующей победы над врагами Бога и Господа нашего Иисуса Христа.

Кончается приветствие, начинается введение.

I. Когда направлялись мы, по поручению апостольского Престола, к Татарам и к иным народам востока и знали волю Ина то! Господина Папы и досточтимых кардиналов, мы прежде избрали путешествие к Татарам. Именно мы опасались, что от них вскоре будет грозить опасность Церкви Божией. И хотя мы опасались, что Татары или другие народы могут нас убить или подвергнуть вечному пленению, или голоду, жажде, холоду, зною, чрезмерным поношениям и трудам и, так сказать, мучить сверх сил (все это, за исключением смерти или вечного пленения, и случилось с нами многократно в гораздо большей степени, чем мы могли представить себе раньше), однако мы не щадили себя самих, чтобы иметь возможность исполнить волю Божию согласно поручению Господина Папы и чтобы принести чем-нибудь пользу христианам, или, по крайней мере, узнав их

истинное желание и намерение, иметь возможность открыть это христианам, дабы Татары своим случайным и внезапным вторжением не застигли их врасплох, как это и случилось однажды по грехам людским, и не произвели большого кровопролития среди христианского народа.

II. Поэтому всему тому, что мы пишем вам для вашей пользы и предосторожности, вы должны верить тем безопаснее, что мы или сами видели все своими глазами, странствуя одинаково у них и вместе с ними с лишком год и четыре месяца, или пробыв в их среде, или услышав от христиан, находящихся в плену среди них и, как мы уверены, достойных доверия. Ведь мы имели поручение от верховного первосвященника, чтобы обследовать все в совокупности и тщательно осмотреть каждую подробность. Это и выполнено со тщанием как нами, так и принадлежащим к тому же ордену братом Бенедиктом, который был участником наших бедствий и толмачом.

III. Но если мы, к сведению читателей, пишем нечто такое, что неизвестно в ваших странах, то вы не должны ради этого именовать лживыми нас, излагающих вам то, что мы сами видели или слышали за верное от других, кого признаем достойными доверия. Наоборот, это очень жестоко, если человека за добро, которое он делает, другие подвергают позору.

Распределение книги по главам

Итак, желая написать про деяния Татар, мы опишем их, чтобы читатели могли легче разобраться, по главам следующим образом: в первой расскажем об их земле, во второй — о людях, в третьей — об обычаях, в четвертой — о нравах, в пятой — о державе их, в шестой — о войнах, в седьмой — о странах, подчиненных ими своей власти, в восьмой — о том, как надлежит с ними встретиться на войне, в последней — о пути, который мы совершили, о дворе императора и свидетелях, которые нашли нас в стране Татар.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

О положении земли Татар, ее качестве и распределении в ней воздуха

О земле мы предположили рассуждать следующим образом: во-первых, мы скажем об ее положении, во-вторых, о качестве, в-третьих, о распределении в ней воздуха.

§ I. О положении земли

Итак, вышеназванная земля расположена в той части востока, в которой, как мы полагаем, восток соединяется с севером. К востоку же от них расположена земля Китайцев, а также Солангов⁵, к югу земля Саррацинов⁶, к юго-западу расположена земля Гуиров⁷, с запада область Найманов⁸; с севера земля Татар окружена морем океаном. В одной своей части она чрезмерно гориста, в другой представляет равнину, но почти вся она смешана с хрящом⁹, редко глиниста, по большей части песчана.

§ II. О качестве земли

В одной части земли находится несколько небольших лесов, другая же часть совершенно безлесная, пищу же себе варят и сидят [для тепла] как император, так вельможи и все другие люди при огне, разведенном из бычачьего и конского навоза. Далее даже и сотая часть вышеназванной земли не плодородна, и она не может даже приносить плода, если не орошается речными водами. Но вод и ручьев там немного, а реки редки, откуда там нет селений, а также и каких-нибудь городов, за исключением одного, который слывет довольно хорошим и называется Каракарон¹⁰, но мы его не видели, а были почти за полдня пути до него, когда находились в Сыр-орде¹¹, каковая является главным двором их императора. И хотя в других отношениях земля не плодородна, она все же достаточно, хотя и не особенно, пригодна для разведения скота.

§ III. О распределении воздуха¹²

Воздух в этой земле распределен удивительно. Именно среди лета, когда в других странах обычно бывает в изобилии наивысшая теплота, там бывают сильные громы и молнии, которые убивают очень многих людей. В то же время там падают также в изобилии снега. Бывают там также столь сильные бури с весьма холодными ветрами, что иногда люди едва с затруднением могут ездить верхом. Отсюда, когда мы были в Орде (так называются у них становища императора и вельмож), то от силы ветра лежали распростертые на земле и вследствие обилия пыли отнюдь не могли смотреть. В этой земле также зимою никогда не бывает дождя, а летом идет он часто и так мало, что едва может иногда смочить пыль и корни трав. Падает там также часто очень крупный град. Отсюда в то время, когда был избран император и должен был воссесть на царском престоле, в бытность нашу при дворе, выпал столь сильный град, что, когда он внезапно растаял, как

мы узнали вполне достоверно, более 160 человек утонуло там же при дворе, а имущества и жилищ было снесено еще больше. Там бывает также летом внезапно сильный зной и неожиданно страшнейший холод. Зимой же в одной части выпадают сильнейшие снега, а в другой — неглубокие.

И чтобы сделать краткое заключение об этой земле, она велика, но в других отношениях, как мы видели собственными глазами (так как странствовали по ней, ездя кругом, пять месяцев с половиной), гораздо хуже, чем мы могли бы высказать.

ГЛАВА ВТОРАЯ

О внешнем виде лиц, о супружестве, одеянии, жилищах и имуществе их

Сказать о земле, надлежит сказать о людях: во-первых, мы опишем внешний вид их лиц, во-вторых, изложим об их супружестве, в-третьих, об одеянии, в-четвертых, о жилищах и, в-пятых, об их имуществе.

§ I. О внешнем виде лиц

Внешний вид лиц отличается от всех других людей. Именно между глазами и между щеками они шире, чем у других людей, щеки же очень выдаются от скул; нос у них плоский и небольшой; глаза маленькие, и ресницы приподняты до бровей. В поясе они в общем тонки, за исключением некоторых, и притом немногих, росту почти все невысокого. Борода у всех почти вырастает очень маленькая, все же у некоторых на верхней губе и на бороде есть небольшие волосы, которых они отнюдь не стригут. На маковке головы они имеют гуменце наподобие клириков, и все вообще бреют [голову] на три пальца ширины от одного уха до другого; эти выбритые места соединяются с вышеупомянутым гуменцем; надо лбом равным образом также все бреют на два пальца ширины; те же волосы, которые находятся между гуменцем и вышеупомянутым бритым местом, они оставляют расти вплоть до бровей, а с той и другой стороны лба оставляют длинные волосы, обстригая их более чем наполовину; остальным же волосам дают расти, как женщины. Из этих волос они составляют две косы и завязывают каждую за ухом¹². Ноги у них также небольшие.

§ II. Об их супружестве

Жен же каждый имеет столько, сколько может содержать: иной сто, иной пятьдесят, иной десять, иной больше, иной меньше, и они могут сочетаться браком со всеми вообще род-

ственницами, за исключением матери, дочери и сестры от той же матери. На сестрах же только по отцу, а также на женах отца после его смерти они могут жениться. А на жене брата другой брат, младший, после смерти первого или иной младший из родства обязан даже жениться. Всех остальных женщин они берут в жены без всякого различия и покупают их у их родителей очень дорого. По смерти мужей жены нелегко вступают во второй брак, разве только кто пожелает взять в жены свою мачеху.

§ III. Об их одеянии

Одеяние же как у мужчин, так и у женщин сшито одинаковым образом. Они не имеют ни плащей, ни шапок, ни шляп, ни шуб. Кафтаны же носят из букарана¹⁴, пурпура¹⁵ или балдакина¹⁶, сшитые следующим образом. Сверху донизу они разрезаны и на груди запахиваются; с левого же боку они застегиваются одной, а на правом — тремя пряжками, и на левом также боку разрезаны до рукава. Полушубки, какого бы рода они ни были, шьются таким же образом, но верхний полушубок имеет волосы снаружи, а сзади он открыт, но у него есть один хвостик, висящий назад до колен. Замужние же женщины носят один кафтан очень широкий и разрезанный спереди до земли. На голове же они носят нечто круглое¹⁷, сделанное из прутьев или из коры, длиною в один локоть и заканчивающееся наверху четырехугольником, и снизу доверху этот [убор] все увеличивается в ширину, а наверху имеет один длинный и тонкий прут из золота, серебра или дерева или даже перо; и этот [убор] нашит на шапочку, которая простирается до плеч. И как шапочка, так и вышеупомянутый убор покрыты букараном или пурпуром, или балдакином. Без этого убора они никогда не появляются на глаза людям, и по нему узнают их другие женщины. Девушек же и молодых женщин с большим трудом можно отличить от мужчин, так как они одеваются во всем так, как мужчины. Шапочки у них иные, чем у других народов; описать, понятно, их вид мы бессильны.

§ IV. Об их жилищах

Ставки у них круглые¹⁸, изготовленные наподобие палатки и сделанные из прутьев и тонких палок. Наверху же в середине ставки имеется круглое окно, откуда попадает свет, а также для выхода дыма, потому что в середине у них всегда разведен огонь. Стены же и крыши покрыты войлоком, двери сделаны также из войлока. Некоторые ставки велики, а некоторые небольшие, сообразно достоинству и скудости людей.

Некоторые быстро разбираются и чинятся и переносятся на вьючных животных, другие не могут разбираться, но перевозятся на повозках. Для меньших при перевезении на повозке достаточно одного быка, для больших — три, четыре или даже больше, сообразно с величиной повозки, и, куда бы они ни шли, на войну ли или в другое место, они всегда перевозят их с собой.

§ V. Об их имуществе

Они очень богаты скотом: верблюдами, быками, овцами, козами и лошадьми. Вьючного скота у них такое огромное количество, какого, по нашему мнению, нет и в целом мире; свиней и иных животных нет вовсе.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

о богопочитании, о том, что они признают грехами, о гаданиях и очищениях и погребальном обряде

Сказав о людях, следует изложить об обрядности; о ней мы будем рассуждать следующим образом: сперва скажем о богопочитании, во-вторых, о том, что они признают грехами, в-третьих, о гаданиях и очищениях грехов, в-четвертых, о погребальном обряде.

§ I. О богопочитании Татар

I. Они веруют в единого Бога¹⁹, которого признают творцом всего видимого и невидимого, а также и признают его творцом как блаженства в этом мире, так и мучений, однако они не чтут его молитвами или похвалами, или каким-либо обрядом. Тем не менее у них есть какие-то идолы из войлока²⁰, сделанные по образу человеческого, и они ставят их с обеих сторон двери ставки и вкладывают в них нечто из войлока, сделанное наподобие сосцов, и признают их за охранителей стад, дарующих им обилие молока и приплода скота. Других же идолов они делают из шелковых тканей и очень чтут их. Некоторые ставят их на прекрасной закрытой повозке пред входом в ставку, и всякого, кто украдет что-нибудь с этой повозки, они убивают без всякого сожаления. А когда они хотят делать этих идолов, то собираются вместе все пожилые хозяйки, которые находятся в тех ставках, и с благоговением делают их, а когда сделают, то убивают овцу, едят ее и сжигают огнем ее кости. И когда также болен какой-нибудь отрок, то они делают идола вышесказанным способом и привязывают его над ло-

жем. Вожди, тысячники и сотники всегда имеют козла в середине ставки. Вышеупомянутым идолам они приносят прежде всего молоко всякого скота, и обыкновенного, и вьючного. И всякий раз, как они приступают к еде или питью, они прежде всего приносят им часть от кушаний и питья. И всякий раз, как они убивают какого-нибудь зверя, они приносят на каком-нибудь блюде сердце идолу, который находится на повозке, и оставляют до утра, а также уносят сердце с его вида варят и едят.

II. Прежде всего также они делают идол для императора и с почетом ставят его на повозке перед ставкой, как мы видели при дворе настоящего императора, и приносят ему много даров. Посвящают ему также лошадей²¹, на которых никто не дерзает садиться до самой их смерти. Посвящают ему также и иных животных, и если убивают их для еды, то не сокрушают у них ни единой кости, а сжигают огнем. В полдень также они поклоняются ему как Богу и заставляют поклоняться некоторых знатных лиц, которые им подчинены. Отсюда недавно случилось, что Михаила²², который был одним из великих князей Русских, когда он отправился на поклон к Бату²³, они заставили раньше пройти между двух огней; после они сказали ему, чтобы он поклонился на полдень Чингис-хану. Тот ответил, что охотно поклонится Бату и даже его рабам, но не поклонится изображению мертвого человека, так как христианам этого делать не подобает. И, после неоднократного указания ему поклониться и его нежелания, вышеупомянутый князь передал ему через сына Ярослава, что он будет убит, если не поклонится. Тот ответил, что лучше желает умереть, чем сделать то, чего не подобает. И Бату послал одного телохранителя, который бил его пяткой в живот против сердца так долго, пока тот не скончался. Тогда один из его воинов, который стоял тут же, ободрял его, говоря: «Будь тверд, так как эта мука недолго для тебя продолжится, и тотчас воспоследует вечное веселие». После этого ему отрезали голову ножом, и у вышеупомянутого воина голова была также отнята ножом.

III. Сверх того, они набожно поклоняются солнцу, луне и огню, а также воде и земле, посвящая им начатки пищи и питья и преимущественно утром, раньше чем станут есть или пить. И так как они не соблюдают никакого закона о богопочитании, то никого еще, насколько мы знаем, не заставили отказаться от своей веры или закона, за исключением Михаила, о котором сказано выше. Что они станут делать дальше, не знаем; некоторые, однако, предполагают, что если Татары получат единовластие,— да отвратит это Бог,— то они заставят всех поклоняться этому идолу. Случилось также в недавнюю бытность нашу в их земле, что Андрей, князь Чернигова²⁴ (Chernigove), который находится в России, был обвинен

пред Бату в том, что уводил лошадей Татар из земли и продавал их в другое место; и хотя этого не было доказано, он все-таки был убит. Услышав это, младший брат его прибыл с женою убитого к вышеупомянутому князю Бату с намерением упросить его не отнимать у них земли. Бату сказал отроку, чтобы он взял себе в жены жену вышеупомянутого родного брата своего, а женщине приказал поять его в мужья согласно обычаю Татар. Тот сказал в ответ, что лучше желает быть убитым, чем поступить вопреки закону. А Бату тем не менее передал ее ему, хотя оба отказывались, насколько могли, их обоих повели на ложе, и плачущего и кричащего отрока положили на нее и принудили их одинаково совокупиться сочетанием не условным, а полным.

§ II. О том, что они признают грехами

Хотя у них нет никакого закона о справедливых деяниях или предостережении от греха, тем не менее все же они имеют некоторые предания о том, что называют грехами, измышленные или ими самими, или их предшественниками. Одно состоит в том, чтобы вонзать нож в огонь, или также каким бы то ни было образом касаться огня ножом²⁵, или извлекать ножом мясо из котла, также рубить топором возле огня, ибо они веруют, что таким образом должна быть отнята голова у огня; точно так же опираться на плеть, которой погоняют коня (они ведь не носят шпор); точно так же касаться стрел бичом; точно так же ловить или убивать молодых птиц, ударять лошадь уздою; точно так же ломать кость о другую кость; точно так же проливать на землю молоко или другой какой напиток, или пищу, мочиться в ставку, но если кто это сделает добровольно, его убивают, если же иначе, то им должно заплатить много денег колдуну, чтобы он очистил их и заставил также и ставку и то, что в ней находится, пройти между двух огней²⁶, а раньше, чем она будет так очищена, никто не дерзает войти в нее и унести из нее что-нибудь. Точно так же если кому положат в рот кусочек, и он не может проглотить его и выбросить его изо рта, то под ставкой делают отверстие, вытаскивают его через это отверстие и без всякого сожаления убивают¹; точно так же, если кто наступает на порог ставки какого-нибудь вождя, то его умерщвляют точно таким же образом. И у них есть мно-

¹ Вариант, опубликованный М. П. Алексеевым (см. Предисловие, стр. 10).
(Гл. 7. Об их суевериях и обычаях)

.....
поэтому, протаскив его через юрту, убивают без всякого милосердия. Также убивают тех, кто наступит на порог юрты какого-либо начальника. Много у них есть подобного, что они считают грехом. Но убивать людей, нападать на чужие земли, грабить чужое добро и поступать против велений и заповедей

го подобного этому, о чем было бы слишком долго рассказывать. А убивать людей, нападать на земли других, захватывать имущество других всяким несправедливым способом, предаваться блуду, обижать других людей, поступать вопреки предписаниям и заповедям Божиим отнюдь не считается у них греховным. Они ничего не знают о вечной жизни и вечном осуждении; веруют, однако, что после смерти станут жить в ином мире, будут умножать свои стада, есть, пить и делать другое, что делают люди, живущие в этом мире.

§ III. О гаданиях и очищениях грехов

I. Они усиленно предаются гаданиям вообще, а также по полету птиц и внутренностям животных, чародействам и волшебствам. И, когда им отвечают демоны, они веруют, что это говорит им сам Бог. Этого Бога они называют Итога²⁷, а Команы²⁸ именуют его Кам²⁹; они удивительно боятся и чтут его и приносят ему много даров и начатки пищи и питья, и делают все согласно его ответам. Все то, что они желают делать нового, они начинают в начале луны или в полнолуние, откуда именуют ее великим императором, преклоняют перед ней колена и молятся. Солнце они называют также матерью луны, потому что она получает свет от солнца.

II. И, говоря кратко, они веруют, что огнем все очищается; отсюда когда к ним приходят послы или вельможи или какие бы то ни было лица, то и им самим, и приносимым ими дарам надлежит пройти между двух огней, чтобы подвергнуться очищению, дабы они не устроили какого-нибудь отравления и не принесли яду или какого-нибудь зла. Точно так же если огонь

божних они, однако, не считают за грех. О вечной жизни и бесконечных муках они ничего не знают. Верят, однако, что после смерти будут жить на том свете, размножать стада, есть и пить и делать все то, что на этом свете делают живые люди.

Предпринимая что-либо заново, они начинают это в новолуние или полнолуние, луну называют великим императором и молятся ей, преклоняя колени. (Родственники) всех, кто умирает в их юртах, должны очищаться огнем, очищение же это, как увидите, происходит следующим образом.

Раскладывают два огня и подле них ставят два копыа с протянутой сверху их веревкой; к веревке привязывают какие-то обрезки букарама; под эту веревку и привески проводят, между названными огнями, людей, скот и юрты. Стоят там такие две женщины, одна с одной стороны, друга — с другой, которые прыскают водой и бормочут какие-то пророчиания. Также если кого-либо убьет молния, то они считают, что все живущие в его юртах, должны пройти через огонь указанным образом. Юрта же его, постель и повозка, войлок и платья, все принадлежащие ему вещи, остаются неприкосновенными и для всех считаются нечистыми. Одним словом, они верят, что огнем очищаются во всех отношениях.

Когда к ним приходят откуда-либо посланцы или князья, или какие бы то ни были лица...

упадет с неба на стада или на людей, что там часто случается, или если с ними случится что-нибудь подобное, почему они могли бы считать себя нечистыми или несчастливыми, то им равным образом надлежит подвергнуться очищению при посредстве колдунов; и, так сказать, всю свою надежду они возложили на подобных лиц.

III. Когда кто-нибудь из них смертельно заболает, то на ставку его выставляют копые³⁰ и его обвивают вокруг черным войлоком; и с того времени никто чужой не смеет вступить в пределы его ставок; и когда у больного начнется агония, то почти все удаляются от него, потому что никто из присутствующих при его смерти не может входить в орду какого-нибудь князя или императора до новой луны. Когда же он умрет, то, если он из знатных лиц, его хоронят тайно в поле, где им будет угодно, хоронят же его с его ставкой, именно сидящего по середине ее, и перед ним ставят стол и корыто, полное мяса, и чаще с кобыльим молоком, и вместе с ним хоронят кобылу с жеребенком и коня с уздечкой и седлом³¹, а другого коня съедают и набивают кожу соломой и ставят ее повыше на двух или четырех деревяшках, чтобы у него была в другом мире ставка, где жить, кобыла, чтобы получать от нее молоко и даже иметь возможность умножать себе коней, и кони, на коих он мог бы ездить, а кости того коня, которого они съедают за упокой его души, они сожигают. И часто также женщины собираются для сожжения костей за упокой душ людей, как это мы видели собственными глазами и узнали там же от других. Мы видели также, что Оккодай-хан³², отец нынешнего императора, посадил куст за упокой своей души³³, вследствие этого он предписал, чтобы никто там ничего не срезал, если же кто срезал какой-нибудь прут, то, как мы сами видели, подвергался бичеванию, снятию одежды и злым побоям. И, хотя мы сильно нуждались подогнуть коня, мы не смели срезать ни одного прута. Золото и серебро они хоронят таким же образом вместе с ним. Повозку, на которой везут его, ломают, а ставку его разрушают, и никто вплоть до третьего поколения не дерзает называть умершего его собственным именем.

§ IV. О погребальном обряде

I. Иной также способ существует для погребения некоторых знатных лиц. Они идут тайком в поле, удаляют там траву с корнем и делают большую яму и с боку этой ямы делают яму под землю и кладут под покойника того раба, который считается его любимцем. Раб лежит под ним так долго, что начинает как бы впадать в агонию, а затем его вытаскивают, чтобы он мог вздохнуть, и так поступают трижды; и если он уцелеет,

Чингис-хан
(Китайский рисунок XIII в.)

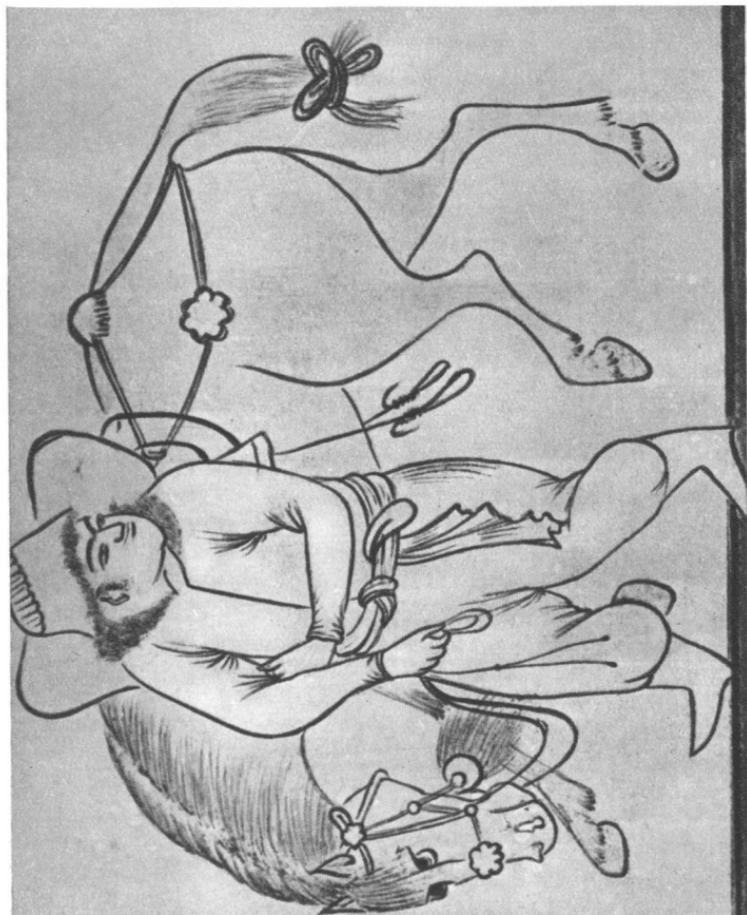
Угэдэй-хан — второй Великий хан
(Китайский рисунок XIII в.)

**Хубилай — основатель
монгольской династии Юань**
(Китайский рисунок XIII в.)

Тэмур — император из династии Юань
(Прическа монголов XIII—XIV вв.)
Китайский рисунок XIV в.)

Монгол с лошадыю
(Персидский рисунок с китайского оригинала XIII в.)

то впоследствии становится свободным, делает все, что ему будет угодно, и считается великим в ставке и в среде родственников усопшего. Мертвого же кладут в яму, которая сделана сбоку, вместе с теми вещами, о которых сказано выше, затем зарывают яму, которая находится перед его ямой, и сверху кладут траву, как было раньше, с той целью, чтобы впредь нельзя было найти это место. В остальном они поступают так, как о том сказано выше, но наружную его палатку оставляют на поле. В их земле существуют два кладбища. Одно, на котором хоронят императоров, князей и всех вельмож, и, где бы они ни умерли, их переносят туда, если это можно удобно сделать, а вместе с ними хоронят много золота и серебра. Другое — то, на котором похоронены те, кто был убит в Венгрии, ибо там были умерщвлены многие. К этим кладбищам не дерзает подойти никто, кроме сторожей, которые приставлены там для охраны, а если кто подойдет, то его хватают, облажают, бичуют и подвергают очень злым побоям. Поэтому мы сами по неведению вошли в пределы кладбища тех, кто был убит в Венгрии, и сторожа пошли на нас, желая перестрелять, но так как мы были послами и не знали обычая страны, то они дали нам уйти беспрепятственно.

II. Родственников же [усопшего] и всех тех, кто пребывает в его ставках, надлежит очистить огнем; это очищение делается следующим образом. Устраивают два огня и рядом с огнями ставят два копия с веревкой на верхушке копий, и над этой веревкой привязывают какие-то обрезки из букарана; под этой веревкой и привязками между упомянутых двух огней проходят люди, животные и ставки. И присутствуют две женщины, одна отсюда, другая оттуда, прыскающие воду и произносящие какие-то заклинания, и если там сломаются какие-нибудь повозки или даже там упадут какие-нибудь вещи, это получают колдуны. И если кого-нибудь убьет громом, то всем людям, которые пребывают в тех ставках, надлежит пройти вышесказанным способом чрез огонь. Ставка, постель, повозки, войлоки и все, что у них будет тому подобного, не подлежат чьему-либо прикосновению, но отвергаются всеми как нечистое.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

О нравах Татар, хороших и дурных, их пище и обычаях

Сказав об обряде, надлежит сказать о нравах; о них будем рассуждать следующим образом: сперва скажем о хороших, во-вторых, о дурных, в-третьих, о пище, в-четвертых, об обычаях.

§ I. О хороших нравах Татар

Вышеупомянутые люди, то есть Татары, более повинуются своим владыкам, чем какие бы то ни было люди, живущие в сем мире или духовные, или светские, более всех уважают их и нелегко лгут перед ними. Словопрения между ними бывают редко или никогда, драки же никогда, войн, ссор, ран, человекоубийства между ними не бывает никогда. Там не обретается также разбойников и воров важных предметов; отсюда их ставки и повозки, где они хранят свое сокровище, не замыкаются за совами или замками. Если теряется какой-нибудь скот, то всякий, кто найдет его, или просто отпускает его, или ведет к тем людям, которые для того приставлены; люди же, которым принадлежит этот скот, отыскивают его у вышеупомянутых лиц и без всякого труда получают его обратно. Один достаточно чтит другого, и все они достаточно дружны между собою; и хотя у них мало пищи, однако они вполне охотно делятся ею между собою. И они также довольно выносливы, поэтому, голодая один день или два и вовсе ничего не вкушая, они не выражают какого-нибудь нетерпения, но поют и играют, как будто хорошо поели. Во время верховой езды они сносят великую стужу, иногда также терпят и чрезмерный зной. И это люди не изнеженные. Взаимной зависти, кажется, у них нет; среди них нет почти никаких тяжёбных ссор; никто не презирает другого, но помогает и поддерживает, насколько может, по средствам. Женщины их целомудренны, и о бесстыдстве их ничего среди них не слышно; однако некоторые из них в шутку произносят достаточно позорных и бесстыдных слов. Раздоры между ними возникают или редко, или никогда, и хотя они доходят до сильного опьянения, однако, несмотря на свое пьянство, никогда не вступают в словопрения или драки.

§ II. О дурных нравах их

Описав их хорошие нравы, следует изложить теперь о дурных. Они весьма горды по сравнению с другими людьми и всех презирают, мало того, считают их, так сказать, ни за что, будь ли то знатные или незнатные. Именно мы видели при дворе императора, как знатный муж Ярослав, великий князь Руссии³⁴, а также сын царя и царицы Грузинской³⁵, и много великих султанов, а также князь Солангов не получали среди них никакого должного почета, но приставленные к ним Татары, какого бы то низкого звания они ни были, шли впереди их и занимали всегда первое и главное место, а, наоборот, часто тем надлежало сидеть сзади зада их. По сравнению с другими людьми они очень вспыльчивы и раздражительного нрава. И также они гораздо более лживы, чем другие люди, и в них не обре-

тается никакой почти правды; вначале, правда, они льстивы, а под конец жалят, как скорпион. Они коварны и обманщики и, если могут, обходят всех хитростью. Это грязные люди, когда они принимают пищу и питье и в других делах своих. Все зло, какое они хотят сделать другим людям, они удивительным образом скрывают, чтобы те не могли позаботиться о себе или найти средство против их хитростей. Пьянство у них считается почетным, и, когда кто много выпьет, там же извергает обратно, но из-за этого не оставляет выпить вторично. Они очень алчны и скупы, огромные мастера выпросить что-нибудь, а вместе с тем весьма крепко удерживают все свое и очень скупые дарители. Убийство других людей считается у них ни за что. И, говоря кратко, все дурные нравы их по своей пространности не могут быть изображены в описании.

§ III. Об их пище

I. Их пищу составляет все, что можно разжевать, именно они едят собак, волков, лисиц и лошадей, а в случае нужды вкушают и человеческое мясо. Отсюда, когда они воевали против одного китайского города, где пребывал их император, и осаждали его так долго, что у самих Татар вышли все съестные припасы, то, так как у них не было вовсе что есть, они брали тогда для еды одного из десяти человек. Они едят также очищения, выходящие из кобыл вместе с жеребятами. Мало того, мы видели даже, как они ели вшей, именно они говорили: «Неужели я не должен есть их, если они едят мясо моего сына и пьют его кровь?» Мы видели также, как они ели мышей. Скартей и салфеток у них нет. Хлеба у них нет, равно как зелени и овощей и ничего другого, кроме мяса; да и его они едят так мало, что другие народы с трудом могут жить на это.

II. Они очень грязнят себе руки жиром от мяса, а когда поедят, то вытирают их о свои сапоги или траву, или о что-нибудь подобное; более благородные имеют также обычно какие-то маленькие суконки, которыми напоследок вытирают руки, когда поедят мяса. Пищу разрезает один из них, а другой берет острием ножика кусочки и раздает каждому, одному больше, а другому меньше, сообразно с тем, больше или меньше они хотят кого почтить. Посуды они не моют, а если иногда и моют мясной похлебкой, то снова с мясом выливают в горшок. Также если они очищают горшки или ложки, или другие сосуды, для этого назначенные, то моют точно так же. У них считается великим грехом, если каким-нибудь образом дано будет погибнуть чему-нибудь из питья или пищи, отсюда они не позволяют бросать собакам кости, если из них прежде не высосать мозжечек. Платя свои они также не моют и не дают мыть, а особенно в

то время, когда начинается гром, до тех пор, пока не прекратится это время.

III. Кобылье молоко, если оно у них есть, они пьют в огромном количестве, пьют также овечье, коровье и верблюжье молоко. Вина, пива и меду у них нет, если этого им не пришлют и не подарят другие народы. Зимой у них нет даже и кобыльего молока, если они небогаты. Они также варят просо с водою, размельчая его настолько, что могут не есть, а пить. И каждый из них пьет поутру чашу или две, и днем они больше ничего не едят, а вечером каждому дается немного мяса, и они пьют мясную похлебку. Летом же, имея тогда достаточно кобыльего молока, они редко едят мясо, если им случайно не подарят его, или они не поймают на охоте какого-нибудь зверя или птицу.

§ IV. Об их законах и обычаях

I. Далее, у них есть закон или обычай убивать мужчину или женщину, которых они застанут в явном прелюбодеянии; также если девица будет с кем-нибудь блудодействовать, они убивают мужчину и женщину. Если кто-нибудь будет застигнут на земле их владения в грабеже или явном воровстве, то его убивают без всякого сожаления. Точно так же, если кто-нибудь открывает их замысел, особенно когда они хотят идти на войну, то ему дается по заду сто ударов таких сильных, насколько может дать их крестьянин большой палкой. Точно так же, когда кто-нибудь из младших оскорбляет кого-нибудь, то их старшие не щадят их, а подвергают тяжкому бичеванию. Точно так же между сыном от наложницы и от жены нет никакой разницы, но отец дает каждому из них, что хочет, и если он из рода князей, то сын наложницы является князем постольку же, как и сын законной супруги. И если один Татарин имеет много жен, то каждая из них сама по себе имеет свою ставку и свое семейство; и один день он пьет, ест и спит с одной, а другой день с другою, все-таки одна из них считается старшей среди других, и он бывает с ней чаще, чем с другими, и хотя их так много, они нелегко ссорятся между собою.

II. Мужчины ничего вовсе не делают, за исключением стрел, а также имеют отчасти попечение о стадах; но они охотятся и упражняются в стрельбе, ибо все они от мала до велика суть хорошие стрелки, и дети их, когда им два или три года от роду, сразу же начинают ездить верхом и управляют лошадьми и скачут на них, и им дается лук сообразно их возрасту, и они учатся пускать стрелы, ибо они очень ловки, а также смелы.

III. Девушки и женщины ездят верхом и ловко скачут на конях, как мужчины. Мы также видели, как они носили колчаны и луки. И как мужчины, так и женщины могут ездить

верхом долго и упорно. Стремена у них очень короткие, лошадей они очень берегут, мало того, они усиленно охраняют все имущество. Жены их все делают: полушубки, платья, башмаки, сапоги и все изделия из кожи, также они правят повозками и чинят их, выючат верблюдов и во всех своих делах очень проворны и скоры. Все женщины носят штаны, а некоторые и стреляют, как мужчины.

ГЛАВА ПЯТАЯ

О начале державы Татар, об их князьях, о власти императора и его князей

Сказав об их обычаях, следует присовокупить об их державе, и сперва скажем об ее начале, во-вторых, об ее князьях, в-третьих, о власти императора и князей.

§ I. О начале державы Татар

I. Есть некая земля среди стран Востока, о которой сказано выше и которая именуется Монгал. Эта земля имела некогда четыре народа: один назывался Йека-Монгал³⁶, то есть великие Монгалы, второй назывался Су-Монгал³⁷, то есть водяные Монгалы, сами же себя они именовали Татарами³⁸ от некоей реки, которая течет чрез их страну и называется Татар; третий народ назвался Меркит³⁹, четвертый — Мекрит⁴⁰. Все эти народы имели одну форму лиц и один язык, хотя между собою они разделялись по областям и государям.

II. В земле Йека-Монгал был некто, который назывался Чингис⁴¹; он начал быть сильным ловцом перед Господом, ибо он научил людей воровать и грабить добычу. Далее, он ходил в другие земли и не оставлял пленять и присоединять к себе кого только мог, людей же своего народа он преклонил к себе, и они следовали за ним, как за вождем, на все злодеяния. Далее, он начал сражаться с Су-Монгал, или Татарами, после того как подчинил себе многих людей и убил их вожда, в продолжительной войне покорил себе всех Татар, привел их себе в рабство и подчинил. После этого, вместе со всеми ними, он сразился с Меркитами, страна которых была расположена возле земли Татар, и их также подчинил себе войною. Подвигаясь оттуда, он сразился против Мекритов и покорил их также*.

* Вариант, опубликованный М. П. Алексеевым.

(Гл. 8. О начале их государства или об их главенстве)

В восточных странах есть некая земля, о которой сказано было выше и которая называется монгал. В ней жили некогда четыре народа. Один из них

III. Найманы, услышав, что Чингис так возвысился, сильно вознегодовали, ибо у них самих раньше был очень храбрый император и все вышеназванные народы платили ему дань.

Когда он исполнил общий долг всего плотского, его место заступили его сыновья, но они были молоды и глупы и не умели держать народа, а между собою они жили в раздоре и несогласии; отсюда в то время, как вышеназванный Чингис так возвысился, они все же тем не менее устраивали набег на вышеуказанные земли и убивали мужчин и женщин и детей и забирали от них добычу. Чингис, слыша это, соединил всех подвластных себе людей; Найманы также, как и Кара-Китай⁴², т. е. черные Китай, равным образом собрались напротив в огромном количестве в некую долину, сжатую между двух гор, через которую проезжали мы, отправляясь к их императору, и завязалось сражение, в котором Найманы и Кара-Китай были побеждены Монгалами, и большая часть их была убита, а другие, которые не могли ускользнуть, были обращены в рабство.

В земле же вышеназванных Кара-Китаев Оккодай-кан, сын Чингис-кана, после своего назначения императором построил некий город, который назвал Омыл⁴³; вблизи него к югу есть некая великая пустыня, в которой, как говорят наверное, живут лесные люди⁴⁴; они никак не говорят и не имеют суставов в коленях, а если когда упадут, то отнюдь не могут встать сами без помощи других; но у них есть настолько рассудительности, что они делают войлоки из верблюжьей шерсти, в которые одеваются, и даже ставят их против ветра, и если какие-

---

назывался йека-монгал, т. е. великие монголы, другой — су-моал, т. е. монголы вод; сами же себя называли они тартары, по имени некоей реки, текущей через их землю, которую они называли Тартар. Третий (народ) назывался меркиты, четвертый же — мекриты. Все эти племена имели один облик и один язык, хотя у каждого из них были свои государи, и земли их были разделены на самостоятельные области. В земле йека-монгалов был некий человек, прозывавшийся Чингисом. Он начал возвышаться в своем могуществе, т. е. научил людей воровать и разбойничать. Он ходил в чужие земли и брал в плен и присоединял себе кого и что только мог. Своих же единоплеменников он привлек к себе так, что они следовали за ним, как за вождем, на всякое злое дело. Он стал также воевать с су-монгалами, или тартарами, убил их вождя и после многих сражений покорил и обратил в рабство всех тартар. После того, со всеми ими, он стал воевать против меркитов, живших возле тартарской земли, и покорил их также. Оттуда пошел он войною на мекритов и победил их также. Найманы, услыша, что Чингис так возвысился, вознегодовали. Сами они имели государя, чрезвычайно храброго, которому платили дань все упомянутые народы. По смерти его место его наследовали его сыновья. Но они были молоды и глупы и не умели владеть народом, а между собою жили в несогласии и раздоре. В то время как Чингис уже возвысился вышеуказанным образом, они делали набеги на названные земли...

нибудь Татары идут на них и ранят их стрелами, то они кладут траву в раны и быстро бегут от врагов*.

IV. Монгалы же, вернувшись в свою страну, подготовились к битве против Китаев и, снявшись с лагеря, вступили в их землю; император же Китаев, услышав это, пошел против них со своим войском, и завязалось тяжкое сражение, в каком сражении Монгалы были побеждены, и все вельможи Монгалов, которые были в вышесказанном войске, были убиты, за исключением семи; отсюда и до сих пор, когда кто-нибудь грозит им, говорят: «Вы будете убиты, если пойдете в ту страну, так как там пребывает множество народа, и находятся люди, пригодные к сражению», они отвечают: «Некогда мы также были убиты, и нас осталось только семь, а теперь мы выросли в огромную толпу, поэтому нас не страшит подобное». Чингис же и другие, которые остались, убежали в свою землю**.

V. И, несколько отдохнув, вышеназванный Чингис снова подготовился к бою и вышел на войну против земли Гуиров; эти люди — христиане несторианской ереси; их он также покорил войною, и Татаре приняли их грамоту, ибо прежде не имели никаких писем; теперь же эту грамоту именуют Монгалскою⁴⁵. Двинувшись отсюда против земли Сари-Гуйюр⁴⁶ и против земли Каранитов⁴⁷, и против земли Войрат⁴⁸, и про-

* Вариант, опубликованный М. П. Алексеевым.

.....
сошлись в одной узкой долине и началось сражение, в котором найманы и кара-китаи были побеждены монгалами. Большая часть их была побита, те же, кто мог избежать (смерти), были обращены в рабство. В названной выше земле кара-китаев хан Оккодай, сын Чингисханов, после того как он поставлен был в императоры, построил город, назвав его Ханьлом. Близ него, к югу, лежит большая пустыня, в которой, как утверждают, живут дикие (лесные) люди: они совсем не говорят и на ногах не имеют суставов, так что, упав, не могут подняться (без посторонней помощи). Однако они достаточно сообразительны для того, чтобы уметь приготавливать войлок из верблюжьей шерсти, в который они одеваются и который ставят против (в защиту от) ветра. И когда татары, устремляясь на них, ранят их стрелами, они затыкают раны травой и убегают быстрее их.

** Вариант, опубликованный М. П. Алексеевым.

(Гл. 9. О взаимной победе их и китаев)

Монгалы же, возвратясь в свою землю, приготовились к войне с китаями и, двигаясь лагерями, вступили в их землю. Император же (китайский), услышав об этом, вышел против них со своим войском, и началось жестокое сражение, в котором все монголы были побеждены; все же вельможи их, которые были в этом войске, были убиты. Поэтому, когда они собираются войною на какую-либо страну и им грозит поражением, они отвечают... (...) нас всех перебили (...) остались, и, однако, мы до чрезвычайности размножились и потому не боимся ничего. Чингис же и те, кто остались в живых, бежали в свою страну. Отдохнув несколько, Чингис снова начал готовиться к войне и двинулся на землю... (ов) (уйгуров?). Это были люди несторианской секты.

Жития Отцов, и пустынников, и дома, сделанные наподобие церквей, где они молятся в свое время; и говорят, что они имеют некоторых святых. Они чтут единого Бога, уважают Господа Иисуса Христа и веруют в вечную жизнь, но крещения у них отнюдь нет; уважают и чтут наше Писание, любят христиан и творят значительные милостыни; они кажутся людьми очень кроткими и человечными. Бороды у них нет, и в очертании лица они очень схожи с Монгалами, однако они не так широки в лице, язык у них особый; в целом мире нельзя найти лучших мастеров во всех тех делах, в которых обычно упражняются люди. Земля их очень богата хлебом, вином, золотом, серебром и шелком, а также всеми вещами, которые обычно поддерживают природу человеческую.

VII. И, несколько отдохнув, он разделил свои войска. Одною из своих сыновей по имени Тоссука⁵², которого также называли кан⁵³, то есть императором, он послал с войском против Команов⁵⁴, которых тот победил в продолжительной борьбе; а после того как он их победил, он вернулся в свою землю. Также другого сына он послал с войском против Индов⁵⁵, и он покорил малую Индию⁵⁶; это черные Саррацины, которые именуются Эфиопами. Это же войско вышло на бой против христиан, которые находятся в большой Индии. Слыша это, царь той страны, который именовался в народе Пресвитером Иоанном⁵⁷, выступил против них с соединенным войском и, сделав медные изображения людей, поместил их на седлах на лошадей, разведя внутри огонь, а сзади медных изображений поместил на лошадей людей с мехами, и со многими изображениями и лошадьми, так подготовленными, они вступили в бой против вышеназванных Татар; и когда они пришли на место боя, то послали вперед этих лошадей, одну рядом с другой; мужи же, бывшие сзади, положили что-то на огонь, который был в вышеназванных изображениях, и стали сильно дуть мехами. Отсюда произошло, что греческий огонь опалял людей и лошадей, и воздух омрачился от дыма, и тогда они пустили стрелы в Татар; от этих стрел много людей было ранено и убито, и таким образом они выгнали их в замешательстве из своих пределов, и мы никогда не слыхали, чтобы Татары впредь к ним возвращались.

VIII. Когда они возвращались через пустыни, то пришли в некую землю, в которой, как нам, при нашем приходе ко двору императора, говорили за верное русские клирики и другие, долго бывшие среди них, Татары нашли каких-то чудовищ,

---

части этой земли, которая вдается в море, не могли они никак победить и до сего дня. Вышеназванные же китаи — это язычники, имеющие особое письмо и даже, как говорят, Ветхий и Новый Завет. Имеют они...

имевших женский облик⁵⁸. И, когда через многих толмачей они спросили их, где находятся мужчины той страны, чудовища-женщины ответили, что в той земле все женщины, которые только рождались, имеют человеческий облик, мужчины же имеют облик собачий⁵⁹. И, пока они затягивали пребывание в вышеназванной земле, на другой стороне реки собрались воедино собаки, и так как была лютейшая зима, то все собаки-мужчины бросились в воду, а после этого на твердой земле стали кататься в пыли, и таким образом пыль, смешанная с водой, стала замерзать на них. И, после частого повторения этого, на них образовался густой лед, затем они в сильном натиске сошлись для боя с Татарами. А те часто метали на них стрелы, но стрелы отскакивали назад, как если бы они метали их в камни; также и другое оружие Татар никоим образом не могло повредить им. Собаки же, сделав набег на них, ранили укусами многих и убили и таким образом выгнали их из своих пределов. И отсюда до сих пор еще есть у них пословица: «Твой отец или брат был убит собаками», женщин же их, которых они взяли в плен, татары отвели в свою страну, и они были там до своей смерти.

IX. И, пока то войско, именно Монгалов, возвращалось назад, оно пришло к земле Буритабет⁶⁰, которых они победили войною. Эти люди — язгчники; они имеют удивительный, а вернее сказать, достойный сожаления обычай, так как, когда чей-нибудь отец свершает долг человеческой природы, они собирают всю родню и съедают его, как нам говорили за верное. Они не имеют волос на бороде; мало того, они носят в руках какое-то железо, как мы видели, которым постоянно выщипывают бороду, если случайно на ней вырастает какой-нибудь волосок; и они также сильно безобразны. Отсюда это войско вернулось в свою страну.

X. Чингис-кан также в то время, когда разделил те войска, пошел походом против Востока через землю Кергис⁶¹, которых не одолел войною, и, как нам говорили, там же прошел до Каспийских гор; горы же эти в той стороне, к которой они пришли, состоят из адамантова камня, почему и притянули к себе их стрелы и железное оружие. Люди, заключенные среди Каспийских гор⁶², услышав, как гласит предание, крик войска, начали ломать гору, и, когда Татары возвращались туда в другое время, десять лет спустя, они нашли гору сломанною; но, когда Татары пытались подойти к людям, они отнюдь не могли этого, так как перед ними было распростерто некое облако, за которое они никоим образом не могли пройти, потому что совершенно теряли зрение, как только доходили до него; те же, полагая, наоборот, что Татары страшатся подойти к ним, сделали против них нападение, но как только они до-

брались до облака, то не могли пойти дальше и по вышеупомянутой причине. Но, прежде чем дойти до вышеназванных гор, они шли более месяца по обширной пустыне. Все подвигаясь оттуда к Востоку с лишком на месяц пути, они прошли по большой степи и добрались до некоей земли, где, как нам передавали за вполне достоверное, они видели наезженные дороги, но не могли найти ни одного человека; но они так усиленно искали по земле, что нашли одного человека с его женой, которых привели пред Чингис-кана; и, когда он их спросил, где находятся люди этой страны, те ответили, что они живут в земле, под горами. А вышеназванный Чингис-кан, удержав жену, отправил этого мужчину со своими послами, поручая тем людям, чтобы они явились на его приказ. Тот, пойдя к ним, рассказал им все, что им приказал Чингис-кан. Те сказали в ответ, что в такой-то день явятся к нему для исполнения его приказа, сами же тем временем соединились потаенными путями под землею, выступили против них в бой и, внезапно бросившись на них, убили очень многих. А эти, именно Чингис-кан и его подданные, видя, что они ничего не достигают, а скорее теряют своих людей,— а к тому же они не могли вынести шума солнца; наоборот, в то время когда восходило солнце, им надлежало приложить одно ухо к земле, а верхнее крепко заткнуть, чтобы не слышать этого ужасного шума, но и так все же они не могли остеречься, чтобы из-за этого весьма многих из них не убивало,— побежали и вышли из вышеназванной страны; тех людей, однако, именно мужа с женою, они взяли с собой, и те оставались до смерти в земле Татар. На вопрос, почему люди этой земли живут под землею, те сказали, что в одно время года, когда восходит солнце, бывал столь сильный шум ⁶³, что люди никоим образом не могли выдержать, как выше сказано о Татарах; мало того, они даже били тогда в бубны, тимпаны и другие инструменты, чтобы не слышать этого шума. И, во время возвращения Чингис-кана из той земли, у них не хватило съестных припасов, и они ощущали сильнейший голод, но им удалось тогда найти свежие внутренности одного животного; взяв их, они сварили, вынув только кал, и отнесли их к Чингис-кану; тот поел их вместе со своими, и поэтому Чингисом было установлено, чтобы не бросать ничего от зверя, ни крови, ни внутренностей, ни чего другого, что можно есть, за исключением кала.

XI. И отсюда он вернулся в свою землю; там он издал многочисленные законы и постановления ⁶⁴, которые Татары нерушимо соблюдают; из них мы упомянем только про два. Одно постановление такое, что всякого, кто, превозносясь в гордости, пожелает быть императором собственною властью без избрания князей, должно убивать без малейшего сожаления. Отсю-

да, до избрания настоящего Куйюк-кана ⁶⁵, из-за этого был убит один из князей, внук Чингис-кана, ибо он хотел царствовать без избрания. Другое постановление — такое, что они должны подчинить себе всю землю и не должны иметь мира ни с каким народом, если прежде не будет им оказано подчинения, пока не настанет время их умерщвления: именно, они сражались сорок два года и предварительно должны царствовать восемнадцать лет. После этого, как говорят, они должны быть побеждены другим народом, каким, однако, не знают, как им было предсказано, и те, которые будут в состоянии уйти, как говорят, должны соблюдать тот закон, который соблюдают те, кто победит их войною. Он установил также, что их войско должно быть разделено под начальством тысячников ⁶⁶, сотников, десятников и тьмы (то есть десять тысяч). Он установил, также и многое другое, рассказывать о чем было бы долго, да к тому же мы и не знаем [всего]. После этого, свершив свои распоряжения и постановления, он был убит ударом грома ⁶⁷.

§ II. О князьях Татар

I. А у него было четыре сына ⁶⁸: одного звали Оккодай, второго звали Тоссук-кан, третьего звали Хыадай ⁶⁹, а имени четвертого мы не знаем ⁷⁰. От этих четырех лиц произошли все вожди Монгалов. Первый, именно Оккодай-кан, имел следующих сыновей ⁷¹: первого — Куйюка, который ныне императором, Коктена и Хиренена; имел ли он больше сыновей, мы не знаем. Сыновья же Тоссук-кана суть ⁷²: Бату (Bati), он наиболее богат и могуществен после императора; Орду, он старший из всех вождей; Сыбан, Бора, Берка, Фаут, имен других сыновей Тоссук-кана мы не знаем. Сыновья Хыадаи суть Бурин и Кадан ⁷³; имена других сыновей его нам неизвестны. Имена же сыновей другого сына Чингис-кана, имени которого мы не знаем ⁷⁴, суть следующие: один называется Менгу ⁷⁵, мать коего Сероктан ⁷⁶; эта госпожа пользовалась среди всех Татар предпочтительным уважением, за исключением матери императора, а Менгу был могущественнее всех, за исключением Бату; другой называется Бихак ⁷⁷. У него было еще несколько сыновей, но имен их мы не знаем.

II. Имена вождей суть следующие: Орду ⁷⁸, он был в Польше и Венгрии, Бату, Кадан, Сыбан ⁷⁹, Бурин ⁸⁰ и Буигек, все они были в Венгрии; Хирподан ⁸¹, он находится до сих пор за морем, [в борьбе] против неких солданов земли Саррацинской и других, которые находятся за морем. Другие остались в своей земле, а именно: Менгу ⁸², Коктен, Хиренен ⁸³, Хуби-

лай⁸⁴ (Hubilay), Серемум, Синокур, Фуатемур, Карахай, старец Сибедей, который у них называется воином⁸⁵, Бора, Берка⁸⁶, Мауци⁸⁷, Коренца⁸⁸, но это самый младший среди других. Других же вождей очень много, но имен их мы не знаем.

§ III. О власти императора и его князей

I. Император же этих Татар имеет изумительную власть над всеми⁸⁹. Никто не смеет пребывать в какой-нибудь стране, если где император не укажет ему. Сам же он указывает, где пребывать вождям, вожди же указывают места тысячникам, тысячники сотникам, сотники же десятникам. Сверх того, во всем том, что он предписывает во всякое время, во всяком месте, по отношению ли к войне, или к смерти, или к жизни, они повинуются без всякого противоречия. Точно так же, если он просит дочь девицу или сестру, они дают ему без всякого противоречия; мало того, каждый год или по прошествии нескольких лет он собирает девиц из всех пределов Татар и, если хочет удержать каких-нибудь себе, удерживает, а других дает своим людям, как ему кажется удобным. Каких бы, сколько бы и куда бы он ни отправлял послов, им должно давать без замедления подводу и содержание⁹⁰; откуда бы также ни приходили к нему данники или послы, равным образом им должно давать коней, колесницы и содержание. Но послы, приходящие из других стран терпят большую нужду как в содержании, так и в одежде, ибо издержки на них скудны и малы, а в особенности когда они прибывают к князьям и должны там иметь пребывание. Тогда на десять человек дается так мало, что на это едва могут прожить двое; также и при дворах князей и в путешествии дается им поесть только раз в день, и очень мало; точно так же если им причиняют какие-нибудь обиды, они отнюдь не легко могут жаловаться, поэтому им следует терпеливо сносить эти обиды.

II. Сверх того, как князья, так и другие лица, как знатные, так и незнатные, выпрашивают у них много подарков, а если они не получают, то низко ценят послов, — мало того, считают их как бы ни во что; а если послы отправлены великими людьми, то они не желают брать от них скромный подарок, а говорят: «Вы приходите от великого человека, а даете так мало?» Вследствие этого они не считают достойным брать, и если послы хотят хорошо обделать свои дела, то им следует давать больше. Поэтому и нам пришлось также раздать по нужде на подарки большую часть тех вещей, которые люди благочестивые дали нам для продовольствия. И следует также знать, что все настолько находится в руке императора, что никто не смеет сказать: «это мое или его», но все принадлежит

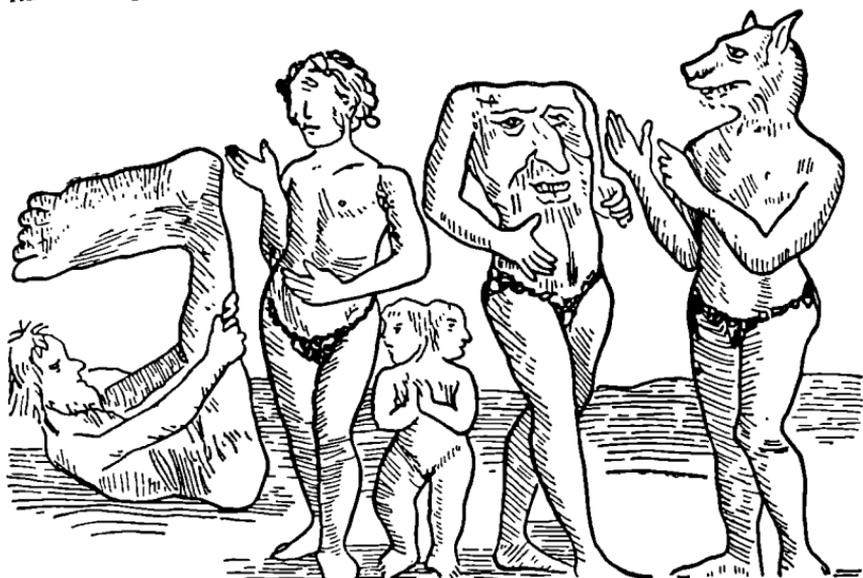
императору, то есть имущество, вьючный скот и люди, и по этому поводу недавно даже появился указ императора.

III. Ту же власть имеют во всем вожди над своими людьми, именно люди, то есть Татары и другие, распределены между вождями. Также и послам вождей, куда бы те их ни посылали, как подданные императора, так и все другие обязаны давать как подводы, так и продовольствие, а также без всякого противоречия людей для охраны лошадей и для услуг послам. Как вожди, так и другие обязаны давать императору для дохода кобыл, чтобы он получал от них молоко, на год, на два или на три, как ему будет угодно; и подданные вождей обязаны делать то же самое своим господам, ибо среди них нет никого свободного. И, говоря кратко, император и вожди берут из их имущества все, что ни захотят и сколько хотят. Также и личностью их они располагают во всем, как им будет благоугодно.

IV. По смерти императора, как сказано было выше, вожди собрались и выбрали в императоры Оккодая, сына вышеназванного Чингис-кана. Он, устроив собрание князей, разделил войска Бату, который приходился ему во втором колене, он послал против земли Высокого Султана и против земли Бисерминов⁹¹; ибо они были Саррацины, но говорили по-Комански. И когда он вошел в их землю, он сразился с ними и войною подчинил их себе. А один город, по имени Бархим⁹², долго противился ему; именно они сделали большие рвы вокруг города и закрыли их, а когда те подходили к городу, то падали во рвы. Отсюда они не могли занять этого города, раньше чем заполнили те рвы. Люди же из некоего города, по имени Ианкинт⁹³ (Iankint), услышав это, вышли им навстречу и добровольно предалась в их руки, отчего город их не был разрушен, но они убили многих из них, а других переселили и, произведя грабеж города, наполнили его другими людьми. Пошли они также против города, который именуется Орнас⁹⁴. Этот город был очень многолюдный, ибо там было очень много христиан, именно Хазар (Gazari)⁹⁵, Русских, Аланов⁹⁶ и других, а также Саррацинов. Саррацинам же принадлежала и власть над городом⁹⁷. А этот город был полон многими богатствами, ибо был расположен на некоей реке, которая течет через Ианкинт и страну Бисерминов и которая впадает в море, отсюда этот город служит как бы гаванью, и другие Саррацины имели в нем огромный рынок. И так как они не могли одолеть его иначе, то перекопали реку, которая текла через город, и потопили его с имуществом и людьми.

V. Совершив это, они вступили затем в землю Турков⁹⁸, которые суть язычники, победив ее, они пошли против России и произвели великое избиение в земле России, разрушили города и крепости и убили людей, осадили Киев⁹⁹, который был

столицей России, и после долгой осады они взяли его и убили жителей города; отсюда, когда мы ехали через их землю, мы находили бесчисленные головы и кости мертвых людей, лежавшие на поле; ибо этот город был весьма большой и очень многолюдный, а теперь он сведен почти ни на что: едва существует там двести домов, а людей тех держат они в самом тяжелом рабстве. Подвигаясь отсюда, они сражениями опу-

Чудовища, обитающие в Азии
(Средневековый рисунок XVI в.)

стошили всю Россию. Из России же и из Комании вышеназванные вожди подвинулись вперед и сразились с Венграми и Поляками ¹⁰⁰; из этих Татар многие были убиты в Польше и Венгрии; и, если бы Венгры не убежали, но мужественно воспротивились, Татары вышли бы из их пределов, так как Татары возымали такой страх, что все пытались сбежать. Но Бату, обнажив меч пред лицом их, воспротивился им, говоря: «Не бегите, так как если вы побежите, то никто не ускользнет, и если мы должны умереть, то лучше умрем все, так как сбудется то, что предсказал Чингис-кан, что мы должны быть убиты; и если теперь пришло время для этого, то лучше потерпим». И таким образом, они воодушевились, остались и разорили Венгрию.

VI. Возвратившись оттуда, они пришли в землю Мордванов ¹⁰¹, которые суть язычники, и победили их войною. Подвигнувшись отсюда против Билеров, то есть великой Булгарии ¹⁰²,

они и ее совершенно разорили. Подвинувшись отсюда еще на север, против Баскарт, то есть великой Венгрии ¹⁰³, они победили и их. Выйдя отсюда, они пошли дальше к северу и прибыли к Паросситам ¹⁰⁴, у которых, как нам говорили, небольшие желудки и маленький рот; они не едят мяса, а варят его. Сварив мясо, они ложатся на горшок и впитывают дым и этим только себя поддерживают; но если они что-нибудь едят, то очень мало. Подвинувшись оттуда, они пришли к Самогедам ¹⁰⁵, а эти люди, как говорят, живут только охотами; палатки и платье их также сделаны только из шкур зверей. Подвинувшись оттуда далее, они пришли к некоей земле над Океаном, где нашли неких чудовищ ¹⁰⁶, которые, как нам говорили за верное, имели во всем человеческий облик, но концы ног у них были, как у ног быков, и голова у них была человеческая, а лицо, как у собаки; два слова говорили они на человеческий лад, а при третьем лаяли, как собака, и таким образом в промежутке разговора они вставляли лай, но все же возвращались к своей мысли, и таким образом можно было понять, что они говорили. Отсюда вернулись они в Команию, и до сих пор некоторые из них пребывают там.

VII. Хирподана же в то же время послал Оккодай-кан с войском на юг против Кергис ¹⁰⁷, которых он победил на войне. Эти люди — язычники, они не имеют волос на бороде; обычай их таков: когда умирает чей-нибудь отец, то они от скорби вырезают на своем лице в знак печали как бы один ремень от одного уха до другого. Победив их, он пошел к югу против Арменов; но когда он переходил через пустыни, то они, как нам говорили за верное, нашли также некоторых чудовищ, имеющих человеческий облик ¹⁰⁸, но у них была только одна полная рука, то есть как до локтя, так и после локтя, и то на середине груди, и одна нога, и двое стреляли из одного лука; они бегали так сильно, что лошади не могли их догнать, ибо они бегали, скача на одной ноге, а когда утомлялись от такой ходьбы, то ходили на руке и ноге, так сказать вертясь кругом, Исидор ¹⁰⁹ называл их Циклопедами. А когда они утомлялись таким образом, они бежали по прежнему способу. Все же некоторых из них Татары убили, и, как нам говорили Русские клирики при дворе, пребывающие вместе с вышеуказанным императором, многие из них приходили в посольстве вестниками ко двору вышеуказанного императора, чтобы иметь возможность заключить мир с ним. Двинувшись отсюда, они пришли в Армению, которую победили войною, а также часть Георгиании ¹¹⁰; и другая часть явилась по их приказу, и каждый год они платили им в качестве дани по сорок тысяч иперперов ¹¹¹; это же они делают и доселе. Отсюда они подвинулись к земле солдана Урумского ¹¹², который был довольно

велик и могуществен; с ним они также сразились и победили. И, воюя и побеждая, они прошли дальше до земли солдана Халапии¹¹³ (Halapiae) и теперь также занимают эту землю, а сверх того, предполагают завоевать там другие земли, и впоследствии вплоть до ныне текущего дня они не возвращались в свою землю. То же войско пошло против земли калифа Балдахского¹¹⁴, которую они также подчинили себе, и он им всякий день платит в качестве дани четыреста византийцев¹¹⁵, помимо балдакинов и других даров; и всякий год они отправляют послов за калифом, чтобы он явился к ним. Тот посылает вместе с данью великие дары, прося, чтобы они его извинили; сам же император принимает дары и тем не менее посылает за ним, чтобы тот явился.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

О войне и разделении войск, об оружии и хитростях при столкновении, об осаде укреплений и вероломстве их против тех, кто сдается им, и о жестокости против пленных

Сказав о власти, надлежит сказать о войне следующим образом: сперва о разделении войск, во-вторых, об оружии третьих, о хитростях при столкновении, в-четвертых, об осаде крепостей и городов, в-пятых, о вероломстве, которое они проявляют к тем, кто им сдается, и о жестокости, с которой они обращаются с пленниками.

§ I. О разделении войск

О разделении войск скажем таким образом: Чингис-кан приказал, чтобы во главе десяти человек был поставлен один (и он по-нашему называется десятником), а во главе десяти десятников был поставлен один, который называется сотником, а во главе десяти сотников был поставлен один, который называется тысячником, а во главе десяти тысячников был поставлен один, и это число называется у них тьма¹¹⁶. Во главе же всего войска ставят двух вождей или трех, но так, что они имеют подчинение одному. Когда же войска находятся на войне, то если из десяти человек бежит один, или двое, или трое, или даже больше, то все они умерщвляются, и если бегут все десять, а не бегут другие сто, то все умерщвляются; и, говоря кратко, если они не отступают сообща, то все бегущие умерщвляются¹¹⁷; точно так же, если один или двое, или больше смело вступают в бой, а десять других не следуют,

4 Путешествие в восточные страны

то их также умерщвляют, а если из десяти попадают в плен один или больше, другие же товарищи не освобождают их, то они также умерщвляются.

§ II. О б о р у ж и и

I. Оружие же все по меньшей мере должны иметь такое: два или три лука, или по меньшей мере один хороший, и три больших колчана, полных стрелами, один топор и веревки, чтобы тянуть орудия. Богатые же имеют мечи, острые в конце, режущие только с одной стороны и несколько кривые; у них есть также вооруженная лошадь, прикрытия для голеней, шлемы и латы. Некоторые имеют латы, а также прикрытия для лошадей из кожи, сделанные следующим образом: они берут ремни от быка или другого животного шириною в руку, заливают их смолою вместе по три или по четыре и связывают ремешками или веревочками; на верхнем ремне они помещают веревочки на конце, а на нижнем — в середине, и так поступают до конца; отсюда, когда нижние ремни наклоняются, верхние встают, и таким образом удваиваются или утраиваются на теле. Прикрытие лошади они делят на пять частей: с одной стороны лошади одну, а с другой стороны другую, которые простираются от хвоста до головы и связываются у седла, а сзади седла на спине и также на шее; также на крестец они кладут другую сторону, там, где соединяются связи двух сторон; в этом куске они делают отверстие, через которое выставляют хвост, и на грудь также кладут одну сторону. Все части простираются до колен или до связей голеней; и пред лбом они кладут железную полосу, которая с обеих сторон шеи связывается с вышеназванными сторонами. Латы же имеют также четыре части; одна часть простирается от бедра до шеи, но она сделана согласно расположению человеческого тела, так как сжата перед грудью, а от рук и ниже облегает кругло вокруг тела; сзади же к крестцу они кладут другой кусок, который простирается от шеи до того куска, который облегает вокруг тела; на плечах же эти два куска, именно передний и задний, прикрепляются пряжками к двум железным полосам, которые находятся на обоих плечах; и на обеих руках сверху они имеют кусок, который простирается от плеч до кисти рук, которые также ниже открыты, и на каждом колене они имеют по куску; все эти куски соединяются пряжками. Шлем же сверху железный или медный, а то, что прикрывает кругом шею и горло, — из кожи. И все эти куски из кожи составлены указанным выше способом.

II. У некоторых же все то, что мы выше назвали, составлено из железа следующим образом: они делают одну тонкую

полосу шириною в палец, а длиною в ладонь, и таким образом они готовят много полос; в каждой полосе они делают восемь маленьких отверстий и вставляют внутрь три ремня плотных и крепких, кладут полосы одна на другую, как бы поднимаясь по уступам, и привязывают вышеназванные полосы к ремням тонкими ремешками, которые пропускают чрез отмеченные выше отверстия; в верхней части они вшивают один ремешок, который удваивается с той и другой стороны и сшивается с другим ремешком, чтобы вышеназванные полосы хорошо и крепко сходились вместе, и образуют из полос как бы один ремень, а после связывают все по кускам так, как сказано выше. И они делают это как для вооружения коней, так и людей. И они заставляют это так блеснуть, что человек может видеть в них свое лицо.

III. У некоторых из них есть копыя, и на шейке железа копыя они имеют крюк, которым, если могут, стаскивают человека с седла. Длина их стрел составляет два фута, одну ладонь и два пальца, а так как футы различны, то мы приводим здесь меру геометрического фута: двенадцать зерен ячменя составляют поперечник пальца, а шестнадцать поперечников пальцев образуют геометрический фут. Железные наконечники стрел весьма остры и режут с обеих сторон наподобие обоюдоострого меча; и они всегда носят при колчане напильники для изощрения стрел. Вышеупомянутые железные наконечники имеют острый хвост длиною в один палец, который вставляется в дерево. Щит у них сделан из ивовых или других прутьев, но мы не думаем, чтобы они носили его иначе, как в лагере и для охраны императора и князей, да и то только ночью. Есть у них также и другие стрелы¹¹⁸ для стреляния птиц, зверей и безоружных людей, в три пальца ширины. Есть у них далее и другие разнообразные стрелы для стреляния птиц и зверей.

§ III. О хитростях при столкновении

I. Когда они желают пойти на войну, они отправляют вперед передовых застрельщиков¹¹⁹ (praecursores), у которых нет с собой ничего, кроме войлоков, лошадей и оружия. Они ничего не грабят, не жгут домов, не убивают зверей, и только ранят и умерщвляют людей, а если не могут иного, обращают их в бегство; все же они гораздо охотнее убивают, чем обращают в бегство. За ними следует войско, которое, наоборот, забирает все, что находит; также и людей, если их могут найти, забирают в плен или убивают. Тем не менее, все же стоящие во главе войска посылают после этого глашатаев, которые

должны находить людей и укрепления, и они очень искусны в розысках.

II. Когда же они добираются до рек, то переправляются через них ¹²⁰, даже если они и велики, следующим образом: более знатные имеют круглую и гладкую кожу, на поверхности которой кругом они делают частые ручки, в которые вставляют веревку и завязывают так, что образуют в общем некий круглый мешок, который наполняют платьями и иным имуществом, и очень крепко связывают; после этого в середине кладут седла и другие более жесткие предметы; люди также садятся в середине. И этот корабль, таким образом приготовленный, они привязывают к хвосту лошади и заставляют плыть вперед, наравне с лошадью, человека, который бы управлял лошадью. Или иногда они берут два весла, ими гребут по воде и таким образом переправляются через реку, лошадей же гонят в воду, и один человек плывет рядом с лошадью, которою управляет, все же другие лошади следуют за той и таким образом переправляются через воды и большие реки. Другие же более бедные имеют кошель из кожи, крепко сшитый; всякий обязан иметь его. В этот кошель, или в этот мешок, они кладут платье и все свое имущество, очень крепко связывают этот мешок вверху, вешают на хвост коня и переправляются, как сказано выше.

III. Надо знать, что всякий раз как они завидят врагов, они идут на них, и каждый бросает в своих противников три или четыре стрелы; и если они видят, что не могут их победить, то отступают вспять к своим; и это они делают ради обмана, чтобы враги преследовали их до тех мест, где они устроили засаду; и если их враги преследуют их до вышеупомянутой засады, они окружают их и таким образом ранят и убивают. Точно так же, если они видят, что против них имеется большое войско, они иногда отходят от него на один или два дня пути и тайно нападают на другую часть земли и разграбляют ее; при этом они убивают людей и разрушают и опустошают землю. А если они видят, что не могут сделать и этого, то отступают назад на десять или на двенадцать дней пути. Иногда также они пребывают в безопасном месте, пока войско их врагов не разделится, и тогда они приходят украдкой и опустошают всю землю. Ибо в войнах они весьма хитры, так как сражались с другими народами уже сорок лет и даже более.

IV. Когда же они желают приступить к сражению, то располагают все войска так, как они должны сражаться. Вожди или начальники войска не вступают в бой, но стоят вдали против войска врагов и имеют рядом с собой на конях отроков, а также женщин и лошадей. Иногда они делают изобра-

жения людей и помещают их на лошадей; это они делают для того, чтобы заставить думать о большем количестве воюющих. Пред лицом врагов они посылают отряд пленных и других народов, которые находятся между ними; может быть, с ними идут и какие-нибудь Татары. Другие отряды более храбрых людей они посылают далеко справа и слева, чтобы их не видели их противники, и таким образом окружают противников¹²¹ и замыкают в середину; и таким образом они начинают сражаться со всех сторон. И, хотя их иногда мало, противники их, которые окружены, воображают, что их много. А в особенности бывает это тогда, когда они видят тех, которые находятся при вожде или начальнике войска, отроков, женщин, лошадей и изображения людей, как сказано выше, которых они считают за воителей, и вследствие этого приходят в страх и замешательство. А если случайно противники удачно сражаются, то Татары устраивают им дорогу для бегства, и как только те начнут бежать и отделяться друг от друга, они их преследуют и тогда, во время бегства, убивают больше, чем могут умертвить на войне.

Однако надо знать, что если можно обойтись иначе, они неохотно вступают в бой, но ранят и убивают людей и лошадей стрелами, а когда люди и лошади ослаблены стрелами, тогда они вступают с ними в бой.

§ IV. Об осаде укреплений

Укрепления они завоевывают следующим способом. Если встретится такая крепость, они окружают ее; мало того, иногда они так ограждают ее, что никто не может войти или выйти; при этом они весьма храбро сражаются орудиями и стрелами и ни на один день или на ночь не прекращают сражения, так что находящиеся на укреплениях не имеют отдыха; сами же Татары отдыхают, так как они разделяют войска, и одно смеяет в бою другое, так что они не очень утомляются. И если они не могут овладеть укреплением таким способом, то бросают на него греческий огонь¹²²; мало того, они обычно берут иногда жир людей, которых убивают, и выливают его в растопленном виде на дома; и везде, где огонь попадает на этот жир, он горит, так сказать, неугасимо; все же его можно погасить, как говорят, налив вина или пива; если же он упадет на тело, то может быть погашен трением ладони руки. А если они не одолевают таким способом и этот город или крепость имеет реку, то они преграждают ее или делают другое русло и, если можно, потопляют это укрепление. Если же это сделать нельзя, то они делают подкоп под укрепление и под землю входят в него в оружии. А когда они уже вошли, то одна часть бросает

огонь, чтобы сжечь его, а другая часть борется с людьми того укрепления. Если же и так они не могут победить его, то ставят против него свой лагерь или укрепление, чтобы не видеть тягости от вражеских копий, и стоят против него долгое время, если войско, которое с ними борется, случайно не получит подмоги и не удалит их силою.

§ V. О вероломстве Татар и о жестокости против пленных

Но когда они уже стоят против укрепления, то ласково говорят с его жителями и много обещают им с той целью, чтобы те предались в их руки; а если те сдадутся им, то говорят: «Выйдите, чтобы сосчитать вас согласно нашему обычаю». А когда те выйдут к ним, то Татары спрашивают, кто из них ремесленники, и их оставляют, а других, исключая тех, кого захотят иметь рабами, убивают топором; и если, как сказано, они щадят кого-нибудь иных, то людей благородных и почтенных не щадят никогда, а если случайно, в силу какого-нибудь обстоятельства, они сохраняют каких-нибудь знатных лиц, то те не могут более выйти из плена ни мольбами, ни за выкуп. Во время же войн они убивают всех, кого берут в плен, разве только пожелают сохранить кого-нибудь, чтобы иметь их в качестве рабов. Назначенных на убиение они разделяют между сотниками, чтобы они умерщвляли их обоюдоострою секирою; те же после этого разделяют пленников и дают каждому рабу для умерщвления десять человек или больше, или меньше, сообразно с тем, как угодно начальствующим.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Как они заключают мир с людьми; о названиях земель, которые они покорили; о землях, которые оказали им сопротивление, и о жестокости, которую они проявляют к своим подданным

Описав, каким образом они воюют, надлежит сказать о землях, которые они подчинили своей власти. Об этом напишем мы таким образом: сперва скажем, как они заключают мир с людьми; во-вторых, о названиях земель, которые они себе подчинили; в-третьих, о землях, которые оказали им мужественное сопротивление; в-четвертых, о жестокости, которую они проявляют к своим подданным.

§ I. Как они заключают мир с людьми

I. Надо знать, что они не заключают мира ни с какими людьми, если те им не подчинятся, потому что, как сказано выше, они имеют приказ от Чингис-кана, чтобы, если можно, подчинить себе все народы. И вот чего Татары требуют от них: чтобы они шли с ними в войске против всякого человека, когда им угодно, и чтобы они давали им десятую часть от всего, как от людей, так и от имущества. Именно они отсчитывают десять отроков и берут одного и точно так же поступают и с девушками; они отвозят их в свою страну и держат в качестве рабов. Остальных они считают и распределяют согласно своему обычаю. А когда они получают полную власть над ними, то, если что и обещали им, не исполняют ничего, но пытаются повредить им всевозможными способами, какие только соответственно могут найти против них. Например, в бытность нашу в Руссии, был прислан туда один Саррацин, как говорили, из партии Куйюк-кана и Бату, и этот наместник у всякого человека, имевшего трех сыновей, брал одного, как нам говорили впоследствии; вместе с тем он вводил всех мужчин, не имевших жен, и точно так же поступал с женщинами, не имевшими законных мужей, а равным образом выселял он и бедных, которые снискивали себе пропитание нищенством. Остальных же, согласно своему обычаю, пересчитал, приказывая, чтобы каждый, как малый, так и большой, даже однодневный младенец, или бедный, или богатый, платил такую дань, именно, чтобы он давал одну шкуру белого медведя, одного черного бобра, одного черного соболя, одну черную шкуру некоего животного, имеющего пристанище в той земле, название которого мы не умеем передать по-латыни, и по-немецки оно называется ильтис (iltis), поляки же и русские называют этого зверя дохорь (dochori)¹²³, и одну черную лисью шкуру. И всякий, кто не даст этого, должен быть отведен к Татарам и обращен в их раба.

II. Они посылают также за государями земель, чтобы те являлись к ним без замедления; а когда они придут туда, то не получают никакого должного почета, а считаются наряду с другими презренными личностями, и им надлежит подносить великие дары как вождям, так и их женам, и чиновникам, тысячникам и сотникам; мало того, все вообще, даже и сами рабы, просят у них даров с великою надоедливостью, и не только у них, а даже и у их послов, когда тех посылают к ним. Для некоторых также они находят случай, чтобы их убить, как было сделано с Михаилом¹²⁴ и с другими; иным же они позволяют вернуться, чтобы привлечь других; некоторых они губят также напитками или ядом. Ибо их замысел заключается в

том, чтобы им одним господствовать на земле, поэтому они выискивают случаи против знатных лиц, чтобы убить их. У других же, которым они позволяют вернуться, они требуют их сыновей или братьев, которых больше никогда не отпускают, как было сделано с сыном Ярослава, неким вождем Аланов, и весьма многими другими. И если отец или брат умирает без наследника, то они никогда не отпускают сына или брата; мало того, они забирают себе всецело его государство, как, мы видели, было сделано с одним вождем Солангов.

III. Башафов ¹²⁵ (Baschathos), или наместников, своих они ставят в земле тех, кому позволяют вернуться; как вождям, так и другим подобает повиноваться их мановению, и если люди какого-нибудь города или земли не делают того, что они хотят, то эти башафы возражают им, что они неверны Татарам, и таким образом разрушают их город и землю, а людей, которые в ней находятся, убивают при помощи сильного отряда Татар, которые приходят без ведома жителей по приказу того правителя, которому повинуются упомянутая земля, и внезапно бросаются на них, как недавно случилось, еще в бытность нашу в земле Татар, с одним городом, который они сами поставили над Русскими в земле Команов. И не только государь Татар, захвативший землю, или наместник его, но и всякий Татарин, проезжающий через эту землю или город, является как бы владыкой над жителями, в особенности тот, кто считается у них более знатным. Сверх того, они требуют и забирают без всякого условия золото и серебро и другое, что угодно и сколько угодно.

IV. Сверх того, если у тех государей, которые им сдались, возникают какие-нибудь спорные случаи, то им надлежит отправляться для разбирательства к императору Татар, как случилось недавно с двумя сыновьями царя Георгиании ¹²⁶. Именно один был законный, а другой, имя которого было Давид, родился от прелюбодеяния; законного же звали Мелик; сыну прелюбодейки отец оставил часть земли; другой же, который был моложе, поехал вместе с матерью к императору Татар ради того, чтобы вышеупомянутый Давид предвосхитил путь к нему; мать другого, то есть Мелика, именно царица Георгианская, по которой муж владел царством, так как то царство находилось во владении по женщинам, умерла в дороге. Они же, по прибытии, роздали огромные подарки, в особенности же законный сын, требовавший части земли, которую отец оставил сыну своему Давиду, так как этот последний, будучи сыном прелюбодейки, не должен был владеть ей. Тот же отвечал: «Пусть я сын наложницы, все же я прошу, чтобы мне оказана была справедливость по обычаю Татар, не делающих никакого различия между сыновьями законной супруги и рабыни». От-

сюда приговор был произнесен против законного сына, чтобы он подчинился Давиду, который был старше, и чтобы он владел спокойно и мирно тою землею, которую дал ему отец, и таким образом младший сын потерял розданные им дары и проиграл дело, которое вел против брата своего Давида.

V. Они берут дань также с тех народов, которые находятся далеко от них и смежны с другими народами, которых до известной степени они боятся и которые им не подчинены, и поступают с ними, так сказать, участливо, чтобы те не привели на них войска, или также чтобы другие не страшились предаться им, как они поступили с обезами¹²⁷, или георгианами, от которых, как сказано, они получают в качестве дани пятьдесят или сорок тысяч иперперов, или византийцев¹²⁸. Другим народам они дают еще пребывать в спокойствии; однако согласно тому, что мы от них узнали, намереваются завоевать их.

§ II. О названиях земель, которые они себе подчинили

Названия земель, которые они одолели, суть следующие: Китай¹²⁹, Найманы, Соланги, Кара-Китай, или черные Китай, Комана, Тумат¹³⁰, Войрат, Караниты, Гуйюр (Нуйур), Су-Монгал, Меркиты, Мекриты, Саригуйюр, Баскарт, то есть великая Венгрия, Кергис¹³¹, Касмир¹³², Саррацины¹³³, Бисермины¹³⁴, Туркоманы¹³⁵, Билеры, то есть великая Булгария, Корола, Комуки¹³⁶, Буритабет, Паросситы, Кассы¹³⁷, Якобиты¹³⁸, Аланы, или Ассы¹³⁹, Обезы, или Георгианы, Несториане¹⁴⁰, Армены¹⁴¹, Кангиты¹⁴², Комань, Брутахы, которые суть Иудеи¹⁴³, Мордвы, Турки, Хозары, Самогеды, Персы (Perses), Тарки¹⁴⁴, малая Индия, или Эфиопия, Чиркасы¹⁴⁵, Руфены¹⁴⁶, Балдах, Сарты¹⁴⁷; есть и еще много земель, но имен их мы не знаем. Мы видели даже мужчин и женщин из вышеназванных стран.

§ III. О землях, которые оказали им мужественное сопротивление

Имена земель, оказавших им мужественное сопротивление и доселе еще не подчиненных им, суть следующие: великая Индия, Мангия¹⁴⁸, некая часть Аланов, некая часть Китаев, Саксы¹⁴⁹; именно, как нам говорили там же, они осадили один город вышеназванных Саксов и пытались завоевать их, но те сделали машины против их машин и сломали все машины Татар, так что те из-за машин и баллист¹⁵⁰ не могли приблизиться к городу для сражения; наконец, они сделали дорогу

под землю и вскочили в город; и одни пытались зажечь город, а другие сражались. Жители же города назначили одну часть населения для тушения огня, а другая часть храбро сразилась с теми, которые вошли в город, и многих из них убила, а других ранила, заставляя их вернуться к своим; а сами Татары, видя, что не могут ничего сделать и что многие из них умирают, удалились от них.

§ IV. О жестокости, которую они проявляют к своим поданным

В земле Саррацинов и других, в среде которых они являются как бы господами, они забирают всех лучших ремесленников и приставляют их ко всем своим делам. Другие же ремесленники платят им дань от своего занятия. Все посевы они убирают в житницы своих господ; однако те отпускают им семян, а также столько хлеба, сколько им вполне достаточно для продовольствия; другим же каждому они дают на день хлеба на вес, но очень немного, а также не уделяют им ничего другого, как небольшую порцию мяса трижды в неделю. И они делают это только для тех ремесленников, которые пребывают в городах. Сверх того, когда угодно господам, они забирают всех юношей с женами и сыновьями и заставляют итти сзади себя со всеми своими слугами. Впрочем, эти юноши принадлежат к числу Татар, а вернее сказать, к числу пленных, так как хотя они считаются в их среде, однако не пользуются таким уважением, как Татары, но приравняются к рабам и посылаются на все опасности, как другие пленные. Ибо в войнах они идут первыми, а также если приходится перейти болото или опасную воду, то им надлежит сперва изведать брод. Им также нужно работать все, что надлежит делать. Точно так же если они кого-нибудь оскорбят или не повинуются по мановению, то их бьют, как ослов. И, говоря кратко, они мало что едят, мало пьют и очень скверно одеваются, если только они не могут что-нибудь заработать в качестве золотых дел мастеров и других хороших ремесленников. Но некоторые имеют таких плохих господ, что те им ничего не отпускают, и у них нет времени от множества господских дел, чтобы заработать себе что-нибудь, если они не украдут для себя времени, когда, может быть, должны были бы отдыхать или спать, но это могут делать те, кому позволено иметь жен или собственную ставку. Другие же, которых держат дома в качестве рабов, достойны всякой жалости: мы видели, как они весьма часто ходят в меховых штанах, а прочее тело у них все нагое, несмотря на сильнейший солнечный зной, зимою же они испытывают сильнейший холод. Мы видели также, что иные

от сильной стужи теряли пальцы на ногах и руках; слышали мы также, что другие умирали или также от сильной стужи все члены тела их становились, так сказать, непригодными.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Как надлежит встретить Татар на войне, что они замышляют, об оружии и устройстве войск, как надлежит встретить их хитрости в бою, об укреплении крепостей и городов и что надлежит делать с пленными

Сказав о землях, которые им повинуются, следует изложить, как надлежит встретить Татар на войне. Об этом, кажется, нам следует сказать таким образом: сперва следует написать о том, что они замышляют, во-вторых, об оружии и устройстве войск, в-третьих, как надлежит встретить их хитрости при столкновении, в-четвертых, об укреплении крепостей и городов, в-пятых, что надлежит делать с их пленными.

§ I. Что замышляют Татары

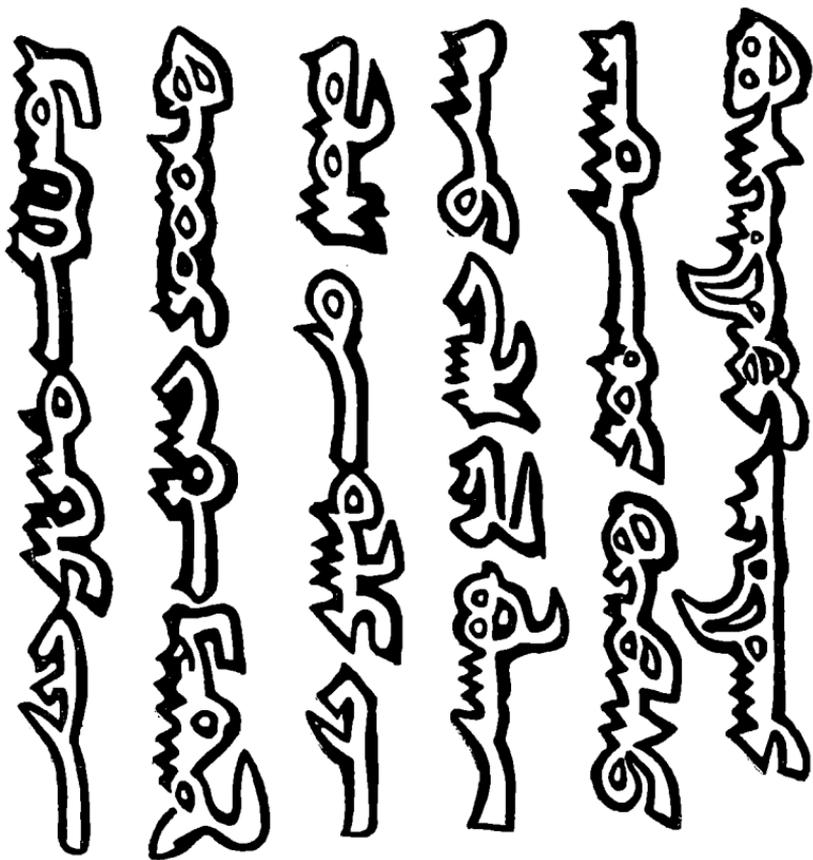
I. Замысел Татар состоит в том, чтобы покорить себе, если можно, весь мир, и об этом, как сказано выше, они имеют приказ Чингис-кана. Поэтому их император так пишет в своих грамотах: «Храбрость Бога, император всех людей»; и в надписании печати его ¹⁵¹ стоит следующее: «Бог на небе и Куйюк-кан над землею храбрость Божия. Печать императора всех людей». И потому, как сказано, они не заключают мира ни с какими людьми, если только те случайно не предаются в их руки. И так как, за исключением Христианства, нет ни одной страны в мире, которой бы они ни владели, то поэтому они готовят к бою против нас. Отсюда да знают все, что в бытность нашу в земле Татар мы присутствовали в торжественном заседании, которое было назначено уже за несколько лет пред сим, где они в нашем присутствии избрали в императоры, который на их языке именуется кан, Куйюка. Этот вышеназванный Куйюк-кан поднял со всеми князьями знамя против Церкви Божией и Римской Империи, против всех царств христиан и против народов Запада, в случае если бы они не исполнили того, что он приказывает Господину Папе, государям и всем народам христиан на Западе. Нам кажется, что этого отнюдь не следует исполнять как по причине чрезмерного и невыносимого рабства, которое доселе неслыхано, которое мы видели своими глазами и в которое они обращают все народы, им подчиненные, так и потому, что к ним нет никакой

веры, и ни один народ не может доверять их словам, ибо они не соблюдают всего того, что обещают, когда видят, что обстоятельства им благоприятствуют, коварны во всех своих делах и обещаниях, замышляют даже, как сказано выше, уничтожить с земли всех государей, всех вельмож, всех воинов и благородных мужей и делают это по отношению к своим подданным коварно и искусно. Точно так же недостойно христиан подчиниться им вследствие мерзостей их и потому, что почитание Бога сводится у них ни к чему, души погибают, тела терпят разнообразные мучения больше, чем можно поверить; вначале, правда, они льстивы, а после жалят, как скорпионы, терзают и мучают. Затем они меньше числом и слабее телом, чем христианские народы.

II. А в вышеупомянутом собрании были назначены ратники и начальники войска. Со всякой земли их державы из десяти человек они посылают троих с их слугами. Одно войско, как нам говорили, должно вступить через Венгрию, другое — через Польшу; придут же они с тем, чтобы сражаться непрерывно 18 лет. Им назначен срок похода: в прошлом марте месяце мы нашли войско, набранное у всех Татар, через область которых мы проезжали, у земли Руссии; в три или четыре года они дойдут до Комании, из Комании же сделают набег на вышеуказанные земли. Однако мы не знаем, придут ли они сряду после третьей зимы или подождут еще до времени, чтобы иметь возможность лучше напасть неожиданно. Все это твердо и истинно, если Господь, по Своей Милости, не сделает им какого-либо препятствия, как Он сделал, когда они пришли в Венгрию и Польшу. Именно они должны были подвигаться вперед, воюя тридцать лет, но их император был тогда умерщвлен ядом¹⁵², и вследствие этого они доныне успокоились от битв. Но теперь, так как император избран сызнова, они начинают снова готовиться к бою. Еще надо знать, что Император собственными устами сказал, что желает послать свое войско в Ливонию и Пруссию.

III. И так как он замышляет разорить или обратить в рабство всю землю, а это рабство, так сказать, невыносимо для нашего народа, то надлежит, стало быть, как сказано выше, встретить его на войне. Но если одна область не захочет подать помощь другой, то та земля, против которой они сражаются, будет разорена, и вместе с теми людьми, которых они заберут в плен, они будут сражаться против другой земли, и эти пленники будут первыми в строю. Если они плохо будут сражаться, то будут ими убиты, а если хорошо, то Татары удерживают их посулами и льстивыми речами, а также, чтобы те не убежали от них, сулят им, что сделают их великими господами, а после того, как могут быть уверенными на их

счет, что они не уйдут, обращают их в злосчастнейших рабов; точно так же поступают они с женщинами, которых желают держать в качестве рабынь и наложниц. И таким образом вместе с людьми побежденной области они разоряют другую землю. И нет, как нам кажется, ни одной области, которая могла

Надпись на печати хана Гююка, выполненная русским мастером Козмой

бы сама по себе оказать им сопротивление, если только за ее жителей не пожелает сражаться Бог, потому что, как сказано выше, люди собираются на войну со всякой земли державы Татар. Отсюда, если христиане хотят сохранить себя самих, свою землю и христианство, то царям, князьям, баронам и правителям земель надлежит собраться воедино и с общего решения послать против них людей на бой, прежде чем они начнут распространяться по земле, так как, раз они начнут рассеиваться по земле, ни один не может соответственно подать помощь другому; ибо Татары толпами отыскивают

повсюду людей и убивают, а если кто запрется в крепости, то они ставят вокруг крепости или города для осады их три или четыре тысячи людей и больше, а сами тем не менее рассеиваются по земле и убивают людей.

§ II. Об оружии и устройстве войск

I. Все же желающие сражаться с ними должны иметь следующее оружие: хорошие и крепкие луки, баллисты, которых они очень боятся, достаточное количество стрел, палицу (dolabgum) из хорошего железа, или секиру с длинной ручкой (острия стрел для лука или баллисты должны, как у Татар, когда они горячие, закаляться в воде, смешанной с солью, чтобы они имели силу пронзить их оружие), также мечи и копья с крючком, чтобы иметь возможность стаскивать их с седла, так как они весьма легко падают с него, ножики и двойные латы, так как стрелы их нелегко пронзают их, шлем и другое оружие для защиты тела и коня от оружия и стрел их. А если некоторые не вооружены так хорошо, как мы сказали, то они должны идти сзади других, как делают Татары, и стрелять в них из луков или баллист. И не должно щадить денег на приготовление оружия, чтобы иметь возможность спасти душу, тело, свободу и все прочее.

II. Ряды надлежит подчинить, подобно Татарам, тысячникам, сотникам, десятникам и вождям войска. Эти вожди никоим образом не должны вступать в сражение, как не вступают и их вожди, но должны смотреть за войском и поддерживать порядок. Они должны также установить закон выступать на войну одновременно или иначе, смотря по тому, как они построены, и всякий, кто покинет другого, или идущего на войну, или сражающегося, как всякий, кто побежит, если не отступают все вместе, должен быть подвергнут тяжкому наказанию, так как тогда часть воюющих (Татар) преследует бегущих и убивает их стрелами, а часть сражается с теми, кто остается, и таким образом приводятся в замешательство и подвергаются избиению и остающиеся и бегущие. И равным образом всякий, кто обратится к собиранию добычи, раньше чем войско противников будет окончательно побеждено, должен быть подвергнут самой тяжелой пене. Ибо у Татар такого человека убивают без всякого сострадания.

§ III. Как надлежит встретить их хитрости при столкновении

I. Если возможно, то место для сражения должно выбрать такое, где простирается гладкая равнина и Татар можно отовсюду видеть; если можно, то с тыла или с боку надлежит

иметь большой лес, но так, чтобы Татары не могли проникнуть между войском и лесом. И не должно всем зараз собираться воедино, но следует устроить много отрядов, разделенных взаимно, однако не очень отстоящих друг от друга; против тех, кто идет сперва, надлежит послать один отряд, чтобы он вышел им навстречу; если же Татары устроят притворное бегство, то не надо идти далеко сзади их, если случайно нельзя осмотреться возможно дальше, чтобы враги не увлекли случайно в уготованную засаду, как они обычно делают, и другой отряд должен быть готов, чтобы помочь на случай нужды тому отряду. Сверх того, надо иметь со всех сторон лазутчиков, чтобы увидеть, когда придут другие отряды Татар, сзади, справа или слева, и всегда должно отправлять им навстречу отряд против отряда; ибо они всегда стараются замкнуть своих неприятелей в середине; отсюда должно сильно остерегаться, чтобы они не имели возможности сделать это, потому что в таком случае войско легче всего терпит поражение. Отряды же должны остерегаться того, чтобы не бежать за ними далеко по причине засад, которые они обычно устрояют, ибо они более борются коварством, чем храбростью.

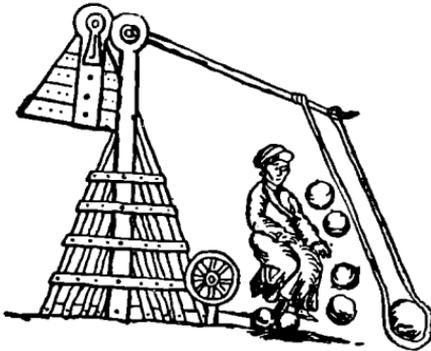
II. Вожди войска должны быть всегда готовы, если нужно, посылать помощь тем, кто находится в бою, и вследствие этого должно также избегать очень гнаться за ними, чтобы случайно не утомить лошадей, так как у наших нет изобилия в лошадях, а Татары на ту лошадь, на которой ездят один день, не садятся после того три или четыре дня; отсюда вследствие имеющегося у них изобилия в лошадях они не заботятся о том, не утомились ли их лошади. И если Татары отступают, то наши все же не должны отходить или разделяться взаимно, так как они делают это притворно, чтобы разделить войска и после того вступить свободно в землю и разорить ее всю. Должно также остерегаться от излишней, как это в обычае, траты съестных припасов, чтобы из-за недостатка в них не быть вынужденными вернуться и открыть Татарам дорогу перебить войско и других, разорить всю землю и подвергнуть, от их распространения, хулению имя Божие. Но это должно делать старательно, чтобы, если каким-нибудь ратникам выпадет на долю отступить, другие заняли их место.

III. Наши вожди должны также заставляя охранять войско днем и ночью, чтобы Татары не ринулись на них внезапно и неожиданно, потому что они, как демоны, измышляют много злокозненностей и способов вредить; мало того, должно быть всегда готовыми как днем, так и ночью, не должно ложиться раздетыми и с прохладой сидеть за столом, чтобы нельзя было застать нас неприготовленными, так как Татары всегда бодрствуют, чтобы высмотреть, каким образом они могут причинить

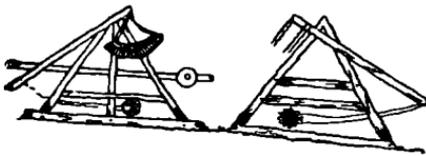
вред. Жители же страны, ожидающие Татар или боящиеся, что они придут на них, должны иметь сокрытые ямы, куда должны отложить посе́вы, равно как и другое, по двум причинам, именно: чтобы Татары не могли овладеть этим и чтобы, если Бог окажется к ним милостивым, получить возможность обрести это впоследствии, когда Татары побегут из их земли. Сено и солому надлежит сжечь или крепко спрятать, чтобы татарские лошади тем менее находили себе пищи для еды.

§ IV. Об укреплении крепостей и городов

При желании же укрепить города и крепости прежде надлежит рассмотреть, каково их местоположение. Именно местоположение крепостей должно быть таково, чтобы их нельзя

было завоевать орудиями и стрелами, чтобы у них было достаточно воды и дров, чтобы нельзя было, насколько возможно, пресечь к ним вход и выход и чтобы было достаточное количество лиц, могущих сражаться попеременно. И должно тщательно смотреть за тем, чтобы Татары не могли взять крепости какою-нибудь хитростью. Должно иметь запас продовольствия, достаточный на много лет; следует всё же тщательно сохранять съестные припасы и изводить их в определенных размерах, так как неизвестно, сколько времени придется быть заключенными в крепости. Именно когда они начинают осаждать какую-нибудь крепость, то осаждают ее много лет, как это происходит и в ны-

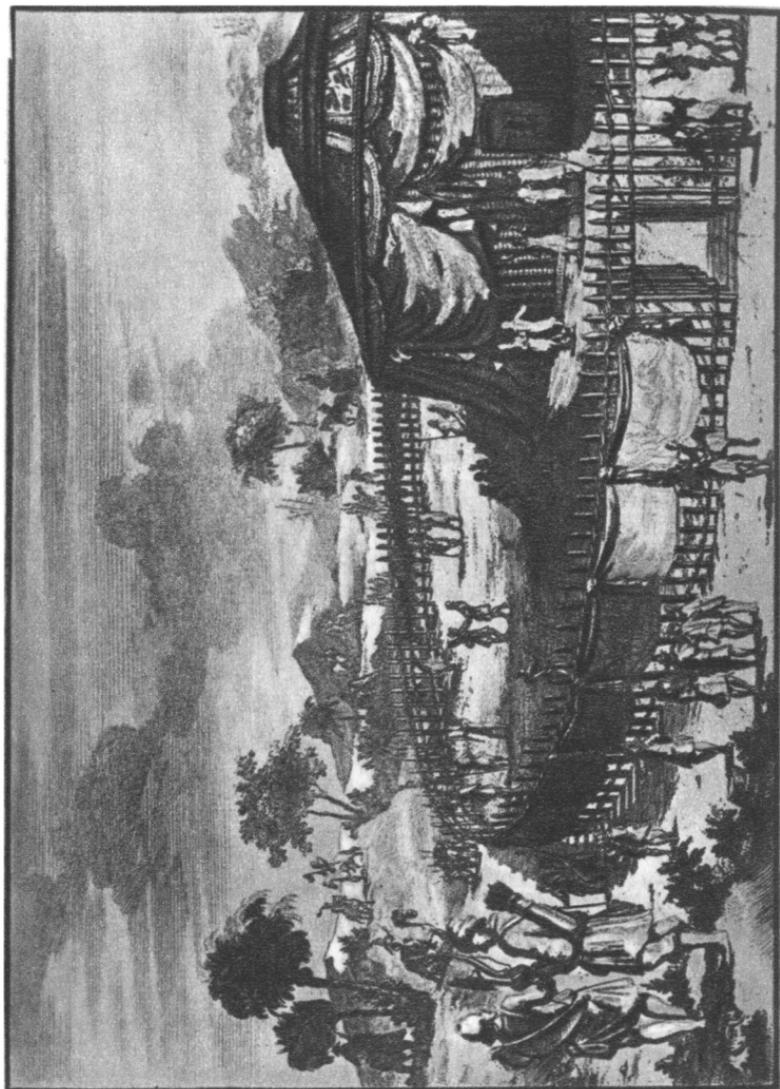

Изображение метательной машины монголов
(Персидский рисунок из „Сборника летописей“ Рашид-ад-Дина)

нешний день с одной горой в земле Аланов. Как мы полагаем, они осаждали ее уже двенадцать лет, причем те оказали им мужественное сопротивление и убили многих Татар и притом вельмож. Другие же крепости и города, не имеющие подобного положения, надлежит сильно укрепить глубокими и обнесенными стенами рвами и хорошо устроенными стенами; и над-

Переправа через реку
(Фрагмент рисунка XVIII в.)

Шатер Великого хана
(Французский рисунок XVIII в.)

лежит иметь достаточное количество луков и стрел, камней и пращей. И должно тщательно остерегаться, чтобы не позволять Татарам выставлять свои машины, но отражать их своими машинами; и если случайно, при помощи какой-нибудь выдумки или какой-нибудь хитрости, Татары воздвигнут свои машины, то надо, если возможно, разрушать их своими машинами; должно также оказывать сопротивление при помощи баллист, пращей и орудий, чтобы они не приближались к городу. Должно также быть готовыми и в других отношениях, как сказано выше. Должно также тщательно смотреть за крепостями и городами, расположенными при реках, чтобы их нельзя было потопить. А еще надо знать, что Татары больше любят, чтобы люди запирались в городах и крепостях, чем чтобы сражались с ними на поле. Именно, они говорят, что это их поросята, запертые в хлеву, отчего и приставляют к ним стражей, как сказано выше.

§ V. Что надлежит сделать с пленными

Если же какие-нибудь Татары будут на войне сброшены со своих лошадей, то их тотчас следует брать в плен, потому что, будучи на земле, они сильно стреляют, ранят и убивают лошадей и людей. И, если их сохранить, они могут оказаться такими, что из-за них можно получить, так сказать, вечный мир и взять за них большие деньги, так как они очень любят друг друга. А как распознать Татар, сказано выше, именно там, где было изложено об их внешности; однако когда их берут в плен и если их должно сохранить, то надо приставить бдительный караул, чтобы они не убежали. Вместе с ними бывает также много других народов, которых можно отличить от них благодаря указанной выше внешности. Надо также знать, что вместе с ними в войске есть много таких, которые, если улучат удобное время и получают уверенность, что наши не убьют их, будут сражаться с ними, как сами сказали нам, изо всех частей войска, и причинят им больше зла, чем другие, являющиеся их сильными неприятелями.

Все это, написанное выше, мы сочли нужным привести только, как лично видевшие и слышавшие это, и не для того, чтобы учить лиц сведущих, которые, служа в боевом войске, знают военные хитрости. Именно, мы уверены, что те, кто опытен и сведущ в этом, придумают и сделают много лучшего и более полезного; однако они получают возможность благодаря вышесказанному иметь случай и содержание для размышления. Ибо сказано в Писании: «Слыша, мудрец будет мудрее, и разумный будет обладать кормилами».

ГЛАВА ПОСЛЕДНЯЯ

О тех областях, через которые мы проехали, и об их положении, о дворе императора Татар и его князей и о свидетелях, которые нас там нашли

Сказав, как надлежит встретить их на войне, скажем напоследок о пути, который мы свершили, о положении земель, через которые проехали, о порядках двора императора и его князей и о свидетелях, которые нашли нас в земле Татар.

§ I. О пути, который мы совершили, и о положении земель, через которые проехали

I. Когда мы уже вознамерились, как сказано выше, отправиться к Татарам, мы прибыли к королю Богемскому¹⁵³. Когда мы спросили у него совета, так как этот государь был благосклонен к нам издавна, какая дорога лучше для нашего путешествия, он ответил, что, как ему казалось, лучше было бы поехать через Польшу и Руссию, ибо в Польше у него были родственники, с помощью которых мы могли бы выехать в Руссию. И, дав нам грамоту и хороших провожатых, он приказал также давать продовольствие по его землям и городам, пока мы не приедем к князю Силезии, Болеславу¹⁵⁴, его племяннику, который был нам также знаком и близок.

II. Он также дал нам свою грамоту, надежных провожатых и продовольствие по своим поместьям и городам, пока мы не приехали к князю Ланцискому, Конраду¹⁵⁵. В это время, по спешествующей нам милости божией, туда прибыл Господин Василько¹⁵⁶, князь Руссии, от которого мы полнее узнали о настроянии Татар. Именно он посылал туда своих послов, которые вернулись к нему и брату его, Даниилу¹⁵⁷, с охранной грамотой для проезда к Бату для господина Даниила. Василько сказал нам, что если мы захотим поехать к ним, то нам следует иметь великие дары для раздачи им, так как они требовали их с большою надоедливостью, а если их не давали, то — что вполне правдиво — посол не мог соответственно исполнить своих дел; мало того, он, так сказать, не ценится ни во что. Мы же, не желая, чтобы дело Господина Папы и церкви встречало вследствие этого затруднение, приказали купить на то, что нам было дано как милостыня и для поддержания жизни, несколько шкур бобров, а также иных различных животных. Князь Конрад и княгиня Краковская¹⁵⁸, некие воины и епископ Краковский, узнав это, подарили нам также еще больше этих шкур. Также князь Конрад, сын его¹⁵⁹ и Краковский епископ очень

усердно просили вышеупомянутого Василько, чтобы он помог нам, насколько мог, в переезде к Татарам; он ответил им, что охотно это сделает.

III. Отсюда он повез нас в свою землю. И так как он задержал нас на несколько дней на своем иждивении, чтобы мы несколько отдохнули, и, по нашей просьбе, приказал явиться к нам своим епископам, то мы прочли им грамоту Господина Папы, в которой тот увещевал их, что они должны вернуться к единству святой матери церкви; мы также увещевали их и даже склоняли к тому же самому, насколько могли, как князя, так епископов и всех других, которые собрались. Но, так как в то время, когда вышеупомянутый князь поехал в Польшу, его брат, князь Даниил, поехал к Бату, и его не было налицо, то они не могли дать решительный ответ, и нам для окончательного ответа надлежало ждать возвращения Даниила.

IV. После этого вышеназванный князь послал с нами до Киева одного служителя. Тем не менее все же мы ехали постоянно в смертельной опасности из-за Литовцев, которые часто и тайно, насколько могли, делали набеги на землю России и особенно в тех местах, через которые мы должны были проезжать; и так как большая часть людей России была перебита Татарам или отведена в плен, то они поэтому отнюдь не могли оказать им сильное сопротивление, а со стороны самих Русских мы были в безопасности благодаря вышеназванному служителю. Отсюда, по споспешествующей милости божией и избавившись от врагов креста Христова, мы прибыли в Киев, который служит столицей России; прибыв туда, мы имели совещание о нашем путешествии с тысячником и другими знатными лицами, бывшими там же. Они нам ответили, что если мы поведем в Татарию тех лошадей, которые у нас были, то они все могут умереть, так как лежали глубокие снега, и они не умели добывать копытами траву под снегом, подобно лошадям Татар, а найти им для еды что-нибудь другое нельзя, потому что у Татар нет ни соломы, ни сена, ни корму. Поэтому мы после совещания решили оставить их там с двумя слугами, которые должны были охранять их. Вследствие этого нам надлежало дать подарки тысячнику, чтобы заслужить его милость для получения себе подвод и провожатых. Прежде чем попасть в Киев, мы смертельно заболели в Данилове ¹⁶⁰; тем не менее все же мы приказали, несмотря на сильную стужу, везти себя на повозке по снегу, чтобы дело христианства не могло испытать препятствия.

V. Итак, устроив все эти дела в Киеве, на второй день после праздника Очищения Нашей Владычицы ¹⁶¹, мы на лошадях тысячника и с провожатыми поспешно направились из Киева к иным варварским народам. Мы прибыли к некоему селению, по имени Канов ¹⁶², которое было под непосредственной властью

Татар. Начальник же селения дал нам лошадей и провожатых до другого селения, начальником коего был алан ¹⁶³ по имени Михей, человек, преисполненный всякой злобы и коварства. Именно он сам послал против нас в Киев некоторых своих телохранителей, дабы ложно сообщить нам от имени Коренцы ¹⁶⁴, чтобы мы считались послами и чтобы явились к нему. И хотя это неправда, он делал это для того, чтобы иметь возможность извлечь от нас дары. Когда же мы добрались до него, он выказал себя очень недоступным к нам и никоим образом не хотел нас провожать, если мы не посулим ему подарков; мы же, видя, что иначе не можем подвинуться далее, посулили дать ему несколько подарков, и, хотя мы давали ему то, что нам казалось соответственным, он не хотел брать, если мы не дадим ему большего. В силу этого нам пришлось прибавить согласно с его желанием, а кое-что он утащил у нас коварно, воровски и злобно.

VI. После этого мы выехали вместе с ним в понедельник Четырехдесятицы ¹⁶⁵, и он проводил нас до первой заставы Татар. И когда в первую пятницу после дня Пепла ¹⁶⁶ мы стали останавливаться на ночлег при закате солнца, на нас ужасным образом ринулись вооруженные Татары, спрашивая, что мы за люди. А когда мы ответили, что мы послы Господина Папы, то они тотчас удалились, получив от нас кое-что из съестного. С наступлением утра, когда мы встали и подвинулись несколько вперед, нам выехали навстречу их старейшины, бывшие на заставе, спрашивая, зачем мы едем к ним и какое имеем поручение. Мы ответили им, что мы послы Господина Папы, который является господином и отцом христиан. Он посылает нас как к царю, так к князьям и ко всем Татарам потому, что ему угодно, чтобы все христиане были друзьями Татар и имели мир с ними; сверх того, он желает, чтобы Татары были велики на небе перед Господом. Поэтому Господин Папа увещевает их как через нас, так и своей грамотой, чтобы они стали христианами и приняли веру Господа нашего Иисуса Христа, потому что иначе они не могут спастись. Кроме того, он поручает передать им, что удивляется такому огромному избиению людей, произведенному Татарями, и главным образом христиан, а преимущественно Венгров, Моравов и Поляков, которые подвластны ему, хотя те их ничем не обидели и не пытались обидеть. И так как Господь Бог тяжело разгневался на это, то Господин Папа увещевает их остерегаться от этого впредь и покаяться в совершенном. Еще мы сказали, что Господин Папа просил, чтобы они отписали ему, что хотят делать вперед, и каково их намерение и чтобы о своем вышесказанном они ответили ему своей грамотой. Выслушав причины и поняв указанное выше, они сказали, что, касательно этих речей, хотят дать нам подводы и провожатых к Коренце и тотчас попросили даров, что

мы и исполнили, ибо нам приходилось принуждение обращать в желание.

VII. Итак, дав подарки и получив для подвод лошадей, с которых слезли они сами, мы поспешили с их провожатыми отправиться к Коренце. Сами они, однако, предварительно послали к вышеназванному вождю вестника на быстром коне, чтобы передать ему те слова, которые мы им сказали. А этот вождь является господином всех, которые поставлены на заставе против всех народов Запада, чтобы те случайно не ринулись на них неожиданно и врасплох; как мы слышали, этот вождь имеет под своею властью шестьдесят тысяч вооруженных людей. Когда же мы добрались до него, он приказал нам поставить ставки вдали от него и послал к нам своих рабов-управителей спросить у нас, чем мы ему хотим поклониться, то есть какие хотим дать подарки. Мы ответили, что Господин Папа не послал никаких даров, так как не был уверен, что мы можем добраться до Татар. Сверх того, мы ехали по очень опасным местам из-за страха пред Литовцами, которые часто рыщут по дорогам от Польши до земли Татар и через страну которых мы проехали; но все же мы почтим его, как сможем, из того, что у нас есть по милости Божией и Господина нашего Папы. И хотя мы дали ему очень много, но ему этого показалось недостаточно, и через третьих лиц он попросил больше, обещая, что, если мы исполним его просьбу, он прикажет проводить нас с почетом; нам надлежало согласиться на это, раз мы хотели остаться в живых и привести к надлежащему осуществлению приказ Господина Папы.

VIII: Взяв дары, они повели нас к орде, или палатке ¹⁶⁷ его, и научили нас, чтобы мы трижды преклонили левое колено пред входом в ставку и бережно остереглись ступить ногой на порог входной двери. Мы тщательно исполнили это, так как смертный приговор грозит тем, кто с умыслом попирает порог ставки какого-нибудь вождя. Когда мы вошли, нам надлежало, в присутствии вождя и всех других старейшин, которые были нарочно для того приглашены, сказать, преклонив колена, то, что мы сказали выше. Мы поднесли ему также грамоту Господина Папы; но так как наш толмач, которого мы за плату взяли из Киева, не был в состоянии удовлетворительно истолковать смысл грамоты, а другого пригодного толмача не было, то поэтому они не могли уразуметь ее содержание. После этого нам дали лошадей и трех Татар, которые были десятниками, а один — человек Бату, чтобы отвезти нас с возможною поспешностью к вышеназванному вождю. А этот Бату наиболее могуществен по сравнению со всеми князьями Татар, за исключением императора, которому он обязан повиноваться.

IX. В понедельник же после первого воскресенья Четырнадцати¹⁶⁸ мы поспешно отправились в путь к нему, и, проезжая столько, сколько лошади могли пройти вскачь, так как обыкновенно у нас бывали свежие лошади три или четыре раза всякий день, мы ехали с утра до ночи, а, кроме того, весьма часто и ночью, но не могли добраться до него ранее среды Страстной Недели¹⁶⁹. Ехали же мы через всю страну Команов, представляющую собой сплошную равнину и имеющую четыре большие реки: первую — Днепр (Nepes), возле которой, со стороны Руси, кочевал Коренца, а с другой стороны по тамошним степям кочевал Мауци¹⁷⁰, который выше Коренцы; вторую — Дон, у которой кочует некий князь по имени Картан¹⁷¹, женатый на сестре Бату; третью — Волгу, эта река очень велика, у нее переходит с места на место Бату, четвертая называется Яик (Jaes), у нее переходят с места на место два тысячника, один с одной стороны реки, другой с другой стороны. Все они зимою спускаются к морю, а летом по берегу этих самых рек поднимаются на горы. Море же это есть Великое Море¹⁷², из которого выходит рукав Св. Георгия¹⁷³, текущий в Константинополь. На Днепре же мы в течение многих дней ехали по льду. Эти реки велики и преисполнены рыбами, а особенно Волга; эти реки впадают в море Греции, именуемое Великим Морем. По берегам этого моря мы в очень многих местах с большой опасностью в течение многих дней проезжали по льду, ибо оно хорошо замерзает на три левки¹⁷⁴ от берега. Но, прежде чем нам попасть к Бату, двое из наших Татар поехали вперед, чтобы передать ему все слова, которые мы сказали у Коренцы.

X. Когда же мы стали добираться до Бату, то нас с удобством поместили в пределах земли Команов на одну левку расстояния от его ставок. Когда же нас должны были отвести к его двору, то нам было сказано, что мы должны пройти между двух огней, чего нам не хотелось делать в силу некоторых соображений. Но нам сказали: «Идите спокойно, так как мы заставляем вас пройти между двух огней не по какой другой причине, а только ради того, чтобы, если вы умышляете какое-нибудь зло против нашего господина или если случайно приносите яд, огонь унес все зло». Мы ответили им: «Мы пройдем ради того, чтобы не подать на этот счет повода к подозрению». И когда мы добрались до орды, то его управляющий, по имени Елдегай¹⁷⁵, спросил нас, чем мы желаем поклониться, то есть какие дары желаем дать ему. Мы ответили ему так, как раньше сказали Коренце, а именно, что Господин Папа не посылал даров, а мы желаем почтить его, как можем, из того, что по милости божьей и Господина Папы имели на продовольствие. По вручении и принятии подарков управляющий Бату, по имени Елде-

гай, спросил у нас о причине нашего прибытия. Мы высказали ему те же самые причины, которые раньше сказали Коренце.

XI. Выслушав причины, нас ввели в ставку, после предварительного преклонения и выслушания напоминания о пороге, как о том сказано выше. Войдя же, мы произнесли свою речь, преклонив колена; произнеся речь, мы поднесли грамоту и просили дать нам толмачей, могущих перевести ее. Их дали нам в день Великой Пятницы ¹⁷⁶, и мы вместе с ними тщательно переложили грамоту на письма русские и саррацинские и на письма Татар ¹⁷⁷; этот перевод был представлен Бату, и он читал и внимательно отметил его. Наконец, нас отвели обратно к нашей ставке, но нам не дали никакой пищи, кроме как один раз, в первую ночь по приезде в чашке немного пшена.

XII. А этот Бату живет с полным великолепием, имея привратников и всех чиновников, как и император их. Он также сидит на более возвышенном месте, как на троне, с одною из своих жен; другие же, как братья и сыновья, так и иные младшие, сидят ниже посредине на скамейке, прочие же люди сзади их на земле, причем мужчины сидят направо, женщины налево. Шатры у него большие и очень красивые, из льняной ткани, раньше принадлежали они королю Венгерскому ¹⁷⁸. Никакой посторонний человек не смеет подойти к его палатке, кроме его семейства, иначе как по приглашению, как бы он ни был велик и могуществен, если не станет случайно известным, что на то есть воля самого Бату. Мы же, высказав свое дело, сели слева, так именно поступают все послы при езде туда; а при возвращении от императора нас всегда сажали справа. На середине, вблизи входа в ставку, ставят стол, на котором ставится питье в золотых и серебряных сосудах, и ни Бату, ни один Татарский князь не пьют никогда, если пред ними не поют ¹⁷⁹ или не играют на гитаре. И когда он едет, то над головой его несут всегда щит от солнца или шатерчик на копье, и так поступают все более важные князья Татар и даже жены их. Вышеупомянутый Бату очень милостив к своим людям, а все же внушает им сильный страх; в бою он весьма жесток; он очень проникателен и даже весьма хитер на войне, так как сражался уже долгое время.

XIII. В день же Великой Субботы ¹⁸⁰ нас позвали к ставке, и к нам вышел раньше упомянутый управляющий Бату, сообщая от его имени, чтобы мы поехали к императору Куйюку, в их собственную землю, оставив некоторых из наших в той надежде, что их отошлют обратно к Господину Папе. Мы дали им для вручения ему грамоту о всех наших деяниях, но, когда они вернулись к Мауци, их там удержали до нашего возвращения. Мы же в день Воскресения Господня, отслужив обедню и совершив кое-какую трапезу, удалились вместе с двумя Татарами,

которые были приставлены к нам у Коренцы, с горькими слезами, не зная, едем ли мы на смерть или жизнь. Мы были, однако, так слабы, что с трудом могли ехать: в течение всей той Четыредесятницы — равно как и в другие постные дни — пищей нашей служило только пшено с водою и солью, и у нас не было, что пить, кроме снега, растаявшего в котле.

XIV. С севера же к Комании, непосредственно за Руссией, Мордвинами и Билерами, то есть великой Булгарией, прилегают Баскарты, то есть великая Венгрия; за Баскартами Паросситы и Самогеды, за Самогедами те, кто, как говорят, имеет собачье лицо, на берегах Океана в пустынях. С юга же к Комании прилегают Аланы, Чиркаасы ¹⁸¹, Хозары (Gazaros), Греция и Константинополь, также земля Иберов, Кахи ¹⁸², Брутахии ¹⁸³, которые слывут иудеями — они бреют голову, — также земля Цикков ¹⁸⁴, Георгианов и Арменов и земля Турков. А с запада прилегают Венгрия и Руссия. И вышеупомянутая земля очень велика и длинна. Мы проехали через нее наивозможно быстро, так как всякий день, по пяти или семи раз на дню, у нас бывали свежие лошади, за исключением того времени, когда мы ехали по пустыням, как сказано выше, и тогда мы получали лошадей лучших и более крепких, могущих выдержать непрерывный труд, именно с начала Четыредесятницы и кончая неделей после Пасхи. Этих Команов перебили Татары. Некоторые даже убежали от их лица, а другие обращены ими в рабство; однако весьма многие из бежавших возвращаются к ним.

XV. После этого мы въехали в землю Кангитов, в которой в очень многих местах ощущается сильная скудость в воде, даже и население ее немногочисленно из-за недостатка в воде. Поэтому люди князя Русского, Ярослава, ехавшие к нему, в татарскую землю, в большом количестве умерли в этой пустыне. В этой земле, а также в Комании, мы нашли многочисленные голы и кости мертвых людей, лежащие на земле подобно навозу; через эту землю мы ехали, начиная с восьмого дня после Пасхи и почти до Вознесения ¹⁸⁵ Господа Нашего. Эти люди были язычники, и как Команы, так и Кангиты не обрабатывали земли, а питались только скотом; они не строили также домов, а помещались в шатрах. Их также истребили Татары и живут в их земле, а те, кто остался, обращены ими в рабов.

XVI. Из земли Кангитов въехали в землю Биссерминов ¹⁸⁶. Эти люди говорили и доселе еще говорят команским языком, а закона держатся Саррацинского. В этой земле мы нашли бесчисленные истребленные города, разрушенные крепости и много опустошенных селений. В этой земле есть одна большая река ¹⁸⁷, имя которой нам неизвестно; на ней стоит некий город, именуемый Янкинт (Janckint), другой по имени Бархин и третий, именуемый Орнас, и очень много иных, имена ко-

торых нам неизвестны. У этой земли был владыка, которого звали Алтисолданус¹⁸⁸; он был умерщвлен Татарами вместе со всем своим потомством; собственное имя его нам неизвестно. А в земле этой существуют величайшие горы; с юга же прилегают к ней Иерусалим, Балдах¹⁸⁹ и вся земля Саррацинов¹⁹⁰; по близости их границ живут два вождя — родные братья Бурин и Кадан¹⁹¹; с севера же прилегает к ней часть земли черных Китаев и Океан. Там пребывает Сыбан, брат Бату. Через эту землю мы ехали от праздника Вознесения и кончая почти неделей до праздника блаженного Иоанна Крестителя¹⁹³.

XVII. Затем мы въехали в землю черных Китаев, в которой Татары построили сызнава только один город, по имени Омыл¹⁹³. Император построил здесь дом, в который мы приглашены были выпить, и тот, кто был там со стороны императора, заставил плясать пред нами старейшин города, а также двух своих сыновей. Выехав оттуда, мы нашли некое море¹⁹⁴, не очень большое, имя которого, так как мы не спросили о нем, нам неизвестно. На берегу же этого моря существует некая небольшая гора, в которой, как говорят, имеется некоторое отверстие, откуда зимою выходят столь сильные бури с ветрами, что люди едва и с большою опасностью могут проходить мимо. Летом же там слышен всегда шум ветров, но, как передавали нам жители, он выходит из отверстия слегка. По берегам этого моря мы ехали довольно много дней; это море имеет довольно много островков, и мы оставили его с левой стороны. Земля же изобилует многими реками, но небольшими; на берегах рек с той и другой стороны стоят леса, но необширные. В этой земле живет Орду, старший над Бату; мало того, он древнее всех князей татарских; там имеется также орда, или двор, его отца¹⁹⁵, в котором живет управляющая им одна из его жен. Ибо у Татар существует такой обычай, что дворов князей и вельмож они не разрушают, а всегда назначают для управления ими каких-нибудь женщин и им отдают часть подарков, как обычно давали их владыкам. После этого мы приехали к первой орде императора, в которой была одна из его жен; и так как мы еще не видели императора, то они не захотели нас пригласить и допустить к его орде, но устроили нам в нашем шатре очень хорошее, по обычаю Татар, угощение и удержали нас там на один день, чтобы дать нам возможность отдохнуть.

XVIII. Выехав отсюда в канун дня, посвященного блаженному Петру¹⁹⁶, мы попали в землю Найманов; они язычники¹⁹⁷. В день же апостолов Петра и Павла там выпал глубокий снег, и мы ощутили сильнейший холод. Эта земля чрезмерно гориста и холодна, а ровных мест там немного. (И эти два на-

рода не занимались земледелием, но, подобно Татарам, жили в шатрах; Татары также их уничтожили.) Через эту страну мы ехали много дней.

XIX. Затем мы въехали в страну Монгалов, именуемых нами Татарами. Как мы полагаем, мы ехали через эту землю три недели быстрого пути, а в день блаженной Марии Магдалины¹⁹⁸ приехали к Куйюку, нынешнему императору. По всей этой дороге мы продвигались с великой поспешностью, потому что нашим Татарам было приказано быстро отвезти нас на торжественное заседание, назначенное уже несколько лет тому назад для избрания императора, чтобы мы имели возможность при сем присутствовать. Поэтому мы вставали рано утром и ехали до ночи без еды; и очень часто приезжали так поздно, что не ели и ночью, а то, что мы должны были есть вечером, нам давалось ранним утром, и мы ехали, как только могли скакать лошади. Ибо лошадей отнюдь не щадили, так как очень часто днем мы видели свежих лошадей, и, как сказано выше, те, которые валились, возвращались обратно. И таким образом мы ехали быстро без всякого перерыва.

§ II. Об устройстве двора императора и его князей

I. Когда же мы приехали к Куйюку, то он велел дать нам шатер и продовольствие, какое обычно дают Татары; все же у нас было оно получше, чем они делали это для других послов. К нему самому, однако, нас не позвали, так как он еще не был избран и не допускал к себе по делам правления. Все же выше-названный Бату вручил ему перевод грамоты Господина Папы и содержание других речей, произнесенных нами. И, когда мы простояли там пять или шесть дней, он отослал нас к своей матери¹⁹⁹, где собиралось торжественное заседание. И, когда мы прибыли туда, уже был воздвигнут большой шатер, приготовленный из белого пурпура; по нашему мнению, он был так велик, что в нем могло поместиться более двух тысяч человек, а кругом была сделана деревянная ограда (*tabulatum*), которая была разрисована разными изображениями.

II. На второй или на третий день мы поехали туда с Татарами, назначенными нам для охраны, и там собрались все вожди. Каждый из них разъезжал со своими людьми кругом по холмам и по равнине. В первый день все одеты были в белый пурпур, на второй — в красный, и тогда к упомянутому шатру прибыл Куйюк; на третий день все были в голубом пурпуре, а на четвертый — в самых лучших балдакинах. А у упомянутой ограды возле шатра было двое больших ворот: через одни должен был входить один только император, а при них не было ни-

какой охраны, хотя они были открыты, так как через них никто не смел входить или выходить; через другие вступали все, кто мог быть допущен, и при этих воротах стояли сторожа с мечами, луками и стрелами. И если кто-нибудь подходил к шатру за назначенные границы, то его подвергали бичеванию, если хватали; если же он бежал, то в него пускали стрелу без железного наконечника. Лошади, как мы думаем, находились на расстоянии двух полетов стрелы. Вожди шли отовсюду вооруженные с очень многими из своих людей, но никто, кроме вождей, не мог подойти к лошадям; мало того, те, кто пытался гулять между [ними], подвергались тяжким побоям. И было много таких, которые на уздечках, нагрудниках, седлах и подседельниках имели золота приблизительно, по нашему расчету, на двадцать марок²⁰⁰. И таким образом, вожди говорили внутри шатра и, как мы полагаем, рассуждали об избрании. Весь же другой народ был далеко вне вышеупомянутой ограды. И таким образом они пребывали почти до полудня, а затем начали пить кобылье молоко и до вечера выпили столько, что было удивительно смотреть.

III. Нас же позвали внутрь и дали нам пива, так как мы все не пили кобыльего молока, и этим они оказали нам великий почет; но все же они принуждали нас пить, чего мы с непривычки никоим образом не могли выдержать. Поэтому мы указали им, что нас это тяготило, и тогда они перестали нас принуждать. Снаружи ограды был Русский Князь Ярослав из Суздаля²⁰¹ и несколько вождей Китаев и Солангов, также два сына царя Грузии, также посол калифа Балдахского²⁰², который был султаном, и более десяти других султанов Саррацинов, как мы полагаем и как нам говорили управляющие. Там было более четырех тысяч послов в числе тех, кто приносил дань, и тех, кто шел с дарами султанов, других вождей, которые являлись покориться им, тех, за которыми они послали, и тех, кто были наместниками земель. Всех их вместе поставили за оградой и им подавали пить вместе; нам же и князю Ярославу они всегда давали высшее место, когда мы были с ними вне ограды. Если мы хорошо помним, то думаем, что пребывали там в довольстве четыре недели, и мы полагаем, что там справляли избрание, но там его не обнародовали. И об этом можно было догадываться главным образом потому, что всякий раз, как Куйюк выходил там из шатра, то, пока он пребывал вне ограды, пред ним всегда пели²⁰³, а также наклоняли какие-то красивые прутья, имевшие вверху багряную шерсть²⁰⁴. Этого не делали ни перед каким другим вождем. А ставка эта, или двор, именуется ими Сыра-Орда.

IV. Отправившись отсюда, мы все вместе поехали на другое место, за три или четыре левки. Там на одной прекрасной рав-

нине, возле некоего ручья между горами²⁰⁵, был приготовлен другой шатер, называемый у них Золотой Ордой. Там Куйюк должен был воссесть на престол в день Успения нашей Владычицы, но из-за выпавшего града, о котором было сказано выше, это было отложено. Шатер же этот был поставлен на столбах, покрытых золотыми листьями и прибитых к дереву золотыми гвоздями, и сверху и внутри стен он был крыт балдакином, а снаружи были другие ткани. Там пробыли мы до праздника блаженного Варфоломея²⁰⁶, в который собралась большая толпа и стояла с лицами, обращенными к югу. Были некоторые, которые находились от других на расстоянии полета камня, и продвигались все дальше и дальше, творя молитвы и преклоняя колена к югу. Мы же не желали делать коленопреклонения, не зная, творят ли они заклинания или преклоняют колена перед Богом или кем другим. Это они делали долго, после чего вернулись к шатру и посадили Куйюка на императорском престоле²⁰⁷, и вожди преклонили пред ним колена. После этого то же сделал весь народ, за исключением нас, которые не были им подчинены.

Затем они стали пить и, как это у них в обычае, пили непрерывно вплоть до вечера. После этого прибыло на повозках вареное мясо, без соли, и они давали один кусок на четверых или на пятерых. В шатре же подавали мясо и похлебку с солью вместо соуса, и так было всякий день, когда они устраивали пиршества.

V. Тут позвали нас пред лицо императора; и когда первый секретарь, Хингай²⁰⁸, записал имена наши и тех, от кого мы были посланы, а также вождя Солангов и иных, он прокричал громким голосом, читая их перед императором и всеми вождями. После этого каждый из нас четыре раза преклонил левое колено, и они внушили нам не касаться внизу порога. Когда они тщательно обыскали нас касательно ножей и ничего не нашли, мы вошли в дверь с восточной стороны, так как с запада не смеет входить никто, кроме одного только императора. Также поступает и каждый вождь в своем шатре; менее же важные лица не очень заботятся об этом. И это было в первый раз, что, после того как он стал императором, мы в его присутствии вошли в его ставку; он принимал там послов, но в шатер его входили весьма немногие. Там также послы принесли столь великие дары в шелках, бархатах, пурпурах, балдакинах, шелковых поясах, шитых золотом, благородных мехах и других приношениях, что было удивительно взглянуть. Был ему также поднесен там некий щиток от солнца или шатерчик²⁰⁹, который носят над головою императора; он был весь убран жемчугами. Там также некий начальник одной области привел ему много верблюдов с попонами из балдакина, и на них положены были седла с ка-

кими-то снарядами, внутри которых могли сидеть люди, и, как мы думаем, верблюдов было сорок или пятьдесят, а также много коней и мулов, прикрытых бляхами или вооруженных, причем у некоторых бляхи были из кожи, а у некоторых из железа. И нас также спросили, желаем ли мы дать дары; но мы уже почти все потратили, почему у нас ничего не было, что ему дать. Там же, на горе, вдали от ставок, было расставлено более чем 500 повозок, которые все были полны золотом, серебром и шелковыми платьями. Все они были разделены между императором и вождями; и отдельные вожди распределили свои части между своими людьми, однако так, как им было угодно.

VI. Удалившись оттуда, мы прибыли к другому месту, где был раскинут изумительный шатер, весь из пламенно-красного пурпура, который подарили Китаю. Туда нас ввели также внутрь. И всегда, когда мы входили, нам давали пить пиво или вино, предлагали также вареного мяса, если мы желали получить его. Был также воздвигнут высокий помост из досок, где был поставлен трон императора. Трон же был из слоновой кости, изумительно вырезанный; было там также золото, дорогие камни, если мы хорошо помним, и перлы; и на трон, который сзади был круглым, взбирались по ступеням. Кругом этого сидища были также поставлены лавки, где госпожи сидели на скамейках с левой стороны, справа же никто выше не сидел, а вожди сидели на лавках ниже, и притом в середине, прочие же сидели сзади их. И каждый день госпожи собирались в огромном количестве. Эти три палатки, о которых мы сказали выше, были очень велики; другими же палатками из белого войлока, достаточно большими и красивыми, обладали его жены. Там они разделились, и мать императора пошла в одну сторону, а император в другую, для производства суда. Была схвачена тетка²¹⁰ нынешнего императора, убившая ядом его отца, в то время когда их войско было в Венгрии, откуда вследствие этого удалилось вспять войско, бывшее в вышеупомянутых странах. Над ней и очень многими другими был произведен суд, и они были убиты.

VII. В то же время умер Ярослав²¹¹, бывший великим князем в некоей части России, которая называется Суздаль. Он только что был приглашен к матери императора²¹², которая, как бы в знак почета, дала ему есть и пить из собственной руки; и он вернулся в свое помещение, тотчас же занедужил и умер спустя семь дней, и все тело его удивительным образом посинело. Поэтому все верили, что его там опоили, чтобы свободнее и окончательнее завладеть его землею. И доказательством этому служит то, что мать императора, без ведома бывших там его людей, поспешно отправила гонца в Россию к его сыну

Александру ²¹³, чтобы тот явился к ней, так как она хочет подарить ему землю отца. Тот не пожелал поехать, а остался, и тем временем она посылала грамоты, чтобы он явился для получения земли своего отца. Однако все верили, что если он явится, она умертвит его или даже подвергнет вечному плену.

VIII. После смерти Ярослава, если только мы хорошо помним время, наши Татары отвели нас к императору. И когда император услышал от наших Татар, что мы пришли к нему, то велел нам вернуться к матери ради того, что на следующий день он хотел поднять знамя против всей земли Запада, как нам говорили за верное знавшие про то, и как о том сказано выше; именно он хотел, чтобы мы не знали этого. И когда мы вернулись, то пробыли немного дней и снова вернулись к нему; вместе с ним мы пробыли благополучно месяц, среди такого голода и жажды, что едва могли жить, так как продовольствия, выдаваемого на четверых, едва хватало одному, и мы не могли ничего найти купить, так как рынок был очень далеко. И, если бы Господь не предупредил нас некоего Русского по имени Косму ²¹⁴, бывшего золотых дел мастером у императора и очень им любимого, который оказал нам кой в чем поддержку, мы, как полагаем, умерли бы, если бы Господь не оказал нам помощи через кого-нибудь другого. Косма показал нам и трон императора, который сделан был им раньше, чем тот воссел на престоле, и печать его, изготовленную им, а также разъяснил нам надпись на этой печати. И также много других тайн вышеупомянутого императора мы узнали через тех, кто прибыл с другими вождями, через многих Русских и Венгров, знающих по-латыни и по-французски, через русских клириков и других, бывших с ними, причем некоторые прибывали тридцать лет на войне и при других деяниях Татар и знали все их деяния, так как знали язык и неотлучно пребывали с ними некоторые двадцать, некоторые десять лет, некоторые больше, некоторые меньше; от них мы могли все разведать, и они сами излагали нам все охотно, иногда даже без вопросов, так как знали наше желание.

IX. После этого император послал к нам сказать, через Хингая, своего первого секретаря, чтобы мы записали наши слова и поручения и отдали ему; это мы и сделали, написав ему все слова, сказанные раньше у Бату, как сказано выше. И по прошествии нескольких дней он приказал снова позвать нас и сказал нам через Кадана, управителя всей державы, в присутствии первых секретарей Бала и Хингая и многих других писцов, чтобы мы сказали все слова; мы исполнили это добровольно и охотно. Толмачом же нашим был как этот раз, так и другой Темер, воин Ярослава ²¹⁵, в присутствии клирика, бывшего с ним, а также другого клирика, бывшего с императором.

И он спросил нас в то время, есть ли у Господина Папы лица, понимавшие грамоту Русских или Саррацинов, или также Татар. Мы ответили, что не знаем ни русской, ни татарской, ни саррацинской грамоты, но Саррацины все же есть в стране, хотя и живут далеко от Господина Папы. Все же мы высказали то, что нам казалось полезным, а именно, чтобы они написали по-татарски и перевели нам, а мы напишем это тщательно на своем языке и отвезем как грамоту, так и перевод Господину Папе. И тогда они удалились от нас к императору.

X. В день же блаженного Мартина ²¹⁶ нас позвали вторично, и к нам пришли Кадак, Хингай, Бала и многие вышеупомянутые писцы и истолковали нам грамоту от слова до слова. А когда мы написали ее по-латыни, они заставляли переводить себе отдельными речениями (*orationes*), желая знать, не ошибаемся ли мы в каком-нибудь слове. Когда же обе грамоты были написаны, они заставили нас читать раз и два, чтобы у нас случайно не было чего-нибудь меньше, и сказали нам: «Смотрите, чтобы все хорошенько понять, так как нет пользы от того, что вы не поймете всего, если должны поехать в такие отдаленные области». И когда мы ответили: «Понимаем все хорошо», они переписали грамоту по-саррацински ²¹⁷, чтобы можно было найти кого-нибудь в тех странах, кто прочитал бы ее, если пожелает Господин Папа.

XI. У Татарского императора в обычае, что он никогда не говорит с иностранцем собственными устами, как бы тот ни был велик, но слушает и отвечает чрез посредствующее лицо, как было сказано. Всякий же раз, однако, когда они излагают дело пред Кадаком или выслушивают ответ императора, те, кто ему подчинен, стоят, преклонив колена, до конца речи, как бы они ни были велики. Не может быть, да и нет обычая, чтобы кто-нибудь говорил что-нибудь о каком-нибудь деле после того, как оно решено императором. А вышеупомянутый император как имеет управляющего, первых секретарей и писцов, так имеет в делах как общественных, так и частных всяких чиновников, за исключением стряпчих, потому что все делается без шума судебных разбирательств по воле императора. И другие князья Татар поступают так же в том, что к ним относится.

XII. А этот император может иметь от роду сорок или сорок пять лет или больше; он небольшого роста; очень благоразумен и чересчур хитер, весьма серьезен и важен характером ²¹⁸. Никогда не видит человек, чтобы он попусту смеялся и совершал какой-нибудь легкомысленный поступок, как нам говорили христиане, неотлучно с ним пребывавшие. Говорили нам также христиане, принадлежавшие к его челяди, что они твердо веруют, что он должен стать христианином; и явный признак этого они видят в том, что он держит христианских клириков и

дает им содержание, также пред большой своей палаткой имеет всегда христианскую часовню; и они поют всенародно и открыто и звонят к часам, согласно обычаю Греков, как и прочие христиане, как бы велика там ни была толпа Татар или также других людей; другие вожди этого не делают.

XIII. Император, как сказали нам наши Татары, имел намерение отправить с нами своих послов, которые должны были поехать с нами. Все-таки, как мы полагаем, он хотел, чтобы мы этого у него попросили, потому что один из наших Татар, который был постарше, внушал нам, чтобы мы просили этого. Но, так как нам далеко не казалось удобным, чтобы они отправились, мы ответили, что не наше дело просить, но если сам император пошлет их по своей воле, и мы проводим их с помощью Божией в безопасности. Нам же по многим причинам представилось неудобным прибытие их.

Первая — та, что мы опасались, что при виде существовавших между нами раздоров и войн они еще более воодушевятся к походу против нас.

Вторая причина была та, что мы питали страх, не оказались бы они лазутчиками в нашей земле.

Третья причина была та, что мы боялись, что их убьют, так как наши народы в значительной степени надменны и горды: когда служители, которые были с нами, по просьбе Кардинала, легата Алемании ²¹⁹, пошли к нему в татарском платье, то по дороге они чуть не были убиты Тевтонами и были вынуждены снять это платье, ибо у Татар есть обычай никогда не заключать мира с теми людьми, которые убили их послов, чтобы отомстить им.

Четвертая причина состоит в том, что мы страшились, что их отнимут у нас силою, как это однажды случилось с одним князем Саррацинов, который все еще находится в плену, если не умер.

Пятая причина та, что от их приезда не было никакой пользы, так как у них не было никакого другого поручения или власти, как только передать грамоту императора Господину Папе и другим князьям, а грамота эта была у нас; и мы считали злом то, что может отсюда выйти. Поэтому нам не нравилось, чтобы они ехали. На третий день после этого, именно в праздник блаженного Бриция ²²⁰, нам дали отпуск и грамоту, запечатанную печатью императора, и послали нас к матери императора; она дала каждому из нас лисью шубу, шерстью наружу и изнутри подбитую ватой, а также пурпур; из него наши Татары украли пядень от каждого куска, а от того что дали служителю, украли добрую половину. Это от нас не укрылось, но мы не пожелали вступать в пререкания по такому поводу.

Выезд монгольского хана
(Персидская миниатюра 1315 г.)

Изображе Гуюка Великим ханом
(Французский рисунок XVIII в.)

§ III. О пути, который мы совершили при возвращении

I. Тогда мы направились в обратный путь и проехали всю зиму, причем нам приходилось часто спать на снегу в пустынях, где не было дерев, а ровное поле; иногда только могли мы прорыть себе место ногою. И часто, когда ветер гнал снег, мы оказывались совершенно покрытыми им. И таким образом к Вознесению Господню ²²¹ приехали мы к Бату, у которого спросили, что ответить Господину Папе. Он ответил, что не желает ничего поручать, кроме того, что написал император; все же он прибавил, чтобы мы тщательно передали Господину Папе и другим владыкам о том, что написал император. И, получив проезжую грамоту, мы удалились от него и добрались до Мауци в субботу после Троицыной недели; там были наши товарищи и служители, которые были задержаны; мы заставили привести их к себе обратно. И оттуда мы поехали к Коренце, который также снова попросил у нас даров, а мы не дали, потому что у нас не было; он дал нам двух Команов, бывших из числа Татар, до Русского города Киева. Однако наш Татарин не покинул нас, пока мы не выехали с последней заставы Татар. Те же, другие, приставленные к нам Коренцей, в шесть дней довели нас от последней заставы до Киева.

II. Приехали же мы туда за пятнадцать дней до праздника блаженного Иоанна Крестителя ²²². Киевляне же, узнав о нашем прибытии, все радостно вышли нам навстречу, именно они поздравляли нас, как будто мы восстали от мертвых; так принимали нас по всей Руси, Польше и Богемии. Даниил и Василько, брат его, устроили нам большой пир и продержали нас против нашей воли дней с восемь. Тем временем они совещались между собою, с епископами и другими достойными уважения людьми о том, о чем мы говорили с ними, когда ехали к Татарам, и единодушно ответили нам, говоря, что желают иметь Господина Папу своим преимущественным господином и отцом, а святую Римскую Церковь владычицей и учительницей, причем подтвердили все то, о чем раньше сообщали по этому поводу чрез своего аббата, и послали также с нами касательно этого к Господину Папе свою грамоту и послов.

§ IV. О свидетелях, которые нашли нас в земле Татар

I. И, чтобы не возникло у кого-нибудь сомнения, что мы были в земле Татар, мы записываем имена тех, кто нас там нашел. Король Даниил Русский со всеми воинами и людьми, именно с теми, которые прибыли с ним, нашел нас вблизи ста-

вок Картана, женатого на сестре Бату; у Коренцы мы нашли Киевского сотника Монгрота²²³ и его товарищей, которые провожали нас на некоторую часть дороги; а к Бату они прибыли раньше нас. У Бату мы нашли сына князя Ярослава, который имел при себе одного воина из Руссии, по имени Сангора; он родом Коман, но теперь христианин, как и другой Русский, бывший нашим толмачом у Бату, из земли Суздальской. У императора Татар мы нашли князя Ярослава, там умершего, и его воина, по имени Темера, бывшего нашим толмачом у Куйюккана, то есть императора Татар, как по переводу грамоты императора к Господину Папе, так и при произнесении речей и ответе на них; там был также Дубарлай, клирик вышеупомянутого князя, и служители его Яков, Михаил и другой Яков. При возвращении в землю Бесерминов, в городе Лемфинк²²⁴, мы нашли Угнея, который, по приказу жены Ярослава и Бату, ехал к вышеупомянутому Ярославу, а также Коктелеба и всех его товарищей. Все они вернулись в землю Суздальскую в Руссии; у них можно будет, если потребуется, отыскать истину. У Мауци нашли наших товарищей, которые оставались там, князь Ярослав и его товарищи, а также некто из Руссии по имени Святополк (Santopolicus) и его товарищи. И при выезде из Комании мы нашли князя Романа, который въезжал в землю Татар, и его товарищей и живущего поныне князя Алогу (Aloha) и его товарищей. С нами из Комании выехал также посол князя Черниговского и долго ехал с нами по Руссии. И все это Русские князья.

II. Свидетелями служат все граждане Киева, давшие нам провожатых и коней до первой Татарской заставы и встретившие нас при возвращении с провожатыми из Татар и их конями, которые к нам возвращались, и все Русские люди, через землю которых мы проезжали и которые приняли запечатанную грамоту Бату и приказ давать нам лошадей и продовольствие; если же они этого не сделали бы, то были бы казнены им. Сверх того, свидетелями служат Бреславльские купцы, ехавшие с нами вплоть до Киева и знавшие, что наш отряд въехал в землю Татар, а равно и многие другие купцы как из Польши, так и из Австрии, прибывшие в Киев после нашего отъезда, к Татарам.

Служат свидетелями и купцы из Константинополя, приехавшие в Руссию через землю Татар и бывшие в Киеве, когда мы вернулись из земли Татар. Имена же купцов этих следующие: Михаил Генуэзский, а также и Варфоломей, Мануил Венецианский, Яков Реверий из Акры, Николай Пизанский; это более главные. Другие, менее важные, суть: Марк, Генрих, Иоанн Вазий, другой Генрих Бонадиес, Петр Пасхами; было еще и много других, но имена их нам неизвестны.

[З а к л ю ч е н и е   д л я   в с е й   к н и г и]

Просим всех, кто читает вышесказанное, чтобы они ничего не изменяли и не прибавляли, так как мы, в предшествеии истины, написали все, что видели или слышали от других, кого считали достойными доверия, ничего не прибавляя с умыслом, чему Бог свидетель. Но так как те, через землю которых мы проезжали, живущие в Польше, Богемии, Тевтонии, Леодии и Кампани, имели желание прочитать написанную историю, то они списали ее раньше, чем она была закончена и вполне исправлена, потому что у нас еще не было времени, чтобы иметь возможность вполне закончить ее на досуге. Отсюда да не удивляется никто, что она гораздо подробнее и лучше исправлена, чем та, потому что эту, получив малейшую возможность досуга, мы вполне исправили и завершили то, что еще не было выполнено.

З а к о н ч е н а   и с т о р и я   М о н г а л о в ,
и м е н у е м ы х   н а м и   Т а т а р а м и .

Тильом де Рубрук

ПУТЕШЕСТВИЕ
В ВОСТОЧНЫЕ
СТРАНЫ

ПУТЕШЕСТВИЕ В ВОСТОЧНЫЕ СТРАНЫ
ВИЛЬГЕЛЬМА ДЕ РУБРУК
В ЛЕТО БЛАГОСТИ
1253

ослание Вильгельма де Рубрук Людовику IX¹, королю французскому.

Превосходительнейшему и христианнейшему государю, Людовику, Божией милостью славному королю Франков, брат Вильгельм де Рубрук, наименьший в ордене братьев миноритов [шлет] привет и [желает] всегда радоваться о Христе. Писано в Екклезиасте² о Мудреце: «Он отправится в землю чужих народов, испытает во всем хорошее и дурное».

Это дело свершил я, господин Король мой, но о если бы как мудрец, а не как глупец, ибо многие творят то, что творит мудрец, но не мудро, а более глупо; боюсь, что я принадлежу к их числу.

Все же, каким бы образом я ни свершил это, но, раз вы сказали мне, когда я удалялся от вас, чтобы я описал вам все, что увижу среди Татар, и даже внушили, чтобы я не боялся писать вам длинных посланий, я делаю то, что вы препоручили, правда, делаю со страхом и почтением, так как у меня не хватает соответствующих слов, которые я должен был бы написать вашему столь славному величеству.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

*Отъезд наш из Константинополя и прибытие в Солдаию³
первый город Татар*

Итак, да знает ваше священное величество, что в лето Господне 1253 г. седьмого мая⁴, въехали мы в море Понта, именуемое в просторечии великим (majus) морем⁵. Как я узнал от купцов, оно имеет в длину 1400 миль⁶ и разделяется как бы на две части. Именно около его середины находятся два выступа земли: один на севере, а другой на юге⁷. Тот, который находится на юге, именуется Синополь⁸, и это — крепость и гавань султана Турции; тот, который находится на севере, занят некоей областью, именуемой ныне Латинами Газария⁹; Греками же, живущими в ней по берегу моря, она именуется Кассария, то есть Цезария. И [там] есть некие мысы, выдающиеся в море, именно с юга в направлении к Синопюлю; между Синопюлем и Кассарией триста миль, так что от этих выступов считается в направлении к Константинопюлю семьсот миль в длину и ширину и семьсот в направлении к востоку, то есть к Иверии, которая есть область Грузии¹⁰. Мы прибыли в область Газарию, или Кассарию, которая представляет как бы треугольник, имеющий с запада город, именуемый Керсона¹¹, в котором был замучен святой Климент. И, плывя перед этим городом, мы увидели остров, на котором находится знаменитый храм, сооруженный, как говорят, руками ангельскими. В середине же, приблизительно в направлении к южной оконечности, Кассария имеет город, именуемый Солдаия¹², который обращен к Синопюлю наискось, и туда пристают все купцы, как едущие из Турции и желающие направиться в северные страны, так и едущие обратно из России и северных стран и желающие переправиться в Турцию. Одни привозят горностаев, белок¹³ и другие драгоценные меха; другие привозят ткани из хлопчатой бумаги, бумазею (gambasio), шелковые материи и душистые корни. В восточной же части этой области есть город, именуемый Матрика¹⁴, где река Танаид¹⁵ впадает в море Понта, имея в устье 12 миль в ширину. Именно эта река, прежде чем впасть в море Понта, образует на севере как бы некое море¹⁶, имеющее в ширину и длину семьсот миль, но нигде не имеющее глубины свыше шести шагов (passus); поэтому большие корабли не входят в него, а купцы из Константинополя, приставая к вышеупомянутому городу Матрике, посылают [оттуда] свои лодки (barcas) до реки Танаида, чтобы закупить сушеной рыбы, именно осетров, чебаков¹⁷ (hosas barbatus) и других рыб в беспредельном количестве.

Итак, вышеупомянутая область Цезария окружена морем с трех сторон, именно с запада, где находится Керсона, город

Климента, с юга, где город Солдаия, к которому мы пристали, он вершина области, и с востока, где город Маритандис или Матрика и устье моря Танаидского. Выше этого устья находится Зикия¹⁸, которая не повинуется Татарам, а к востоку Свевы¹⁹ и Иверы²⁰, которые [также] не повинуются Татарам. Затем к югу находится Трапезунда²¹, которая имеет собственного государя по имени Гвидо²², принадлежащего к роду императоров константинопольских; он повинуется Татарам. Затем лежит Синополь, который принадлежит султану Турции; он равным образом [им] повинуется. Затем находится земля Вастация²³, сын которого, по деду со стороны матери, именуется Аскар²⁴; он не повинуется [Татарам]. От устья Танаида к западу, до Дуная, все принадлежит им; также и за Дунаем, в направлении к Константинополю, Валахия²⁵, земля, принадлежащая Ассану²⁶, и малая Булгария до Склавонии, все платят им дань; даже и сверх условленной дани они брали, в недавно минувшие годы, со всякого дома по одному топору и все железо, которое находили в слитке.

Итак, мы прибыли в Солдаию 21 мая, а раньше нас приехали туда некие купцы из Константинополя, которые сказали, что туда явятся послы из Святой Земли, желающие направиться к Сартаху²⁷. Однако я заявил в Вербное Воскресенье²⁸, говоря проповедь в церкви Святой Софии, что я не ваш и ничей посол, но направляюсь к этим неверным согласно уставу нашего ордена. Затем, когда я прибыл в Солдаию, названные купцы внушили мне, чтобы я говорил осторожно, так как они ранее сказали, что я являюсь послом, и если бы я стал говорить, что я не посол, то мне отказали бы в проезде. Тогда я следующим образом сказал начальникам (*capitaneos*) города, а вернее их заместителям, так как начальники отправились зимою к Батью с данью и еще не вернулись: «Мы слышали, что о вашем господине Сартахе (*Sarcaht*) говорят в Святой Земле, будто он христианин²⁹, и христиане этому очень обрадовались, а в особенности христианнейший государь, король Франков, который там странствует и сражается с Саррацинами, чтобы вырвать из рук их святые места; поэтому я намереваюсь отправиться к Сартаху и отвезти ему грамоту господина короля, в которой тот внушает ему о пользе всего христианства». Они приняли нас с радостью и дали нам приют в епископской церкви. И епископ той церкви бывал у Сартаха; он сказал мне много хорошего о Сартахе, чего я впоследствии не нашел.

Тогда предоставили нам на выбор, хотим ли мы иметь для перевозки своего имущества телеги, запряженные двумя быками, или вьючных лошадей. Константинопольские купцы посоветовали мне взять телеги и даже купить в собственность крытые повозки, в которых русские перевозят свои меха, и поло-

жить туда наше имущество, которое мне не нужно было доставать ежедневно, ибо если бы я взял лошадей, то мне пришлось бы во всякой гостинице снимать имущество и перекладывать на других лошадей. Кроме того, они посоветовали мне ехать тихим шагом верхом, рядом с быками. Я послушался тогда их совета, однако на свою беду, так как был в пути до Сартаха два месяца, а если бы я поехал на лошадях, то мог бы совершить этот путь в один месяц. По совету купцов, я привез с собою из Константинополя, в качестве подарков главным начальникам, плодов, мускатного вина и вкусных сухарей (*biscostum*), дабы путь мне был более доступен, так как у них ни на кого не взирают милостивым оком, если он приходит с пустыми руками; все это, не найдя начальников города, я сложил на одной повозке, так как мне говорили, что эти вещи будут весьма приятны для Сартаха (*Sarcant*), если я смогу довести их до него. Итак, мы направились в путь около 1 июня с четырьмя нашими крытыми повозками и полученными от них двумя другими, на которых везли тюфяки, чтобы спать ночью; сверх того, они дали нам пять верховых лошадей, ибо нас было пять лиц: я и товарищ мой, брат Варфоломей из Кремоны, везший подарки ³⁰ Госсель, человек Божий ³¹ Тургеманн [драгоман] и отрок Николай, которого я купил в Константинополе на вашу благостыню. Они дали нам также двух людей, которые правили повозками и караулили быков и лошадей. На море, от Керсоны до устья Танаида, находятся высокие мысы, а между Керсоной и Солдаией существует сорок замков ³²; почти каждый из них имел особый язык; среди них было много Готов, язык которых немецкий ³³. За этими гористыми местностями к северу тянется по равнине, наполненной источниками и ручейками, очень красивый лес, а сзади этого леса простирается огромная равнина, которая тянется на пять дневных переходов до конца этой области к северу; она суживается, имея море с востока и с запада, так что от одного моря до другого существует один большой перекоп (*fossatum*). На этой равнине, до прихода Татар, обычно жили Команы и заставляли вышеупомянутые города и замки платить им дань. А когда пришли Татары ³⁴, Команы ³⁵, которые все бежали к берегу моря, вошли в эту землю в таком огромном количестве, что они пожирали друг друга взаимно, живые мертвых, как мне рассказывал видевший это некий купец; живые пожирали и разрывали зубами сырое мясо умерших, как собаки — трупы. На севере этой области находится много больших озер, на берегах которых имеются соляные источники; как только вода их попадает в озеро, образуется соль, твердая, как лед; с этих солончаков Бату и Сартах получают большие доходы, так как со всей России ездят туда за солью, и со всякой нагружен-

ной повозки дают два куска хлопчатой бумаги, стоящих пол-иперпера³⁶. Морем также приходит за этой солью множество судов, которые все платят пошлину по своему грузу. Итак, выехав из Солдаии, на третий день мы нашли Татар. Когда я вступил в их среду, мне совершенно представилось, будто я попал в какой-то другой мир. Как могу, опишу вам их жизнь и обычаи.

ГЛАВА ВТОРАЯ

О Татарах и их жилищах

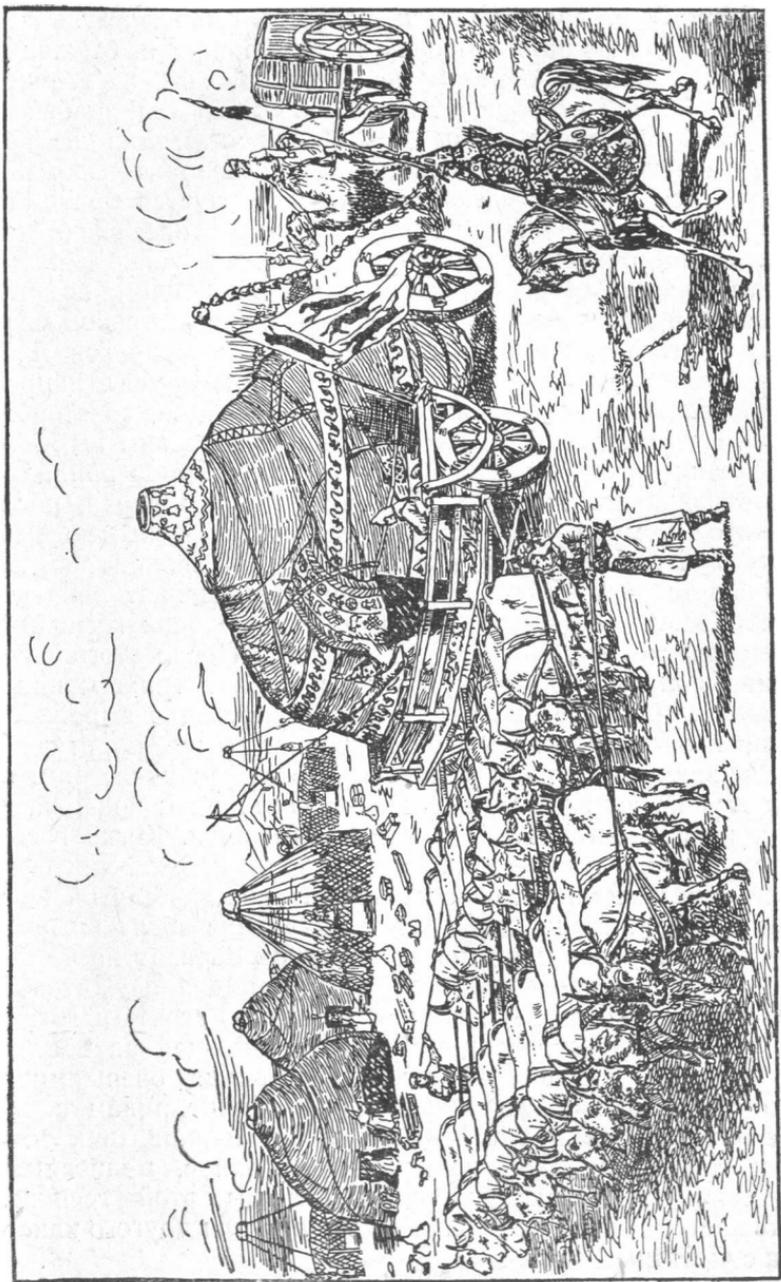
Они не имеют нигде постоянного местожительства (*civitate*) и не знают, где найдут его в будущем. Они поделили между собою Скифию³⁷ (*Cithiam*), которая тянется от Дуная до восхода солнца; и всякий начальник (*capitaneus*) знает, смотря по тому, имеет ли он под своею властью большее или меньшее количество людей, границы своих пастбищ³⁸, а также где он должен пасти свой стада зимою, летом, весною и осенью. Именно зимою они спускаются к югу в более теплые страны, летом поднимаются на север, в более холодные. В местах, удобных для пастбища, но лишенных воды, они пасут стада зимою, когда там бывает снег, так как снег служит им вместо воды. Дом, в котором они спят, они ставят на колесах из плетеных прутьев; бревнами его служат прутья, сходящиеся кверху в виде маленького колеса, из которого поднимается ввысь шейка, наподобие печной трубы³⁹; ее они покрывают белым войлоком, чаще же пропитывают также войлок известкой, белой землей и порошком из костей, чтобы он сверкал ярче; а иногда также берут они черный войлок. Этот войлок около верхней шейки они украшают красивой и разнообразной живописью. Перед входом они также вешают войлок, разнообразный от пестроты тканей. Именно они сшивают цветной войлок или другой, составляя виноградные лозы и деревья, птиц и зверей. И они делают подобные жилища настолько большими, что те имеют иногда тридцать футов в ширину. Именно я вымерил однажды ширину между следами колес одной повозки⁴⁰ в 20 футов, а когда дом был на повозке, он выдавался за колеса по крайней мере на пять футов с того и другого бока. Я насчитал у одной повозки 22 быка, тянущих дом, 11 в один ряд вдоль ширины повозки и еще 11 перед ними. Ось повозки была величиной с мачту корабля, и человек стоял на повозке при входе в дом, погоняя быков. Кроме того, они делают четырехугольные ящики из расколотых маленьких прутьев, величиной с большой сундук, а после того, с одного

краю до другого, устраивают навес из подобных прутьев и на переднем краю делают небольшой вход; после этого покрывают этот ящик, или домик, черным войлоком, пропитанным салом или овечьим молоком, чтобы нельзя было проникнуть дождю, и такой ящик равным образом украшают они пестротканными или пуховыми материями. В такие сундуки они кладут всю свою утварь и сокровища, а потом крепко привязывают их к высоким повозкам, которые тянут верблюды, чтобы можно было таким образом перевозить эти ящики и через реки. Такие сундуки никогда не снимаются с повозок. Когда они снимают свои дома для остановки, они всегда поворачивают ворота к югу и последовательно размещают повозки с сундуками с той и другой стороны вблизи дома, на расстоянии половины полета камня, так что дом стоит между двумя рядами повозок, как бы между двумя стенами. Женщины устраивают себе очень красивые повозки, которые я не могу вам описать иначе, как живописью; мало того, я все нарисовал бы вам, если бы умел рисовать. Один богатый Моал⁴¹, или Татарин имеет таких повозок с сундуками непременно 100 или 200; у Бату 26 жен, у каждой из которых имеется по большому дому, не считая других, маленьких, которые они ставят сзади большого; они служат, как бы комнатами, в которых живут девушки, и к каждому из этих домов примыкают по 200 повозок. И когда они останавливаются где-нибудь, то первая жена ставит свой двор на западной стороне, а затем размещаются другие по порядку, так что последняя жена будет на восточной стороне, и расстояние между двором одной госпожи и другой будет равняться полету камня. Таким образом, один двор⁴² богатого Моала будет иметь вид как бы большого города, только в нем будет очень немного мужчин. Самая слабая из женщин (*muliercula*) может править 20 или 30 повозками, ибо земля их очень ровна. Они привязывают повозки с быками или верблюдами одну за другой, и бабенка будет сидеть на передней, понукая быка, а все другие повозки следуют за ней ровным шагом. Если им случится дойти до какого-нибудь плохого перехода, то они развязывают повозки и перевозят их по одной. Ибо они едут так медленно, как ходит ягненок или бык.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Об их постелях, идолах и обрядах перед питьем

Когда они поставят дома, обратив ворота к югу, то помещают постель господина на северную сторону. Место женщин всегда с восточной стороны, то есть налево от хозяина дома,

Монгольская юрта с шейкой (Реконструкция по Г. Г. Юлю)

когда он сидит на своей постели, повернув лицо к югу. Место же мужчин с западной стороны, то есть направо. Мужчины, входя в дом, никоим образом не могут повесить своего колчана на женской стороне. И над головою господина бывает всегда изображение, как бы кукла или статуэтка из войлока ⁴², именуемая братом хозяина; другое похожее изображение находится над постелью госпожи и именуется братом госпожи; эти изображения прибиты к стене; а выше, среди них, находится еще одно изображение, маленькое и тонкое, являющееся, так сказать, сторожем всего дома. Госпожа дома помещает у своего правого бока, у ножек постели, на высоком месте козлиную шкурку, наполненную шерстью или другой материей, а возле нее маленькую статуэтку, смотрящую в направлении к служанкам и женщинам. Возле входа, со стороны женщин, есть опять другое изображение, с коровьим выменем, для женщин, которые доят коров; ибо доить коров принадлежит к обязанности женщин. С другой стороны входа, по направлению к мужчинам, есть другая статуя, с выменем кобылы, для мужчин, которые доят кобыл. И всякий раз, как они соберутся для питья, они сперва обрызгивают напитком то изображение, которое находится над головой господина, а затем другие изображения по порядку. После этого слуга выходит из дома с чашей и питьем и кропит трижды на юг, преклоняя каждый раз колена, и это делается для выражения почтения к огню; после того он повторяет то же, обратясь на восток, в знак выражения почтения к воздуху; после того он обращается на запад, для выражения почтения к воде; на север они кропят (*prohiciunt*) в память умерших. Когда господин держит чашу в руке и должен пить, то, прежде чем пить, он выливает на землю соответствующую часть. Если он пьет, сидя на лошади, то до питья делает излияние ей на шею или на гриву. Итак, когда слуга покропит таким образом на четыре стороны мира, он возвращается в дом; и два служителя с двумя чашами и столькими же блюдами стоят наготове, чтобы отнести питье господину и жене, сидящей на постели возле него, но повыше. И если у господина очень много жен, то та, с которой он спит ночью, сидит рядом с ним днем, а всем другим в тот день надлежит приходить к тому дому, и там в тот день происходит собрание, приносимые же подарки складываются в сокровищницы этой госпожи. При входе стоит скамья с бурдюком молока или другого какого питья и с чашами.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

*Об их напитках и о том, как они поощряют других
к питью*

Зимой они делают превосходный напиток⁴⁴ из рису, проса, ячменя и меду, чистый, как вино, а вино им привозится из отдаленных стран⁴⁵. Летом они заботятся только о кумысе (сосмос). Кумыс стоит всегда внизу у дома, пред входом в дверь, и возле него стоит гитарист со своей маленькой гитарой⁴⁶. Наших гитар и рылей (viellas) я там не видал, но видел много других инструментов, которых у нас не имеется. И когда господин начинает пить, то один из слуг возглашает громким голосом: «Га!» И гитарист ударяет о гитару, а когда они устраивают большой праздник, то все хлопают в ладоши, и также пляшут под звуки гитары, мужчины пред лицом господина, а женщины пред лицом госпожи. Когда же господин выпьет, то слуга восклицает, как прежде, и гитарист молчит. Тогда все кругом, и мужчины, и женщины, пьют, при этом иногда они пьют взапуски очень гадко и с жадностью. И когда они хотят побудить кого-нибудь к питью, то хватают его за уши и сильно тянут, чтобы расширить ему горло, и рукоплещут и танцуют пред его лицом. Точно так же, когда они хотят сделать кому-нибудь большой праздник и радость один берет полную чашу, а двое других становятся направо и налево от него, и таким образом они трое идут с пением и пляской к тому лицу, которому они должны подать чашу, и поют и пляшут пред его лицом; а когда он протянет руку для принятия чаши, они внезапно отскакивают и снова возвращаются, как прежде, и издеваются над ним таким образом, отнимая у него чашу три или четыре раза, пока он не развеселится хорошенько и не почувствует хорошего аппетита. Тогда они подают ему чашу, поют, хлопают в ладоши и ударяют ногами, пока он не выпьет.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Об их пище

Об их пище и съестных припасах знайте, что они едят без разбора всякую свою падаль, а среди столь большого количества скота и стад, вполне понятно, умирает много животных.

Однако летом, пока у них тянется кумыс, то есть кобылье молоко, они не заботятся о другой пище⁴⁷. Поэтому, если тогда доведется умереть у них быку и лошади, они сушат мясо⁴⁸,

разрезывая его на тонкие куски и вешая на солнце и на ветер, и эти куски тотчас сохнут без соли и не распространяя никакой вони. Из кишек лошадей они делают колбасы, лучшие, чем из свинины, и едят их свежими. Остальное мясо сохраняют на зиму. Из шкур быков они делают большие бурдюки, которые удивительно высушивают на дыму. Из задней части конской шкуры они делают очень красивые башмаки. От мяса одного барана они дают есть 50 или 100 человекам, именно они разрезают мясо на маленькие кусочки на блюдечке вместе с солью и водой — другой приправы они не делают, — а затем острием ножика или вилочки⁴⁹, сделанных нарочно для этого, наподобие тех, какими мы обычно едим сваренные в вине груши и яблоки, они протягивают каждому из окружающих один или два кусочка, сообразно с количеством вкушающих.

Прежде чем поставить мясо барана (гостям), господин сам берет, что ему нравится, а также если он дает кому-нибудь особую часть, то получающему надлежит съесть ее одному, и нельзя давать никому; если же он не может съесть всего, то ему надлежит унести это с собою или отдать своему служителю, если налицо находится тот, кто охраняет его, или иначе он прячет это в свой каптаргак⁵⁰, то есть в квадратный мешок, который они носят для сохранения всего подобного; сюда они прячут также и кости, когда у них нет времени хорошенько обглодать их, чтобы обглодать впоследствии, дабы не пропало ничего из пищи.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Как они готовят кумыс

Самый кумыс⁵¹, то есть кобылье молоко, готовится следующим образом. На двух кольях, вбитых в землю, они натягивают длинную веревку; к этой веревке они привязывают около третьего часа дня детенышей кобылиц, которых хотят доить. Тогда матки стоят возле своих детенышей и дают доить себя спокойно. А если какая-нибудь из них очень несдержана, то человек берет детеныша и подносит к ней, давая немного пососать; затем он оттаскивает его, и на смену является доильщик молока.

Итак, накопив большое количество молока, которое, пока свежее, так же сладко, как коровье, они наливают его в большой бурдюк или бутыл (butellum) и начинают бить по нему приспособленной для этого деревяшкой; величина ее внизу с человеческую голову, а внутри она просверлена. Как только они

начинают сбивать, молоко начинает кипеть, как новое вино, и окисать или бродить, и они его сбивают до тех пор, пока не извлекут масла. Тогда они пробуют молоко и, если оно надлежало остро, пьют. Ибо оно при питье щиплет язык так же, как вино с прибавкой свежего винограда, а когда человек перестает пить, оно оставляет на языке вкус миндального молока и доставляет много приятности внутренностям человека, слабые же головы даже опьяняет; также вызывает оно много мочи. Они делают также для нужд важных господ каракосмос⁵², то есть черный кумыс. В этом случае кобылье молоко не свертывается. Правильно служит то, что ни у одного животного, если оно не стерильно, молоко не подвергается свертыванию⁵³. Если в брюхе кобылицы, нет зародыша жеребенка, то молоко кобылицы не свертывается.

Итак, они настолько сбивают молоко, что все, что в нем есть густого, идет прямо на дно, как винная гуща, а то, что чисто, остается сверху, и оно напоминает собою сыворотку или белый виноградный сок. Гуща бывает очень бела, дается рабам и наводит глубокий сон. Светлую часть пьют господа, и это, несомненно, напиток очень приятный и хорошего действия. Около своего становища, на расстоянии дня пути, Бату имеет тридцать человек, из которых всякий во всякий день служит ему таким молоком от ста кобылиц, то есть во всякий день [он получает] молоко от трех тысяч кобылиц, за исключением другого белого молока, которое приносят другие. Ибо как в Сирии поселяне дают третью часть плодов, так Татарам надлежит приносить ко дворам своих господ кобылье молоко каждого третьего дня. Из коровьего молока они сперва извлекают масло⁵⁴ и кипятят его до полного сварения, а потом прячут его в кожах баранов, которые для этого сберегают. Хотя они не кладут соли в масло, оно все-таки не подвергается гниению вследствие сильной варки. И они сохраняют его на зиму. Остальному молоку, которое остается после масла, они дают киснуть, насколько только можно сильнее, и кипятят его; от кипения оно свертывается. Это свернувшееся молоко они сушат на солнце, и оно становится твердым, как выгарки железа; его они прячут в мешки на зиму. В зимнее время, когда у них не хватает молока, они кладут в бурдюк это кислое и свернувшееся молоко, которое называют гриут⁵⁵, наливают сверху теплой воды и сильно трясут его, пока оно не распустится в воде, которая делается от этого вся кислая; эту воду они пьют вместо молока. Они очень остерегаются, чтобы не пить чистой воды.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

*О животных, которыми они питаются; об их одежде
и об их охоте*

Важные господа имеют на юге поместья, из которых на зиму им доставляется просо и мука. Бедные добывают себе это в обмен на баранов и кожи. Рабы наполняют свой желудок даже грязной водой и этим довольствуются. Ловят они также и мышшей, многие породы которых находятся там в изобилии. Мышей с длинными хвостами они не едят, а отдают своим птицам. Они истребляют соней (glires) и всякую породу мышшей с коротким хвостом. Там водится также много сурков, именуемых там согур⁵⁶; они собираются зимою в одну яму зараз в числе 20 или 30 и спят шесть месяцев; их ловят Татары в большом количестве. Водятся там также кролики с длинным хвостом, как у кошки, и с черными и белыми волосами на конце хвоста. У них есть также много других маленьких зверьков, пригодных для еды, которых они сами очень хорошо различают. Оленей я там не видал; зайцев видел мало, газелей много. Диких (silvestres) ослов⁵⁷ я видел в большом количестве; они похожи на мулов. Видел я также другую породу животных, именуемых аркал⁵⁸; они имеют тело, точно у барана, и рога, загнутые, как у барана, но такой огромной величины, что одной рукой я едва мог поднять два рога; из этих рогов они делают большие чаши. У них есть в большом количестве соколы, кречеты и аисты⁵⁹; всех их они носят на правой руке и надевают всегда соколу на шею небольшой ремень, который висит у него до середины груди. При помощи этого ремня они наклоняют левой рукой голову и грудь сокола, когда выпускают его на добычу, чтобы он не получал встречных ударов от ветра или не уносился ввысь. Итак, охотой они добывают себе значительную часть своего пропитания.

Об одеяниях и платье их знайте, что из Китая и других восточных стран, а также из Персии и других южных стран им доставляют шелковые и золотые материи, а также ткани из хлопчатой бумаги, в которые они одеваются летом. Из России, из Мокселя (Machel), из великой Булгарии и Паскатира⁶⁰, то есть великой Венгрии, из Керкиса⁶¹ (все эти страны лежат к северу и полны лесов) и из многих других стран с северной стороны, которые им повинуются, им привозят дорогие меха разного рода, которых я никогда не видал в наших странах и в которые они одеваются зимою. И зимою они всегда делают себе по меньшей мере две шубы: одну, волос которой обращен к телу, а другую, волос которой находится наружу к ветру и снегам. Эти шубы по большей части сшиты из шкур волчьих и

лисьих или из шкур павианов⁶² (*parionibus*); пока Татары сидят в доме, они носят другую шубу, более нежную. Бедные готовят верхние шубы из шкур собачьих или козых. Когда они хотят охотиться на зверей⁶³, то собираются в большом количестве, окружают местность, про которую знают, что там находятся звери, и мало-помалу приближаются друг к другу, пока не замкнут зверей друг с другом как бы в круге, и тогда пускают в них стрелы. Они устраивают также шаровары из кож. Богатые также подшивают себе платье шелковыми охлопками, которые весьма мягки, легки и теплы. Бедные подшивают платье полотном, хлопчатой бумагой и более нежной шерстью, которую они могут извлечь из более грубой. Из более грубой шерсти они делают войлок для покрывания своих домов, сундуков, а также постелей. Из шерсти также, с примесью третьей части конского волоса, они делают себе веревки. Из войлока они делают также плащи, чепраки и шапки против дождя; таким образом они издерживают много шерсти. Платье мужчин вы видели.

Монгол
(Китайский рисунок XVII в.)

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

О бритье мужчин и наряде женщин

Мужчины выбривают себе на макушке головы четырехугольник и с передних углов ведут бритье макушки головы до висков. Они бреют также виски и шею до верхушки впадины затылка, а лоб до макушки, на которой оставляют пучок волос, спускающихся до бровей. В углах затылка они оставляют волосы, из которых делают косы, которые заплетают, завязывая узлом до ушей. Платье девушек не отличается от платья мужчин.

за исключением того, что оно несколько длиннее. Но на следующий день после свадьбы она бреет себе череп с середины головы в направлении ко лбу; она носит рубашку такой ширины, как куколь монахини, но в общем более широкую и длинную и спереди разрезанную, которую завязывают на правом боку. Ибо Татары отличаются от Турок именно тем, что Турки завязывают свои рубашки с левой стороны, а Татары всегда с правой. Кроме того, они носят украшение на голове, именуемое б о к к а ⁶⁴, устраиваемое из древесной коры или из другого материала, который они могут найти, как более легкий, и это украшение круглое и большое, насколько можно охватить его двумя руками; длиною оно в локоть и более, а сверху четырехугольное, как капитель колонны. Эту бокку они покрывают драгоценной шелковой тканью; внутри бокка пустая, а в середине над капителью, или над упомянутым четырехугольником, они ставят прутик из стебельков, перьев или из тонких тростинок длиною также в локоть и больше. И этот прутик они украшают сверху павлиньими перьями и вдоль кругом перышками из хвоста селезня, а также драгоценными камнями. Богатые госпожи полагают это украшение на верх головы, крепко стягивая его меховой шапкой (*almussia*), имеющей в верхушке приспособленное для того отверстие. Сюда они прячут свои волосы, которые собирают сзади кверху головы, как бы в один узел, и полагают в упомянутую бокку, которую потом крепко завязывают под подбородком. Отсюда, когда много госпож едет вместе, то, если смотреть на них издали, они кажутся солдатами, имеющими на головах шлемы с поднятыми копьями. Именно бокка кажется шлемом, а прутик наверху копьем. И все женщины сидят на лошадях, как мужчины, расставляя бедра в разные стороны, и они подвязывают свои куколи по чреслам шелковой тканью небесного цвета, другую же повязку прикрепляют к грудям, а под глазами подвязывают кусок белой материи; эти куски спускаются на грудь. Все женщины удивительно тучны; и та, у которой нос меньше других, считается более красивой. Они также безобразят себя, позорно разрисовывая себе лицо ⁶⁵. Для родов они никогда не ложатся в постель ⁶⁶.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Об обязанностях женщин, об их занятиях и об их свадьбах

Обязанность женщин состоит в том, чтобы править повозками, ставить на них жилища и снимать их, доить коров, делать масло и грут, готовить шкуры и сшивать их, а сшивают их они ниткой из жил. Именно они разделяют жилы на тонкие

нити и после сплетают их в одну длинную нить. Они шьют также сандалии (*sotulages*), башмаки и другое платье. Платьев они никогда не моют⁶⁷, так как говорят, что Бог тогда гневется и что будет гром, если их повесить сушить. Мало того, они бьют моющих платье и отнимают его у них. Они боятся грома выше меры, высылают тогда всех чужестранцев из своих домов и закутываются в черные войлоки, в которые прячутся, пока не пройдет [гроза]. Никогда также не моют они блюд; мало того, сварив мясо, они моют чашку, куда должны положить его, кипящей похлебкой из котла, а после обратно выливают в котел. Они делают также войлок и покрывают дома. Мужчины делают луки и стрелы, готовят стремена и уздечки и делают седла, строят дома и повозки, караулят лошадей и доят кобылиц, трясут самый кумыс, то есть кобылье молоко, делают мешки, в которых его сохраняют, охраняют также верблюдов и выючат их. Овец и коз они караулят сообща и доят иногда мужчины, иногда женщины. Кожи готовят они при помощи кислого, сгустившегося и соленого овечьего молока. Когда они хотят вымыть руки или голову, они наполняют себе рот водою и мало-помалу льют ее изо рта себе на руки, увлажняют такой же водою свои волосы и моют себе голову. О свадьбах их знайте, что никто не имеет там жены, если не купит ее; отсюда, раньше чем выйти замуж, девушки достигают иногда очень зрелого возраста. Ибо родители постоянно держат их, пока не продадут. Они соблюдают первую и вторую степень родства, свойства же не признают ни в какой степени. Именно они женятся вместе или последовательно на двух сестрах. Ни одна вдова не выходит у них замуж на том основании, что они веруют, что все, кто служит им в этой жизни, будет служить и в будущей; отсюда о вдове они верят, что она всегда вернется после смерти к первому мужу. От этого среди них случается позорный обычай, именно, что сын берет иногда всех жен своего отца, за исключением матери. Именно двор отца и матери достается всегда младшему сыну. Отсюда ему надлежит заботиться о всех женах своего отца, которые достаются ему с отцовским двором, и тогда при желании он пользуется ими как женами, так как он не признает, что ему причиняется обида, если жена по смерти вернется к отцу. Итак, когда кто-нибудь заключит с кем-нибудь условие о взятии дочери, отец девушки устраивает пиршество, и она бежит к близким родственникам, чтобы там спрятаться. Тогда отец говорит: «Вот дочь моя твоя; бери ее везде, где найдешь». Тогда тот ищет ее со своими друзьями, пока не найдет, и ему надлежит силой взять ее и привести как бы насильно к себе домой.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Об их судопроизводстве, судах, смерти и похоронах

Об судопроизводстве их знайте, что, когда два человека борются, никто не смеет вмешиваться, даже отец не смеет помочь сыну; но тот, кто оказывается более слабым, должен жаловаться пред двором государя, и если другой после жалобы коснется до него, то его убивают. Но ему должно идти туда немедленно без отсрочки, и тот, кто потерпел обиду, ведет другого как пленного. Они не карают никого смертным приговором, если он не будет уличен в деянии или не сознается. Но когда очень многие опозорят его, то он подвергается сильным мучениям, чтобы вынудить сознание. Человекоубийство они карают смертным приговором, так же как соитие не со своею женщиной. Под не своей женщиной я разумею или не его жену, или его служанку. Ибо своей рабыней можно пользоваться, как угодно. Точно так же они карают смертью за огромную кражу. За легкую кражу, например за одного барана, лишь бы только человек нечасто попадался в этом, они жестоко бьют, и если они назначают сто ударов, то это значит, что те получают сто палок. Я говорю о тех, кто подвергается побоям по приговору двора. Точно так же они убивают ложных послов, то есть тех, которые выдают себя за послов и не суть таковые. Точно так же умерщвляют колдуний, о которых, однако, я скажу вам потом полнее, так как считают подобных женщин за отравительниц. Когда кто-нибудь умирает, они скорбят, издавая сильные вопли, и тогда они свободны, потому что не платят подати до истечения года. И если кто присутствует при смерти какого-нибудь взрослого лица, то до конца года не входит в дом самого Мангухана⁶⁸. Если умерший — ребенок, то он входит только по истечении месяца. Возле погребения усопшего они оставляют всегда один его дом, если он из знатных лиц, то есть из рода Чингиса, который был их первым отцом и государем. Погребение того, кто умирает, остается неизвестным⁶⁹; и всегда около тех мест, где они погребают своих знатных лиц, имеется гостиница для охраняющих погребения. Я не знаю того, чтобы они скрывали с мертвыми сокровища. Команы насыпают большой холм над усопшим и воздвигают ему статую, обращенную лицом к востоку и держащую у себя в руке пред пупком чашу. Они строят также для богачей пирамиды, то есть остроконечные домики, и кое-где я видел большие башни из кирпичей, кое-где каменные дома, хотя камней там и не находится. Я видел одного недавно умершего, около которого они повесили на высоких жердях 16 шкур лошадей, по четыре с каждой стороны мира; и они поставили пред ним для питья кумыс, для еды мясо, хотя и говорили про него, что он был окрещен. Я видел другие

погребения в направлении к востоку, именно большие площади, вымощенные камнями, одни круглые, другие четырехугольные, и затем четыре длинных камня, воздвигнутых с четырех сторон мира по сю сторону площади. Когда кто-нибудь занедужит, он ложится в постель и ставит знак над своим домом, что там есть недужный и чтобы никто не входил. Отсюда никто не посещает недужного, кроме прислуживающего ему. Когда также занедужит кто-нибудь принадлежащий к великим дворам, то далеко вокруг двора ставят сторожей, которые не позволяют никому переступить за эти пределы. Именно они опасаются, чтобы со входящими не явился злой дух или ветер. Самих гадателей они называют как бы своими жрецами.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

О нашем приезде в страну варваров и об их неблагодарности

Итак, когда мы вступили в среду этих варваров, мне, как я выше сказал, показалось, что я вступаю в другой мир. Именно они на лошадях окружили нас, заставив нас наперед долго ожидать, причем мы сидели в тени под нашими повозками. Первый вопрос их был, были ли мы когда-нибудь среди них. Получив ответ, что нет, они начали бесстыдно просить себе пищи. Мы дали им сухарей и вина, которое привезли с собою из города⁷⁰; выпив одну бутылку вина, они попросили другую, говоря, что человек не входит в дом на одной ноге, но мы не дали им, отговорившись тем, что у нас его мало. Тогда они спросили нас, откуда мы едем и куда желаем направиться. Я им сказал прежние слова, именно что мы слышали про Сартаху, что он христианин и что я желаю направиться к нему, так как должен вручить ему вашу грамоту. Они усиленно расспрашивали, еду ли я по своей воле или меня посылают. Я ответил, что никто не заставляет меня ехать и я не поехал бы, если бы не захотел; поэтому я еду по своей воле, а также по воле моего настоятеля. Я очень остерегался, чтобы отнюдь не сказать, что я ваш посол. Тогда они спросили, что имеется на повозках для вручения Сартаху: золото ли, или серебро, или драгоценные одежды. Я ответил, что Сартах хорошо рассмотрит, что мы вручим ему, когда доберемся до него, и что не их дело расспрашивать об этом, но пусть они прикажут проводить меня к своему начальнику и пусть тот, если пожелает, прикажет дать мне провожатых до Сартаха, в противном случае я могу вернуться. Именно в этой области был один родственник Бату, начальник, по имени Скатай⁷¹, которому господин император

константинопольский ⁷² посылал письмо с просьбой, чтобы тот позволил мне проехать. Тогда они успокоились, дав нам лошадей, быков и двух людей, чтобы проводить нас; а другие, которые привезли нас, вернулись. Прежде чем, однако, дать нам вышесказанное, они заставили нас долго ждать, прося у нас хлеба для своих малюток, а также всего, что они видели у наших слуг: ножииков, перчаток, кошельков и ремешков, всем восхищаясь и все желая иметь. Я отговаривался тем, что нам предстоит дальняя дорога и что нам не следует так скоро лишать себя предметов, нужных для окончания столь дальней дороги. Тогда они стали говорить, что я самозванец. Правда, что они ничего не отняли у нас силою; но они очень надоедливо и бесстыдно просят то, что видят, и если человек дает им, то теряет, так как они неблагодарны. Они считают себя владыками мира и им кажется, что никто не должен им ни в чем отказывать; если он не даст и после того станет нуждаться в их услуге, они плохо прислуживают ему. Они дали нам выпить своего коровьего молока, из которого было извлечено масло и которое было очень кисло; они называли его айра ⁷³. И таким образом мы удалились от них, причем мне прямо представилось, что я вырвался из рук демонов. На следующий день мы добрались до начальника.

С тех пор как мы выехали из Солдани и вплоть до Сартаха, два месяца, мы никогда не лежали в доме или в палатке, но всегда под открытым небом или под нашими повозками, и мы не видели никакого селения и даже следа какого-нибудь строения, где было бы селение, кроме огромного количества могил Команов. В тот вечер служитель, который провожал нас, дал нам выпить кумысу; при первом глотке я весь облился потом вследствие страха и новизны, потому что никогда не пил его. Однако он показался мне очень вкусным, как это и есть на самом деле.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

О дворе Скатая и о том, что христиане не пьют кумыса

Итак, утром мы встретили повозки Скатая, нагруженные домами, и мне казалось, что навстречу мне движется большой город. Я также изумился количеству стад быков и лошадей и отар овец. Я видел, однако, немногих людей, которые ими управляли. В силу этого я спросил, сколько человек имеет Скатая в своей власти, и мне было сказано, что не более 500, мимо половины которых мы проехали ранее при другой остановке. Тогда служитель, который провожал нас, начал мне говорить; что Скатаю надлежит что-нибудь дать, и, заставив нас стоять,

пошел вперед с сообщением о нашем приходе. Уже было более трех часов, и они поставили свои дома возле какой-то воды, когда к нам пришел его толмач, который узнав тотчас, что мы никогда не были среди них, потребовал себе пищи, и мы дали ему. Требовал он также какой-нибудь одежды, так как должен был говорить наши слова перед своим господином. Мы отговорились. Он спросил, что несем мы его господину. Мы взяли бутылку вина, наполнили корзину сухарями и блюдо яблоками и другими фруктами, но ему не нравилось, что мы не подносим никакой драгоценной ткани. Итак, все же мы вошли с робостью и со стыдом. Скатай сам сидел на своем ложе, держа в руке маленькую гитару, а рядом с ним сидела его жена, о которой я вправду полагал, что она отрезала себе между глаз нос, чтобы быть более курносой, ибо у нее там ничего не осталось от носа. И она намазала это место, а также и брови какой-то черной мазью, что было весьма отвратительно в наших глазах. Тогда я сказал Скатаю вышеупомянутые слова. Ибо везде нам надлежало говорить ту же самую речь. Именно те, кто был у них, хорошо предупреждали нас на этот счет, чтобы мы никогда не меняли своих слов. Я также попросил его, чтобы он соблаговолил принять подарок из наших рук, причем извинялся, что я монах и что нашему ордену не надлежит владеть золотом, серебром и драгоценными одеждami; поэтому у меня нет ничего подобного, что я мог бы ему дать, но пусть он примет в знак благословения нашу пищу. Тогда он приказал принять и тотчас распределил своим людям, которые собрались для попойки. Я дал ему также грамоту господина императора константинопольского. Это было в восьмой день по Вознесении⁷⁴. Он тотчас послал ее в Солдаию, чтобы там перевести, так как она была написана по-гречески, а с ним не было никого, кто знал бы греческую грамоту. Он также спросил у нас, хотим ли мы пить кумыс, то есть кобылье молоко. Ибо находящиеся среди них христиане, Русские, Греки и Аланы, которые хотят крепко хранить свой закон, не пьют его и даже не считают себя христианами, когда выпьют, и их священники примиряют их тогда [со Христом], как будто они отказались от христианской веры⁷⁵. Тогда я ответил, что у нас еще есть достаточно, что пить, а когда это питье у нас выйдет, нам надлежит пить то, что он нам даст. Он спросил также, что содержится в той грамоте, которую вы посылали Сартаху. Я сказал, что наша булла запечатана, но что в ней заключаются только любезные и дружественные слова. Он спросил также, какие слова скажем мы Сартаху. Я ответил: «Слова христианской веры». Он спросил, какие именно, так как охотно желал бы послушать. Тогда я изложил ему, как мог, при посредстве своего толмача, человека вовсе не развитого и не обладавшего никаким красноречьем,

символ веры. Выслушав его, он замолчал и кивнул головой. Затем он назначил нам двух людей для охраны нас, лошадей и быков и приказал нам ехать с собой, пока не вернется гонец, которого он послал для перевода грамоты императора, и мы ехали с ним до дня, следующего за Пятидесятницей.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

*О том, как накануне Пятидесятницы⁷⁶ к нам пришли
Аланы*

Накануне Пятидесятницы пришли к нам некие Аланы, которые именуются там Аас⁷⁷, христиане по греческому обряду, имеющие греческие письма и греческих священников. Однако они не схизматики*, подобно Грекам, но чтут всякого христианина без различия лиц. Они принесли нам вареного мяса, прося покушать их пищи и помолиться за одного усопшего их. Тогда я сказал им, что теперь канун столь великого праздника и что в такой день мы не будем есть мяса, и объяснил им этот праздник, чему они очень обрадовались, так как не знали ничего, имеющего отношение к христианскому обряду, за исключением только имени Христова. Спрашивали также они и многие другие христиане, Русские и Венгры, могут ли они спастись, потому что им приходилось пить кумыс и есть мясо животных, или павших, или убитых Саррацинами и другими неверными, что даже сами Греческие и Русские священники считают, как падаль или как принесенное в жертву идолам, а также потому, что они не знали времени поста и не могли соблюдать его, даже если бы знали. Тогда я разъяснил им, как мог, научая и наставляя их в вере. Мясо, принесенное ими, мы сберегли до праздничного дня, ибо не находили ничего продажного за золото или серебро, а только за полотно или за другие ткани, чего у нас не было. Когда наши слуги показывали им иперперы⁷⁸, они терли их пальцами и подносили к носу, чтобы узнать по запаху, не медь ли это⁷⁹.

В пищу нам давали только коровье молоко, очень кислое и вонючее. Вино было у нас уже на исходе; воду лошади мутили так, что она не была годна для питья. Если бы у нас не было сухарей, которые мы имели, и милости Божьей, мы, наверное, умерли бы от голода.

* Схизма — церковный раскол, ересь.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Об одном Саррацине, желавшем креститься, и о некоторых людях, имевших вид прокаженных

В день Пятидесятницы пришел к нам некий Саррацин, во время разговора которого с нами мы начали излагать веру. Слыша про благодеяния Божии, оказанные человеческому роду воплощением и воскресением мертвых, и про будущий суд, а также про то, что омовение грехов заключается в крещении, он заявил о своем желании креститься. Когда мы стали готовиться к его крещению, он неожиданно сел на свою лошадь, говоря, что отправится домой и посоветуется со своей женой. На следующий день в разговоре с нами он сказал, что никоим образом не дерзает принять крещение, так как тогда не может пить кумысу. Именно христиане той местности говорили то, что ни один истинный христианин не должен пить его, а без этого напитка он не может жить в этой пустыне. Я никоим образом не мог отратить его от этого мнения. Отсюда знайте за верное, что они весьма далеки от веры вследствие этого мнения, которое уже укрепилось среди них благодаря Русским, количество которых среди них весьма велико. В этот день начальник дал нам человека, чтобы проводить нас к Сартаху, и двоих людей, чтобы отвезти нас до ближайшей стоянки, отстоявшей оттуда на пять дневных переходов таким шагом, каким могли пройти быки. Они дали также нам в пищу козу, несколько бурдюков с коровьим молоком и немного кумысу, так как он считается среди них драгоценностью. И когда мы таким образом направились прямо на север, мне показалось, что мы переступили ворота ада. Служители, нас сопровождавшие, начали нас дерзко обкрадывать, так как видели, что мы мало остерегаемся. Наконец, когда мы потеряли очень много, мучения сообщили нам разум. Наконец, мы добрались до края этой области, которая замыкается перекопом⁸⁰ от одного моря до другого; за нею были пристанища тех, по входе к которым они показались нам все прокаженными, так как это были презренные люди, помещенные там, чтобы получать дань с берущих соль из вышеупомянутых солеварен. С того места, как говорили, нам надлежало странствовать 15 дней, не встречая никаких людей. Мы выпили с ними кумысу и дали им корзину, полную сухарей; они дали нам, восьми человекам, для столь продолжительного пути одну козу и сколько-то бурдюков, полных коровьего молока. Переменив таким образом лошадей и быков, мы снова пустились в путь, который совершили в десять дней до другой остановки, и на этой дороге находили воду только во рвах, сделанных в долинах, да еще в двух небольших реках. И все время, как мы оставили упомянутую выше область Газарию, мы ехали на восток,

имея с юга море, а к северу большую степь, которая в некоторых местах продолжается на 30 дневных переходов и в которой нет никакого леса, никакой горы и ни одного камня, а трава отличная. В ней прежде пасли свои стада Команы, именуемые Капчат⁸¹; Немцы же называют их Валанами, а область Валанией. Исидор⁸² же называет страну от реки Танаида до Меотидских болот и Данубия Аланией, и эта страна тянется в длину от Данубия до Танаида, который служит границей Азии и Европы, на двухмесячный путь быстрой езды, как ездят Татары. Она вся заселена была Команами Капчат, равно как и дальше, от Танаида до Этилии⁸³; между этими реками существует 10 больших дневных переходов. К северу от этой области лежит Руссия, имеющая повсюду леса; она тянется от Польши и Венгрии до Танаида. Эта страна вся опустошена Татарами и поныне ежедневно опустошается ими.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

О тягостях, которые мы испытали, и о могилах Команов

Именно Татары предпочитают Саррацинов Русским, так как они — христиане. Когда Русские не могут дать больше золота или серебра, Татары уводят их и их малюток, как стада, в пустыню, чтобы караулить их животных. За Руссией, к северу, находится Пруссия⁸⁴, которую недавно покорили всю братья Тевтонского ордена, и, разумеется, они легко покорили бы Руссию, если бы принялись за это⁸⁵. Ибо если бы Татары узнали, что великий священник, то есть Папа, поднимает против них крестовый поход, они все убежали бы в свои пустыни. Итак, мы направлялись к востоку, не видя ничего, кроме неба и земли, а иногда с правой руки море, именуемое морем Танаидским⁸⁶ (Тапаус), а также усыпальницы Команов, которые видны были в двух лье, ибо у них существует обычай, что все родство их погребается вместе. Пока мы были в пустыне, нам было хорошо, так как я не могу выразить словами той тягости, которую я терпел, когда мы прибыли к становищам Команов. Именно наш проводник желал, чтобы я входил ко всякому начальнику с подарком, а для этого не хватало средств. Ибо ежедневно нас было восемь человек, которые ели хлеб, не считая случайно приходивших, которые все хотели есть вместе с нами. Ибо нас было пятеро, и трое сопровождало нас: двое правили повозками, а один желал отправиться с нами к Сартаху. Мяса, которое они давали, не хватало, и мы не находили ничего продажного за деньги. Даже когда мы сидели под своими повозками ради тени, так как в то время там стояла сильная жар,

они так надоедливо приставали к нам, что давили нас, желая рассмотреть все наши вещи. Если у них появлялось желание опорожнить желудок, они не удалялись от нас и настолько, насколько можно бросить зерно боба; мало того, они производили свои нечистоты рядом с нами во взаимной беседе, делали они и много другого, что было тягостно выше меры. Но больше всего удручало меня то, что я бессилен был сказать им какое-нибудь слово проповеди; мой толмач говорил: «Вы не можете заставить меня проповедовать, потому что я не умею говорить таких слов». И он говорил правду. Ибо впоследствии, когда я начал немножечко понимать язык, я узнал, что, когда я говорил одно, он говорил совсем другое, что ему приходило в голову. Тогда, видя опасность говорить при его посредстве, я предпочел больше молчать. Итак мы с великим трудом странствовали от становища к становищу, так что не за много дней до праздника блаженной Марии Магдалины⁸⁷ достигли большой реки Танаида, которая отделяет Азию от Европы⁸⁸, как река Египта Азию от Африки. В том месте, где мы пристали, Бату и Сартах приказали устроить на восточном берегу поселок⁸⁹ (са-сале) Русских, которые перевозят на лодках послов и купцов. Они сперва перевезли нас, а потом повозки, помещая одно колесо на одной барке, а другое на другой; они переезжали, привязывая барки друг к другу и так гребя. Там наш проводник поступил очень глупо. Именно он полагал, что они должны дать нам коней из поселка и отпустил на другом берегу животных, которых мы привезли с собою, чтобы те вернулись к своим хозяевам; а когда мы потребовали животных у жителей поселка, те ответили, что имеют льготу от Бату, а именно: они не обязаны ни к чему, как только перевозить едущих туда и обратно. Даже и от купцов они получают большую дань. Итак там, на берегу реки, мы стояли три дня. В первый день они дали нам большую свежую рыбу — чебак (borbotam), на второй день — ржаной хлеб и немного мяса, которое управитель селения собрал, наподобие жертвы, в различных домах, на третий день — сушеной рыбы, имевшейся у них там в большом количестве. Эта река была там такой же ширины, какой Сена в Париже. И прежде чем добраться до того места, мы переправлялись через много рек, весьма красивых и богатых рыбою, но Татары не умеют ее ловить и не заботятся о рыбе, если она не настолько велика, что они могут есть ее мясо, как мясо барана. Эта река служит восточной границей России и начинается из болот Меотиды⁹⁰, которые простираются к северу до Океана. Течет же река к югу, образуя, прежде чем достигнуть моря Понта, некое великое море в семьсот миль⁹¹, и все воды, через которые мы переправлялись, текут в те стороны. Упомянутая река имеет также на западном берегу большой лес. Выше этого места

Татары не поднимаются в северном направлении, так как в то время, около начала августа, они начинают возвращаться к югу; поэтому ниже есть другой поселок, где послы переправляются в зимнее время. Итак, мы были там в великом затруднении, потому что не находили за деньги ни лошадей, ни быков. Наконец, когда я доказал им, что мы трудимся на общую пользу всех христиан, они дали нам быков и людей; самим же нам надлежало идти пешком. В то время они жали рожь. Пшеница не родилась там хорошо, а просо имеют они в большом количестве. Русские женщины убирают головы так же, как наши, а платья свои с лицевой стороны украшают беличьими или горностаевыми мехами от ног до колен. Мужчины носят епанчи, как и Немцы, а на голове имеют войлочные шляпы, заостренные наверху длинным острием. Итак мы шли пешком три дня, не находя народа, и когда сильно утомились сами, а равно и быки, и не знали, в какой стороне можем найти Татар, прибежали внезапно к нам две лошади, которых мы взяли с великою радостью, и на них сели наш проводник и толмач, чтобы разведать, в какой стороне можем мы найти народ. Наконец, на четвертый день, найдя людей, мы обрадовались, как будто после кораблекрушения пристали к гавани. Тогда, взяв лошадей и быков, мы поехали от становища к становищу, пока, 31 июля, не добрались до местопребывания Сартаха.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

О стране Сартаха и об ее народах

Эта страна за Танаидом очень красива и имеет реки и леса. К северу находятся огромные леса, в которых живут два рода людей, именно: Моксель⁹², не имеющие никакого закона, чистые язычники. Города у них нет, а живут они в маленьких хижинах в лесах. Их государь и большая часть людей были убиты в Германии. Именно Татары вели их вместе с собою до вступления в Германию, поэтому Моксель очень одобряет Германцев, надеясь, что при их посредстве они еще освободятся от рабства Татар. Если к ним прибудет купец, то тому, у кого он впервые пристанет, надлежит заботиться о нем все время, пока тот пожелает пробыть в их среде. Если кто спит с женой другого, тот не печалится об этом, если не увидит собственными глазами; отсюда они не ревнивы. В изобилии имеются у них свиньи, мед и воск, драгоценные меха и соколы. Сзади них живут другие, именуемые Мердас⁹³, которых Латины называют Мердинис, и они — Саррацины. За ними находится Этилия. Эта река превосходит своею величиною все, какие я видел; она течет с севера, направляясь из Великой

Булгарии к югу, и впадает в некое озеро⁹⁴, имеющее в окружающей местности пространство [пути] в четыре месяца; о нем я скажу вам после. Итак, эти две реки, Танаид и Этилия, отстоят друг от друга в направлении к северным странам, через которые мы проезжали, только на десять дневных переходов, а к югу они очень удалены друг от друга. Именно Танаид впадает в море Понта, а Этилия образует вышеназванное море или озеро, вместе со многими другими реками, которые впадают в него из Персии. К югу у нас были величайшие горы, на которых живут по бокам, в направлении к пустыне, Черкисы (Cherkis) и Аланы, или Аас, которые исповедуют христианскую веру и все еще борются против Татар. За ними, вблизи моря или озера Этилии, находятся некие Саррацины, именуемые Лесгами⁹⁵, которые равным образом не подчинены [Татарам]. За ними находятся Железные Ворота⁹⁶, которые соорудил Александр для преграждения варварским племенам входа в Персию; о положении этих ворот я скажу вам впоследствии, так как я проезжал через них при возвращении, и среди этих двух рек в тех землях, через которые мы проехали, до занятия их Татарами, жили Команы Капчат.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

О дворе Сартаха и об его славе

Итак мы нашли Сартаха близ Этилии, в трех днях пути от нее; двор его показался нам очень большим, так как у него самого шесть жен, да его первородный сын имеет возле него их две или три, и у всякой есть большой дом и около двухсот повозок. Наш проводник обратился к некоему несторианцу по имени Койяку⁹⁷, который считается одним из старших при дворе. Тот заставил нас итти очень далеко к господину, который именуется Ямьям⁹⁸. Так называют того, на котором лежит обязанность принимать послов. Вечером упомянутый Койяк приказал нам притти к нему. Тогда наш проводник начал спрашивать, что мы ему поднесем, и пришел в великое негодование, когда увидел, что мы не готовим ничего поднести ему. Мы стали пред Койяком, и он сидел во славе своей и заставлял играть на гитаре и плясать в его присутствии. Тогда я ему сказал вышесказанные слова, как мы прибыли к его господину, и просил его помочь, чтобы господин его увидел нашу грамоту. Я также извинился, что, будучи монахом, не имею, не получаю и не держу ни золота, ни серебра, ни чего-либо драгоценного, за исключением только книг и церковной утвари, с которой мы служим Богу; поэтому мы не подносим ни ему, ни его господину никакого дара, ибо тот, кто оставил собственное имуще-

ство, не может быть носителем чужого. Тогда он ответил довольно милостиво, что я хорошо делаю, если с тех пор, как стал монахом, соблюдаю свой обет, и что он не нуждается в нашем имуществе, а скорее даст нам из своего имущества, если мы станем нуждаться. И он приказал нам сесть и выпить его молока, а спустя немного попросил произнести для него благословение, что мы и сделали. Он спросил также, кто наибольший государь среди Франков. Я сказал: «Император, если бы он держал свою землю в мире». — «Нет», — отвечал он, — «а король». Ибо он слышал про вас от господина Балдуина Гэно⁹⁹. Я нашел там также одного из товарищей Давида¹⁰⁰, который был на Кипре; он рассказал все, что видел. Затем мы вернулись в свое помещение. На следующий день я послал Койяку бутылку мускатного вина, которое очень хорошо сохранилось, несмотря на столь продолжительный путь, и корзину, полную сухарей, что ему было весьма приятно; и в тот вечер он удержал при себе наших служителей. На другой день он поручил мне, чтобы я явился ко двору и принес с собою грамоту короля, церковную утварь и книги, так как его господин хотел видеть это; мы это и сделали, нагрузив одну повозку книгами и утварью, а другую хлебом, вином и плодами. Тогда он приказал развернуть все книги и одеяния, и нас окружали на конях много Татар, христиан и Саррацинов. Рассмотрев это, он спросил, желаю ли я отдать все это господину. Услышав это, я оробел, и его слово мне не понравилось. Однако, скрывая [свое неудовольствие], я ответил: «Господин, мы просим, чтобы ваш господин соблаговолил принять этот хлеб, вино и плоды не в качестве подарка, так как это нечто незначительное, а в качестве благословения, дабы мы не являлись пред его лицо с пустыми руками. А он сам увидит грамоту господина короля и из нее узнает, по какой причине мы прибыли к нему, и тогда мы будем состоять в его распоряжении, как сами, так и все наше имущество. А одежды эти священные, и к ним можно прикасаться только священникам». Тогда он указал нам облачиться пред отправлением пред лицо его господина, что мы и сделали. Я же, облачившись в более драгоценные одежды, взял на грудь подушку, которая была очень красива, и Библию, которую вы дали мне, а также очень красивый псалтырь, который дала мне госпожа королева и в котором были очень красивые картинки. Мой товарищ взял служебник и крест. Причетник, одетый в стихарь, взял курильницу. В таком виде мы явились пред домом Сартаха, и они подняли войлок, висевший пред входом, чтобы господин мог видеть нас. Затем они заставили причетника и толмача преклонить колена, а от нас этого не потребовали. Затем они очень усердно посоветовали нам остерегаться при входе и выходе, чтобы не коснуться порога

дома, и пропеть какое-нибудь благословление для Сартаха. Затем мы вошли с пением: «Salve, regina» («Радуйся, Царица»). При входе же в дверь стояла скамья с кумысом и чащами; тут были все жены его, и сами Моалы, войдя с нами, теснили нас. Упомянутый Койяк подал Сартаху курильницу с благовонием, которую тот рассмотрел, бережно держа в руке. После Койяк поднес ему псалтырь, который тот усердно рассматривал, равно как и жена его, сидевшая рядом с ним. Затем Койяк принес Библию, и тот сам спросил, есть ли там Евангелие. Я сказал, что там есть [не только Евангелие, а] даже все священное Писание. Он взял также себе в руку крест и спросил про изображение, Христа ли оно изображает. Я ответил утвердительно. Сами несториане и армяне никогда не делают на своих крестах изображения Христа; поэтому, кажется, они плохо понимают о страстях или стыдятся их. После того Сартах приказал удалиться окружавшим нас, чтобы иметь возможность полнее рассмотреть наши облачения. Тогда я подал ему вашу грамоту с переводом по-арабски и сирийски. Ибо я приказал переложить ее в Аконе¹⁰¹ на оба языка и письмена; и при дворе Сартаха были армянские (Негмені) священники, которые знали по-турецки и по-арабски, и упомянутый товарищ Давида, который знал по-сирийски, по-турецки и по-арабски. Затем мы вышли и сняли наши облачения, и пришли писцы и упомянутый Койяк и заставили перевести грамоту. Выслушав ее, он приказал принять хлеб, вино и плоды, а облачения и книги приказал нам отнести в наше помещение. Это случилось в день поклонения веригам (Vincula) святого Петра.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

О том, что мы получили приказание ехать к отцу Сартаха Бату

На следующее утро¹⁰² пришел некий священник, брат упомянутого Койяка, и потребовал сосуд с св. миром¹⁰³, так как Сартах, по его словам, хотел видеть его; и мы ему дали. В вечерние часы Койяк позвал и сказал нам: «Господин король написал хорошие слова моему господину, но среди них есть некоторые трудноисполнимые, касательно которых он не смеет ничего сделать без совета своего отца; поэтому вам надлежит отправиться к его отцу. И две повозки, которые вы привезли вчера с облачениями и книгами, вы оставите мне, так как господин мой желает тщательно рассмотреть это». Я тотчас заподозрил злой и корыстолюбивый умысел его и сказал ему:

«Господин, мы оставим под вашей охраной не только те повозки, но и еще две, которые мы ныне имеем». — «Нет», отвечал он, — «вы оставите те, а с другими сделаете, что вам угодно». Я сказал ему, что этого никоим образом не может быть, но мы оставим ему все. Тогда он спросил, желаем ли мы остаться надолго в этой земле. Я сказал: «Если вы хорошо поняли грамоту господина короля, то можете знать, что это так». Тогда он сказал, что нам надлежит быть очень терпеливыми и смиренными. Так расстались мы с ним в тот вечер. На следующее утро он прислал одного несторианского священника за повозками, и мы привезли все четыре. Тогда брат Койяка, выйдя к нам навстречу, отделил все наше от тех вещей, которые мы накануне приносили ко двору, и взял их как свое имущество, именно — книги и облачения; а Койяк ранее приказывал, чтобы мы увезли с собой облачения, которые надели перед лицом Сартаха, и надели их перед лицом Бату, если будет нужно. Этот же священник отнял их у нас силой, говоря: «Как ты принес их Сартаху, а теперь хочешь отнести Бату!» И, когда я хотел дать ему объяснение, он ответил мне: «Не говори лишнего и ступай своей дорогой». Тогда мне необходимо было запастись терпением, так как доступ к Сартаху нам был прегражден, и не было никого, кто мог бы оказать нам правосудие. Я боялся также и насчет толмача, не передал ли он чего-нибудь иначе, чем я сказал ему, так как он очень желал, чтобы я отдал все в подарок. Единственным утешением мне служило то, что, предчувствуя их алчность, я извлек из книг Библию, правила¹⁰⁴ и другие книги, которые я больше любил. Псалтырь госпожи королевы я не посмел извлечь, так как он был слишком заметен по своим золоченым картинкам. Таким образом, стало быть, вернулись мы с двумя оставшимися повозками в свое помещение. Затем пришел тот, кто должен был провожать нас к Бату, и выразил желание пуститься в путь немедленно. Я ему сказал, что ни под каким видом не возьму повозку; он доложил это Койяку. Тогда Койяк распорядился оставить их у него, но уже с нашим служителем, что мы и сделали.

Таким образом, стало быть, мы направились к Бату, держа путь прямо на восток, и на третий день добрались до Этилии¹⁰⁵; увидев ее воды, я удивился, откуда с севера могло спуститься столько воды. Прежде чем нам удалиться от Сартаха, вышеупомянутый Койяк вместе со многими другими писцами двора сказал нам: «Не говорите, что наш господин — христианин, он не христианин, а Моал», так как название «христианство» представляется им названием какого-то народа. Они превознеслись до такой великой гордости, что хотя, может быть, сколько-нибудь веруют во Христа, однако не желают имено-

ваться христианами, желая свое название, т. е. Моал, превознести выше всякого имени; не желают они называться и Татарами. Ибо Татары были другим народом, о котором я узнал следующее.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Сартах, Мангу-хан и Кен-хан оказывают почет христианам. Происхождение Чингиса и Татар

Именно, в то время, когда Франки взяли Антиохию ¹⁰⁶, единовластие в упомянутых северных странах принадлежало одному лицу, по имени Кон-хам ¹⁰⁷. Кон — имя собственное, а хам ¹⁰⁸ — обозначение достоинства, значит же оно то же, что прорицатель. Всех прорицателей они называют хам. Отсюда их государи называются х а м, так как в их власти находится управление народом путем прорицания. Поэтому в истории Антиохии читаем, что Турки послали за помощью против Франков к королю Кон-хану. Ибо из этих стран явились все Турки. Этот Кон был Каракатай ¹⁰⁹.

К а р а значит то же, что «черный», а К а т а й — название народа, откуда К а р а к а т а й значит то же, что «черный Катай». И это они говорят для различения их от Катаев, живущих на востоке над океаном, о которых я скажу вам впоследствии. Эти Катаи жили на неких горах, через которые я переправлялся, а на одной равнине между этих гор жил некий несторианин пастух (pastor), человек могущественный и владычествующий над народом, именуемым Найман ¹¹⁰ (Naiman) и принадлежавшим к христианам-несторианам. По смерти Кон-хама этот несторианец превоз-

Монгол верхом на коне
(Китайский рисунок XVII в.)

нес себя в короли, и несториане называли его королем Иоанном, говоря о нем вдвасятеро больше, чем согласно было с истиной. Именно так поступают несториане, прибывающие из тех стран: именно из ничего они создают большие разговоры, поэтому они распространили и про Сартаха, будто он христианин; то же говорили они про Мангу-хана и про Кен-хана¹¹¹ потому только, что те оказывают христианам большее уважение, чем другим народам; и однако на самом деле они не христиане. Таким-то образом распространилась громкая слава и об упомянутом короле Иоанне; и я проехал по его пастбищам; никто не знал ничего о нем, кроме немногих несториан. На его пастбищах живет Кен-хан, при дворе которого был брат Андрей¹¹², и я также проезжал той дорогой при возвращении. У этого Иоанна был брат, также могущественный пастух, по имени Унк¹¹³; он жил за горами Каракатаев, на три недели пути от своего брата, и был властелином некоего городка, по имени Каракарум¹¹⁴; под его властью находился народ, именовавшийся Крит и Меркит¹¹⁵ и принадлежавший к христианам-несторианам. А сам властелин их, оставив почитание Христа, следовал идолам, имея при себе идольских жрецов, которые все принадлежат к вызывателям демонов и к колдунам. За его пастбищами, в расстоянии на 10 или 15 дневных переходов, были пастбища Моалов; это были очень бедные люди, без главы и без закона, за исключением веры в колдовство и прорицания, чему преданы все в тех странах. И рядом с Моалами были другие бедняки, по имени Тартары (Tartar). Король Иоанн умер без наследника, и брат его Унк обогатился и приказывал именовать себя ханом; крупные и мелкие стада его ходили до пределов Моалов. В то время в народе Моалов был некий ремесленник Чингис; он воровал, что мог, из животных Унк-хана, так что пастухи Унка пожаловались своему господину. Тогда тот собрал войско и поехал в землю Моалов, ища самого Чингиса, а тот убежал к Татарам и там спрятался¹¹⁶. Тогда Унк, взяв добычу от Моалов и от Татар, вернулся. Тогда Чингис обратился к Татарам и Моалам со следующими словами: «Так как у нас нет вождя, наши соседи теснят нас». И Татары, и Моалы сделали его вождем и главою. Тогда, собрав тайком войско, он ринулся на самого Унка и победил его; тот убежал в Китайю. Там попала в плен его дочь, которую Чингис отдал в жены одному из своих сыновей¹¹⁷; от него зачала она ныне царствующего Мангу. Затем Чингис повсюду посылал вперед Татар, и отсюда распространилось их имя, так как везде кричали: «Вот идут Татары». Но в недавних частых войнах почти все они были перебиты. Отсюда упомянутые Моалы ныне хотят уничтожить это название и возвысить свое. Та земля, в которой они были сперва и где находится еще двор Чингис-хана, называется Онанкеруле¹¹⁸.

Но так как Каракарум есть местность, вокруг которой было их первое приобретение, то они считают этот город за царственный и поблизости его выбирают своего хана.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

О Русских, Венграх, Аланах и о Каспийском море

Что касается до Сартаха, то я не знаю, верует ли он во Христа, или нет. Знаю только, что христианином он не хочет называться, а скорее, как мне кажется, осмеивает христиан. Именно он живет на пути христиан, то есть Русских, Валахов (Власогит), Булгаров Малой Булгарии, Солдайнов, Керкисов и Аланов, которые все проезжают через его область, когда едут ко двору отца его, привозя ему подарки; отсюда он тем более ценит христиан. Однако, если бы явились Саррацины и привезли больше, их отправили бы скорее. Он имеет также около себя священников несториан, которые ударяют в доску ¹¹⁹ и поют свою службу. У Бату есть еще брат, по имени Берка ¹²⁰ (Жегга), пастбища которого находятся в направлении к Железным Воротам, где лежит путь всех Саррацинов, едущих из Персии и из Турции; они, направляясь к Бату и проезжая через владения Берки, привозят ему дары. Берка выдает себя за Саррацина и не позволяет есть при своем дворе свиное мясо. Тогда, при нашем возвращении, Бату приказал ему, чтобы он передвинулся с того места за Этилию к востоку, не желая чтобы послы Саррацинов проезжали через его владения, так как это казалось Бату убыточным. В те же четыре дня, когда мы были при дворе Сартаха, о нашей пище вовсе не заботились, кроме того, что раз дали нам немного кумысу. А на пути между ним и его отцом мы ощущали сильный страх: именно Русские, Венгры и Аланы, рабы их (Татар?), число которых у них весьма велико, собираются зараз по 20 или 30 человек, выбегают ночью с колчанами и луками и убивают всякого, кого только застают ночью. Днем они скрываются, а когда лошади их утомляются, они подбираются ночью к табунам лошадей на пастбищах, обменивают лошадей, а одну или двух увозят с собою, чтобы в случае нужды съесть. Наш проводник сильно боялся такой встречи. Во время этого пути мы умерли бы с голоду, если бы не взяли с собой немного сухарей. Итак мы добрались до Этилии, весьма большой реки. Она вчетверо больше, чем весьма глубокая Сена; начинается Этилия из Великой Булгарии, лежащей к северу, направляется к югу и впадает в некое озеро или в некое море, которое ныне называется море Сиркан ¹²¹ по имени некоего города, лежащего на берегу его

в Персии. А Исидор называет его Каспийским морем. К югу от него находятся Каспийские горы и Персия, а к востоку горы Мулигек¹²², то есть Человекоубийц¹²³ (Ахасиногит), которые соприкасаются с Каспийскими горами, к северу же от него находится та пустыня, в которой ныне живут Татары. Прежде же там были некие Команы, называвшиеся Кангле¹²⁴. С этой-то стороны море принимает Этилию, которая летом увеличивается, как Египетский Нил. К западу же от Каспийского моря находятся Аланские горы, Лесги, Железные Ворота и горы Георгианов. Стало быть, это море с трех сторон окружено горами, а с северной стороны к нему прилегает равнина. Брат Андрей лично обогнул две стороны его, именно южную и восточную, я же другие две, именно северную при путешествии от Бату к Мангу-хану и равным образом при возвращении, западную же — при возвращении от Бату в Сирию. Море это можно обогнуть в 4 месяца, и неправильно говорит Исидор, что это — залив, выходящий из океана, ибо он нигде не прикасается к океану, но отовсюду окружен землей.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

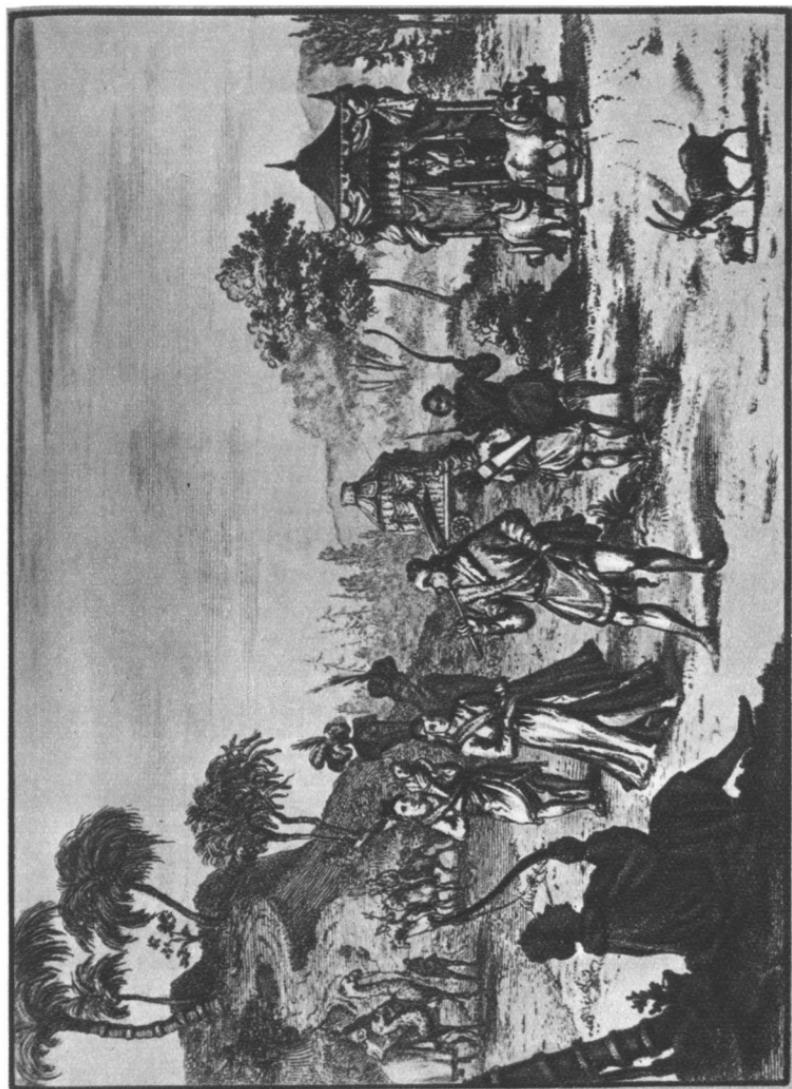
О дворе Бату и том, как он нас принял

Вся эта страна от западной стороны того моря, где находятся Железные Ворота Александра и горы Аланов, до северного океана и Болот Меотиды, где начинается Танаид, обычно называлась Албанией¹²⁵. Исидор говорит про нее, что там водятся собаки такие большие и такие свирепые, что они хватают волков и умерщвляют львов. Это верно, судя по тому, что я узнал от рассказывавших, как там, в направлении к северу, собаки, в силу своей величины и крепости, тянут повозки, как быки. Итак в том месте, где мы остановились на берегу Этилии, есть новый поселок¹²⁶, который Татары устроили вперемежку из Русских и Саррацинов, перевозящих послов, как направляющихся ко двору Бату, так и возвращающихся оттуда, потому что Бату находится на другом берегу в восточном направлении, и он не проходит через это место, где мы остановились, когда поднимается летом, а он уже начинал спускаться. Именно с января до августа он сам и все другие поднимаются к холодным странам, а в августе начинают возвращаться. Итак, мы спустились на корабле от этого поселка до двора Бату, и от этого места до городов Великой Булгарии к северу считается пять дней пути. И я удивляюсь, какой дьявол занес сюда закон Магомета¹²⁷. Ибо от Железных Ворот, находящихся в конце Персии, требуется более тридцати дней пути,

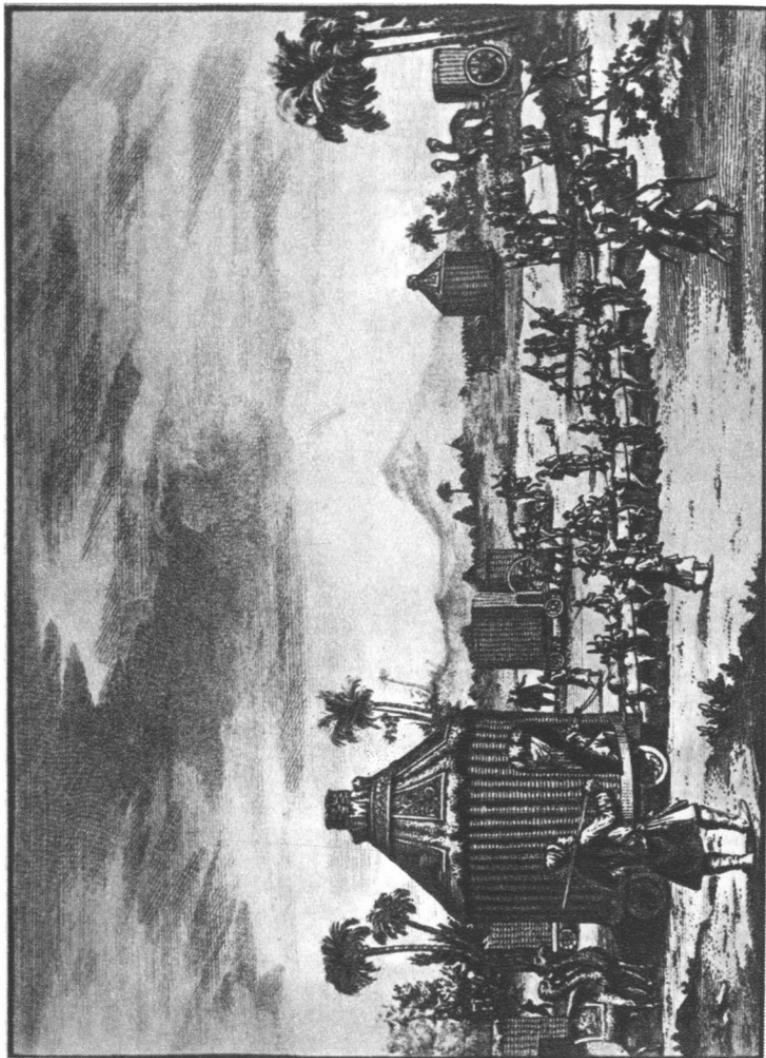
чтобы, поднимаясь возле Этилии, пересечь пустыню до упомянутой Булгарии, где нет никакого города, кроме неких поселков вблизи того места, где Этилия впадает в море; и эти Булгаре — самые злейшие Саррацины, крепче держащиеся закона Магометова, чем кто-нибудь другой. Итак, когда я увидел двор Бату, я оробел, потому что собственно дома его казались как бы каким-то большим городом, протянувшимся в длину и отовсюду окруженным народами на расстоянии трех или четырех льё. И как в Израильском народе каждый знал, с какой стороны скинии должен он раскидывать палатки, так и они знают, с какого бока двора должны они размещаться, когда они снимают свои дома [с повозок]. Отсюда двор на их языке называется ордой, что значит середина, так как он всегда находится по середине их людей, за исключением того, что прямо к югу не помещается никто, так как с этой стороны отворяются ворота двора. Но справа и слева они располагаются, как хотят, насколько позволяет местность, лишь бы только не попасть прямо пред двором или напротив двора. Итак, нас отвели сперва к одному Саррацину, который не позаботился для нас ни о какой пище. На следующий день нас отвели ко двору, и Бату приказал раскинуть большую палатку, так как дом его не мог вместить столько мужчин и столько женщин, сколько их собралось. Наш проводник внушил нам, чтобы мы ничего не говорили, пока не прикажет Бату, а тогда говорили бы кратко. Он спросил также, отправляли ли вы к ним послов. Я сказал, что вы посылали их к Кен-хану и что не отправляли бы ни послов к нему, ни грамоты к Сартаху, если бы не думали, что они были христианами, так как вы послали нас не из-за какого-нибудь страха, а с целью поздравления, потому что вы слышали, что они — христиане. Затем он отвел нас к шатру [павильону, *parilionem*], и мы получили внушение не касаться веревок палатки, которые они рассматривают как порог дома. Мы стояли там в нашем одеянии босиком с непокрытыми головами, представляя и в собственных глазах великое зрелище.

Там был брат Иоанн де Поликарпо¹²⁸, но он переменил платье, чтобы не подвергнуться презрению, так как был послом Господина Папы. Тогда нас провели до середины палатки и не просили оказать какое-либо уважение преклонением колен, как обычно делают послы. Итак мы стояли перед ним столько времени, во сколько можно произнести «Помилуй мя, Боже», и все пребывали в глубочайшем безмолвии. Сам же он сидел на длинном троне, широком, как ложе, и целиком позолоченном; на трон этот поднимались по трем ступеням; рядом с Бату сидела одна госпожа¹²⁹. Мужчины же сидели там и сям направо и налево от госпожи; то, чего женщины не могли заполнить на своей стороне, так как там были только жены Бату, заполняли

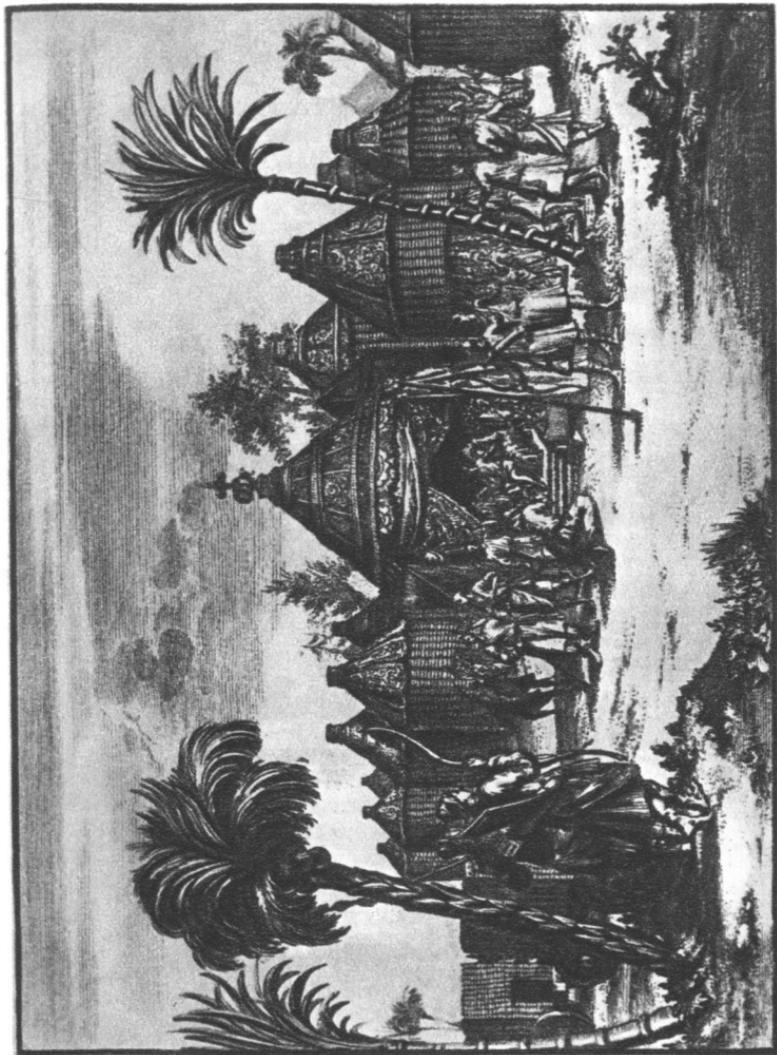
мужчины. Скамья же с кумысом и большими золотыми и серебряными чашами, украшенными драгоценными камнями, стояла при входе в палатку. Итак Бату внимательно осмотрел нас, а мы его; и по росту, показалось мне, он похож на господина Жана де Бомон¹³⁰, да почиет в мире его душа. Лицо Бату было тогда покрыто красноватыми пятнами. Наконец он приказал нам говорить. Тогда наш проводник приказал нам преклонить колена и говорить. Я преклонил одно колено, как перед человеком. Тогда Бату сделал мне знак преклонить оба, что я и сделал, не желая спорить из-за этого. Тогда он приказал мне говорить, и я, вообразя, что молюсь Богу, так как преклонил оба колена, начал речь с молитвы, говоря: «Государь, мы молим Бога, от которого исходят все блага и который дал вам сии земные, чтобы после этого он даровал вам небесные, так как первые без последних ничтожны». Он внимательно выслушал, и я прибавил: «Знайте за верное, что не получите небесных благ, если не станете христианином. Ибо сказал Бог: «Кто уверует и крестится, спасен будет. Кто же не поверит, будет осужден». При этом слове он скромно улыбнулся, а другие Моалы начали хлопать в ладоши, осмеивая нас, и мой толмач оцепенел, так что надо было ободрить его, чтобы он не боялся. Затем, когда настала тишина, я сказал: «Я прибыл к вашему сыну, так как мы слышали, что он — христианин, и я привез ему грамоту от господина короля Франков. Он сам послал меня сюда к вам. Вы должны знать, по какой причине». Тогда он приказал мне встать и спросил об имени вашем, моем, моего товарища и толмача и приказал все записать; так как он знал, что вы вышли из вашей земли с войском, то спросил также, против кого ведете вы войну. Я ответил: «Против Саррацинов, оскорбляющих дом Божий в Иерусалиме». Он спросил также, управляли ли вы когда-нибудь к нему послов. «К вам», — сказал я, — «никогда». Тогда он приказал нам сесть и дать выпить молока; это они считают очень важным, когда кто-нибудь пьет с ним кумыс в его доме. И так как я, сидя, смотрел в землю, то он приказал мне поднять лицо, желая еще больше рассмотреть нас или, может быть, от суеверия, потому что они считают за дурное знамение или признак, или за дурное предзнаменование, когда кто-нибудь сидит перед ними, наклонив лицо, как бы печальный, особенно если он опирается на руку щекой или подбородком. Затем мы вышли, и спустя немного к нам пришел наш проводник и, отведя нас в назначенное помещение, сказал мне: «Господин король просит, чтобы ты остался в этой земле, а этого Бату не может сделать без ведома Мангу-хана. Отсюда следует, чтобы ты и твой толмач отправились к Мангу-хану; а твой товарищ и другой человек вернутся ко двору Сартаха, ожидая там, пока ты не вер-

Монголы
(По рисунку французского иллюстратора XVIII в.)

Юрты на повозках
(Реконструкция французского иллюстратора XVIII в.)

Ставка Великого хана
(Французский рисунок XVIII в.)

Мункэ-хан и его восемь братьев
(Персидская миниатюра XIV в.)

нешья». Тогда мой толмач, человек Божий, начал скорбеть, считая себя погибшим, а товарищ мой стал свидетельствовать, что пусть ему лучше отрубят голову, чем он отделится от меня. И я сказал, что не могу отправиться без товарища, прибавив, что мы очень нуждаемся в двух служителях, так как если кому случится захворать, то другой не может оставаться одиноким. Тогда он, вернувшись ко двору, передал эти слова Бату. Тогда тот приказал: «Пусть отправляются два священника и толмач, а причетник пусть вернется к Сартаху!» Проводник, вернувшись, сообщил нам это решение, а когда я хотел говорить в защиту причетника, чтобы тот ехал с нами, проводник сказал: «Не рассуждайте больше, так как Бату решил, и я не смею больше возвращаться ко двору». Из вашей благостыни у причетника Госсета было 26 иперперов, не больше; 10 из них он удержал для себя и для служителя, а 16 отдал Божьему человеку для нас, и так мы расстались друг с другом со слезами: он вернулся к Сартаху, а мы остались там.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

О пути братьев ко двору Мангу-хана

Накануне Успения ¹³¹ наш причетник прибыл ко двору Сартаха, а на следующий день священники-несториане, облаченные в наши одеяния, были перед лицом Сартаха. Меж тем нас отвели к другому хозяину, который должен был заботиться для нас о помещении, пище и конях. Но так как у нас не было, что дать ему, то он делал все плохо. И мы ехали с Бату, спускаясь возле Волги, в течение 5 недель ¹³². Иногда мой товарищ ощущал столь сильный голод, что говорил мне почти со слезами: «Мне кажется, что я никогда не получу есть». Рынок всегда следует за двором Бату, но этот базар был так далек от нас, что мы не могли пойти туда. Ибо нам приходилось, за недостатком лошадей, идти пешком. Наконец, нас нашли некие Венгры, которые некогда были причетниками; один из них умел еще многое петь наизусть, и другие Венгры считали его как бы за священника, призывая его для погребения умерших соотечественников; а другой был достаточно сведущ в грамматике, так как понимал все то, что мы говорили ему по буквам, но не умел отвечать; они доставили нам большое утешение, принося кумысу для питья, а иногда и мяса для еды. Они попросили у нас каких-нибудь книг, а у меня не было, что я мог бы дать, ибо у меня не было никаких книг, кроме библии и служебника, поэтому я сильно опечалился. Затем я сказал им: «Принесите нам бумаги, и я напишу вам, пока мы будем здесь».

Они это и исполнили, и я написал те и другие часы Святой Девы и службу по усопшим. Однажды днем к нам подошел некий Коман, сказавший нам привет латинской речью: «Здравствуйте, господа!» Я с удивлением приветствовал его в ответ и спросил, кто научил его этому приветствию; он сказал, что наши братья в Венгрии его крестили и научили приветствию. Он сказал также, что Бату много спрашивал у него про нас и что он рассказал ему правила нашего ордена. Я видел Бату разъезжавшим с своим отрядом, и все главы семейств ездят с ним. По моему расчету, их было менее пятисот человек. Наконец, около праздника Воздвижения Святого Креста пришел к нам некий богатый Моал, отец которого был тысячником, что считается важным среди них, и сказал: «Я должен отвести вас к Мангу-хану; это — путь четырех месяцев, и там стоит столь сильный холод, что от него раскальваются камни и деревья. Смотрите, сможете ли вы выдержать». Я ответил ему: «Надеюсь на милость божию, что мы выдержим то, что могут выдерживать другие люди». Тогда он сказал: «Если не сможете выдержать, я оставлю вас на дороге». Я ответил ему: «Это было бы несправедливо, так как мы отправились не по своей воле, а только посланы вашим государем, поэтому с тех пор, как мы вам доверились, вы не должны нас покидать». Тогда он сказал: «Все будет хорошо». После этого он приказал нам показать ему все наши платья и, что ему казалось менее необходимым, велел оставить под охраной нашего хозяина. На следующий день каждому из нас принесли по овечьей шубе с длинной шерстью, штаны из того же меха, сапоги или полусапожки согласно их обычаю, а также войлочные башмаки и меховые шапки согласно их обычаю. На второй день после Воздвижения Святого Креста мы выехали ¹³³, причем у нас троих было две вьючные лошади, и мы ехали, не переставая, в восточном направлении вплоть до дня праздника Всех Святых. И по всей той земле, и еще дальше жили Канглы, какие-то родственники Команов. К северу от нас была Великая Булгария, а к югу вышеупомянутое Каспийское море.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

О реке Ягаке и о разных землях и народах в этой стране

Проехав 12 дней от Этилии, мы нашли большую реку, именуемую Ягак ¹³⁴; она течет с севера из земли Паскатири и впадает в вышеупомянутое море. Язык Паскатири ¹³⁵ и Венгров — один и тот же; это — пастухи, не имеющие никакого города; страна

их соприкасается с запада с Великой Булгарией. От этой земли к востоку, по упомянутой северной стороне, нет более никакого города. Поэтому Великая Булгария — последняя страна, имеющая город. Из этой земли Паскатиры вышли Гунны, впоследствии Венгры, а это, собственно, и есть Великая Булгария. И Исидор говорит, что на быстрых конях они переправились через преграды Александра, удерживавшие дикие народы скалами Кавказа, так что им платили дань вплоть до Египта. Они разорили также все земли вплоть до Франции, поэтому они обладали бóльшим могуществом, чем нынешние Татары. С ними боролись Валахи, Булгары и Вандалы. Ибо те Булгары, которые живут за Дунаем вблизи Константинополя, вышли из упомянутой Великой Булгарии. И вблизи Паскатиры живут Иллак, что значит то же, что Б л а к, но Татары не умеют произносить Б; от них произошли те, кто живет в земле Ассана ¹³⁶. Ибо обоих, как тех, так и этих, именуют Иллак. Язык Русских, Поляков, Чехов (Воетогит) и Славян один и тот же с языком Вандалов ¹³⁷, отряд которых всех вместе был с Гуннами, а теперь по большей части с Татарами, которых Бог поднял из более отдаленных стран, не народ и племя несмысленное, по словам Господним ¹³⁸: «Я вызову их, то есть не хранящих своего закона, чрез того, кто не народ, и раздражу их племенем несмысленным». Это исполняется буквально над всеми народами, не хранящими закона Христова. То, что я сказал о земле Паскатиры, я знаю через братьев проповедников ¹³⁹, которые ходили туда до прибытия Татар, и с того времени жители ее были покорены соседними Булгарами и Саррацинами, и многие из них стали Саррацинами. Другое можно узнать из летописей, так как известно, что области за Константинополем, именуемые ныне Булгарией, Валахией и Славонией, были областями Греков. Венгрия таким образом была Паннонией. Итак, мы ехали через землю Кангле от праздника Святого Креста до праздника Всех Святых, причем почти всякий день, как я мог рассчитать, делали такое расстояние, как от Парижа до Орлеана ¹⁴⁰, а иногда и больше, смотря по тому, какое у нас было количество лошадей. Именно иногда мы меняли лошадей дважды или трижды в день, а иногда ехали без перемены два или три дня, потому что не встречали народа, и тогда приходилось ехать медленнее. Из 20 или 30 лошадей у нас всегда были худшие, так как мы были чужестранцами. Ибо все, ехавшие раньше нас, брали лучших лошадей. Для меня всегда сохраняли крепкого коня, так как я был очень дороден, но я не смел предлагать вопрос о том, хорошо ли идет конь, или нет, не смел я также жаловаться, если он имел не рысистый шаг, но каждому надлежало терпеть свою участь. Отсюда для нас возникали весьма тягостные затруднения, так как неоднократно

лошади утомлялись раньше, чем мы могли добраться до народа, и тогда нам надлежало их погонять и бить кнутом, даже перекидывать одежду на других вьючных лошадей, переменять коней на вьючных лошадей, а иногда двоим ехать на одной лошади.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

О голоде, жажде и иных бедствиях, которые мы испытали в этом пути

Нет числа нашим страданиям от голода, жажды, холода и усталости. Пищу они дают только вечером. Утром дают что-нибудь выпить или проглотить пшена. Вечером же давали нам мяса — баранье плечо с ребрами, а также выпить известное количество супа. Когда у нас было мясного супа досыта, мы отлично подкреплялись, и он казался мне весьма вкусным напитком и весьма питательным. В пятницу я пребывал в посте до ночи, не делая ни глотка, а затем мне надлежало с печалью и скорбью вкушать мясо. Иногда, когда мы попадали на ночлег с наступлением уже темноты, нам приходилось есть мясо полусваренное или почти сырое вследствие недостатка пищи для огня, так как тогда мы не могли набрать достаточно бычьего или конского навозу. Другую пищу для огня мы находили редко, разве только кое-где какой-нибудь терновник. Также по берегам некоторых рек растут кое-где леса, но это бывает редко. Вначале наш проводник очень презирал нас и чувствовал отвращение, провожая столь низких людей. Впоследствии, однако, когда он начал нас лучше узнавать, он провожал нас через дворы богатых Моалов, и нам надлежало молиться за них. Поэтому, будь у меня хороший толмач, я имел бы удачный случай посеять много добра. У упомянутого Чингиса, первого хана, было четыре сына ¹⁴¹, от которых произошли многие; все они имеют теперь большие дворы и ежедневно множатся и распространяются по пустыне, обширной, как море. Итак, через владения многих из них вез нас наш проводник. И они удивлялись превыше меры, почему мы не хотели брать золото, серебро и драгоценные одежды. Они спрашивали также о великом папе, так ли он стар, как они слышали. Именно они слышали, что ему пятьсот лет. Спрашивали они о наших землях, водится ли там много овец, быков и коней. О море-океане они не могли понять, что оно беспредельно или безбрежно. Накануне дня Всех Святых мы оставили дорогу на восток ¹⁴², так как Татары уже значительно спустились к югу, и направили, через какие-то горы, путь прямо на юг, в течение 8 дней подряд. В этой пустыне я видел многих ослов, именуемых к у-

ла м¹⁴³, которые больше похожи на мулов; наш проводник и его товарищи усиленно их преследовали, но ничего не достигли вследствие их чрезмерной быстроты. На седьмой день к югу нам стали видны очень высокие горы, и мы въехали на равнину, которая орошалась, как сад, и нашли возделанные земли. Через неделю после праздника Всех Святых¹⁴⁴ мы въехали в некий Саррацинский город, по имени Кинчат¹⁴⁵. Глава его выехал навстречу нашему проводнику с пивом и чашами. Ибо у них существует такой обычай, что изо всех городов, им подчиненных, послов Бату и Мангу-хана встречают с пищей и питьем. В то время там ходили по льду, и еще раньше, начиная с праздника святого Михаила, в степи стояли морозы. Я спросил о названии этой области; так как мы были уже на другой территории, они не умели мне сказать иначе, как по имени города, который был очень мал. И с гор спускалась большая река¹⁴⁶, которая орошала всю страну, так как они проводили от нее воду, куда им было угодно; эта река не впадала в какое-нибудь море, а поглощалась землею, образуя также много болот. Я видел там лозы и дважды пил вино¹⁴⁷.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Об умерщвлении Бури и о жилищах Немцев в этой земле

На следующий день мы прибыли к другому поселку, более близкому к горам, и я спросил про горы, про которые узнал, что это были горы Кавказа¹⁴⁸, которые соприкасаются с обеими сторонами моря от запада к востоку. Тут также узнал я, что мы уже проехали вышеупомянутое море, в которое втекает Этилия. Я спросил также о городе Талас¹⁴⁹, в котором были Немцы, рабы Бури¹⁵⁰, про которых говорил брат Андрей¹⁵¹ и про которых я также много спрашивал при дворе Сартаха и Бату. Я не мог узнать ничего, кроме того, что Бури, господин их, был убит по такому случаю: он не имел хороших пастбищ и однажды, когда был пьян, стал так рассуждать со своими людьми: «Разве я не из рода Чингис-хана, как Бату (а он был племянником или братом Бату)? Почему и мне, как Бату, не итти на берег Этилии, чтобы там пасти стада?» Эти слова были доложены Бату. Тогда Бату написал его людям, чтобы они привели к нему господина их связанным, что те и сделали. Тогда Бату спросил у него, говорил ли он подобные речи, и тот сознался. Однако он извинился тем, что был пьян, так как они обычно прощают пьяных. И Бату ответил: «Как ты смел называть меня в своем опьянении?» И затем приказал отрубить ему голову¹⁵². Об этих Немцах я не мог узнать ни-

чего вплоть до приезда ко двору Мангу-хана, а в вышеуказанном поселке я узнал, что Талас был сзади нас возле гор, на шесть дней пути. Когда я прибыл ко двору Мангу-хана, то узнал, что сам Мангу перевел их, с позволения Бату, к востоку на расстояние месяца пути от Таласа, в некий город, по имени Болат ¹⁵³, где они копают золото и делают оружие; поэтому я не мог попасть в их страну в оба мои проезда, туда и обратно. Однако я проехал на пути туда довольно близко, может быть, всего на три дня пути, от этого города. Но я не знал этого, да и не мог также отклониться от дороги, если бы и хорошо знал ее. От упомянутого поселка мы направились к востоку прямо к вышеупомянутым горам, и с того времени мы въехали в среду людей Мангу-хана, которые везде пели и рукоплескали пред лицом нашего проводника, так как он был послом Бату. Этот почет они оказывают друг другу взаимно, так что люди Мангу принимают вышеупомянутым способом послов Бату и равным образом люди Бату послов Мангу-хана. Однако люди Бату стоят выше и не исполняют этого так тщательно. Через несколько дней после этого мы въехали в горы, на которых обычно живут Каракатаи, и нашли там большую реку ¹⁵⁴, через которую нам надлежало переправиться на судне. После этого мы въехали в одну долину, где увидели какой-то разрушенный замок, стены которого были только из глины, и земля там была возделана. После этого мы нашли некий хороший город по имени Эквиус ¹⁵⁵, в котором жили Саррацины, говорящие по-персидски, хотя они были очень далеко от Персии. На следующий день, переправившись через те горы, которые составляли отроги больших гор, находившихся к югу, мы въехали на очень красивую равнину, имеющую справа высокие горы, а слева некое море или озеро, тянущееся на 25 дней пути в окружности. И эта равнина вся прекрасно орошена стекающими с гор водами, которые все впадают в упомянутое море. Летом мы возвращались с северного бока этого моря, где равным образом были большие горы. На вышеупомянутой равнине прежде находилось много городков, но по большей части они были разрушены Татарами, чтобы иметь возможность пастись там свои стада, так как там были наилучшие пастбища. Мы нашли там большой город по имени Кайлак ¹⁵⁶, в котором был базар, и его посещали многие купцы. В нем мы отдыхали 12 дней, ожидая одного секретаря Бату, который должен был быть товарищем нашего проводника в устройении дел при дворе Мангу. Земля эта прежде называлась Органум ¹⁵⁷, и жители ее имели собственный язык и собственные письмена. Но теперь она была вся занята Туркоманами. Этими письменами и на этом языке несториане из тех стран прежде даже справляли службу и писали книги, и, может быть, отсюда ведут название ор-

г а н ы, так как там были, как мне говорили, наилучшие гитаристы или органисты. Там впервые видел я идолопоклонников, имеющих, как вы узнаете, многочисленные секты на Востоке.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

О смешении несториан и Саррацинов и об их идолопоклонстве

Прежде всего назову Югуров¹⁵⁸, земля которых соприкасается с вышеупомянутой землей Органум, именно между названных гор в восточном направлении¹⁵⁹, во всех городах их перемешаны несториане и Саррацины, и отдельные лица из них самих также живут в городах Саррацинов в направлении к Персии. В вышеупомянутом городе Кайлаке они имели три кумирни; в две из них я заходил, чтобы увидеть эти безумия. В первой я нашел некоего человека, имевшего у себя на руке крестик из чернил¹⁶⁰; отсюда я поверил, что он — христианин, ибо на все, что я спрашивал у него, он отвечал, как христианин. Поэтому я спросил у него: «Почему же вы не имеете здесь креста и изображения Иисуса Христа? Он ответил: «У нас это не в обычае». Отсюда я поверил, что они христиане, но пренебрегают этим по недостатку образования. Все же я там видел за сундуком, служащим им вместо алтаря, на который они ставят светильники и жертвы (*oblationes*), какое-то изображение, имевшее крылья как у святого Михайла, и другие изображения вроде епископов, державших пальцы как бы для благословения¹⁶¹. В тот вечер я не мог узнать ничего другого, так как Саррацины настолько избегают их, что даже не желают о них и говорить. Отсюда, когда я спрашивал у Саррацинов об обрядах Югуров, они оскорблялись. На следующий день было первое число и пасха Саррацинов¹⁶², и я переменял помещение, так что меня поселили рядом с другой кумирней. Ибо тамошние люди принимают послов [поочередно] каждый по степени своего могущества и по своим средствам. Войдя тогда в упомянутую кумирню, я нашел там жрецов идольских. Именно первого числа они отворяют свои храмы, и жрецы облачаются, возносят фимиами, поднимают светильники и возносят жертвы народа, состоящие из хлеба и плодов¹⁶³.

Итак, прежде всего я опишу вам все обряды всех идолопоклонников, а после того тех Югуров, которые являются как бы сектой, отделенной от других. Все они молятся на север, хлопая в ладоши и простираясь на землю на согнутых коленях, причем челом опираются на руки. Отсюда несториане в тех странах отнюдь не соединяют рук для молитвы, а молятся, про-

тянув руки пред грудь. Идолопоклонники ставят свои храмы в направлении с востока на запад и в северной стороне устраивают комнату, выступающую наподобие клироса (сogum), а иногда, если дом четырехугольный, эта комната бывает в середине дома. С северного бока они делают углубление на месте клироса. Там они помещают сундук, длинный и широкий, как стол ¹⁶⁴. И за этим сундуком, к югу, ставят они главный идол, который я видел в Каракаруме такой же величины, как рисуют блаженного Христофора ¹⁶⁵. Один несторианский священник, прибывший из Китая, говорил мне, что в этой земле есть идол такой большой, что его можно видеть издали за два дня пути ¹⁶⁶. Кругом ставят они другие идола; все они очень красиво позолочены. На этом сундуке, который напоминает собою стол, они ставят светильники и жертвы. Все двери храмов отворяются на юг противоположно обычаю Саррацинов. Точно так же у идолопоклонников, как и у нас, есть большие колокола; поэтому, думаю я, восточные христиане не пожелали иметь их. У Русских, однако, и у Греков в Газарии они имеются.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Об их храмах и идолах и о том, как они отправляют службу своим богам

Точно так же все жрецы их бреют целиком голову и бороду; одеяние их желтого цвета; с тех пор как они обреют голову, они хранят целомудрие и должны жить по сто или по двести зараз в одной общине ¹⁶⁷. В те дни, когда они входят в храм, они ставят две скамьи и сидят в направлении клироса, но против него, на земле, держа в руках книги, которые иногда кладут на упомянутые скамейки, и, пока они в храме, головы их открыты; они читают в молчании и сохраняют молчание. Отсюда, когда я в Каракаруме вошел в один храм их и застал их так сидящими, я на разные лады пробовал вызвать их на разговор и никоим образом не мог. Куда бы они ни шли, они имеют также постоянно в руках какую-то веревочку со стами или двумястами ядрышками, как мы носим четки, и повторяют постоянно следующие слова: «*оп тапi бассат* ¹⁶⁸», то есть «господи, ты веси», как один из них перевел мне это, и он столько раз ожидает благодарности от бога, сколько раз, говоря это, вспоминает о боге.

Около своего храма они всегда устроят красивый притвор, который замыкают крепкой стеной, и к югу устроят большие ворота, в которых садятся для разговоров. Над этими воротами они воздвигают длинный шест, чтобы он выдавался, если

можно, над всем городом. И по этому шесту можно узнать, что этот дом — храм идолов. Это обще всем идолопоклонникам. Итак, когда я вошел в упомянутую кумирню, я застал жрецов сидящими у наружных ворот. Те, кого я видел, казались мне Франками по своим бритым бородам. На головах у них были татарские тиары. Жрецы этих Югуров имеют следующее одеяние: куда бы они ни шли, они постоянно носят желтые рубашки, довольно узкие; подпоясаны они вверху прямо, как Франки; плащ они носят на левом плече; он, спускаясь, покрывает грудь и спину до правого бока, как облачение у дьякона во время четырехдесятницы. Татары приняли их письма¹⁶⁹. Они начинают писать сверху и ведут строку вниз; таким же образом они читают и продолжают строки слева направо. Они усиленно пользуются для волшебства бумагой и буквами, откуда храмы их наполнены висящими краткими изречениями (*brevibus*). И Мангу-хан посылает вам грамоту на языке Моалов, но письмами Югуров. Они сожигают своих умерших по старинному обряду и сохраняют прах на вершине пирамиды. Итак, когда, войдя в их храм и осмотрев много их идолов, как больших, так и малых, я сел рядом с вышеупомянутыми жрецами, то спросил их, как они веруют в Бога. Они ответили: «Мы веруем только в единого Бога». И я спросил: «Веруете ли вы, что Он дух или нечто телесное?» Они сказали: «Мы веруем, что Он дух». Тогда я спросил: «Веруете ли вы, что Он никогда не принимал человеческой природы?» Они ответили: «Никогда». Тогда я спросил: «Раз вы веруете, что Он только един и дух, почему вы делаете для Него телесные изображения и в таком количестве? Сверх того, раз вы не веруете, что Он стал человеком, почему вы делаете для Него предпочтительнее изображения людей, а не другого животного?» Тогда они ответили: «Мы не представляем в этих изображениях Бога, а когда какой-нибудь богач из наших умирает, то или сын его, или жена, или кто-нибудь дорогой для него приказывает сделать изображение умершего и ставит его здесь, а мы чтим его в память его». Я сказал им: «Тогда, стало быть, вы делаете это только ради лести людям». — «Нет», отвечали они, «а на память о нем». Затем они спросили у меня как бы в насмешку: «Где находится Бог?» Я возразил им: «Где находится душа ваша?» Они сказали: «В нашем теле». Я спросил их: «Разве она не находится повсюду в вашем теле и не управляет им всем, а все-таки невидима? Так и Бог находится повсюду и всем распоряжается, однако Он невидим, так как Он разумение и мудрость». Затем, когда я хотел дальше рассуждать с ними, мой толмач, утомившись и не желая переводить разговор, заставил меня замолчать. Моалы или Татары принадлежат к их сектам в том отношении, что они веруют только в

единого Бога, однако они делают из войлока изображения своих умерших, одевают их драгоценнейшими тканями и кладут на одну повозку или на две. К этим повозкам никто не смеет касаться, и они находятся под охраной их прорицателей, которые являются их жрецами, о которых я после расскажу вам. Эти прорицатели находятся всегда пред двором самого Мангу и других богачей. Ибо у бедных их нет, за исключением принадлежащих к роду Чингиса. И, когда они должны ехать, эти прорицатели предшествуют им, как облачный столб сынам Израиля, и они выбирают место, где разбить лагерь, и затем первые снимают свои дома, а за ними весь двор. И затем, если наступает праздничный день или первое число месяца они извлекают вышеупомянутые изображения и ставят их в порядке вокруг в своем доме. Затем приходят сами Моалы и вступают в тот дом, кланяются этим изображениям и чтут их. И в этот дом нельзя входить ни одному чужестранцу. Один раз я хотел войти, но меня очень жестоко выбранили.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

*О разных народах этих стран и о тех, кто имели обычай
есть своих родителей*

Упомянутые Югуры, которые перемешаны с христианами и Саррацинами, как я думаю, путем частых рассуждений пришли к тому, что веруют только в единого Бога. Они жили в городах, которые сперва повиновались Чингис-хану, и оттуда он отдал в жены их царю свою дочь. И самый Каражарум стоит как бы на их территории, и вся земля короля или Пресвитера Иоанна и его брата, Унка, находится вокруг их земель. Но эти последние живут на пастбищах к северу, а Югуры среди гор к югу. От этого вышло, что Моалы заимствовали их письмена, и Югуры являются главными писцами среди них, и почти все несториане знают их письмена. За ними к востоку, среди упомянутых гор, живут Тангуты¹⁷⁰, очень храбрые люди, которые пленили на войне самого Чингиса; по заключении мира, он был ими отпущен, а впоследствии покорил их. У них водятся очень сильные быки, с хвостами, полными волос, как у лошадей; также и брюхо и спина их богаты волосами¹⁷¹. В ногах они ниже других быков, но гораздо сильнее их. Эти быки тянут большие дома Моалов и имеют рога тонкие, длинные, изогнутые и очень острые, так что верхушки их всегда надлежит отрезать. Корова не дает себя доить, если пред нею не начать петь. Эти быки по евоей природе имеют то сходство с буйволом, что если они видят человека, одетого в красный цвет, то бросаются на него, желая умертвить. За этим народом живут Тибетцы,

люди, пожирившие прежде своих умерших родителей, так как по чувству сыновней любви они не признают для них другой могилы, кроме своих внутренностей. Теперь, однако, они это оставили, так как стали возбуждать отвращение у всех народов. Однако они все еще делают красивые чаши из голов родителей¹⁷², чтобы при питье из этих чаш вспоминать о родителях во время своего наслаждения. Это рассказал мне очевидец. В земле их имеется много золота¹⁷³, поэтому, кто нуждается в золоте, копает, пока не найдет его, и берет, когда нуждается, скрывая остальное в землю. Ибо, если он станет прятать золото в сокровищницу или сундук, то верует, что Бог отнимет у него другое, которое находится в земле. Среди этих людей я видел очень безобразных личностей. Среди Тангутов я видел людей больших, но смуглых. Югуры роста среднего, как наши соотечественники. У Югуров заключается источник и корень турецкого и команского наречия. За Тибетанцами живут Лонга и Соланга¹⁷⁴, послов которых я видел при дворе; они привели более десяти повозок, каждую из которых тянули шесть быков. Эти люди маленького роста и смуглые, как Испанцы. Они носят рубашки, такие же, как облачение (supertunicale) у диакона, с немного более тесными рукавами, а на голове имеют митру, как епископы, но передняя часть ее немного ниже, чем задняя, и она оканчивается не одним углом, а сверху четырехугольна. Митры эти сделаны из крепкого черного холста и до такой степени выглажены, что при солнечных лучах блестят, как зеркало или хорошо отполированный шлем; вокруг висков они носят длинные ленты из такой же материи и пришитые к самой митре, которые развеваются на ветре, как два рога, выходящие из висков, и, когда ветер сильно волнует эти ленты, их складывают по середине митры сверху от виска к виску, так что они лежат поперек головы, как круг; это очень красивое украшение для головы. Главный посол их всегда, когда приходил ко двору, имел дощечку из слоновой кости, длиною в локоть, а шириною в ладонь, очень гладкую. И, когда он говорил с самим ханом или с каким-нибудь важным человеком, он всегда глядел на эту дощечку, как будто находя в ней то, что он говорил; он не глядел при этом ни направо, ни налево, ни в лицо того, с кем говорил. И, приходя пред лицо государя и уходя от него, он не смотрит никуда, кроме своєї дощечки¹⁷⁵. За этими народами, как я узнал, наверное, живут еще люди, по имени Мук¹⁷⁶; у них есть города, но они не берут себе в частную собственность никаких животных. Однако в их земле пасется много стад как крупного, так и мелкого скота, но никто их не караулит; а когда кто-нибудь нуждается в каком-нибудь животном, он взбирается на холм и кричит; тогда все животные, слыша его крик, подходят к нему и позволяют

обращаться с собой, как с домашним скотом. И если посол или какой-нибудь иностранец прибывает в ту страну, они, до окончания его дела, запирают его в доме, доставляя все необходимое, так как, если бы иностранец поехал по стране, животные разбежались бы от его запаха и стали бы дикими. Далее находится великая Катайя, жители которой, как я полагаю, в древности назывались Серами¹⁷⁷ (Seres). Ибо от них прибывают самые лучшие шелковые ткани, называемые по-латыни по имени этого народа *serici*, а народ называется Серами от некоего их города. Я достоверно узнал, что в этой стране есть город с серебряными стенами и золотыми башнями. В этой земле есть много областей, большинство которых еще не повинуется Моалам, и между ними [Серами?] и Индией лежит море. Эти Катаи люди маленького роста, при разговоре они усиленно дышат ноздрями; у всех жителей Востока то общее, что они имеют небольшое отверстие для глаз. Катаи отличные работники во всяком ремесле, и их медики очень хорошо знают действие трав и отлично рассуждают о пульсе, а мочегонных средств они не употребляют, да и вообще о моче ничего не знают. Я это заметил. Многие из них живут в Каракаруме, и у них всегда существует обычай, чтобы все сыновья занимались тем же искусством, каким занимается отец. И потому они платят столь большую дань, именно они отдают Моалам ежедневно тысячу пятьсот иаскотов¹⁷⁸, или космос; иаскот есть кусок серебра, весящий десять марок. Таким образом они платят всякий день 15 тысяч марок, помимо шелковых тканей и съестных припасов, которые берут оттуда Моалы, и других услуг, оказываемых им Катаями. Все эти племена живут среди гор Кавказа¹⁷⁹, но у северных склонов этих гор, вплоть до восточного океана, с южной стороны Скифии¹⁸⁰, которую населяют пастухи Моалы; все племена платят им дань и все преданы идолопоклонству и рассказывают басни про множество богов, про некоторых обоготворенных людей и про родословную богов, как поступают и наши поэты. Между ними, в качестве пришельцев, примешаны вплоть до Катайи несториане и Саррацины. В 15 городах Катайи живут несториане и имеют там епископа в городе по имени Сегин¹⁸¹, а дальше находятся чистые идолопоклонники. Жрецы идолов названных племен все носят широкие желтые капюшоны. Есть также среди них, как я узнал, в лесах и горах какие-то пустынники¹⁸² удивительной жизни и строгости. Несториане там ничего не знают. Они приносят свою службу и имеют священные книги на Сирийском языке, которого не знают, отсюда они поют, как у нас монахи, совершенно не знающие грамоты, и отсюда они совершенно развращены. Прежде всего они лихоимцы и пьяницы; некоторые из них, живущие вместе с Татарами, имеют даже, подобно

Татарам, многих жен. Входя в церковь, они подобно Саррадинам, моют себе нижние части тела, в пятницу едят мясо и, по Саррацинскому обычаю, устраивают в этот день попойки. Редко бывает в этих странах епископ, может быть, едва один раз в пятьдесят лет. Тогда они заставляют его поставлять в священники всех младенцев, даже в колыбели, отсюда все мужчины их — священники. И после этого они женятся, что совершенно противно учению святых отцов, и бывают двоеженцами, так как и священники, по смерти первой жены, берут другую. Все они преданы симонии *, не исполняя даром ни одного таинства. Они озабочены судьбою своих жен и малюток, почему стараются не о расширении веры, а о наживе. Отсюда случается, что, когда некоторые из них воспитывают каких-нибудь сыновей знатных Моалов, то, хотя и учат их Евангелию и вере, однако своей дурной жизнью и страстями скорее удаляют их от закона христианского, так как жизнь самих Моалов и даже Туинов¹⁸³, то есть идолопоклонников, более невинна, чем жизнь этих священников.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

*Что случилось с нами по отъезде из Кайлака в землю
Найманов*

Итак мы выехали из вышеупомянутого города [Кайлака] в праздник святого Андрея¹⁸⁴ и там поблизости, в трех лье, нашли поселение совершенно несторинское. Войдя в церковь их, мы пропели с радостью, как только могли громко: «Радуйся, Царица», так как уже давно не видали церкви. Отправившись отсюда, через три дня мы добрались до столицы¹⁸⁵ этой области, в начале (in capite) вышеназванного моря¹⁸⁶, которое казалось нам столь бурным, как океан. И мы видели на нем большой остров. Мой товарищ приблизился к его берегу и помочил в нем льняную ткань, чтобы отведать вкус воды; она была солоновата, но все же пригодна для питья. Среди больших гор в юго-восточном направлении тянулась долина¹⁸⁷, а затем между горами было еще какое-то большое море, и через эту долину от первого моря до второго протекала река; в этой долине почти беспрестанно дует столь сильный ветер, что люди проезжают с великим опасением, как бы ветер не унес их в море. Итак, мы переправились через долину, направляясь на север, к большим горам¹⁸⁸, покрытым глубокими

* Продажа церковных должностей в католической церкви. Особенно широко была распространена в средние века.

снегами, которые тогда лежали на земле. Поэтому в праздник святого Николая ¹⁸⁹ мы стали сильно ускорять путь, так как уже не находили никаких людей, а только ям, то есть лиц, расставленных от одного дневного перехода к другому для приема послов, потому что во многих местах среди гор дорога тесна и пастбищ немного. Таким образом, между днем и ночью мы проезжали расстояние между двумя я м а м и, делая из двух дневных переходов один, и ехали больше ночью, чем днем. Там стояла сильнейшая стужа, поэтому они одолжили нам козы шубы мехом наружу. Во вторую субботу ¹⁹⁰ Рождественского поста вечером мы проезжали через одно место среди очень страшных скал, и проводник наш прислал просить меня произнести какие-нибудь молитвенные (вопа) слова, чтобы ими можно было обратить в бегство демонов, так как на этом переходе демоны обычно внезапно уносили людей. И неизвестно было, что с ними делалось. Иногда демоны похищали лошадей, оставив человека; иногда они извлекали у человека внутренности, оставив на коне его телесную оболочку (busto), и многое тому подобное часто совершалось там. Тогда мы запели громким голосом: «Верую во единого Бога», и, по милости Божией, проехали невредимо со всеми спутниками. С того времени они стали меня просить, чтобы я написал им бумаги, дабы они могли носить их над головами своими, и я говорил им: «Я научу вас слову, которое вы будете носить в сердце вашем и через которое спасутся души ваши и тела ваши навеки». И всегда, когда я хотел их учить, мой толмач был не способен для этого. Однако я написал им «Верую во единого Бога» и «Отче наш», говоря: «Здесь написано то, чему человек должен верить о Боге, и молитва, в которой просят у Бога о всем том, что необходимо для человека; поэтому твердо веруйте в то, что здесь написано, хотя вы и не можете понять это, и просите у Бога, чтобы Он сделал для вас то, что содержится в написанной здесь молитве, которой Он сам собственными устами научил своих друзей, и я надеюсь, что Он спасет вас». Другого я не мог сделать, так как произносить учительные слова при посредстве подобного толмача было очень опасно, даже невозможно, потому что он сам не знал их.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

*О земле Найманов, о смерти Кен-хана, об его жене
и старшем сыне*

После этого мы въехали на ту равнину, на которой был двор Кен хана ¹⁹¹. Эта земля прежде принадлежала Найманам, которые были собственно подданными Пресвитера Иоанна. Но

тогда я не видал этого двора, а видел его при возвращении. Все-таки здесь я расскажу вам, что случилось с родством Кен-хана, его сыном и женами. По смерти Кен-хана Бату пожелал, чтобы Мангу был ханом. О смерти же самого Кена я не мог узнать ничего достоверного. Брат Андрей говорил мне, что Кен умер от одного врачебного средства, данному ему, и подозревал, что это средство приказал приготовить Бату. Однако я слышал другое. Именно Кен сам позвал Бату, чтобы тот пришел поклониться ему, и Бату пустился в путь с великой пышностью. Однако он сам и его люди сильно опасались, и он послал вперед своего брата, по имени Стикана, который, прибыв к Кену, должен был подать ему чашу за столом, но в это время возникла ссора между ними, и они убили друг друга. Вдова этого Стикана ¹⁹² удержала нас на один день, прося войти в ее дом и благословить ее, то есть помолиться за нее. Итак, по смерти Кена, был по желанию Бату избран Мангу, и он был уже избран, когда брат Андрей был там. У Кена был брат, по имени Сиремон ¹⁹³, который, по совету жены Кена и его васалов, выступил с большою пышностью по направлению к Мангу, как бы собираясь поклониться ему. Однако на самом деле он намеревался убить его и уничтожить весь его двор. И, когда он был уже вблизи Мангу, на расстоянии одного или двух дневных переходов, одна из повозок его сломалась и остановилась на дороге, и, пока кучер трудился над ее починкой, прибыл нечаянно один из людей Мангу, который оказал ему помощь. И он столько расспрашивал об их пути, что упомянутый кучер открыл ему то, что намеревался сделать Сиремон. Тогда человек Мангу, удаляясь и как бы не обратив внимания на сообщение, пошел к табуну лошадей и взял наиболее сильную лошадь, какую только мог выбрать. Скача ночь и день, он с поспешностью прибыл ко двору Мангу и сообщил ему то, что услышал. Тогда Мангу, созвав быстро всех своих людей, приказал окружить свой двор 4 кругами вооруженных людей, чтобы никто не мог войти. Остальных он отправил против Сиремона; те захватили его, не подозревавшего, что его план был открыт, и привели ко двору со всеми его людьми. Когда Мангу выставил ему упомянутое обвинение, он тотчас сознался ¹⁹⁴. Тогда он был убит, а с ним старший сын Кен-хана и также триста из более знатных Татар. Послали также за господами ¹⁹⁵, которых бичевали раскаленными головнями, чтобы они сознались. После сознания их умертвили. Малютка, сын Кена, который не только не мог быть способен на заговор, но даже и знать о нем, был оставлен в живых, и ему предоставили двор отца со всеми принадлежавшими к нему животными и людьми. Мы проехали мимо этого двора при возвращении, и мои проводники не осмелились на пути туда или обратно при-

стать к этому двору. «Ибо в печали сидела владычица народов, и не было у нее утешителя». Затем мы снова поднялись на горы, направляясь все к северу.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

О приезде нашем ко двору Мангу-хана

Наконец, в день блаженного Стефана мы въехали на равнину, обширную, как море, так что нигде на ней не виднелось никакой горки, а на следующий день, в праздник святого Евангелиста Иоанна¹⁹⁶, мы прибыли ко двору упомянутого великого государя. Когда же мы были еще на пять дней пути от него, тот ям, у которого мы провели ночь, хотел было направить нас по какой-то обходной дороге, так что нам надлежало бы страдать еще более пятнадцати дней. И, как я узнал, ему хотелось сделать это для того, чтобы мы проехали через Онанкеруле, то есть через их собственную землю, в которой находится двор Чингис-хана; другие говорили, что они хотели сделать это для того, чтобы сделать дорогу более продолжительной и больше выказать свое могущество. Ибо так обычно поступают они с людьми, прибывающими из стран, не подвластных им. И наш проводник с большим трудом добился того, чтобы мы ехали по прямой дороге. По поводу этого события нас задержали от рассвета до третьего часа дня. Во время также этого пути тот секретарь, которого мы дожидались в Кайлаке, сказал мне, что в грамоте Бату, которую он послал Мангу-хану, содержалось сообщение, будто вы искали войска и помощи от Сартаха против Саррацинов. Тогда я выразил сильное удивление и пришел даже в беспокойство, так как знал и содержание вашей грамоты, и то, что в вашей грамоте не было об этом никакого упоминания, кроме того, что вы внушали ему быть другом всех христиан, воздвигнуть крест и быть недругом всех недругов креста; и еще, так как толмачами были Армяне из Великой Армении, сильно ненавидевшие Саррацинов [я опасался], как бы они случайно не перевели, по своему усмотрению, чего-нибудь нарочно с целью вызвать ненависть и затруднения против Саррацинов. Поэтому я замолчал, не говоря ничего ни за, ни против, так как боялся противоречить словам Бату, чтобы не попасть в клеветники без должного основания. Итак, в упомянутый выше день мы приехали к названному двору. Нашему проводнику был назначен большой дом, а нам троим маленькая хижинка, в которой мы едва могли сложить наше имущество, сделать постели и развести небольшой огонь. Многие пришли повидать нашего проводника и при-

несли ему рисовое пиво в длинных бутылочках, с узкой шейкой. Я не мог установить никакого различия этого напитка от самого лучшего Оксерского (*antisiodorensi*) вина, за исключением того, что он не имел запаха вина. Нас позвали и настоятельно спросили, по какому делу мы приехали. Я ответил: «Мы слышали про Сартаха, что он христианин; приехали к нему. Король Франков послал ему через нас запечатанное письмо; Сартах послал нас к своему отцу, отец его послал нас сюда. Он сам должен был бы написать причину, зачем». Они стали спрашивать, желаете ли вы заключить с ними мир. Я ответил: «Король послал грамоту Сартаху, как христианину, и если бы он знал, что тот не христианин, он никогда не послал бы ему грамоты. Что касается до заключения мира, я утверждаю, что король не сделал вам никакой обиды. Если бы он сделал что-нибудь, почему вы должны были бы объявить войну ему или его народу, он сам охотно, как человек справедливый, пожелал бы извиниться и просить мира. Если вы без причины захотите объявить войну ему или его народу, то мы надеемся, что Бог, который справедлив, поможет им». И они все удивлялись, повторяя: «Зачем вы приехали, раз вы не хотите заключить мир?» Именно они в великой гордости превознеслись уже до того, что думают, будто вся вселенная желает заключить мир с ними. И, конечно, если бы мне позволили, я стал бы, насколько у меня хватило бы сил, во всем мире проповедовать войну против них. Я же не хотел открыто объяснять им причину моего прибытия, чтобы случайно не сказать чего-нибудь лишнего, вопреки тем словам, которые поручил Бату. И потому всю причину моего прибытия я сводил к тому, что он послал меня. На следующий день нас повели ко двору, и я полагал, что могу итти босиком, как в наших краях, почему и снял сандалии. Когда же они являются ко двору, они слезают с лошади далеко, именно на полет стрелы из лука, от того дома, в котором находится сам хан, и там остаются лошади и служители, сторожащие лошадей. Когда мы слезли там и наш проводник отправился к дому хана, там находился один венгерский служитель, который признал нас, то есть наш орден. И когда люди стали окружать нас, разглядывали нас, как чудовищ, в особенности потому, что мы были босые, и стали спрашивать, неужели наши ноги нам надоели, так как они предполагали, что мы сейчас лишимся их¹⁹⁷, то этот венгерец объяснил им причину этого, рассказав правила нашего ордена. Затем пришел повидать нас великий секретарь¹⁹⁸, христианин из несториан, по совету которого делается почти все [при дворе]; он тщательно осмотрел нас и позвал упомянутого венгерца, у которого много расспрашивал [про нас]. Затем нам было приказано вернуться в свое помещение.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

*О христианской часовне и о встрече с несторианским
лжемонахом по имени Сергием*

Когда мы возвращались, я увидел далеко перед концом двора в восточном направлении, примерно на расстоянии двух выстрелов из баллисты, дом, над которым был крестик. Тогда, сильно обрадовавшись и предполагая, что там находится что-нибудь христианское, я вошел с уверенностью и нашел алтарь, убранный поистине красиво. Именно по золотой материи были вышиты или настланы (*brosdate sive bistrate*) изображения Спасителя, святой Девы, Иоанна Крестителя и двух ангелов, причем очертания тела и одежд были расшиты жемчугом. Здесь же находился большой серебряный крест с драгоценными камнями по углам и в середине и много других церковных украшений (*philateria*), а также перед алтарем горела лампада с маслом, имевшая восемь свечей. Там сидел один армянский монах, черноватый, худощавый, одетый в очень жесткую власяничную тунику, спускавшуюся до середины ног; сверху на нем был черный шелковый плащ, подбитый мехом, а под власяницей он имел железный пояс. Как только мы вошли, то, еще не здороваясь с монахом, простерлись ниц и запели «Радуйся, Царица небесная!» И тот, встав, молился с нами. Затем, поздоровавшись с ним, мы сели рядом с ним; перед ним на жаровне было немного огня. Мы рассказали ему причину нашего прибытия, и он стал усиленно ободрять нас, увещевая говорить смело, так как мы — посланцы Божии, который выше всякого человека. Затем он рассказал нам о своем прибытии, говоря, что явился туда за месяц ранее нас, что он был пустынным на земле Иерусалимской и что Бог три раза являлся ему, приказывая идти ко владыке Татар; когда он откладывал свое отправление, Бог в третий раз пригрозил ему, повергнув его ниц на землю и сказав, что он умрет, если не отправится. Монах этот, по его словам, сказал Мангу-хану, что, если тот пожелает стать христианином, то весь мир придет в повиновение ему, и что ему будут повиноваться Франки и великий папа; при этом он советовал мне сказать хану то же самое. Тогда я ответил: «Брат, я охотно буду внушать ему, чтобы он стал христианином, ибо я прибыл ради того, чтобы всем это проповедовать. Я буду обещать ему также, что Франки и папа сильно обрадуются и будут считать его братом и другом. Но никогда я не буду обещать того, что они должны стать его рабами и платить ему дань, как другие народы, потому что я говорил бы это против своей совести». Тогда он замолчал. Мы пошли в свое помещение, которое я нашел холодным, а мы еще и не ели ничего в тот день. Мы сварили немного мяса, а также проса в

мясном супе для питья. Наш проводник и его товарищи пьянствовали при дворе. К нам прилагалось мало заботы. Там были тогда рядом с нами послы Вастация, чего мы не знали. На рассвете люди, принадлежавшие ко двору, приказали нам поспешно встать. Я босиком пошел с ними по узкой тропинке к дому вышеупомянутых послов, и придворные спросили у тех, знают ли они нас. Тогда греческий воин, признав орден и даже моего товарища, так как видел его при дворе Вастация с нашим Провинциалом братом Фомою, дал, вместе со всеми своими товарищами, о нас превосходное свидетельство. Тогда они спросили, что у вас с Вастацием, война или мир. Я отвечал: «Ни мир, ни война». И они спросили, каким образом это может быть. «Потому», отвечал я, «что их земли удалены взаимно друг от друга, и им нечего разбирать друг с другом». Тогда посол Вастация¹⁹⁹ сказал, что между вами мир; это замечание сделало меня осторожным, и я замолчал. В это утро у меня отмерзли концы пальцев ног, так что больше я не мог ходить босиком.

Холод в тех странах бывает весьма резок, и с тех пор, как начнутся морозы, они не прекращаются до мая, а бывают даже и в этом месяце. Ибо всякое утро были заморозки, а днем от силы солнца таяло. Зимой же никогда не тает, но морозы продолжают при всяком ветре. И если бы ветер там дул зимою так же, как у нас, то там не могло бы быть никакой жизни; но воздух остается тихим до апреля, когда поднимаются ветры. И тогда, когда мы там были, холод, поднявшийся с ветром, убил около времени Пасхи бесчисленное количество животных. Зимой там выпало немного снега, а около Пасхи, приходившейся на конец апреля, выпало такое количество его, что все улицы Каракарума были полны им, и его надлежало вывозить на повозках. Тогда нам впервые²⁰⁰ принесли от двора овчинные шубы и штаны из того же материала, а также сандалии; мой товарищ и толмач взяли это. А я думал, что не нуждаюсь в этом одеянии, так как мне казалось, что мне хватит шубы, которую я получил от Бату.

Затем, спустя неделю после дня избиения Невинных младенцев²⁰¹, нас повели к двору, и пришли священники-несторичане, о которых я не знал, что они христиане; они стали спрашивать нас, в какую сторону мы оборачиваемся для молитвы. Я отвечал: «К востоку». Они спрашивали об этом потому, что мы, по совету нашего проводника, выбрили себе бороды, чтобы предстать пред лицо хана согласно с обычаем нашей родины. Поэтому они думали, что мы — Туины, то есть идолопоклонники. Они заставили нас также разъяснить места из Библии. Затем они спросили нас, какой почет хотим мы оказать хану, по нашему или по их обычаю. Я ответил им: «Мы священники,

поставленные на служение Богу. Знатные господа не допускают в наших странах, чтобы священники перед лицом их преклоняли колена иначе, как ради почитания Бога. Однако для Бога мы готовы унижить себя пред всяким человеком. Мы являемся издалека; прежде всего, если вам угодно, мы воспоем хвалу Богу, который после столь дальнего пути привел нас сюда невинными, а затем сделаем так, как угодно будет вашему господину; за исключением того, что нам нельзя приказать что-нибудь такое, что было бы вопреки поклонению Богу и почитанию Его».

Тогда, войдя в дом, они пересказали мои слова государю, и ему это понравилось; нас поставили перед дверью дома, подняв войлок, висевший перед дверью, и, так как это было на Святках, мы начали петь: «От края востока солнечного и до пределов земли мы воспоем владыку Христа, родившегося от девы Марии».

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Описание сделанного нам приема

Когда мы пропели этот гимн, они обшарили у нас ноги, грудь и руки с целью узнать, нет ли при нас ножей. Нашего толмача заставили они отстегнуть и оставить снаружи, под охраной одного придворного, бывший на нем ремень с ножом. Затем мы вошли; при входе была скамья с кумысом, возле которой они приказали стать толмачу. Нас же заставили сесть на скамью пред господами. Дом весь был покрыт внутри золотым сукном, и на маленьком жертвеннике в середине дома горел огонь из терновника и корней полыни²⁰², которая вырастает там очень большой, а также из бычачьего навоза. Сам хан сидел на ложе, одетый в пятнистую и очень блестящую кожу, похожую на кожу тюленя²⁰³. Это был человек курносый, среднего роста, в возрасте сорока пяти лет; рядом с ним сидела его молоденькая жена; а взрослая дочь его, по имени Цирина, очень безобразная, сидела с другими малыми детьми на ложе сзади них. Этот дом принадлежал раньше христианской госпоже, которую хан очень любил, и от которой родилась у него вышеупомянутая дочь. И сверх того, он взял себе молоденькую жену, но все же дочь оставалась госпожей всего двора, принадлежавшего ее матери. Затем он приказал спросить у нас, чего мы желаем выпить, вина или террасины²⁰⁴, то есть рисового пива, или каракосмосу, то есть светлого кобыльего молока, или бал²⁰⁵, то есть напитка из меда (*medonemex melle*). Эти четыре напитка они употребляют зимой. Тогда я ответил: «Государь,

мы не принадлежим к людям, ищущим удовольствия в питье; для нас вполне достаточно исполнить только вашу волю». Тогда он приказал подать нам светлого рисового напитка, вкусного, как белое вино, от которого, из уважения к хану, я отведал немножечко.

На нашу беду наш толмач стоял рядом с ключниками, которые дали ему много пить, и он тотчас опьянел. Затем хан приказал принести соколов и других птиц, которых брал себе на руку и рассматривал, и спустя много времени он приказал нам говорить. Тогда нам надлежало преклонить колена. У него был толмачом один Несторианин, про которого я не знал, что он христианин, а у нас был наш таковский переводчик, который к тому же был уже пьян. Тогда я сказал: «Мы прежде всего воздаем благодарность и хвалу Богу, который привел нас из столь отдаленных стран, чтоб видеть Мангу-хана, которому Бог дал столько власти на земле. И мы молим Христа, по власти которого мы все живем и умираем, чтобы он даровал ему хорошую и долгую жизнь». Ибо они хотят того, чтобы молились за жизнь их. Затем я рассказал ему: «Государь, мы слышали про Сартаху, что он христианин, и христиане, слышавшие это, обрадовались, а в особенности господин король Франков. Поэтому мы отправились к Сартаху, и господин король послал ему через нас грамоту, содержащую мирные слова, и среди других слов он свидетельствовал ему и о нас, что мы за люди, и просил его позволить нам побыть в земле его. Ибо наша обязанность состоит в том, чтобы учить людей жить согласно с законом Божиим. Сартах же послал нас к отцу своему Бату. Бату же послал нас сюда к вам. Вы тот, кому Бог дал великое владычество на земле. Поэтому просим ваше могущество даровать нам возможность оставаться в земле вашей для совершения служения Богу за вас, жен и детей ваших. У нас нет золота, серебра или драгоценных камней, которые мы могли бы предложить вам; мы можем предложить только себя самих для служения Богу и молитвы Богу за вас. По крайней мере дайте нам возможность остаться, пока не пройдет этот холод. Ибо товарищ мой так слаб, что никоим образом не может перенести труд верховой езды без опасности для жизни».

Именно, товарищ мой сам рассказал мне про свою немощь и заклинал меня, чтобы я попросил позволения остаться. Ибо мы наверное предполагали, что нам надлежит вернуться к Бату, если Мангу по особой милости не даст нам позволения остаться. Затем начал отвечать хан: «Как солнце распространяет повсюду лучи свои, так повсюду распространяется владычество мое и Бату. Отсюда мы не нуждаемся в вашем золоте или серебре».

До сих пор я хорошо понимал моего толмача, но дальше не мог уловить ни одной цельной фразы, из чего я наверное узнал, что он был пьян. Да и сам Мангу-хан, как мне казалось, был в состоянии опьянения²⁰⁶. Все-таки он, как мне показалось, окончил свои слова тем, что ему не нравилось, что мы прибыли к Сартаху раньше, чем к нему. Тогда я, видя непригодность толмача, замолчал, попросив только хана не принимать в дурную сторону того, что я сказал о золоте и серебре, так как я не говорил того, что он нуждается в подобных вещах или желает их, а хотел сказать, что мы охотно желали бы почтить его мирскими и духовными благами.

Затем он приказал нам встать и снова сесть, а спустя немного, после приветствия ему, мы вышли и с нами его секретари и тот его толмач, который растит одну из его дочерей. Они начали много расспрашивать нас про французское королевство, водятся ли там много баранов, быков и лошадей, как будто они должны были сейчас вступить туда и все захватить. И много раз и в другое время мне приходилось делать большое усилие, чтобы скрыть свое негодование и гнев. И я ответил: «Там много хорошего, что вы увидите, если вам доведется отправиться туда». Затем они приставили к нам одно лицо, которое должно было заботиться о нас, и мы отправились к монаху. И, когда мы выходили оттуда, собираясь идти в свое помещение, вышеназванный толмач пришел к нам и сказал: «Мангу-хан жалеет вас и дает вам сроку пробыть здесь два месяца; тогда пройдет сильный холод. И он поручает передать вам, что здесь вблизи, в десяти днях пути, есть хороший город, по имени Каракарум. Если вы желаете отправиться туда, он сам прикажет доставить вам необходимое; если же вы желаете остаться здесь, вы можете это, и получите необходимое. Однако вам трудно будет ездить вместе со двором».

И я ответил: «Господь да хранит Мангу-хана и да пошлет ему хорошую и долгую жизнь! Мы нашли здесь такого монаха, о котором думаем, что он человек святой и что он прибыл в эти страны по воле Божией. Поэтому, так как и мы монахи, мы охотно пребывали бы вместе с ним и произносили бы вместе наши молитвы о сохранении жизни хана». Тогда он молча удалился. И мы пошли к своему большому дому, который нашли холодным и без топлива; мы все еще были натошак, а наступила уже ночь. Тогда тот, кому мы были препоручены, позаботился доставить нам топлива и небольшое количество пищи. Наш проводник вернулся к Бату, но предварительно потребовал у нас дорожку (*carpitam*) или ковер, который мы оставили по его распоряжению при дворе Бату. Мы согласились, и он удалился с миром, попросив у нас пожать правую руку и высказав, что был виноват пред нами. Именно он допускал, чтобы мы тер-

пели на пути голод и жажду. Мы простили его, причем равным образом попросили извинения у него и у всего его семейства на тот случай, если показали им какой-нибудь дурной пример.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

*Об одной Лотарингской женщине и об одном
Парижанине, золотых дел мастере, которых мы нашли
в той стране*

Нас нашла одна женщина из Метца в Лотарингии, по имени Пакетта (Pascha), взятая в плен в Венгрии. Она устроила нам, как умела, хорошее угощение. Пакетта принадлежала ко двору той госпожи, которая была христианкой и о которой я сказал выше. Эта женщина рассказала нам про неслыханные лишения, которые вынесла раньше, чем попасть ко двору. Но теперь она жила вполне хорошо. У ней был молодой муж, русский, от которого у нее было трое маленьких мальчиков, очень красивых. Муж ее умел строить дома, что считается у них выгодным занятием. Сверх того, она рассказала нам, что в Каракаруме живет золотых дел мастер родом из Парижа, по имени Вильгельм. Фамилия его Бушье²⁰⁷, а имя отца его Лоран Бушье. И она еще думает, что на Большом Мосту у него есть брат, по имени Роже Бушье. Говорила она мне также, что у этого Вильгельма живет один юноша, которого он вырастил и считает за сына, и этот последний слывет отличным переводчиком. Но Мангу-хан дал названному мастеру триста яскотов²⁰⁸, то есть три тысячи марок, и пятьдесят работников для создания какого-то произведения. И потому эта женщина боялась, что Вильгельм не может прислать ко мне своего сына. А она сама слышала, что говорили ей при дворе: «Прибывшие из твоей земли — люди хорошие, и Мангу-хан охотно поговорил бы с ними, но переводчик их ничего не стоит». Поэтому она заботилась о переводчике. Тогда я написал упомянутому мастеру о своем прибытии, прося его, если возможно, прислать мне своего сына; тот написал в ответ, что в текущем месяце он этого не может, а в следующем завершит свою работу и тогда придет ко мне сына. Мы жили там вместе с другими послами, да и вообще с послами при дворе Бату поступают иначе, чем при дворе Мангу. Именно при дворе Бату есть один Ям на западной стороне, который принимает всех прибывающих с запада, также обстоит и касательно других стран мира. А при дворе Мангу все вместе находятся под властью одного Яма и могут посещать друг друга и видаться. При дворе Бату они не знакомы друг с другом, и один не знает про другого, посол ли он, так как они не знают помещений друг друга и видятся только при дворе. И, когда зовут одного, дру-

гого, может быть, и не зовут, ибо они ходят ко двору только по зову. Мы нашли там одного христианина из Дамаска, который говорил, что он прибыл от султана Мон-Реальского и Кракского ²⁰⁹, который хотел стать данником и другом Татар.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

О Феодуле, причетнике из Акры, и о других

Также за год до моего приезда туда там был один причетник из Акры, называвший себя Раймундом, а на самом деле имя его было Феодул. Он начал путешествие из Кипра с братом Андреем и ехал вместе с ним вплоть до Персии, достал себе там в Персии из Амморика ²¹⁰ какие-то инструменты и остался после отъезда брата Андрея. Когда брат Андрей вернулся, он двинулся далее со своими инструментами и прибыл к Мангу-хану. На вопрос хана, зачем он приехал, Феодул сказал, что он был вместе с одним святым епископом, которому Бог послал грамоту с неба, написанную золотыми буквами, и поручил, чтобы тот послал ее владыке Татар, так как он должен быть владыкой вселенной, и чтобы епископ убеждал людей заключить мир с ханом. Тогда Мангу сказал: «Если бы ты принес грамоту, пришедшую с неба, и грамоту твоего господина, тогда ты был бы желанным гостем». Тогда тот ответил, что он нес грамоту, но она находилась вместе с другими его вещами на неукротимом скакуне, который, вырвавшись, убежал в леса и горы, так что все потерял. И вполне правильно, что подобные случаи происходят часто. Отсюда каждому надлежит очень тщательно держать свою лошадь, когда он слезает с нее по необходимости. Тогда Мангу спросил об имени епископа. Тот ответил, что его зовут Отонном ²¹¹. Затем Феодул стал говорить ему о Дамаске и о мастере Вильгельме, что он был причетником господина легата. Затем сам хан спросил, к какому королевству он принадлежит. Тот ответил ему, что он состоит под властью одного короля Франков, по имени король Молес ²¹². Ибо он уже слышал о том, что случилось при Мансуре ²¹³, и хотел сказать, что принадлежит к вашим подданным. Сверх того, он говорил хану, что между Франками и ним находятся Саррацины, которые преграждают путь, а будь дорога открыта, Франки отправили бы послов к нему и охотно заключили бы мир с ним. Тогда Мангу-хан спросил, желает ли он провести послов к упомянутому королю и епископу. Тот выразил свое согласие провести их даже к папе. Тогда Мангу приказал изготовить самый тугой лук, который едва могли натянуть два человека, и две стрелы (bousiopes), головки которых были серебряные и полные отверстий, так что, когда их пускали, они свистели, как флейты ²¹⁴. А тому

Моалу, которого он собирался послать с упомянутым Феодулом, он внушил: «Ты отправишься к тому королю Франков, к которому этот человек проведет тебя, и поднесешь ему это от меня. И, если он пожелает иметь мир с нами, мы и покорим землю Саррацинов вплоть до его владений, и уступим ему остальную часть земли вплоть до Запада. В случае же отказа верни нам лук и стрелы, и скажи ему, что из подобных луков мы стреляем далеко и поражаем сильно». Затем он приказал выйти Феодулу, переводчиком которого был сын мастера Вильгельма, и в присутствии этого молодого человека сказал Моалу: «Ты отправишься с этим человеком; хорошенько разведай дорогу и страну, города, крепости, и их оружие». Тогда этот юноша стал бранить Феодула, говоря, что он поступает плохо, ведя с собою Татарских послов, которые идут только с целью разведок. Тогда тот ответил, что повезет их морем, так что они не будут знать, ни откуда они прибыли, ни куда им вернуться. Мангу дал также Моалу свою буллу, то есть золотую дощечку²¹⁵, шириною в ладонь и длиною в пол-локтя, на которой пишется его приказ. Кто ее имеет в руках, тот может приказывать, что хочет, и это делается без замедления. Таким образом Феодул добрался до Вастация, желая переправиться к папе и обмануть папу так же, как он обманул Мангу-хана. Тогда Вастаций спросил у него, имеет ли он папскую грамоту на то, что он посол и что должен сопровождать послов Татар. Так как тот не мог показать грамоту, Вастаций взял его в плен, лишил его всего того, что он приобрел, и бросил в темницу. Что же касается Моала, то с ним приключился там недуг, и он умер там. Вастаций же отослал золотую буллу к Мангу-хану через служителей этого Моала, с которыми я встретился в Аарзеруме на окраине Турции и которые рассказали мне случившееся с этим Феодулом. Подобные обманщики рыщут по свету, и Моалы убивают их, когда могут поймать. Но наступал день Богоявления, и армянский монах, по имени Сергей, говорил мне, что окрестит Мангу-хана в этот праздничный день. Я просил его всячески постараться, чтобы и я был тут же и мог дать свидетельство воочию. Он обещал.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ

О празднике, данном Мангу-ханом. О том, что главная его жена и старший сын были при богослужении несториан

Настал праздничный день, монах меня не позвал; а в шестом часу меня позвали ко двору, и я увидел, что монах со священниками возвращался от двора с своим крестом, а священники с кадилами и евангелием. Именно в этот день Мангу-хан устроил

пиршество, и у него существует такой обычай, что в те дни, которые его прорицатели называют ему праздничными, или какие-нибудь священники-несториане — священными, он устраивает при дворе торжественное собрание²¹⁶, и в такие дни прежде всего приходят в своем облачении христианские священники, молятся за него и благословляют его чашу. Когда уходят они, являются Саррацинские священники и поступают также. После них приходят жрецы идолов, поступая также. И монах говорил мне, что хан верит одним только христианам, но хочет, чтобы все молились за него. Но он лгал, потому что, как вы впоследствии узнаете, хан не верит никому, хотя все следуют за его двором, как мухи за медом, и он всем дарит, все считают себя его любимцами и все предвещают ему благополучие. Тогда мы сели пред его двором на большом расстоянии, и нам принесли для еды мяса. Я ответил им, что мы там не будем есть, но если они хотят позаботиться о пище для нас, то пусть позаботятся о нас в нашем доме. Тогда они сказали: «Так и ступайте к себе домой, потому что вас и позвали только для того, чтобы есть». Итак мы вернулись с монахом, который краснел от сказанной мне лжи, и потому я не хотел заводить с ним разговор по этому поводу. Однако некоторые несториане хотели уверить меня, что хан окрещен. Я говорил им, что никогда не поверю и не скажу другим, раз не увижу этого. И так мы пришли к своему дому холодному и пустому. Они позаботились для нас о постелях и одеялах. Приносили они нам также нужное для разведения огня, давали в пищу мясо от небольшого и тощего барана, для нас троих на шесть дней, и ежедневно блюдо, полное пшена (*de mel-lis*), а также кварту в день просового пива²¹⁷ и одолжили нам для сварения мяса котел и треножник; сварив мясо, мы варили просо в мясной похлебке. Это была наша пища, и ее вполне хватало бы нам, если бы они давали съедать ее в мире. Но там великое множество голодных, о пище для которых не заботятся, и, как только они видели, что мы приготавливаем пищу, они бросались на нас, так что приходилось давать им есть с нами. Там я испытал, какое мучение составляет дарить при бедности.

Затем холод начал усиливаться, и Мангу-хан прислал нам три шубы из шкур папионов (*pariones*), мех которых они поворачивают наружу; мы их приняли с изъявлением благодарности. Они спросили также, в каком количестве имеется у нас необходимая пища. Я сказал им, что нам достаточно умеренного количества пищи, но у нас нет дома, где бы мы могли молиться за Мангу-хана. Ибо наша хижина была так мала, что мы не могли ни стоять в ней прямо, ни открывать книги, как только разводили огонь. Тогда они довели эти слова до хана, и он послал к монаху узнать, желает ли он нашего товарищества; тот с ра-

достью ответил утвердительно. С тех пор нам доставили лучшее помещение, и мы поселились с монахом пред двором, где не жило никого, кроме нас и их прорицателей, но те жили ближе и пред двором старшей госпожи, а мы помещались на краю в восточном направлении пред двором последней госпожи. Это было накануне недельного дня после Богоявления. На следующий день, то есть в недельный день по Богоявлению, все священники-несториане собрались до рассвета в часовне, ударили в доску, торжественно пропели утреню, оделись в свои облачения и приготовили курильницу и благовоние. И в то время как они ожидали на церковной паперти (агса), первая супруга по имени Котота Катен²¹⁸ (К а т е н значит госпожа, а Котота — имя собственное), вошла в часовню с очень многими другими господами, со своим первородным сыном, по имени Балту, и другими своими малютками, и они распростерлись на землю, касаясь ее лбом по обычаю несториан, а после этого дотронулись правой рукой до всех образов, постоянно целуя руку после прикосновения; после этого они подали руки всем стоящим кругом в церкви. Это — обычай несториан, входящих в церковь. Затем священники пропели многое, давая ладан госпоже в ее руку, и она полагала его на огонь, а затем они кадили пред госпожей. После этого, когда был уже ясный день, она стала снимать у себя с головы украшение, именуемое б о к к а, и я увидел, что голова ее плешива. Тогда она сама приказала, чтобы мы ушли, и, уходя, я увидел, как ей принесли серебряный таз. Я не знаю, крестили они ее или нет, но знаю, что они не совершают обедни в палатке, а в постоянной церкви. И на Пасхе я видел, как они крестили и с большою торжественностью освящали купели, чего они тогда не делали. И, пока входили мы к себе в дом, явился сам Мангу-хан и вошел в церковь или часовню; ему принесли золоченое ложе, на котором он сел рядом с госпожею против алтаря. Затем позвали нас, не знавших, что пришел Мангу, и привратники обшарили нас, ища, нет ли при нас ножей. Войдя в часовню, я имел на груди Библию и служебник. Я сперва преклонился пред алтарем, а затем пред ханом, и, пройдя мимо его, мы стали между монахом и алтарем. Затем они приказали нам пропеть псалом по нашему обычаю и петь вообще. Мы им пропели следующую прозу: «Гряди, о Святый Дух». А хан приказал принести наши книги, Библию и служебник, и внимательно расспросил про картинку, что они обозначают. Несториане ответили ему, что хотели, так как наш толмач не входил с нами. Также, когда я первый раз был у хана, у меня на груди была Библия, которую он приказал принести к себе и долго ее рассматривал. Затем он удалился, а госпожа осталась там и раздала всем христианам, там бывшим, подарки, монаху она дала один яскот, а архидьякону священников другой. Перед

нами она приказала положить н а с и к ²¹⁹, то есть матерью широкую, как покрывало для постели, и очень длинную, и буккаран. Так как я не пожелал взять их, то они послали толмачу, и тот удержал их за собою. Насик он довез до Кипра и продал его за восемьдесят кипрских золотых (besanciis), но в дороге он очень испортился. Затем принесли питье, а именно рисовое пиво, красное вино, напоминающее собою вино из Рошелля, и кумыс. Тогда госпожа, держа в руке полную чашу и преклонив колена, просила благословения, все священники пели громким голосом, и она выпивала всю чашу. Даже и мне, и моему товарищу пришлось пить, когда она пожелала пить в другой раз. Когда почти все были пьяны, то принесли пищу, именно баранье мясо, которое тотчас было съедено, а после этого, без соли и без хлеба, больших рыб, по имени карпов, от которых вкусил и я. Так провели они день до вечера. И, когда опьянела уже сама госпожа, она села на повозку при пении и завывании священников и поехала своей дорогой. На следующее воскресенье при чтении «Брак был в Кане» явилась дочь хана, мать которой была христианка, и поступила так же, однако не со столь большой торжественностью, именно она не давала подарков, а дала жрецам пить до опьянения и есть вареное пшено.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

О посте несториан. О том, как мы ходили во дворец Мангу-хана, и о весьма многих других посещениях

Перед воскресеньем семидесятиницы несториане постятся три дня, называемые ими Иониным постом, который тот проповедовал Ниневитянам, а армяне постятся тогда пять дней, называя это постом святого Серкиса, который считается у них наибольшим святым и про которого греки говорят, что он был канон ²²⁰. Несториане начинают пост во вторник и оканчивают его в четверг, так что в пятницу едят мясо. И я видел тогда, как канцлер, то есть старший секретарь двора, по имени Булгай, представил им тогда мясное продовольствие в пятницу, и они благословили это мясо с большою торжественностью, как благословляют пасхального агнца. Однако сам Булгай не ел мяса [в пятницу], поступая так по наставлению мастера Вильгельма парижского, его большого друга. Монах сам препоручил Мангу поститься эту неделю, что тот и исполнил, как я слышал. И так в субботу семидесятиницы, когда бывает, так сказать, армянская пасха, мы пошли в процессии к дому Мангу; и монаха, и обоих нас предварительно обшарили, ища, нет ли у нас ножей, затем мы вошли со священниками пред лицо хана. И, когда мы

входили, из дома вышел слуга, вынося кости бараньих лопаток²¹, сожженные до черноты угольев; по этому поводу я очень изумился, что это значит. Спросив об этом впоследствии, я узнал, что хан не делает ничего в целом мире без того, чтобы предварительно не поискать совета в этих костях; поэтому он не позволяет человеку входить к себе в дом раньше, чем посоветуется с этой костью. Этот способ гадания происходит так: когда хан хочет что-нибудь предпринять, он приказывает принести себе три упомянутые кости, еще не сожженные, и, держа их, размышляет о том предприятии, о котором хочет искать совета, приступить к нему или нет, а затем передает слуге кости для сожжения. И возле того дома, где он пребывает, существуют два маленьких домика, в которых сожигаются эти кости, и их тщательно отыскивают ежедневно по всему становищу. Итак, когда их сожгут до черноты, их приносят ему обратно, и тогда он рассматривает, раскололись ли кости от жара огня прямо вдоль. Тогда для того, что он должен сделать, дорога открыта. Если же кости треснут поперек, или выскочат из них круглые кусочки, тогда он этого не делает. Ибо или сама кость, или какая-то ткань, лежащая на ее поверхности, всегда трескается на огне. И, если из трех костей одна трескается надлежаще, он предпринимает дело. Итак, когда мы вошли пред его лицо, предупрежденные ранее, чтобы не касаться порога, священники-несториане поднесли ему ладану; он сам положил его в курильницу, и они кадили пред ним. Затем они пропели, благословляя его напиток, и после них монах произнес свое благословение, а в конце и нам надлежало сказать наше. И, когда он увидел, что мы держим у груди Библию, он приказал принести ее себе посмотреть и разглядывал ее очень тщательно. Затем, когда он выпил, причем старейший священник поднес ему чашу, они дали пить священникам. После этого мы вышли, и мой товарищ остался сзади; и, когда мы были снаружи, он, готовясь выйти сзади нас, повернулся лицом к хану, кланяясь ему, а затем, следуя за нами, споткнулся о порог дома. В то время как мы шли впереди, направляясь с поспешностью к дому сына хана, Балту, наблюдавшие за порогом наложили руки на моего товарища и приказали ему остановиться и не следовать за нами. Затем они позвали какое-то лицо и приказали ему отвести моего товарища к Булгаю, старшему секретарю двора и осуждающему виновных на смерть. А я не знал этого. Однако, оглянувшись и не видя его идущим, я подумал, что они удержали его, чтобы дать ему более легкое платье. Ибо он был слаб и так отягощен шубами, что едва мог ходить. Затем они позвали нашего толмача и приказали ему сесть вместе с моим товарищем. Мы же пошли к дому первородного сына хана. Этот сын имеет уже двух жен и помещается направо от двора своего отца. Увидев, что мы

идем, он тотчас вскочил с ложа, на котором сидел, распростерся на землю, ударяясь о нее лбом и преклоняясь пред крестом. Встав, он приказал положить крест с большим почетом на новое сукно на возвышенном месте рядом с собою. У сына хана есть наставник, один несторианский священник, по имени Давид, сильный пьяница, который учит его. Затем Балту приказал нам сесть и дать священникам пить. И сам он также выпил, получив от них благословение. Затем мы пошли ко двору второй госпожи, по имени Кота, которая поклонялась идолам; ее мы застали лежащей в постели и больной. Тогда монах приказал ей встать с постели и поклониться кресту с коленопреклонением и ударяясь о землю лбом, причем он стоял с крестом у западной стороны дома, а она у восточной. После этого они переменились местами, и монах пошел с крестом к востоку, а она к западу, и, хотя она была так слаба, что едва могла стоять на ногах, он смело приказал ей, чтобы она распростерлась вторично, трижды поклоняясь на восток, по обычаю христиан. Она это и сделала. И он научил ее сделать на лице крестное знамение. Затем, когда она снова легла на ложе и за нее были произнесены молитвы, мы пошли к третьему дому, где прежде жила госпожа христианка. По смерти ее ее заменила молодая девушка, которая вместе с дочерью господина радостно приняла нас; в этом доме все с благоговением поклонились кресту; он был положен на шелковое сукно на возвышенном месте, и затем было отдано приказание принести пищу, а именно баранье мясо; когда его положили пред госпожей, она приказала разделить его между священниками. Я же и монах воздерживались от пищи и питья. Когда же это мясо было съедено и было выпито много напитков, нам надлежало идти к помещению благородной девицы Херины, которое находилось сзади большого дома, принадлежавшего ее матери; при внесении креста она распростерлась на земле и поклонилась ему весьма набожно, так как была хорошо в этом наставлена, и положила его на возвышенном месте на шелковой ткани; все эти куски материи, на которые возлагался крест, принадлежали монаху. Этот крест принесен был одним армянином, который прибыл с монахом, по его словам, из Иерусалима; крест был серебряный, весил около четырех марок и имел четыре жемчужины по углам и одну посередине; изображения Спасителя на нем не было, так как армяне и несториане стыдятся показывать Христа пригвожденным ко кресту. Этот крест они поднесли Мангу-хану, и Мангу спросил у армянина, чего он просит. Тот сказал, что он сын одного армянского священника, церковь которого разрушили Саррацины, и попросил у него помощи для восстановления этой церкви. Тогда хан спросил, за какую цену ее можно снова выстроить; тот ответил, что за двести

яскотов, то есть за две тысячи марок. И хан приказал дать ему грамоту к тому, кто собирает дань в Персии и Великой Армии, чтобы тот выплатил ему упомянутую сумму серебра. Этот крест монах носил повсюду с собою, и священники, видя доход от него, начали ему завидовать. Итак мы были в доме этой благородной девицы, и она дала священникам обильно выпить. Отсюда мы пошли к четвертому дому, который был последним по числу и по почету. Ибо этой госпожи [хан] не посещал, и дом ее был ветхим, а сама она была мало приятна, но после Пасхи хан приказал построить ей новый дом и новые повозки. Она так же, как и вторая, мало или, пожалуй, ничего не знала о христианстве, но поклонялась прорицателям и идолам. Однако при нашем входе она поклонилась кресту, как ее учили монахи и священники. Там священники снова выпили; из этого дома мы вернулись к себе в часовню, которая находилась там поблизости, причем священники пели с громкими завываниями по причине своего опьянения, за которое там не подвергались порицанию ни мужчины, ни женщины. Затем привели моего товарища, и монах сильно бранил его за то, что тот коснулся порога. На следующий день пришел Булгай, бывший судьей, и подробно расспросил, внушал ли нам кто-нибудь остерегаться от прикосновения к порогу. Я ответил: «Господин, у нас не было с собой толмача, как могли бы мы понять?» Тогда он простил его. После того ему никогда не позволяли входить ни в один дом хана.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

О том, как монах Сергей вылечил госпожу Коту

После того случилось, что госпожа Кота, которая хворала с воскресенья шестидесятицы, захворала смертельно, и волшебства идолопоклонников не могли принести ей никакой пользы. Тогда Мангу послал за монахом, спрашивая у него, что можно тут сделать, и монах легкомысленно ответил, что если она не будет вылечена, то пусть хан отрубит ему голову. После такого заклада монах позвал нас, изложил нам со слезами дело и просил нас бодрствовать с ним эту ночь на молитве, что мы и сделали. У него был некий корень, по названию ремень ²²²; монах размельчал его, так сказать, в порошок и полагал в воду с бывшим у него маленьким крестиком с выпуклым изображением Спасителя. Монах говорил про это распятие, что при помощи его он узнавал, когда хворый должен был выздороветь или умереть. Именно, если он должен был поправиться, то оно приставало к груди хворого как бы приклеенное, в противном же случае оно не прикреплялось. И я

верил тогда, что этот ремень представлял собою нечто священное, принесенное им из Иерусалима в Святой Земле. Эту воду он дал пить всем хворым, а их внутренности неизбежно подвергались волнениям от столь горького питья. И это движение в их теле они считали за чудо. Когда он готовил это питье, я сказал ему, что его надо сделать из освященной воды, которая готовится в Римской Церкви, так как эта вода обладает большой силой для изгнания демонов, ибо мы знали, что госпожа мучима демоном. И, по его просьбам, мы приготовили ему святой воды: он примешал ремню и положил крест, погрузив его на всю ночь в воду. Я сказал ему также, что если он священник, то священнический чин имеет большую силу для изгнания демонов. Он ответил утвердительно и, однако, солгал, так как вовсе не имел сана, не знал ни одной буквы, а, как я после проведал, был в своем отечестве, через которое я возвращался, ткачом материи. Итак, на следующий день мы, то есть монах, я и два несторианских священника, пошли к упомянутой госпоже; она находилась в своем маленьком доме сзади большого. При нашем входе она села на ложе, поклонилась кресту, положила его с почетом рядом с собою на шелковую ткань, выпила благословенной воды с ременем и омыла себе грудь. Монах попросил меня почитать над ней евангелие. Я прочел Страсти Господни по Иоанну. Наконец она развеселилась, чувствуя себя лучше, и приказала принести четыре яскота серебра, которые положила сперва к подножию креста, а потом дала один монаху и протянула один мне, но я не пожелал взять его. Тогда монах, протянув руку, взял его. И каждому из священников она дала по одному яскоту; таким образом за один раз она отдала сорок марок. Затем она приказала принести вина и дала выпить священникам, и мне также надлежало трижды выпить из ее руки в честь св. Троицы. Она начала также учить меня их наречию, причем шутила со мною, что я нем, не имея при себе толмача. На следующий день мы снова вернулись к ней, и Мангу-хан, слыша, что мы пошли туда, приказал ввести нас к нему, так как узнал, что госпоже лучше.

Мы нашли его с немногими служителями сосущим жидкую глину²²³, то есть тестовидную пищу для укрепления головы, и перед ним лежали сожженные кости бараньих лопаток. Он взял крест себе в руку, но я не видал того, чтобы он поцеловал его или поклонился ему, а хан только глядел на него, спрашивая о чем-то. Тогда монах попросил позволения носить крест на копье вверху, так как по этому поводу хан раньше говорил с монахом, и Мангу ответил: «Носите его так, как знаете лучше сделать». Затем, после приветствия хану, мы направились к вышеупомянутой госпоже и нашли ее здоровой и

бодрой; она выпила еще святой воды, и мы прочли над нею Страсти. И эти несчастные священники никогда не учили ее вере и не уговаривали креститься. Я же сидел там немой, не имея возможности что-нибудь сказать, но она сама еще учила меня тамошнему наречию. И священники не порицали ее ни за какое колдовство, ибо я видел там четыре меча, извлеченных из ножен до половины, один у изголовья ложа госпожи, другой у подножия, а два другие по одному с обеих сторон входа. Я видел там также серебряную чашу, напоминающую наши чаши, которая, вероятно, была похищена в одной из Венгерских церквей и висела на стене полная пепла, а сверху над этим пеплом был черный камень, и священники никогда не учат их тому, что это дурно. Наоборот, они сами делают это и учат подобному. Мы посещали больную три дня, и таким образом здоровье к ней вполне вернулось. С того времени монах сделал хоругвь, всю покрытую крестами, и отыскал длинную жердь вроде копья, так что мы носили крест воздвигнутым. Я почитал монаха, как своего епископа, потому что он знал местное наречие. Однако многое из того, что он делал, мне не нравилось. Именно он приказал соорудить для себя складное сиденье, какое обычно бывает у епископов, а также заказал перчатки и шапку из павлиньих перьев, а сверху ее золотой крестик. Это мне очень понравилось только в отношении креста. Он имел ногти с язвинами и старался украсить их благовонными мазями. В речи он являл из себя надменного. Также и сами несториане произносили какие-то стихи из псалма, как они говорили, над двумя прутьями²²⁴, которые соединялись взаимно, когда их держали два человека. Монах сам присутствовал при этом, и в нем заметно было много других суетных качеств, которые мне не нравились. Однако мы не отставали от его общества из уважения к кресту. Именно мы носили воздвигнутый крест по всему становищу с пением: «Хоругви царя появляются», отчего Саррацины приходили в полное оцепенение.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Описание земель, лежащих в окрестностях ханского дворца. О нравах, монетах и письменах Татар

С тех пор, как мы попали ко двору Мангу, он двигался на повозках только к югу, а с этого времени начал возвращаться в северном направлении, что было и направлением к Каракаруму. Во всю дорогу я отметил только одно, о чем мне сказал

в Константинополе господин Балдуин де Гэно *, который был там, именно: он видел удивительно только то, что он всю дорогу в путешествии поднимался и никогда не спускался. Ибо все реки текли с востока на запад или прямо, или не прямо, то есть с наклоном к югу или к северу. И я спросил священников, прибывших из Катайи, и они свидетельствовали, что от того места, где я нашел Мангу-хана, до Катайи было 20 дней пути в направлении к юго-востоку, а до Онанкеруле, настоящей земли Моалов, где находится двор Чингиса, было 10 дней пути прямо на восток, и в этих восточных странах не было ни одного города. Но все же там жили народы, по имени Су-Моал ²²⁵, то есть Моалы вод, ибо Су значит вода. Они живут рыбной ловлей и охотой, не имея никаких стад, ни крупных, ни мелких. К северу также нет ни одного города, а живет народ, разводящий скот, по имени Керкисы ²²⁶. Живут там также Оренгаи ²²⁷, которые подвязывают себе под ноги отполированные кости ²²⁸ и двигаются на них по замерзшему снегу и по льду с такой сильной быстротою, что ловят птиц и зверей. И еще много других бедных народов живет в северной стороне, поскольку им это позволяет холод; на западе соприкасаются они с землею Паскатири ²²⁹, а это — Великая Венгрия, о которой я сказал вам выше.

Предел северного угла неизвестен в силу больших холодов. Ибо там находятся вечные льды и снега. Я осведомлялся о чудовищах или о чудовищных людях, о которых рассказывают Исидор и Солин ²³⁰. Татары говорили мне, что никогда не видели подобного, поэтому мы сильно недоумеваем, правда ли это. Всем вышеупомянутым народам, как бы бедны они ни были, надо нести какую-нибудь службу. Ибо Чингис издал такое постановление, что ни один человек не свободен от службы, пока он не настолько стар, что больше не может никоим образом работать ²³¹. Один раз сидел со мной один священник из Катайи, одетый в красное сукно самого лучшего цвета, и я спросил у него, откуда они берут такую раскраску. Он рассказал мне, в восточных странах Катайи находятся высокие скалы, на которых живут какие-то создания, имеющие во всем человеческий образ, кроме того, что они не сгибают колен, а ходят, не знаю, как-то подпрыгивая; ростом они всего с один локоть, тело их все одето волосами, живут они в недоступных пещерах. И охотники Катайи ходят на них, имея при себе пиво, возможно более пьяное. Они делают отверстия в скалах, наподобие чаш, и наполняют их этим пивом. Ибо в Катайе нет вина, но теперь они начинают сажать лозы, а [обычно] питье приготавливают из риса. Итак, охотники прячутся, а вышеупомянутые живые

* См. прим. 99.

существа выходят из самых пещер, отведывают вышеупомянутого напитка и кричат: «Хин, хин», откуда, от этого крика, они получили свое имя, ибо их называют: Хинхин²³². Затем они собираются в большом количестве, пьют вышеупомянутое пиво, опьяняются и там засыпают. Тогда подходят охотники и связывают спящих по рукам и по ногам. Затем открывают им на шее жилу, извлекают три или четыре капли крови и дают им уйти свободными. И эта кровь, как он сказал мне, весьма ценна для окраски пурпура. Рассказывали также за истину, чему я не верю, что за Катайей есть некая область, имеющая такое свойство: в каком бы возрасте человек ни вошел в нее, он и остается в таком возрасте, в котором вошел²³³. Катайя находится над океаном. И мастер Вильгельм рассказывал мне, что видел послов некоторых народов, по имени Кауле²³⁴ и Манзе, живущих на островах, но море там зимою замерзает, так что Татары могут тогда направиться к ним. Эти народы предлагали ежегодно тридцать две тысячи туменов яскотов, лишь бы только их оставили в мире. Т у м е н — монета, содержащая десять тысяч. Ходячей монетой в Катайе служит бумажка из хлопка²³⁵ (Carta de Wambasio), шириною и длиною в ладонь, на которой изображают линии, как на печати Мангу. Пишут они кисточкой, которой рисуют живописцы, и одно начертание содержит несколько букв, выражающих целое слово²³⁶. Тибетцы пишут, как мы, и их начертания очень похожи на наши. Тангуты пишут справа налево, как Арабы, но умножают строки, восходя вверх, а Югуры, как сказано выше, пишут сверху вниз. Ходячей монетой Русских служат шкурки разных пушных зверей, горностаев и белок.

Когда мы прибыли [жить] с монахом, он с любовью внушил нам воздерживаться от мяса, говоря, что наш служитель будет есть мясо с его служителями, а для нас он сам позаботится о муке и масле растительном и коровьем. Мы исполнили это, хотя такое требование сильно тяготило моего товарища по причине его слабости. Отсюда пищей нашей служило пшено с коровьим маслом, или тесто вареное в воде с тем же маслом или кислым молоком и пресный хлеб, испеченный на бычачьем или конском навозе.

ГЛАВА СОРОКОВАЯ

О втором посте восточных народов

Но настала сыропустная неделя²³⁷, когда впервые перестают есть мясо все восточные христиане, и главная госпожа Котота ту неделю постилась со всеми женщинами. Она приходила всякий день в нашу часовню и раздавала съестные припа-

сы священникам и другим христианам, которые стекались туда в эту первую неделю в большом количестве для выслушания службы. Она дала нам обоим, мне и моему товарищу, по рубашке и штанам из серого аксамита²³⁸ (samico), подбитым шелковыми охлопками, так как мой товарищ сильно жаловался на тяжесть меха. Я взял платье, чтобы утешить своего товарища, оговорившись, однако, что не ношу таких одежд. Я отдал моему толмачу то, что пришлось на мою долю. Затем придворные привратники, охранявшие двор, видя, что такое огромное количество людей стекалось ежедневно к церкви, которая находилась в пределах двора, послали одного из своей среды к монаху, сообщая ему, что они не желают, чтобы такое большое количество собиралось туда в пределах двора. Тогда монах резко ответил им, что он хочет знать, сам ли Мангу приказывает это, и прибавил даже некоторые угрозы, будто он собирается обвинить их пред Мангу. Тогда те предупредили его и обвинили его пред Мангу в том, что он слишком много говорит и собирает на свои беседы слишком большую толпу. Тогда в воскресенье четвередсятицы нас позвали ко двору, причем монаха довольно позорно обшарили, ища, нет ли при нем ножа, так что он снимал даже свои башмаки. Затем вошли мы пред лицо хана, который, имея у себя в руке сожженную баранью лопатку, всматривался в нее, а затем, как бы читая в ней, стал порицать монаха, спрашивая, зачем тот, будучи человеком, который должен молиться Богу, столько говорит с людьми. Я же стоял сзади с обнаженной головой, и хан сказал ему: «Зачем ты не обнажаешь головы, когда приходишь ко мне, как поступает этот Франк?» и приказал позвать меня ближе. Тогда монах, сильно смущенный, снял свой клобук, вопреки обычаю греков и армян; после того как хан наговорил ему много резкостей, мы вышли. И тогда монах вручил мне крест для несения до часовни, так как сам от смущения не хотел нести его. Через немного дней он примирился с ханом, обещая ему отправиться к папе и привести в его повиновение все народы Запада. Затем, вернувшись от хана после этого разговора в часовню, он стал спрашивать у меня про папу, думаю ли я, что тот захочет его видеть, если монах явится к нему от Мангу, и захочет ли он дать ему коней до святого Иакова²³⁹. Спросил он также и про вас, думаю ли я, что вы захотите послать к Мангу вашего сына. Тогда я внушил ему остерегаться давать Мангу лживые обещания, так как последняя ложь будет горше первой, и Бог не нуждается в нашей лжи, чтобы мы ради Него говорили коварные выдумки.

В эти дни возник спор между монахом и одним священником, по имени Ионой, человеком хорошо образованным, отец которого был архидьяконом, и другие священники считали его за своего учителя и архидьякона (pro magistro archidiacono).

Именно монах говорил, что человек был создан раньше рай земного и что так говорит Евангелие. Тогда меня позвали разобрать этот спор. Я же, не зная, какие у них были мнения об этом, ответил, что рай был создан в третий день, когда и другие деревья, человек же создан в шестой день. Тогда монах стал говорить: «Разве диавол не принес земли в первый день с четырех стран мира и не создал из образовавшейся грязи человеческого тела, а Бог не вдохнул в него души?» Тогда, слыша знаменитую ересь Манихея²⁴⁰ и ее столь открытое и бесстыдное провозглашение, я резко выбранил монаха, приказывая ему положить палец на уста свои, так как он не знал Писания, и остерегаться говорить, чтобы не навлечь на себя вины. Но тот и сам начал меня осмеивать за то, что я не знал тамошнего языка.

Итак, я ушел от него, направляясь к себе домой. После этого было так, что и сам он, и священники в крестном ходе отправились ко двору, не позвав меня, так как монах не говорил со мною по причине упомянутого упрека и не хотел вести меня с собою, как это было у него в обычае раньше. Итак, когда они пришли пред лицо Мангу, тот, не видя меня среди них, внимательно осведомился, где я и почему не пришел с ними. Священники испугались и извинились. Вернувшись же, они пересказали мне слова Мангу и сетовали на монаха. После этого монах помирился со мною, а я с ним, прося, чтобы он помог мне в понимании тамошнего языка, а я обещал помогать ему в понимании Священного Писания, ибо брат, получающий помощь от брата, все равно, что крепкий город²⁴¹.

По прошествии первой недели поста госпожа перестала приходить в часовню и давать пищу и пиво, которое мы обычно получали. Монах не позволял приносить их, говоря, что при приготовлении этого кладется бараний жир. Также и растительное масло он давал нам только редко. Итак, у нас не было ничего, кроме испеченного под золою хлеба и теста, сваренного на воде, и мы пили суп, потому что вода была у нас только из растаявшего снега или льда; а такая вода весьма плохого качества. Тогда мой товарищ начал сильно унывать. Тогда я указал на нашу нужду Давиду, учителю старшего сына хана, и тот доложил мою речь самому хану, который лично приказал дать нам вина, муки и масла. Рыбы в четырехдесятницу отнюдь не вкушают ни несториане, ни армяне. Затем нам дали бурдюк с вином. Монах говорил, что он ест только по воскресеньям, и тогда сама госпожа посылала ему пищу из вареного теста с уксусом для питья. У него же при себе, под алтарем, стоял сундук с миндалем, изюмом, черносливом и многими другими плодами, которые он ел целый день, когда был один. Мы ели раз в день и то с большим горем. Именно, с тех пор как они узнали, что Мангу-

хан дал нам вина, они самым бесстыдным образом, наподобие собак, бросались на нас, тут были и священники-несториане, которые целый день пьянствовали при дворе, и сами Моалы, и служители монаха. Да и сам монах, когда к нему приходил кто-нибудь, кому он хотел дать выпить, посылал к нам за вином. Итак, это вино доставляло нам больше горести, чем утешения, так как мы не могли отказать в нем, не вызвав ссоры. Если мы стали бы раздавать его, нам не хватило самим; а когда бурдюк был опорожнен, мы не смели просить себе у двора еще.

ГЛАВА СОРОК ПЕРВАЯ

О работе Вильгельма, золотых дел мастера, и о ханском дворце в Каракаруме

Около середины четырехдесятницы прибыл сын мастера Вильгельма и принес красивый серебряный крест, сделанный по франкскому обычаю с серебряным изображением Христа, прибитым поперек. Увидев это изображение, монахи и священники сняли его, хотя молодой человек должен был представить крест от имени мастера Булгаю, старшему секретарю двора; слыша это, я сильно огорчился. Этот юноша доложил также самому Мангу-хану, что сооружение, которое тот заказал сделать, исполнено. Это сооружение я вам опишу. В Каракаруме у Мангу имеется рядом с городскими стенами большой двор, обнесенный кирпичною стеною, как окружают у нас монашеские обители. Там помещается большой дворец, в котором хан устраивает попойку дважды в год: раз около Пасхи, когда он проезжает там, и раз летом, когда возвращается. И это последнее празднество более значительно, так как тогда ко двору его собираются все знатные лица, хотя бы они находились где-либо даже на расстоянии двух месяцев пути, и хан тогда дарит им платья и другие вещи и являет великую славу свою. Там имеется также много домов, длинных, как риги, куда убирают съестные припасы хана и сокровища. Так как в этот большой дворец непристойно было вносить бурдюки с молоком и другими напитками, то при входе в него мастер Вильгельм парижский сделал для хана большое серебряное дерево²⁴², у корней которого находились четыре серебряных льва, имевших внутри трубу, причем все они изрыгали белое кобылье молоко. И внутри дерева проведены были четыре трубы вплоть до его верхушки; отверстия этих труб были обращены вниз, и каждое из них сделано было в виде пасти позолоченной змеи, хвосты которых обвивали ствол дерева. Из одной из этих труб лилось вино, из другой — каракосмос, то есть очищенное кобылье молоко, из третьей — бал, то

есть напиток из меду, из четвертой — рисовое пиво, именуемое террасина. Для принятия всякого напитка устроен был у подножия дерева между четырьмя трубами особый серебряный сосуд. На самом верху сделал Вильгельм ангела, державшего трубу, а под деревом устроил подземную пещеру, в которой мог спрятаться человек. Через сердцевину дерева вплоть до ангела поднималась труба. И сначала он устроил раздувательные мехи, но они не давали достаточно ветру. Вне дворца находился подвал, в котором были спрятаны напитки, и там стояли прислужники, готовые потчевать, когда они услышат звук трубы ангела. А на дереве ветки, листья и груши были серебряные. Итак, когда начальник виночерпиев нуждался в питье, он кричал ангелу, чтобы загудела труба; тогда лицо, спрятанное в подземной пещере, слыша это, сильно дуло в трубу, ведущую к ангелу; ангел подносил трубу ко рту, и труба гудела очень громко. Тогда, услышав это, прислужники, находившиеся в подвале, наливали каждый свой напиток в особую трубу, а трубы подавали жидкость вверх и вниз в приготовленные для этого сосуды, и тогда виночерпии брали напиток и разносили его по дворцу мужчинам и женщинам.

И дворец этот напоминает церковь, имея в середине корабль, а две боковые стороны его отделены двумя рядами колонн; во дворце три двери, обращенные к югу²⁴³. Перед средней дверью внутри стоит описанное дерево, а сам хан сидит на возвышенном месте с северной стороны²⁴⁴, так что все могут его видеть. К его престолу ведут две лестницы (*gradus*): по одной подающий ему чашу поднимается, а по другой спускается. Пространство, находящееся в середине между деревом и лестницами, по которым поднимаются к хану, остается пустым; именно там становится подающий ему чашу, а также послы, подносящие дары; сам же хан сидит там вверху, как бы некий бог. С правого от него боку, то есть с западного, помещаются мужчины, с левого — женщины. Дворец простирается с севера на юг. К югу, рядом с колоннами, у правого бока, находятся возвышенные сидения, наподобие балкона, на которых сидят сын и братья хана. На левой стороне сделано также; там сидят его жены и дочери. Одна только жена садится там, наверху, рядом с ним, но все же не так высоко, как он.

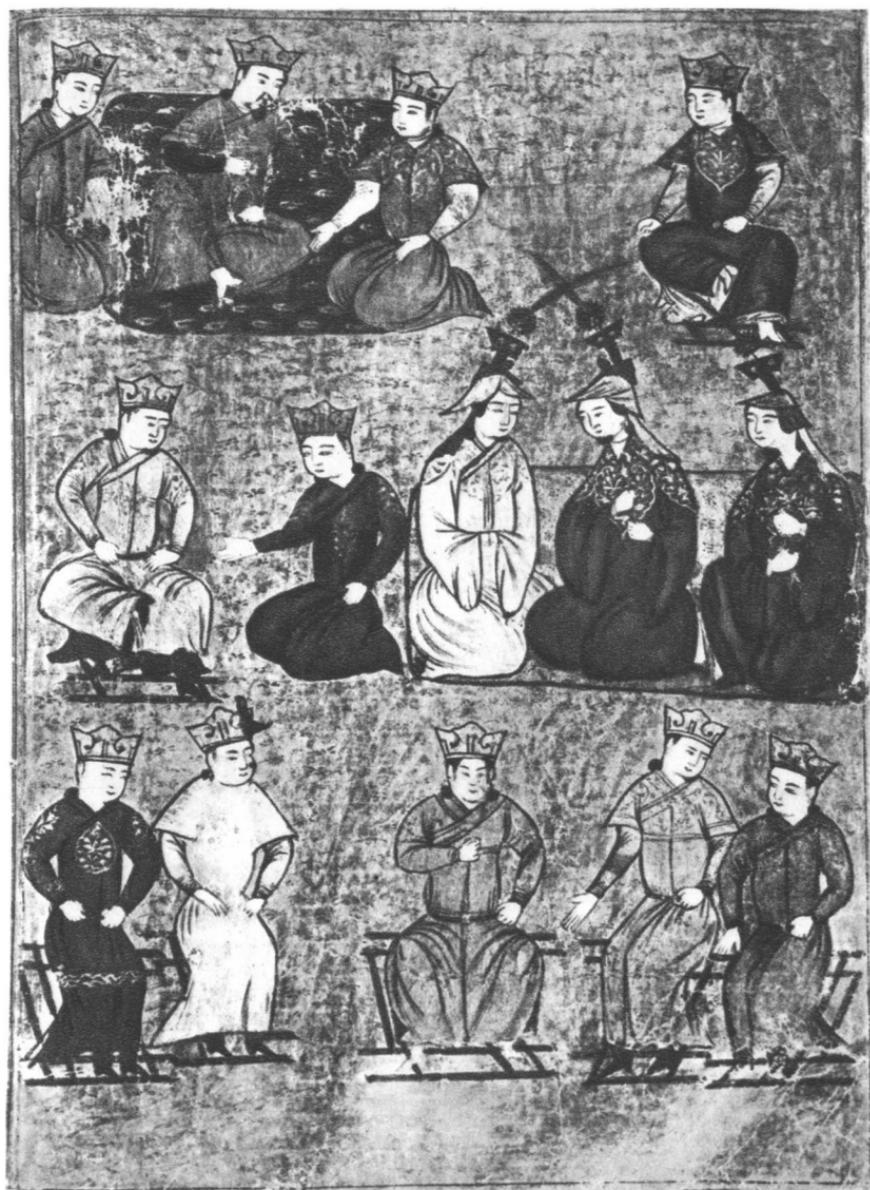
Итак, услышав, что сооружение выполнено, хан поручил мастеру поставить его на надлежащее место и хорошенько приладить, а сам около воскресенья²⁴⁵ на Страстной неделе двинулся вперед с маленькими домами²⁴⁶, оставив большие дома сзади себя. И монах, и мы последовали за ним, и он прислал нам другой бурдюк вина. И он проезжал между гор, на которых дул сильный ветер, стояла сильная стужа, и выпал большой снег. Поэтому около полуночи он сам прислал к монаху и к нам

просить помолиться Богу, чтобы Он умерил эту стужу и ветер, так как все животные, бывшие в караване, подвергались большой опасности, особенно потому, что они были тогда стельными и рожали.

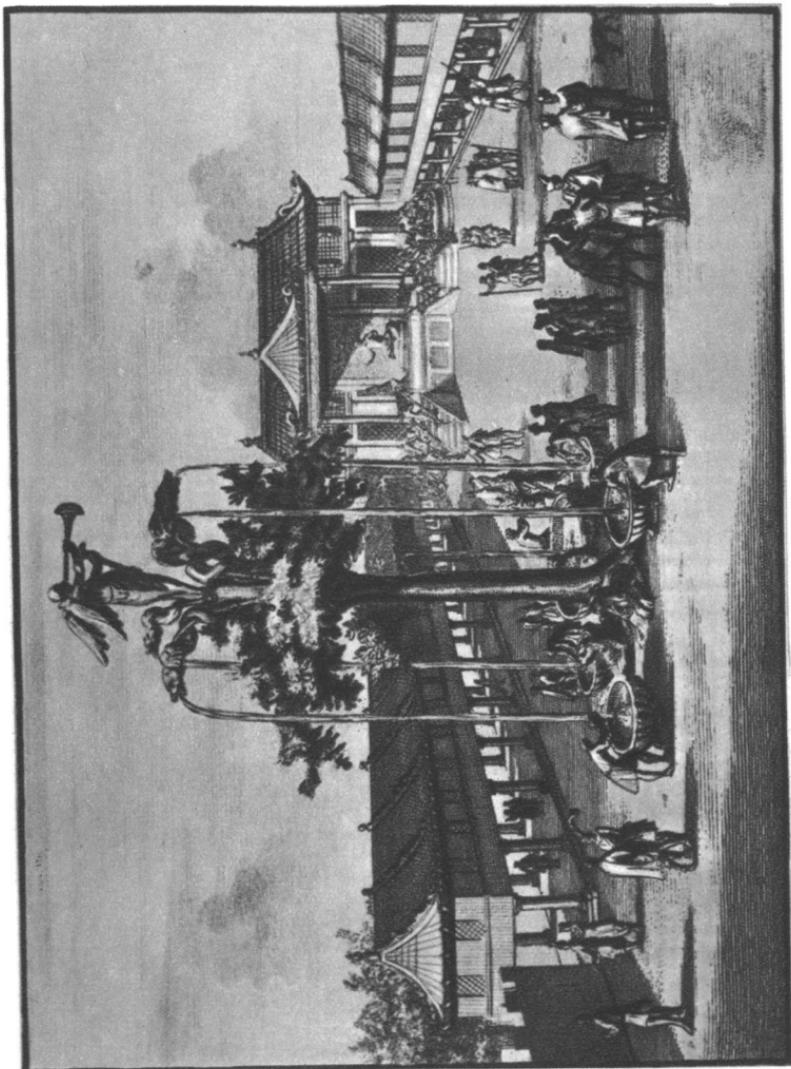
Тогда монах послал ему ладану, препоручая положить его на уголья и принести Богу. Не знаю, сделал ли он это, но буря, которая продолжалась уже два дня, утихла, когда наступал уже третий день.

В Вербное воскресенье²⁴⁷ мы были вблизи Каракарума. Как только стало рассветать, мы благословили вербы, на которых еще не было заметно никаких почек. Около девяти часов мы въехали в упомянутый город, воздвигнув крест и развернув хоругвь; через середину квартала Саррацинов, где находится рынок и базар, мы добрались до церкви. Несториане вышли нам навстречу с крестным ходом. Войдя в церковь, мы нашли их готовыми к служению обедни; отслужив ее, они все причастились и спросили меня, не хочу ли и я причаститься. Я ответил, что уже раз пил, а причастие следует принимать только натощак. После обедни наступил уже вечерний час, и мастер Вильгельм повел нас с великой радостью в свое помещение отужинать вместе. Жена его — дочь уроженца Лотарингии, а родилась в Венгрии и хорошо знает по-французски и по-комански.

Нашли мы также и еще одного [европейца], по имени Базиля, сына Англичанина; этот Базиль родился в Венгрии и знает вышеупомянутые наречия. После ужина, прошедшего в великой радости, они проводили нас в наше помещение, которое устроили для нас Татары на площади вблизи церкви, вместе с часовней монаха. На следующий день хан прибыл в свой дворец, и монах, я и священники отправились к нему. Товарищу моему они не позволили итти, так как он наступил на порог. Я долго размышлял, как мне следует поступить, итти или не итти. Я и боялся ссоры, если отстану от других христиан, и [видел], что угоден хану, и боялся, что то доброе дело, на возможность осуществления которого я надеялся, встретит препятствие к распространению, а потому и предпочел лучше итти, хотя видел, что их действия преисполнены колдовства и идолослужения. И я не делал там ничего другого, как только молился громким голосом за всю церковь, а также и за самого хана, чтобы Бог направил его на путь вечного спасения. Итак, мы вступили на упомянутый двор, который был довольно хорошо устроен; летом там повсюду проведены каналы, орошающие двор. После этого мы вошли во дворец, полный мужчин и женщин, и стали пред лицом хана, имея сзади вышеназванное дерево, которое вместе с сосудами занимало значительную часть дворца. Священники принесли два благословенные хлебца и плоды на блюдечке, ко-

Мункэ-хан со своими женами и сыновьями
(Персидская миниатюра 1315 г.)

Серебряный фонтан во дворце Мункэ-хана, сооруженный французским мастером Гильомом Буше
(*Реконструкция французского иллюстратора XVIII в.*)

торые поднесли ему, произнеся над ними благословение. И дворецкий (рпсегпа) понес их к нему, сидящему вверху на очень высоком и приподнятом месте. И он тотчас один из хлебцев стал есть сам, а другой послал своему сыну и одному из своих младших братьев, который был воспитан одним несторианином и знает Евангелие; он также посылал за моей Библией, чтобы посмотреть ее. После священников монах произнес свою молитву, а после монаха я. Затем хан обещал прийти на следующий день в церковь, которая достаточно велика и красива и вся обтянута сверху шелковой тканью, вышитой золотом. Но на следующий день он продолжал свой путь, поручив извиниться перед священниками, что он не дерзнул прийти в церковь, так как узнал, что туда приносят покойников. Мы же с монахом и другие придворные священники остались в Каракаруме, чтобы там отпраздновать Пасху.

ГЛАВА СОРОК ВТОРАЯ

Как несториане совершают таинства. Как христиане исповедовались у Рубрука и причащались в Пасху

Но вот приближался Великий Четверг и самая Пасха, а у меня не было наших облачений; кроме того, я наблюдал способ служения несториан и очень затруднился, что делать, принять ли причастие от них, или служить в их облачении, с их чашей и на их алтаре, или совершенно воздержаться от причастия.

Тогда там было большое количество христиан: венгерцев, аланов, русских, георгианов и армян, которые все не видали причастия с тех пор, как были взяты в плен, так как несториане сами не хотели допускать их к себе в церковь, если те не перекрестятся снова так, как они говорили. Нам, однако, они не делали никакого упоминания по этому поводу; мало того, они признавали, что Римская церковь — глава всех церквей, и что они сами должны были бы принимать патриарха от папы²⁴⁸, если бы проезд к нему был свободен. И они щедро предлагали нам свое причастие и приглашали меня стать при входе в хор церкви, чтобы видеть их обряд служения, а накануне Пасхи хотели поставить меня рядом с купелью, чтобы посмотреть обряд крещения. Они говорят, что у них есть то миро, которым Мария Магдалина умастила ноги Господа, и они всегда подливают туда масла, сколько берут, и на нем месят хлеб свой. Ибо все восточные люди кладут в хлеб свой, вместо дрожжей или жир, или коровье масло, или сало из бараньего хвоста, или растительное масло. Они говорят также, что у них имеется мука, из которой приготовлен был хлеб, освященный Господом, и они

всегда возмещают ее в таком количестве, в каком берут. У них есть комната, расположенная рядом с церковным клиросом, и печь, где они готовят хлеб, который должны освящать с великим благоговением. Итак на вышеупомянутом масле они готовят хлеб шириною в ладонь, который дробят сперва на 12 частей по числу Апостолов, а затем делят эти части по количеству народа. Священник дает каждому в руку тело Христова, и тогда человек благоговейно принимает его на ладонь и касается ладонью до макушки головы. Вышеупомянутые христиане и сам монах настаивали и просили нас именем Божиим отслужить обедню.

Тогда я приказал им, как мог, через толмача, исповедаться, перечислив 10 заповедей, 7 смертных грехов и другое, в чем человек должен всенародно покаяться и исповедаться. Они оправдывали себя в краже, говоря, что без кражи не могут жить, так как господа их не заботятся для них ни об одежде, ни о пропитании. Тогда я, рассуждая, что они похищали имущество этих лиц не без надлежащего основания, сказал, что им можно брать необходимое из имущества господ и что я готов сказать это перед лицом самого Мангу-хана. Некоторые из них также были людьми военными; они оправдывали себя тем, что им необходимо идти на войну, иначе их убьют. Я крепко наказал им, чтобы они не ходили на христиан и не обижали их, иначе пусть лучше дадут себя убить, потому что таким образом они станут мучениками; и я прибавил, что если кто пожелает обвинить меня за это учение перед Мангу-ханом, то я готов заявить это в его присутствии. Ибо, когда я учил этому, тут были придворные из несториан, и я подозревал их, что они могут случайно донести на нас.

И тогда мастер Вильгельм приказал сделать для нас железце, чтобы придавать надлежащую форму жертвенным облаткам; у него были некоторые облачения, которые он сделал для себя. Ибо он немного знает грамоте и ведет себя, как клирик. Он приказал сделать на франкский лад изваяние святой Девы и в окошках, замыкавших его, изваял очень красиво Евангельскую историю; он изготовил также серебряный ковчег для сокрытия тела Христова и мощей в маленьких ящичках, устроенных в боках ковчега. Он сделал также часовню на повозке, очень красиво разрисованную священными событиями. Итак, я взял его облачения и благословил их, и мы приготовили по своему обычаю жертвы, очень красивые, и несториане отвели мне свою крещальню, в которой был алтарь. Их патриарх посылает им из Балдаха четырехугольную кожу²⁴⁹, наподобие переносного жертвенника, помазанную миром, и они применяют ее вместо священного камня. Итак, в Великий Четверг я служил с их серебряной чашей и диском, а эти сосуды были

очень велики; также было это и в день Пасхи. И мы причастили народ, как я надеюсь, с благословением божьим. А сами они окрестили в полном благочинии в канун Пасхи более чем шестьдесят лиц, и все христиане сообща этому весьма радовались.

ГЛАВА СОРОК ТРЕТЬЯ

О болезни мастера Вильгельма и о священнике Ионе

Тогда мастеру Вильгельму довелось тяжело захворать; когда он стал уже поправляться, посещавший его монах дал ему выпить ревеню, но так, что чуть не убил его. Посетив его затем, я нашел состояние его весьма тяжким и спросил, что он ел или пил. И он рассказал мне, как монах давал ему вышеупомянутого питья и как он выпил два полных блюда, считая, что это — святая вода. Тогда я пошел к монаху и сказал ему: «Или гряди, как апостол, творя истинные чудеса силою молитвы и Святого Духа, или поступай, как врач (phisicus), согласно правилам лечебного искусства. Ты даешь пить крепкое целебное питье людям, к этому неподготовленным, как будто бы это питье было нечто священное; ты подвергнешься за это злейшему бесчестию, если это дойдет до сведения людей». С того времени он стал опасаться и остерегаться меня. Довелось также в то время захворать тому священнику, который считался как бы архидьяконом других, и друзья его послали за одним саррацинским прорицателем, который сказал им: «Некий тощий человек, который не ест, не пьет и не спит на ложе, разгневан на него. Если бы больной мог получить его благословение, то мог бы выздороветь». Тогда те подумали на монаха, и около полуночи жена священника, сестра и сын его пришли к монаху, прося притти и благословить больного. Они разбудили также и нас, чтобы мы просили монаха. Тогда, в ответ на нашу просьбу, он сказал: «Оставьте его, так как он, с тремя другими, которые равным образом пойдут плохими путями, вознамерился итти ко двору и хлопотать, чтобы я и вы были изгнаны из этих стран». Именно между ними уже ранее возникла ссора от того, что Мангу и его жены послали в канун Пасхи четыре яскота и шелковые ткани как для монаха, так и для священников, чтобы те разделили это между собою, и монах удержал себе на свою долю один яскот, а из остальных трех один был подедельный, так как оказался медным; поэтому священникам казалось, что монах удержал себе чересчур большую долю; отсюда могло быть, что они имели между собою какой-нибудь разговор, который был передан монаху. С наступлением дня я пошел к названному священнику, имевшему сильнейшую боль в боку и

харкавшему кровью, отчего я подумал, что у него [внутренний] нарыв. Тогда я посоветовал ему признать папу за отца всех христиан, что он и сделал, дав обет, что, если Господь даст ему здоровья, он посетит папу, чтобы облобызать его стопы (*visitare pedes pape*), и приложит все старание к тому, чтобы папа послал свое благословение Мангу-хану. Я посоветовал ему также вернуть все, что у него было чужого. Он сказал, что у него нет ничего. Я упомянул ему также про таинство последнего помазания. Он ответил: «У нас оно не в обычае, да и священники наши не умеют совершать его. Прошу вас совершить это для меня так, как, по вашему разумению, надо совершить это».

Я внушил ему также исповедаться, что у них не в обычае. Он сказал что-то немного на ухо одному священнику из своих товарищей. После этого он начал чувствовать себя лучше и попросил меня сходить за монахом. Я пошел. Монах сперва не пожелал притти; но, услышав, что больному лучше, пошел со своим крестом; пошел и я, неся в ковчеге мастера Вильгельма тело Христово, которое я сберег в день Пасхи по просьбам мастера Вильгельма. Тогда монах начал топтать больного ногами, а тот обнимал его ноги с полным унижением. Затем я сказал больному: «В Римской Церкви есть обычай, что немощные приобщаются тела Христова, как напутствия и укрепления против всех козней вражеских. Вот тело Христово, которое я сохранил в день Пасхи. Ты должен исповедаться и попросить его». Тогда он сказал с полной верой: «Я прошу от всего сердца». Когда я открыл его, он сказал с большею горячностью: «Я верую, что это — Творец и Спаситель мой, который даровал мне жизнь и вернет ее мне по смерти при всеобщем воскресении». И таким образом он принял из моей руки тело Христово, изготовленное (*confectum*) по обычаю Римской церкви. Затем монах остался с ним и дал ему в мое отсутствие каких-то напитков. На следующий день он захворал смертельно. Тогда я взял масло их, которое они называли святым, и помазал его по обряду Церкви, как он просил о том меня ранее. Нашего масла у меня не было, так как священники Сартаха удержали его все. Когда мы прочитали ему отходную и я хотел быть при его кончине, монах отослал меня домой, говоря, чтобы я удалился, так как если бы я остался там, то не мог бы входить в дом Мангу-хана вплоть до конца года. Когда я сообщил это друзьям больного, они сказали мне, что это — правда, и попросили меня удалиться, чтобы не встретить препятствия в том благом деле, которое я мог бы подвинуть далее. Когда больной умер, монах сказал мне: «Не беспокойтесь: я убил его своими молитвами. Он один был ученый и противился нам. Другие ничего не знают. Впредь все они и сам Мангу-хан придут к нашим сто-

пам». Затем он пересказал нам вышеприведенный ответ гадалца; не веря ему, я спросил у священников, друзей усопшего, правда ли это. Они отвечали утвердительно, но не знали того, был ли он заранее предуведомлен, или нет. После того я открыл, что сам монах призывал упомянутого выше гадалца и его жену к себе в часовню и заставлял просеивать пыль и гадать себе²⁵⁰. У него был также какой-то русский дьякон, который гадал ему. Когда я узнал это, я ужаснулся его глупости и сказал ему: «Брат, человек, исполненный Духа Святого, который всему учит, не должен искать ответов или совета у гадалцев; все это запрещено, и люди, этому следующие, отлучены». Тогда он начал оправдывать себя тем, что это не правда, будто он ищет подобного. Я же был не в силах удалиться от него, так как был помещен там по приказу самого хана и не мог переселиться без его особого разрешения.

ГЛАВА СОРОК ЧЕТВЕРТАЯ

Описание города Каракарума. О том, как Мангу-хан послал своих братьев против разных народов

О городе Каракаруме да будет вашему величеству известно, что, за исключением дворца, он уступает даже (по ита вопа) пригороду святого Дионисия, а монастырь святого Дионисия стоит вдесятеро больше, чем этот дворец. Там имеются два квартала: один Саррацинов, в котором бывает базар, и многие купцы стекаются туда из-за двора, который постоянно находится вблизи него, и из-за обилия послов; другой квартал Кайев, которые все ремесленники. Вне этих кварталов находятся большие дворцы, принадлежащие придворным секретарям. Там находятся двенадцать кумирен различных народов, две мечети, в которых провозглашают закон Магомета, и одна христианская церковь на краю города. Город окружен глиняной стеною и имеет 4 ворот. У восточных продается пшено и другое зерно, которое, однако, редко ввозится; у западных продают баранов и коз; у южных продают быков и повозки; у северных продают коней.

Следуя за двором, мы прибыли туда в воскресенье пред Вознесением²⁵¹. На следующий день нас, а именно: монаха, всех его домашних, нас и всех послов и иностранцев, которые посещали дом монаха, позвал Булгай, главный секретарь и судья; пред лицо Булгай нас позвали по одиночке, сперва монаха, а после него нас; они начали тщательно расспрашивать, откуда мы, зачем прибыли и в чем состоит наше служение. Этот допрос делался потому, что Мангу-хану было доложено, будто

четыреста Човекоубийц прибыли в различных платьях, чтобы убить его. Около этого времени вышеупомянутая госпожа снова захворала и послала за монахом, а тот, не желая идти, ответил: «Она снова созвала вокруг себя идолопоклонников; пусть лечат ее, если могут. Я больше не пойду».

Накануне Вознесения Господня мы были во всех домах Мангу-хана, и я видел, как, когда он должен был пить, они выливали кумыс на его войлочных идолов. Тогда я сказал монаху: «Какое общение у Христа с Ваалом? Какое отношение у нашего креста с этим идолом?»

Сверх того, у Мангу-хана имеется восемь братьев: три единокровных и пять по отцу ²⁵². Одного из единокровных он послал в землю Човекоубийц ²⁵³, именуемых ими Мулидет ²⁵⁴, и приказал всех их умертвить. Другой отправился в направлении к Персии и уже вступил в нее, собираясь, как полагают, вступить в Турецкую землю и готовясь отправить оттуда войско против Балдаха и Вастация. Одного из остальных он послал в Китайю ²⁵⁵, против неких народов, которые им еще не повинуются. Меньшего единокровного брата, по имени Арабукху ²⁵⁶, Мангу удержал у себя; этот брат занимает двор их матери, которая была христианкой и рабом которой был мастер Вильгельм. Один из братьев хана со стороны отца взял Вильгельма в плен в Венгрии, в одном городе, по имени Белеграв ²⁵⁷, в котором был Нормандский епископ из Бельвиля, вблизи Руана; вместе с Вильгельмом был взят в плен епископский племянник, которого я видел там в Каракаруме. Брат хана отдал мастера Вильгельма матери Мангу, так как она очень настаивала на обладании им; по смерти ее мастер Вильгельм достался Арабукхе вместе со всеми другими, принадлежавшими ко двору матери, а через него стал известным Мангу-хану, который дал мастеру для выполнения вышеупомянутой работы 100 яскотов, то есть тысячу марок.

Итак, накануне Вознесения Мангу-хан сказал, что хочет отправиться ко двору своей матери и посетить ее, так как это было уже близко. Монах же заявил, что хочет отправиться с ним и дать свое благословение душе его матери. Это понравилось хану. Вечером в день Вознесения состояние здоровья вышеупомянутой госпожи сильно ухудшилось, и глава прорицателей послал к монаху распоряжение не бить в доску. Хотя на следующий день весь двор удалился, двор вышеупомянутой госпожи остался. Когда же мы прибыли на место остановки двора, то монаху приказано было расположиться от двора дальше, чем обыкновенно, что он и исполнил. Тогда Арабукха сам выехал навстречу брату своему хану. Монах же и мы, заметив, что он едет мимо нас, встретили его со крестом. Он же, признав нас, так как раз был в нашей часовне, протянул руку и сделал

нам ею крест, как епископ. Тогда монах сел на коня и последовал за ним, взяв с собою плоды. Арабукха же слез перед двором своего брата, ожидая его, пока тот не вернется с охоты. Тогда монах слез там же и поднес Арабукхе свои плоды, которые тот принял; рядом с ним сидели два вельможи из двора самого хана, Саррацины. Арабукха, зная про вражду, существующую между христианами и Саррацинами, спросил у монаха, знает ли он упомянутых Саррацинов. Тот ответил: «Знаю, потому что они собаки; зачем держишь ты их возле себя?» Те возражали: «Зачем ты говоришь нам обидные речи, тогда как мы не говорим тебе никаких?» Монах сказал им: «Я говорю правду, и вы, и Магомет ваш — презренные псы». Тогда они начали отвечать богохульствами на Христа, но Арабукха удержал их, говоря: «Не говорите, так как мы знаем, что Мессия — Бог». В этот час поднялся внезапно такой сильный ветер по всей стране, что казалось, будто по ней бегают демоны; немного спустя дошли слухи, что упомянутая госпожа умерла. На следующий день ²⁵⁸ хан вернулся к своему двору по иной дороге, а не по той, по которой выехал, ибо у них существует суеверие, что они никогда не возвращаются по той дороге, по которой выезжают. Кроме того, когда где побывает двор, то после его удаления никто, ни конный, ни пеший, не смеет пройти по тому месту, на котором пребывал двор, пока заметны следы огня, который там был разведен. В этот день какие-то Саррацины встретились с монахом на дороге, вызывая его и споря с ним. Так как он не умел защититься при помощи доводов и они стали над ним насмехаться, то он хотел наказать их плетью, которую держал в руке, и достиг того, что вышеупомянутые слова его и поступки были доведены до двора, и нам было приказано, чтобы мы остановились с другими послами, а не перед двором, где мы останавливались обычно.

Я же все надеялся, что приедет царь Армянский ²⁵⁹. Также около Пасхи прибыл некто из Болата, где живут те немцы, ради которых главным образом я отправился туда; он сказал мне, что этот немецкий священник должен прибыть ко двору. И поэтому я не поднимал никакого вопроса пред Мангу о том, оставаться ли мне или уехать; и сначала он дал нам позволение пробыть там только два месяца; а уже прошло четыре месяца, даже пять. Именно это происходило около конца мая, а мы оставались там весь январь, февраль, март, апрель и май. Я же, не слыша никаких известий про царя или упомянутого священника и боясь, что нам придется возвращаться зимою, суровость которой мы испытали, поручил спросить у Мангу-хана, что он хочет делать с нами, так как мы охотно остались бы там навсегда, если ему это было бы угодно; если же нам надлежит вернуться, то нам легче вернуться летом, чем зимою. Хан тотчас

послал ко мне, приказывая мне не отлучаться, так как на следующий день он хочет поговорить со мною. Я же ответил, что если он хочет говорить со мною, то пусть пошлет за сыном мастера Вильгельма, так как мой толмач был неудовлетворителен. Тот же, кто говорил со мною, был Саррацин и ездил послом к Вастацию. Подкупленный его подарками, он посоветовал Вастацию отправить послов к Мангу-хану, чтобы оттянуть время, так как Вастаций полагал, что они немедленно должны вступить в его землю. И тот послал, а когда узнал их, то мало заботился о них и не заключал с ними мира, и они еще не вступали в его страну, да и не смогут этого, лишь бы он осмелился защищаться. И они никогда никакой земли не брали силою, а только коварством; и так как люди заключают с ним мир, то они во время этого мира разоряют их. Затем он стал усиленно расспрашивать про папу и короля Франков и о дорогах, ведущих к ним. Монах же, слыша это, тихонько внушил мне не отвечать, так как сам хотел похлопотать о том, чтобы его отправили послом; поэтому я замолчал, не желая отвечать Саррацину. И он сказал мне какое-то обидное слово, за которое священники-несториане хотели жаловаться на него, и его убили бы или крепко поколотили бы, но я не пожелал этого.

ГЛАВА СОРОК ПЯТАЯ

Как нас несколько раз расспрашивали. Наши беседы и споры с идолопоклонниками

На следующий день, именно в воскресенье перед Пятидесятницей, меня повели ко двору; ко мне пришли старшие секретари двора. Один из них, Моал, подает чашу самому хану, а другие — Саррацины, и они стали спрашивать меня от имени хана, зачем я прибыл. Тогда я пересказал им вышеприведенные слова, а именно, как я прибыл к Сартаху, а от Сартаха к Бату, и как Бату послал меня сюда; затем я сказал для передачи хану: «Мне нечего сказать ему от имени какого-нибудь человека (ибо он сам должен знать, что Бату написал ему); я мог бы сказать только слова Божии, если он захочет их выслушать». Они уцепились за эти слова, спрашивая, какие Божии слова я хочу сказать ему, думая, что я хочу предсказать ему какую-нибудь удачу, как поступают многие другие. Я ответил им: «Если вы хотите, чтобы я сказал ему слова Божии, устройте, чтобы я имел толмача». Они ответили: «Мы послали за ним, а теперь говорите, как можете, чрез присутствующего здесь толмача: мы хорошо пойдем вас». И они усиленно понуждали меня говорить. Тогда я сказал: «Кому больше поручено, с того

больше взыщется. И еще: кому больше дано, тот должен больше и возлюбить. С этими словами Божиими я и обращаюсь к самому Мангу, ибо Бог дал ему великую власть, и богатства, которые он имеет, дали ему не идолы Туинов, а всемогущий Бог, который создал небо и землю, и в руке коего находятся все царства, и Он переносит их из народа в народ за грехи людей. Отсюда если хан возлюбит Его, хорошо будет ему; иначе же да узнает он, что Бог взыщет с него все до последнего гроша (*quadrantem*). Тогда один из тех Саррацинов сказал: «Есть ли какой-нибудь человек, который не любил бы Бога?» Я ответил: «Бог говорит ²⁶⁰: если кто любит меня, тот соблюдает мои заповеди, а кто не любит меня, тот не соблюдает моих заповедей. Итак, кто не соблюдает заповедей Божиих, тот не любит Бога». Тогда тот возразил: «Разве вы были на небе, чтобы знать заповеди Божии?» — «Нет», — сказал я, — «но Он сам дал их с неба святым людям; и напоследок сам сошел с неба, уча нас, и мы имеем их в писаниях и видим в деяниях людей, когда они их соблюдают или нет». На это он сказал: «Итак, вы хотите сказать, что Мангу-хан не хранит заповедей Божиих?» Я ответил: «Как вы говорите, придет толмач, и я пред лицом Мангу-хана, если ему будет угодно, прочитаю заповеди Божии, чтобы он сам судил о себе, соблюдает он их или нет». Тогда они удалились и сказали ему, что я назвал его идолопоклонником, или Туином, и сказал, что он не соблюдает заповедей Божиих. На следующий день он прислал ко мне своих секретарей с таким поручением: «Господин наш посылает нас к вам с такими словами: вы здесь христиане, Саррацины и Туины. И каждый из вас говорит, что его закон лучше, и его письмена, то есть книги, правдивее. Поэтому хан желал бы, чтобы вы все собрались воедино и устроили сравнение (закона); пусть каждый напишет свое учение (*dicta*) так, чтобы хан мог узнать истину». Тогда я сказал: «Благословен Бог, который вложил это в сердце хана. Но Писание наше сказало, что рабу Господню не подобает ссориться, а следует быть кротким ко всем; поэтому я готов без спора и борьбы отдать отчет в вере и надежде христианской пред всяким того требующим». Они записали эти слова и доложили ему. Затем было объявлено несторианам, а равно и Саррацинам и таким же образом Туинам, чтобы они позаботились о себе и написали то, что захотят сказать. На следующий день он снова прислал секретарей с поручением. «Мангу-хан хотел бы знать, по какой причине прибыли вы в эти страны». Я ответил им: «Он должен сам знать это из грамоты Бату». Тогда они ответили: «Грамота Бату затерялась, и хан предал забвению то, что написал ему Бату; поэтому он хотел бы знать это от вас». Тогда, ободрившись, я сказал им: «На обязанности нашей религии лежит проповедовать Евангелие

всем людям. Поэтому, когда я услышал про славу племени Моалов, я возымел желание пройти к ним; пока я пребывал в этом желании, мы услышали про Сартаха, что он христианин. Тогда я направил свой путь к нему. И господин король Франков послал ему грамоту, содержащую добрые слова, и в числе прочих слов свидетельствовал ему про нас, что мы за люди, прося позволения нам остаться среди людей Моалов. Тогда он послал нас к Бату, а Бату послал нас к Мангу-хану, поэтому мы просили его и теперь просим позволить нам остаться». Они записали все и на следующий день доложили ему. Он снова прислал их ко мне с поручением. «Хан хорошо знает, что среди вас нет никакого посла к нему, а что вы пришли молиться за него, как и другие праведные священники; но он спрашивает, были ли когда-нибудь ваши послы у нас, или наши у вас». Тогда я рассказал им все про Давида и про брата Андрея, и они записали все и доложили ему. Тогда он снова послал ко мне с поручением: «Господин хан говорит: «Вы долго пребывали здесь; он хочет, чтобы вы вернулись в свою землю и спрашивает, желаете ли вы взять с собою его посла». Я ответил им: «Я не посмел бы взяться провожать его послов за пределы его земли, так как между нами и вами есть земля, где идет война (*terra guette*), а также море и горы; кроме того, я — только бедный монах; поэтому я не посмел бы взять их к себе в спутники». И они, записав все, вернулись.

Настал канун Пятидесятницы ²⁶¹. Несториане написали хронике от сотворения мира до Страстей Христовых и, совершенно миновав Страсти, коснулись Вознесения, Воскресения мертвых и пришествия на Суд; в этой записи было кое-что подлежащее возражению, что я им и указал. Мы же просто написали символ, поющийся в обедню: «Верую во единого Бога». Затем я просил у них, как они хотят поступать дальше. Они сказали, что сначала хотят вести рассуждение с Саррацинами. Я сказал им, что это не хорошо так как Саррацины согласуются с нами в том, что признают единого Бога: «Поэтому вы имеете в них помощников против Туинов». И они согласились с этим. Затем я спросил у них, знают ли они, как идолопоклонство получило начало в мире, и они не знали. Тогда я рассказал им, и они сказали: «Вы расскажете это им, а затем оставьте говорить нас, так как трудно беседовать через толмача». Я сказал им: «Попробуйте, как вы будете держаться против них. Я приму на себя сторону Туинов, а вы примите сторону христиан. Допустим так, что я принадлежу к этой секте; так как они говорят, что Бога нет, докажите, что Бог существует». Ибо там существует некая секта, утверждающая, что всякая душа и всякая сила в какой-нибудь вещи и есть Бог этой вещи, и что иначе Бога не существует. Тогда несториане не умели ничего доказать, а рас-

сказывали только то, что рассказывает Писание. Я сказал: «Они не верят Писанию, и вы расскажете одно, а они расскажут другое». Затем я посоветовал им позволить мне раньше сойтись с ними, так как, если я буду приведен в замешательство, им останется еще случай говорить; если же они будут приведены в замешательство, то меня затем могут и не выслушать. Они согласились. Итак, в канун Пятидесятницы мы собрались в нашей часовне, и Мангу-хан прислал трех секретарей, чтобы быть третьими судьями: одного христианина, одного Саррацина и одного Туина; и было заявлено: «Приказ Мангу следующий, и никто да не дерзает говорить, что этот приказ разнится от приказа Божия. Он приказывает, чтобы никто под угрозой смертной казни не смел говорить едких или оскорбительных для другого слов и чтобы никто не устраивал смуты, могущей помешать этому делу». Тогда все смолкли. И там было большое количество народа, ибо каждая сторона призвала мудрейших из своего племени, и, кроме того, стеклось много других. Затем христиане поставили меня в середине и указали Туинам говорить со мною. Тогда те, собравшиеся там в большом количестве, начали роптать на Мангу-хана, так как никогда никакой хан не посягал на то, чтобы открывать их тайны. Затем они выставили против меня одного, прибывшего из Катайи и имевшего своего толмача, а у меня был сын мастера Вильгельма. И тот противник сперва сказал мне: «Друг, если ты будешь приперт к стене, то поищи другого поумнее себя». Я промолчал. Тогда он спросил, о чем я хочу рассуждать раньше, о том ли, как образовался мир, или о том, что будет с душами после смерти. Я ответил ему: «Друг, это не должно быть началом нашей беседы. Все от Бога, и сам Он — источник и глава всего, поэтому мы сперва должны говорить о Боге, о котором вы мыслите иначе, чем мы, и Мангу хочет знать, кто верует лучше». Тогда посредники признали это справедливым. Он хотел начать с упомянутых выше вопросов, так как они считают их более обоснованными; ибо все они примыкают к тому еретическому учению Манихеев, что одна половина вещей дурна, а другая хороша, и что существуют по крайней мере два основных начала, а о душах они все мыслят так, что те переходят из тела в тело. Даже и более ученый из несторианских священников спрашивал у меня про души скотов, могут ли они убежать куда-нибудь, чтобы не быть вынужденными к труду после смерти. Для подтверждения этого заблуждения, как рассказывал мне мастер Вильгельм, они даже привезли из Катайи одного мальчика, которому, судя по росту его тела, еще не было трех лет от роду. Однако он вполне обладал разумом и сам говорил про себя, что трижды подвергался воплощению²⁶²; он умел читать и писать. Итак, я сказал упомянутому выше Туину: «Мы твердо верим сердцем и при-

знаем устами, что Бог существует, и существует только единый Бог, и Он един совершенным единством. Во что веришь ты?» И он сказал: «Глупцы говорят, что существует только единый Бог, а мудрецы говорят, что богов много. Разве в твоей земле нет великих владык, и разве здесь нет наибольшего владыки, Мангу-хана? Так обстоит дело и с богами, так как они различны в различных странах». Я возразил ему: «Ты приводишь плохой пример; не может быть сравнения от людей к Богу; ибо таким образом всякий могущественный в своей земле человек мог бы назваться Богом». И в то время как я желал уничтожить его сравнение, он опередил меня вопросом: «Каков твой Бог, о котором ты говоришь, что Он только один?» Я ответил: «Наш Бог, кроме которого нет иного, всемогущ и потому не нуждается в чьей-либо помощи. Наоборот, мы все нуждаемся в Его помощи. Не так обстоит дело с людьми. Ни один человек не может всего, и потому на земле надлежит быть нескольким владыкам, так как никто не может снести всего. Точно так же Он знает все и потому не нуждается в советнике. Наоборот, вся мудрость от Него. Точно так же Он всеблаг и не нуждается в наших благах. Наоборот, Им мы живем, движемся и существуем. Таков наш Бог, и потому не следует предполагать другого». — «Нет», сказал он, «не так. Наоборот, на небе есть единый высочайший, происхождения которого мы еще не знаем; под его властью находятся десять; а под ними один низший. На земле же их бесконечное количество». Он хотел плести и другие басни, но я тогда спросил его о том высочайшем, верит ли он, что тот всемогущ, или думает это про какого-нибудь другого бога. Боясь отвечать, он спросил: «Если твой Бог таков, как ты говоришь, то почему Он создал половину вещей дурною?» — «Это ложь», сказал я, «кто сделал зло, тот не Бог. И все, что только существует, хорошо». При этих словах все Туины изумились и занесли это в писание, как ложь или невозможное.

Тогда он начал спрашивать: «Откуда же, стало быть, происходит зло?» — «Ты плохо спрашиваешь», сказал я, «раньше чем спросить, откуда зло, ты должен спросить, что такое зло. Но вернись к первому вопросу; веришь ли ты, что какой-нибудь бог всемогущ, а после этого я отвечу тебе на все, что захочешь спросить». И он долгое время сидел, не желая отвечать, так что слушатели секретари от имени хана приказали ему ответить. Наконец он ответил, что ни один бог не всемогущ. Тогда все Саррацины разразились громким смехом. Когда настала тишина, я сказал: «Стало быть, ни один из твоих богов не может спасти тебя во всякой опасности, ибо может оказаться такой случай, когда у него нет власти. Кроме того, никто не может служить двум господам: как же можешь ты служить стольким богам на

небе и на земле?» Слушатели сказали ему, чтобы он отвечал, а он совершенно умолк. И, когда я хотел распространиться в присутствии всех об единстве Божественного существа и о Троичности, местные несториане сказали мне, что этого довольно, так как они хотели говорить сами. Тогда я уступил им, и, когда они хотели вести прение с Саррацинами, эти последние ответили: «Мы признаем, что ваш закон истинен и что все, находящееся в Евангелии,— правда, поэтому мы не желаем иметь с вами о чем-нибудь прение». И они признались, что во всех молитвах молятся, чтобы Господь дал им умереть христианскою смертью. Там был один старик священник из секты Югуров, которые признают единого бога, а все же изготовляют идолов. Несториане долго говорили с ним, рассказывая все вплоть до прибытия Антихриста в мир и даже разъясняя ему и Саррацинам Троичность путем сравнений. Все выслушали без всякого противоречия, но никто, однако, не сказал: «Верую; хочу стать христианином». По окончании этого несторине, так же как и Саррацины, громко запели, а Туины молчали, и после того все обильно выпили.

ГЛАВА СОРОК ШЕСТАЯ

*Как призывал нас хан к себе в день Пятидесятницы.
О Татарском вероисповедании. Беседа о нашем
обратном пути*

В день Пятидесятницы²⁶³ сам Мангу-хан позвал меня пред свое лицо, равно как и того Туина, с которым я имел прение. Раньше чем мне войти, толмач, сын мастера Вильгельма, сказал мне, что нам надлежит вернуться в свои страны и что я не должен противоречить этому, так как он узнал про это наверное. Когда я пришел пред лицо хана, мне надлежало преклонить колена, что сделал рядом со мною и Туин со своим толмачом. Затем хан сказал мне: «Скажите мне правду, сказали вы однажды, когда я посылал к вам своих секретарей, что я Туин?» Тогда я ответил: «Государь, я не сказал этого; но, если вам угодно, я скажу те слова, которые я сказал». Затем я повторил то, что сказал, и он ответил: «Я правильно подумал, что вы не сказали, так как не это слово вы должны были сказать, но ваш толмач плохо перевел». И он протянул ко мне посох, на который опирался, говоря: «Не бойтесь». Я, улыбаясь, сказал тихо: «Если бы я боялся, то не пришел бы сюда». Хан спросил у толмача, что я сказал, и тот перевел ему. Затем он начал исповедовать мне свою веру: «Мы, Моалы», сказал он, «верим, что существует только единый Бог, которым мы живем и которым умрем, и мы имеем к Нему открытое прямое сердце».

Тогда я сказал: «Он сам воздаст за это, так как без Его дара этого не может быть». Он спросил, что я сказал; толмач сказал ему; тогда он прибавил: «Но как Бог дал руке различные пальцы, так Он дал людям различные пути. Вам Бог дал Писание, и вы, христиане, не храните его. Вы не находите, что один должен порицать другого; находите ли вы это?» — «Нет, Государь», сказал я, «но я сначала объявил вам, что не хотел бы ссориться с кем-нибудь». — «Я не говорю», отвечал он, «про вас. Равным образом вы не находите, что за деньги человек должен отклоняться от справедливости». — «Нет, Государь», отвечал я, «и во всяком случае я не приезжал в эти страны за добыванием денег, а, наоборот, отказался от тех, которые мне давали».

И тут был секретарь, засвидетельствовавший, что я отказался от одного яскота и от шелковых тканей. «Я не говорю», сказал он, «про это. Итак, вам Бог дал Писание, и вы не храните его; нам же Он дал гадателей, и мы исполняем то, что они говорят нам, и живем в мире». Прежде чем высказать это, он пил, как я думаю, раза четыре. И, когда я внимательно слушал, ожидая, не пожелает ли он исповедать еще что-нибудь из своей веры, он начал беседовать о моем возвращении, говоря: «Ты долго оставался здесь; я хочу, чтобы ты вернулся. Ты сказал, что не смеешь взять с собою моих послов; хотел ли бы ты передать мои слова или мою грамоту?» И с тех пор я не имел случая или времени объяснить ему католическую веру. Ибо с ним можно говорить только столько, сколько он хочет, кроме того случая, когда говорящий — посол; а посол может говорить все, что хочет, и они всегда спрашивают, желает ли он говорить еще и другое. Мне же он не позволил говорить больше, но мне надлежало слушать его и отвечать на вопросы. Тогда я ответил ему, чтобы он приказал мне уразуметь его слова и изложить их письменно, и тогда я охотно передал бы их, насколько это у меня в силах. Затем он спросил, желаю ли я золота, серебра или драгоценных одеяний. Я ответил: «Мы не принимаем ничего подобного, но у нас нет, чем возместить издержки, и без вашей помощи мы не можем выбраться из вашей земли». Тогда он сказал: «Я прикажу, чтобы у тебя было все необходимое в моей земле; хочешь ты большего?» Я ответил: «С меня достаточно этого». Тогда он спросил меня: «До которых пор ты желаешь проводника?» Я сказал: «Наше могущество простирается вплоть до земли царя Армении; если бы меня проводили до тех пор, мне было бы достаточно». Он ответил: «Я прикажу проводить тебя до тех пор, а затем сам заботиться о своей безопасности». И он прибавил: «У головы два глаза, и хотя их два, однако зрение их одно, и куда один направляет взор, туда и другой. Ты был от Бату, и потому тебе следует вернуться через его владе-

ния». После этих слов я попросил у него позволения высказаться. «Говори», сказал он. Тогда я сказал: «Государь, мы люди не воинственные. Мы хотели бы, чтобы господство над миром было у тех людей, которые будут справедливее управлять им, согласно воле Божией. Наша обязанность учить людей жить согласно воле Божией. Для этого мы прибыли в эти страны и охотно остались бы, если бы вам это было угодно. Раз вам угодно, чтобы мы вернулись, этому надлежит быть. Я вернусь и доставлю вашу грамоту, насколько это у меня в силах, сообразно с тем, как вы прикажете. Я хотел бы просить у вашего великолепия, чтобы, когда я доставлю вашу грамоту, мне было позволено, если на то будет ваше согласие, вернуться к вам, в особенности потому, что у вас в Болате есть ваши бедные рабы, которые говорят на нашем языке, и они нуждаются в священнике, который бы учил их и детей их закону и охотно пребывал бы с ними». Тогда он ответил: «Согласен, если твои государи пошлют тебя снова ко мне». Тогда я сказал: «Государь, я не знаю намерения своих государей, но у меня есть от них позволение итти, куда я захочу, где было бы необходимо проповедать слово Божие, и мне кажется, это это было бы вполне необходимо в этих странах; поэтому, придет ли он вам обратно послов, или нет, я вернулся бы, если бы это было угодно вам». Тогда он замолчал и долгое время сидел, как бы размышляя, и толмач сказал мне, чтобы я не говорил больше. Я же ждал, обеспокоенный, что он ответит. Наконец он сказал: «Тебе предстоит сделать далекий путь; подкрепишь пищей, чтобы иметь возможность крепким вернуться в свою землю». И он приказал дать мне пить. Затем я вышел от лица его и после того не возвращался. Если бы я, подобно Моисею, имел возможность делать знамения, может быть, он преклонился бы ²⁶⁴.

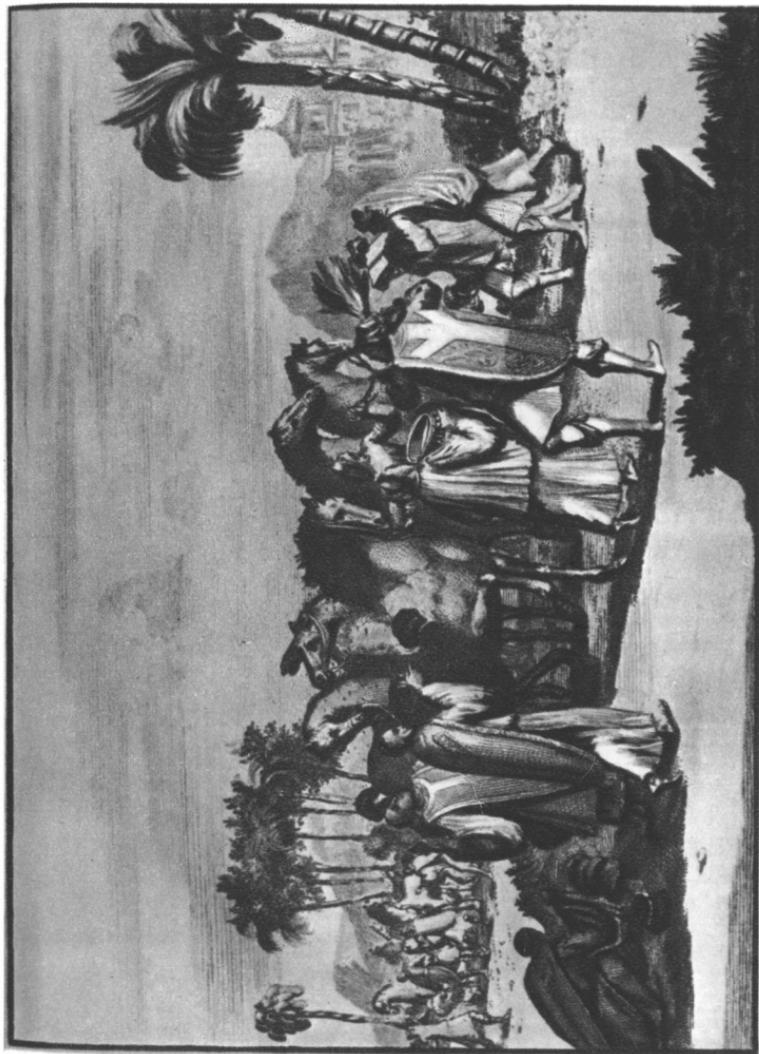
ГЛАВА СОРОК СЕДЬМАЯ

О прорицателях и колдунах у Татар; об их обычаях и дурной жизни

Итак, прорицатели, как признал сам хан, являются их жрецами, и все, что они предписывают делать, совершается без замедления. Я опишу вам их обязанности, насколько я мог узнать про это от мастера Вильгельма и от других лиц, сообщавших мне правдоподобное. Прорицателей много, и у них всегда имеется глава, как бы папа (pontifex), всегда располагающий свое жилище вблизи главного дома Мангу-хана, перед ним, на расстоянии полета камня. Под охраной этого жреца, как я упо-

мянул выше, находятся повозки, везущие их идолов. Другие прорицатели живут сзади двора, в местах им назначенных; к ним стекаются из различных стран мира люди, верующие в их искусство. Некоторые из них, и в особенности первенствующий, знают нечто из астрономии и предсказывают им затмение солнца и луны. И, когда это должно случиться, весь народ приготовляет им пищу, так что им не должно выходить за двери своего дома. И, когда происходит затмение, они бьют в барабаны и другие инструменты, производя великий шум и крик. По окончании же затмения, они предаются попойкам и пиршествам, обнаруживая великую радость. Они указывают наперед дни счастливые и несчастные для производства всех дел; отсюда Татары никогда не собирают войска и не начинают войны без их решительного слова; они (Татары) давно вернулись бы в Венгрию, но прорицатели не позволяют этого. Они переправляют между огнями все, посылаемое ко двору, и имеют от этого надлежащую долю. Они очищают также всякую утварь усопших, проводя ее через огонь. Именно, когда кто-нибудь умирает, все, принадлежавшее ему, отделяется и не смешивается с другими вещами двора, пока все не будет очищено огнем. Так, видел я, поступили с двором той госпожи, которая скончалась, пока мы были там. Отсюда брату Андрею и его товарищам надлежало пройти огнями по двум причинам: во-первых, они несли подарки, во-вторых, эти подарки были назначены лицу уже умершему, а именно Кен-хану. От меня ничего подобного не требовали, так как я ничего не принес. Если какое-нибудь животное, или что-нибудь другое упадет на землю, пока они проводят это таким образом между огней, то это принадлежит им. Также в девятый день мая месяца они собирают всех белых кобылиц ²⁶⁵ стада и освящают их. Туда надлежит собраться также и христианским священникам с их кадилом. Затем они выливают новый кумыс на землю и устраивают в тот день большой праздник, так как считают, что они пьют тогда впервые новый кумыс, как у нас поступают в некоторых местностях с вином в праздник св. Варфоломея или св. Сикста и с плодами в праздник св. Иакова или св. Христофора. Прорицателей зовут также, когда родится какой-нибудь мальчик, чтобы они предсказали судьбу его ²⁶⁶; зовут их и когда кто-нибудь захворает, и они произносят свои заклинания и решают, естественная ли это немощь, или она произошла от колдовства. По этому случаю женщина из Меца, о которой я упомянул выше, рассказала мне нечто удивительное.

Однажды сделали подарок из очень драгоценных мехов, которые были назначены ко двору той госпожи, которая была христианкой, как я сказал выше, и прорицатели пронесли меха между огней, взяв из них более, чем им следовало бы. Одна

Очищение огнем
(Французский рисунок XVIII в.)

Прием послов Угэдэй-ханом
(Персидская миниатюра XIV в.)

женщина, под надзором которой была сокровищница госпожи, обвинила их перед ней за это; поэтому госпожа выразила им порицание. После этого вышло так, что госпожа начала хворать и испытывать какие-то внезапные страдания в различных членах тела. Позвали прорицателей, и они, сидя издалека, приказывали одной из девушек положить руку на место боли и сорвать то, что она найдет. Тогда та вставала, делала так и находила у себя в руке кусок войлока или какую-нибудь другую вещь. Затем они приказывали положить это на землю; когда девушка полагала вещь, то та начинала ползать, словно какое-нибудь живое существо. Затем вещь клали в воду, и она будто бы превращалась в пиявку, а прорицатели говорили: «Госпожа, какая-нибудь колдунья так испортила вас своим колдовством», и они обвинили ту, которая раньше обвинила их за меха. Ее вывели из стана на поля, семь дней били палками и подвергали другим наказаниям, чтобы она созналась. А меж тем сама госпожа умерла. Услышав это, служанка сказала им: «Знаю, что госпожа моя умерла; убейте меня, чтобы я отправилась вслед за ней, так как я никогда не делала ей зла». И так как она ни в чем не сознавалась, то Мангу приказал позволить ей остаться в живых; и тогда прорицатели обвинили кормилицу дочери госпожи, про которую я сказал выше, что она была христианкой, и муж этой кормилицы пользовался наибольшим почетом среди всех священников-несториан. Ее отвели на пытку с одной ее служанкой, чтобы она созналась, и служанка созналась, что госпожа ее посылала ее поговорить с каким-то конем и спросить у него ответов. И сама женщина созналась кое в чем, что она делала, чтобы заслужить любовь у господина и чтобы тот оказал ей милость, но она не сделала ничего, что могло бы ему повредить. Ее спросили также, был ли ее муж соучастником. Она оправдала его, так как сожгла знаки и буквы, которые сделала. Затем ее убили; и Мангу сам послал ее мужа священника на суд к епископу, бывшему в Катайе, хотя этот священник и не оказался ни в чем виновным.

Меж тем случилось, что первая жена Мангу-хана родила сына, и прорицателей позвали предсказать судьбу младенца; все они пророчествовали счастливое, говоря, что он будет долго жить и станет великим государем. Спустя немного дней случилось, что этот мальчик умер. Тогда мать в ярости позвала прорицателей и сказала им: «Вы сказали, что сын мой будет жить, а вот он умер». Тогда те ответили ей: «Госпожа, вот мы видим ту колдунью, кормилицу Хирины, которая была убита некогда. Она убила вашего сына, и вот мы видим, как она его уносит». А у этой женщины остались в становище взрослые сын и дочь; госпожа в ярости послала за ними и приказала мужчине убить юношу, а женщине девушку, в отомщение за

ее сына, про которого прорицатели сказали, что мать их убила его. После этого упомянутые дети привиделись во сне хану, и он спросил утром, что случилось с ними. Прислужники его побоялись сказать; тогда он, еще более обеспокоенный, спросил, где они, так как они предстали пред ним ночью в видении. Тогда ему сказали, и он тотчас послал к своей жене спросить у нее, с чего она взяла, что женщина может произносить смертный приговор без ведома своего мужа; и он приказал запереть ее на семь дней, приказывая не давать ей пищи. Мужчину же, который умертвил юношу, хан приказал обезглавить, а голову его повесить на шею женщины, убившей молодую девушку, и приказал бить ее раскаленными головнями, гоня через стан, а затем убить. Он убил бы также и жену, но пощадил ее только ради детей, которых имеет от нее; она вышла из своего двора и вернулась туда только по прошествии месяца.

Прорицатели также возмущают воздух ²⁶⁷ своими заклинаниями, и, когда от естественных причин наступает столь сильный холод, что они не могут применить никакого средства, они выискивают тогда каких-нибудь лиц в становище, обвиняя их, что через них наступает холод, и тех убивают без всякого замедления. Незадолго пред моим удалением оттуда, одна из наложниц хана занемогла и долго хворала. Прорицатели произнесли заклинания над одной рабыней ее, немкой, и та заснула на три дня. Когда она пришла в себя, то у нее спросили, что она видела; и она видела многих лиц; про них всех прорицатели объявили, что те скоро должны умереть, а так как девушка не видала там своей госпожи, то прорицатели признали, что та не умрет от этой немощи. Я видел эту девушку, у ней еще сильно болела голова после этого усыпления. Некоторые из прорицателей также призывают демонов и созывают тех, кто хочет иметь ответы от демонов, ночью к своему дому, полагая по середине дома вареное мясо; и тот хам ²⁶⁸, который призывает, начинает произносить свои заклинания и, держа барабан, ударяет им с силой о землю. Наконец он начинает бесноваться, и его начинают вязать. Тогда демон является во мраке, и хам дает ему есть мяса, а тот дает ответы. Однажды, как сообщил мне мастер Вильгельм, один венгерец спрятался с ними, и демон, появившись над домом, кричал, что ему нельзя войти, так как с ними находится какой-то христианин. Слыша это, тот убежал с поспешностью, так как они стали разыскивать его.

Прорицатели устрояют это и многое другое, рассказывать что было бы слишком долго.

ГЛАВА СОРОК ВОСЬМАЯ

Описание большого праздника. О грамоте, посланной Мангу-ханом королю Французскому Людовику. Товарищ брата Вильгельма остался у Татар

С праздника Пятидесятницы они начали составлять грамоту, которую хан должен был вам послать. Меж тем он вернулся в Каракарум и устроил великое торжество как раз в осьмой день по Пятидесятнице²⁶⁹ и пожелал, чтобы в последний день этого праздника присутствовали и все посланники. Он посылал также и за нами, но я ушел в церковь крестить детей одного бедного немца, которого мы там нашли. На этом празднестве мастер Вильгельм был главным над виночерпиями, так как он сделал дерево, наливающее питье; и все, богатые и бедные, пели, плясали и рукоплескали пред лицом хана. Затем он держал им речь, говоря: «Я удалил от себя братьев моих и послал их на опасность к чужеземным народам. Теперь надо посмотреть, что думаете сделать вы, когда я пожелаю послать вас для увеличения нашей державы». Всякий день, в течение тех четырех дней, они меняли платья²⁷⁰, которые он давал им все одноцветные каждый день, начиная с обуви и кончая головным убором (тюрбаном? *tyagam*). В то время я видел там посла Балдахского (*de Baldach*) калифа; этот посол приказывал носить себя по двору на носилках между двух лошаков; некоторые говорили о нем, что этот посол заключил мир с ними под тем условием, что они должны были дать ему 10 тысяч конного войска. Другие говорили, что Мангу сказал, что они не заключат мира, если те не сроят всех укреплений, а посол ответил: «Когда вы сорвете все копыта у ваших лошадей, тогда мы сроем все наши укрепления». Я видел также послов одного Индийского султана, которые привели 8 леопардов и 10 борзых собак, наученных сидеть на заду лошади, как сидят леопарды. Когда я спрашивал об Индии, в каком направлении находится она от того места, они указывали мне на запад. И те послы возвращались со мною почти три недели все в западном направлении. Я видел там также послов Турецкого султана²⁷¹, которые принесли хану ценные дары; и, как я слышал, он ответил, что не нуждается ни в золоте, ни в серебре, а в людях; поэтому он хотел, чтобы те позаботились о войске для него. В праздник святого Иоанна²⁷² хан устроил великую попойку; я насчитал (*feci numera*) сто пять повозок и 90 лошадей, нагруженных кобыльим молоком; так же было и в праздник апостолов Петра и Павла²⁷³. Наконец, когда окончена была грамота, которую хан посылает вам, они позвали меня и перевели ее. Содержание ее, насколько я мог понять его через толмача, я записал. Оно таково:

«Существует заповедь вечного Бога: на небе есть один только вечный Бог, над землею есть только единый владыка Чингис-хан, сын Божий, Демугин Хингей²⁷⁴ («т. е. звон железа»). Они называют Чингиса звоном железа, так как он был кузнецом²⁷⁵, а вознесясь в своей гордыне, именуют его ныне и сыном Божиим). «Вот слово, которое вам сказано от всех нас, которые являемся Моалами, Найманами, Меркитами, Мустелеманами; повсюду, где уши могут слышать, повсюду, где конь может итти, прикажите там слышать или понимать его; с тех пор, как они услышат мою заповедь и поймут ее, но не захотят верить и захотят вести войско против нас, вы услышите и увидите, что они будут не видящими, имея очи; и, когда они пожелают что-нибудь держать, будут без рук; и, когда они пожелают итти, они будут без ног; это — вечная заповедь Божия. Во имя вечной силы Божией, во имя великого народа Моалов, это да будет заповедью Мангу-хана для государя Франков, короля Людовика, и для всех других государей и священников, и для великого народа (saeculum) Франков, чтобы они поняли наши слова. И заповедь вечного Бога, данная Чингис-хану, ни от Чингис-хана, ни от других после него не доходила до вас. Некий муж, по имени Давид, пришел к вам, как посол Моалов, но он был лжец, и вы послали с ним ваших послов к Кен-хану. Когда Кен-хан уже умер, ваши послы добрались до его двора. Камус²⁷⁶, супруга его, послала вам тканей насик и грамоту. Но, как эта негодная женщина, более презренная, чем собака, могла бы ведать подвиги воинские и дела мира, успокоить великий народ и творить и видеть благое? (Мангу сам сказал мне собственными устами, что Камус была злейшая колдунья, и что своим колдовством она погубила всю свою родню). «Двух монахов, которые прибыли от вас к Сартаху, Сартах послал к Бату; Бату же, так как Мангу-хан есть главный над миром Моалов, послал их к нам. Теперь же, дабы великий мир, священники и монахи, все пребывали в мире и наслаждались своими благами, дабы заповедь Божия была услышана у вас, мы пожелали назначить к отправлению вместе с упомянутыми выше священниками вашими послов Моалов. Священники же ответили, что между нами и вами есть земля, где идет война, есть много злых людей и труднопроходимые дороги; поэтому они опасаются, что не могут довести наших послов до вас невредимыми; но если мы передадим им нашу грамоту, содержащую нашу заповедь, то они сами отвезут ее королю Людовику. По этой причине мы не посылали наших послов с ними, а послали вам, чрез упомянутых ваших священников, записанную заповедь вечного Бога: заповедь вечного Бога состоит в том, что мы внушили вам понять. И когда вы услышите и уверуете, то, если хотите нас послушаться, отправьте к нам ваших

послов; и таким образом мы удостоверимся, пожелаете ли вы иметь с нами мир или войну. Когда силою вечного Бога весь мир от восхода солнца и до захода объединится в радости и в мире, тогда ясно будет, что мы хотим сделать; когда же вы выслушаете и поймете заповедь вечного Бога, но не пожелаете внять ей и поверить, говоря: «Земля наша далеко, горы наши крепки, море наше велико», и в уповании на это устроите поход против нас, то вечный Бог, тот, который сделал, что трудное стало легким и что далекое стало близким, ведает, что мы знаем и можем».

В этой грамоте они сперва именовали нас вашими послами. Тогда я сказал им: «Не называйте нас послами, так как я ясно сказал самому хану, что мы не послы короля Людовика». Тогда они пошли к хану и сказали ему про это. Вернувшись же, они передали мне, что он признал это вполне хорошим, и что он приказал им написать то, что я говорил им. Я же сказал им, чтобы они удалили слово «посол», а называли нас монахами или священниками. Меж тем, пока это происходило, мой товарищ ²⁷⁷, слыша, что нам надлежит возвращаться через пустыню и что один из Моалов будет провожать нас, побежал, без моего ведома, к главному секретарю, Булгаю, и знаками дал ему понять, что может умереть если отправится по той дороге. А когда настал день, в который надлежало отпустить нас, именно ровно через две недели ²⁷⁸ после праздника святого Иоанна, нас позвали ко двору, и секретари сказали моему товарищу: «Вот Мангу-хан хочет, чтобы твой товарищ вернулся через область Бату, а ты говоришь, что хвораешь, и это ясно видно. Мангу говорит так: если ты хочешь отправиться со своим товарищем, поезжай, но заботься тогда о себе сам (*super sit*), так как ты можешь случайно остаться у какого-нибудь Яма, который о тебе не позаботится, и это будет служить препятствием твоему товарищу. Если же ты хочешь остаться здесь, то хан сам позаботится о необходимом для тебя, пока не явятся какие-нибудь послы, с которыми ты мог бы вернуться более медленно и по пути, на котором находятся города». Брат ответил: «Да дарует Бог счастливую жизнь хану! Я останусь». Я же возразил брату: «Брат, смотри, что ты делаешь. Я не оставлю тебя». — «Вы», ответил он, «не оставляете меня, а я оставлю вас, так как если я отправлюсь с вами, то вижу опасность для своего тела и души, ибо у меня нет терпения к невыносимому страданию». Секретари держали три одежды или рубашки и сказали нам. «Вы не хотите брать ни золота, ни серебра, а пребывали здесь долгое время, молясь за хана. Он просит, чтобы каждый из вас взял по крайней мере по простой одежде, дабы вы не уходили от него с пустыми руками». Тогда нам пришлось взять их, из уважения к нему, так как они считают большим злом, если прене-

брегают их дарами. Он и прежде неоднократно приказывал спросить у нас, чего мы желаем, и мы всегда отвечали одно и то же, а именно, что христиане презирают идолопоклонников, не стремящихся ни к чему иному, кроме даров. И они отвечали что мы глупы, так как, если бы он пожелал дать им весь свой двор, они охотно взяли бы его и поступили бы благоразумно. Итак, когда мы взяли одежды, они попросили нас произнести молитву за хана, что мы и сделали и, получив таким образом отпуск, отправились в Каракарум.

Однажды, когда мы, монах и другие послы находились в некотором расстоянии от дворца, случилось, что монах приказал сильно бить в доску, так что Мангу-хан услышал это и спросил, что это такое. Тогда ему сказали. И он спросил, почему монах так удален от двора. Ему сказали, что затруднительно приводить ежедневно к монаху для приезда ко двору лошадей и быков, и прибавили, что было бы лучше, если бы он пребывал в Каракаруме возле церкви и там молился. Тогда хан послал сказать монаху, что если тот хочет отправиться в Каракарум и пребывать там возле церкви, то он даст ему все необходимое. Монах же ответил: «Я пришел сюда по заповеди Божией из святой земли Иерусалима и оставил город, в котором находится тысяча церквей, лучших, чем в Каракаруме. Если хан хочет, чтобы я пребывал здесь и молился за него, как Бог заповедал мне, я буду пребывать, иначе же я вернусь к своему месту, откуда я вышел». Тогда, в тот же самый вечер, ему привели быков и запрягли в повозки, а утром его отвезли обратно на то место, где он обычно пребывал перед двором. И, незадолго до нашего отъезда оттуда, прибыл один монах-несторианец, который казался человеком умным. Старший секретарь, Булгай, поместил его перед двором, а хан прислал к нему своих детей, чтобы тот благословил их.

ГЛАВА СОРОК ДЕВЯТАЯ

Путешествие из Каракарума к Бату, а от него в город Сарай

Итак мы прибыли в Каракарум; когда мы были в доме мастера Вильгельма, пришел мой проводник, принесший 10 ясков; пять из них он положил в руку мастера Вильгельма, чтобы тот потратил их от имени хана на нужды брата; другие пять он положил в руку человека божия, моего толмача, приказывая ему издержать их в пути на мои нужды. Так научил их мастер Вильгельм без нашего ведома. Я тотчас распорядился продать один и раздать христианским беднякам, бывшим там которые

все устремляли глаза на нас; другой мы издержали на покупку необходимого себе из платья и другого, в чем нуждались; на третий купил себе кое-что человек божий, причем он получил некоторую выгоду, и что пошло ему на пользу. Остальные мы также издержали на пути, ибо с тех пор, как въехали в Персию, нам нигде не давали в достаточном количестве того, что нам было необходимо, а также нигде и среди Татар, но там мы редко находили и что-нибудь продажное. Мастер Вильгельм, некогда ваш гражданин, посылает вам пояс, украшенный неким драгоценным камнем, который они носят против молнии и грома²⁷⁹, и безгранично приветствует вас, всегда молясь за вас. За него я не мог бы воздать достаточную благодарность ни Богу, ни вам. Окрестили мы там всего 6 душ. Итак мы расстались с взаимными слезами, причем мой товарищ остался с мастером Вильгельмом, а я возвращался один с проводником моим и одним служителем, имевшим приказ брать для нас четверых в четыре дня одного барана.

Итак, мы ехали до Бату два месяца и 10 дней, не видя за это время ни разу города или следа какого-нибудь здания, кроме гробниц, за исключением одной деревеньки²⁸⁰, в которой не вкушали хлеба. И за эти два месяца и 10 дней мы отдыхали только один единственный день, так как не могли получить лошадей. Мы возвращались по большей части через область того же самого народа, но совсем по другим местностям. Именно мы ехали зимою, а возвращались летом и по гораздо более высоким северным странам, за исключением того, что пятнадцать дней подряд приходится ехать туда и обратно возле какой-то реки между гор, в которых нет травы иначе, как возле реки. Мы ехали по два, а иногда и по три дня, не вкушая никакой пищи, кроме кумыса. Иногда мы подвергались сильной опасности, будучи бессильны найти людей, а съестных припасов нам не хватало, и лошади были утомлены. Проехав 20 дней, я услышал новости про царя Армении, что он в конце августа проехал навстречу Сартаху, двинувшемуся к Мангу-хану со стадом крупного и мелкого скота, с женами и малолетками, однако большие дома его остались между Этилией и Танаидом. Я ходил на поклон к Сартаху и сказал ему, что охотно остался бы в земле его, но Мангу-хан пожелал, чтобы я вернулся и отвез грамоту. Он ответил, что волю Мангу-хана должно исполнить. Тогда я спросил у Койяка про наших людей. Он ответил, что они пребывают при дворе Бату и окружены тщательным попечением. Я потребовал также наше облачение и книги, и он ответил: «Разве вы привезли их не Сартаху?» Я сказал: «Я привез их Сартаху, но не отдал ему, как вы знаете». При этом я повторил ему, как я ответил, когда он спросил, желаю ли я отдать их самому Сартаху. Тогда он ответил: «Вы говорите правду, и

правде никто не может воспротивиться. Я оставил ваши вещи у моего отца, пребывающего вблизи Сарая, это — новый город, построенный Бату на Этилии; но наши священники имеют некоторые из облачений здесь с собою». Я ответил ему: «Из облачений удерживайте, что вам угодно, лишь бы мне возвращены были книги». Тогда он сказал, что передаст слова мои самому Сартаху. «Мне следует», сказал я, «иметь грамоту к вашему отцу, чтобы он вернул мне все». Но они были уже препоясаны в путь, и он сказал мне: «Двор госпож следует за нами здесь вблизи, вы слезете там, и я перешлю вам через вот этого человека ответ Сартаху». Я беспокоился, не обманул бы он меня, однако спорить с ним не мог. Вечером пришел ко мне тот человек, на которого он указал мне, и принес с собой две рубашки, которые я счел за цельную, не разрезанную шелковую ткань. Этот человек сказал мне: «Вот две рубашки: одну Сартах посылает тебе; а другую, если ты считаешь это удобным, представь от его имени королю». Я ответил ему: «Я не ношу таких одеяний; обе представлю я королю в знак уважения к вашему господину». — «Нет, — отвечал он, — поступи с ними, как тебе будет угодно». Мне же угодно обе послать вам, и я посылаю их через подателя настоящего послания. Он дал мне также грамоту к отцу Койяка, чтобы тот вернул мне все принадлежащее, так как он не нуждался ни в чем из моего имущества. Прибыл же я ко двору Бату в тот же день, в который удалился от него в истекшем году, а именно два дня спустя²⁸¹ после Воздвижения Святого Креста, и с радостью обрел наших служителей здоровыми, но удрученными сильной скудностью, о чем рассказывал мне Госсет. И не будь царя Армении, доставившего им великое утешение и поручившего их вниманию самого Сартаху, они погибли бы, так как думали про меня, что я умер; Татары уже стали спрашивать, умеют ли они стеречь быков или доить кобылиц. Ибо, не вернись я, их обратили бы в рабство. После этого Бату приказал мне явиться перед его лицо и велел перевести для меня грамоту, которую посылает вам Мангухан. Ибо Мангу, написал ему так, что, если ему угодно что-нибудь прибавить, отнять или изменить, то пусть он это сделает. Затем Бату сказал мне: «Вы доставите эту грамоту и заставите ее перевести». Он спросил также, какую дорогу хочу я избрать, по морю или по суше. Я сказал, что море недоступно, так как наступала уже зима, а потому мне надлежит отправиться по суше. Я думал, далее, что вы пребываете еще в Сирии, и направил свой путь в Персию. Ибо, знай я, что вы переправились во Францию, я отправился бы в Венгрию и скорее добрался бы до Франции, и по пути менее тягостному, чем в Сирию. Затем мы месяц путешествовали с Бату, раньше чем могли получить проводника. Наконец, назначили мне некоего

Югура, который, думая, что я ничего ему не дам, приказал, несмотря на мое заявление, что я хочу отправиться прямо в Армению, достать себе грамоту, что он проводит меня к Турецкому султану, надеясь получить от него подарки и иметь больше выгоды на этой дороге. Затем я пустился в путь к Сараяу ровно за две недели ²⁸² до праздника Всех Святых, направляясь прямо на юг и спускаясь по берегу Этилии, которая там ниже разделяется на три больших рукава; каждый из них почти вдвое больше реки (Нила) у Дамьетты. Кроме того, Этилия образует еще четыре меньших рукава, так что мы переправлялись через эту реку на суднах в 7 местах. При среднем рукаве находится город, по имени Суммеркент ²⁸³, не имеющий стен; но когда река разливается, город окружается водой. Раньше чем взять его, татары стояли под ним 8 лет. А жили в нем Аланы и Саррацины. Там мы нашли одного немца с женой, человека очень хорошего, у которого останавливался Госсет. Именно Сартах посылал его туда, чтобы облегчить таким образом свой двор. Вблизи этих мест пребывают, около Рождества Христова, Бату с одной стороны реки, а Сартах с другой, и далее не спускаются. Бывает, что река замерзает совершенно, и тогда они переправляются через нее. Здесь имеется огромное изобилие трав, и татары прячутся там между тростников, пока лед не начнет таять. Отец Койяка, получив грамоту Сартаха, сам вернул мне облачения, кроме трех стихарей, омофора, вышитого шелком, епитрахили, пояса, а также одежды на алтарь, вышитой золотом, и еще одного диаконского одеяния (*Suprapellicium*); вернул он также и серебряные сосуды, кроме курильницы и коробочки, в которой было миро; эти сосуды были у священников, находившихся вместе с Сартахом. Книги вернул он все, кроме псалтыря госпожи королевы, который удержал с моего позволения, так как я не мог отказать ему в этом. Именно он говорил, что псалтырь очень понравился Сартаху. Он просил меня также, чтобы, если мне доведется вернуться в те страны, я привез к ним человека, умеющего изготавливать пергамент. Именно, по поручению Сартаха, он строил большую церковь на западном берегу реки и новый поселок и хотел, как он говорил, приготовить книги для нужд Сартаха. Однако я знаю, что Сартах об этом не заботится. Сарай и дворец Бату находятся на восточном берегу; долина, по которой разливаются упомянутые рукава реки, имеет более 7 лье в ширину, и там водится огромное количество рыбы. Не мог я получить также переложенную в стихи библию, книгу на арабском языке, стоящую тридцать бизантиев, и еще много другого.

ГЛАВА ПЯТИДЕСЯТАЯ

*Продолжение пути от Сарая через Албанские
и Лесгийские горы, через Железные Ворота
и через другие места*

Удалившись таким образом из Сарая в праздник Всех Святых ²⁸⁴ и направляясь все к югу, мы добрались в праздник Святого Мартина ²⁸⁵ до гор Аланов. Между Бату и Сараем, в течение 15 дней, мы не встретили никого из людей, кроме одного из сыновей Бату, который двигался вперед с соколами, и его сокольников, бывших в большом количестве, и одного маленького поселка. Две недели, начиная с праздника Всех Святых, мы не находили никого из людей; и мы чуть не умерли от жажды в течение одного дня и одной ночи, не найдя воды почти до трех часов следующего дня.

Аланы на этих горах все еще не покорены, так что из каждого десятка людей Сартаха двоим надлежало караулить горные ущелья, чтобы эти Аланы не выходили из гор для похищения их стад на равнине, которая простирается между владениями Сартаха, Аланами и Железными Воротами, отстоящими отсюда на два дневных перехода, где начинается равнина Аркакка. Между морем и горами живут некие Саррацины, по имени Лесги, горцы, которые также не покорены, так что Татарам, жившим у подошвы гор Аланов, надлежало дать нам 20 человек, чтобы проводить нас за Железные Ворота. И я обрадовался этому, так как надеялся увидеть их вооруженными, ибо я никогда не мог увидеть их оружия, хотя сильно интересовался этим. И когда мы добрались до опасного перехода, то из 20 у двоих оказались латы. Я спросил, откуда они к ним попали. Они сказали, что приобрели латы от вышеупомянутых Аланов, которые умеют хорошо изготавливать их и являются отличными кузнецами. Отсюда, как я полагаю, Татары сами имеют немного оружия, а именно только колчаны, луки и меховые панцири (pelliceas). Я видел, как им доставляли из Персии железные панцири (platas) и железные каски, а также видел двоих, которые представлялись Мангу вооруженными в выгнутые рубашки из твердой кожи ²⁸⁶, очень дурно сидящие и неудобные. Прежде чем добраться до Железных Ворот, мы нашли один замок Аланов, принадлежащий самому Мангу-хану, ибо он покорил ту землю. Там впервые нашли мы виноградные лозы и пили вино. На следующий день мы добрались до Железных Ворот, которые соорудил Александр Македонский. Это — город, восточная оконечность которого находится на берегу моря, и между морем и горами имеется небольшая равнина, по которой тянется самый город вплоть до вершины горы, прилегающей к нему с запада; таким образом, выше нет никакой дороги из-за

непроходимых гор, а ниже нельзя пройти по причине моря, и дорога лежит единственно прямо по середине города поперек, где находятся Железные Ворота, от которых назван город. Он имеет в длину более одной мили, а на вершине горы стоит крепкий замок; в ширину город простирается на полет большого камня. Он окружен крепчайшими стенами без рвов, с башнями, построенными из больших обтесанных камней. Но Татары разрушили верхушки башен и бойницы стен, сравняв башни со стеною. Внизу этого города земля считалась прежде за настоящий рай земной. На два дня пути отсюда мы нашли другой город, по имени Самарон ²⁸⁷, в котором живет много Иудеев; когда мы проехали через него, то увидели стены, спускающиеся с гор до моря. И, покинув дорогу через горы у этих стен, так как она сворачивала там на восток, мы поднялись на горы в южном направлении.

На следующий день мы проехали через некую долину, на которой видны были основания стен, простиравшихся с одной горы на другую, а по верхушкам гор не было никакой дороги. Это были укрепления Александра, удерживавшие дикие племена, то есть пастухов из пустыни, от наступления на возделанные земли и города. Есть и другие укрепления, в которых живут Иудеи, о которых я не мог узнать ничего верного ²⁸⁸; однако во всех городах Персии живет много Иудеев. На следующий день мы приехали к большому городу, по названию Самаг ²⁸⁹, а за ним на следующий день въехали на огромную равнину, именуемую Моан ²⁹⁰, по которой течет давшая имя Кургам, именуемым нами Георгианами ²⁹¹, Кура. Она протекает по середине Тефилиса ²⁹², главного города Кургов, и прямо с запада стремится, направляясь на восток, к вышеназванному морю; в этой реке водятся отличные лососи. На этой равнине мы снова нашли Татар. Через эту равнину также протекает Аракс, который из Великой Армении течет прямо в юго-западном направлении. От него земля именуется Арарат, а это и есть сама Армения. Отсюда в книге Царств сказано про сынов Сенахерибовых, что, убив отца своего, они убежали в землю Армян, у Исаии же сказано, что они убежали в землю Арарат. На западе, стало быть, этой красивейшей равнины находится Кургия. На равнине прежде жили Корасмины ²⁹³ (Crosmin). При входе в горы находится большой город, по имени Гангес ²⁹⁴, их прежняя столица, препятствующая Кургам спускаться на равнину. Итак, мы доехали до моста из судов, которые держались вместе большой железной цепью, протянутой поперек реки, где соединяются вместе Кура и Аракс ²⁹⁵. Но Аракс теряет там свое название.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ

Продолжение путешествия по Араксу. О городе Наксуа, о земле Сагенсы и о других местах

С того времени мы поднимались постоянно вверх вдоль Аракса, о котором сказано, что «моста не терпит Аракс»²⁹⁶, покинув Персию слева к югу, а Каспийские горы и Великую Кургию справа к западу, и направляясь по пути Африканского ветра к юго-западу. Мы проехали через становище Бату²⁹⁷, который является главой войска, находящегося там возле Аракса, и покорил себе Кургов, Турок и Персов. У Тавриса²⁹⁸ в Персии есть другое лицо, главное по сбору податей, по имени Аргон²⁹⁹. Мангу-хан отозвал их обоих, чтобы они уступили свои места его брату, который направлялся к тем странам. Та земля, которую я вам описал, не есть собственно Персия, но прежде ее называли Гирканией³⁰⁰. Я был в доме самого Бату, и он дал нам выпить вина, а сам пил кумыс, которого я также выпил бы охотнее, если бы он дал мне. Однако вино было молодое и отменное. Но кумыс приносит более пользы голодному человеку.

Итак, мы поднимались вдоль Аракса с праздника святого Климента и до второго воскресенья Четырнадцатиницы³⁰¹, пока не добрались до истока реки. И по ту сторону горы, на которой начинается Аракс, есть хороший город, по имени Аарзерум³⁰², принадлежащий турецкому султану; там поблизости начинается Евфрат, в северном направлении, у подошвы гор Кургии; я хотел пойти к его источнику, но были такие глубокие снега, что никто не мог идти помимо проложенной тропинки. С другого бока Кавказских гор, к югу, начинается Тигр.

Когда мы удалились от Бату, мой проводник отправился в Таврис, чтобы поговорить с Аргоном, и взял с собою моего толмача. Бату же приказал проводить меня до одного города, по названию Наксуа³⁰³, который прежде был столицей некоего великого царства и величайшим и красивейшим городом; но Татары обратили его почти в пустыню. Прежде в нем было восемьсот армянских церквей, а теперь только две маленьких, а остальные разрушили Саррацины. В одной из них я справил, как мог, с нашим причетником праздник Рождества. А на следующий день умер священник этой церкви; для похорон его прибыл епископ с 12 монахами из горцев. Ибо все епископы Армян, равно как по большей части и греческие, суть монахи. Этот епископ рассказал мне, что там близко была церковь, в которой замучили блаженного Варфоломея, а также блаженного Иуду Фаддея, но из-за снегов дорога туда была недоступна. Рассказал он мне также, что у них два пророка: первый — мученик Мефодий, принадлежавший к их народу; он про-

рочествовал обо всем, что случится с Измаелитами, и это пророчество исполнилось на Саррацинах. Другого пророка зовут Акатрон; он при смерти своей пророчествовал о народе Стрелков, имеющем притти с севера, говоря, что они приобретут все земли Востока, и (Бог) пощадит царство Востока, чтобы предать им царство Запада, но братья наши, подобно католикам Франкам, им не поверят, и эти Стрелки займут земли с севера до юга, проникнут вплоть до Константинополя и займут Константинопольскую гавань. Один из них, которого будут именовать мужем мудрым, войдет в город и, увидя церкви и обряды Франков, попросит окрестить себя и даст Франкам совет, как убить владыку Татар, а их там привести в замешательство. Слыша это, Франки, которые будут в середине земли, то есть в Иерусалиме, набросятся на Татар, которые будут в их пределах, и с помощью нашего народа, то есть Армян, будут преследовать их, так что король Франков поставит королевский трон в Тавресе, что в Персии; и тогда все восточные и все неверующие народы обратятся в веру Христову, и на земле настанет такой полный мир, что живые скажут умершим: «Горе вам, несчастные, что вы не дожили до этих времен». Это пророчество я читал уже в Константинополе, куда его принесли Армяне, там пребывающие, но не обратил на него внимания. Но когда я поговорил с упомянутым епископом, то вспомнил о пророчестве и обратил на него больше внимания. По всей Армении они считают это пророчество столь же истинным, как Евангелие. Он также говорил нам: «Как души в преддверии рая ожидали пришествия Христова, чтобы получить освобождение, так мы ожидаем вашего пришествия, чтобы получить освобождение от того рабства, в котором пребывали так долго».

Вблизи упомянутого выше города находятся горы, на которых, как говорят, опочил ковчег Ноя; этих гор две, одна больше другой; у подошвы их течет Аракс. Там находится один город, по имени Цеманум³⁰⁴, что значит «восемь»; говорят, что он назван так от восьми лиц, вышедших из ковчега и построивших город на большей из гор. Многие пытались подняться на гору и не могли. И упомянутый епископ рассказал мне, что один монах очень интересовался этим восхождением, но ему явился ангел, принес ему дерево от ковчега и сказал, чтобы он больше не трудился. Это дерево хранилось, как они мне говорили, у них в церкви. На взгляд, эта гора не очень высокая, так что люди могли бы хорошо подняться на нее. Но один старик привел мне достаточно убедительное основание, почему никто не должен подниматься на нее. Название горы «Мас-сис»³⁰⁵, и это слово — на их языке женского рода. «На Мас-сис», сказал он, «никто не должен восходить, так как это — мать мира». В этом городе нашел меня брат Бернард, родом

Каталонец, из ордена братьев проповедников, который остановился в Кургии с одним настоятелем Святого Гроба, владевшим там большими землями. Бернард научился несколько по-татарски и ехал с одним братом из Венгрии в Таврис к Аргону, желая добиться проезда к Сартаху. Когда они туда приплыли, то не могли получить доступа к Аргону, и венгерский брат вернулся через Тефилис с одним слугою. Брат же Бернард остался в Таврисе с одним братом-мирянином из немцев, языка коего он не понимал.

Из вышеназванного города мы выехали ровно через неделю после Богоявления³⁰⁶, а оставались мы там долго из-за снегов. Через четыре дня мы приехали в землю Сагенсы³⁰⁷, некогда одного из могущественнейших Кургов, а ныне данника Татар, разрушивших все укрепления его. Отец его, по имени Захария, приобрел эту землю Армян, избавив их от рук Саррацинов. И там находятся весьма красивые селения настоящих христиан, имеющих церкви, совершенно как у Франков. И всякий Армянин имеет у себя дома, на более почетном месте, деревянную руку, держащую крест, и ставит перед нею горящую лампаду; и как мы пользуемся святой водой, кропя ею для отогнания злого духа, так они пользуются ладаном. Именно всякий вечер они зажигают ладан,нося его по всем углам дома для избавления его от врагов всякого рода. Я обедал с упомянутым выше Сагенсой и получил много знаков уважения как от него самого, так и от его жены и сына, по имени Захарий³⁰⁸, очень красивого и умного юноши; он спросил у меня, пожелаете ли вы оставить его у себя, если он придет к вам, именно, он так тяготится владычеством Татар, что хотя и имеет все в изобилии, однако предпочел бы странствовать по чужой земле скорее, чем выносить их владычество. Сверх того, они называли себя сынами Римской Церкви и говорили, что если Господин Папа окажет им какую-нибудь помощь, то они подчинят Церкви все прилегающие к нам племена.

Из этого города мы попали через 15 дней, в воскресенье Четырдесятницы³⁰⁹, в землю Турецкого султана; первый замок, который мы нашли, называется Марсенген³¹⁰. Все обитатели местечка были христиане: Армяне, Курги и Греки; но владычество над ними принадлежит исключительно Саррацинам. Там начальник замка сказал мне, что получил распоряжение не выдавать съестных припасов ни одному Франку, ни послам царя Армении или Вастация. Поэтому, начиная с того места, где мы были в воскресенье Четырдесятницы, и вплоть до Кипра, куда я попал за неделю до праздника блаженного Иоанна Крестителя³¹¹, нам надлежало покупать себе припасы. Провожавший меня доставлял мне лошадей; он получал также деньги на съестные припасы, но клал их себе в кошелек. Когда он приез-

жал куда-нибудь на поле и видел стадо, то силой похищал барана и давал своему семейству есть его, удивляясь, что я не хочу есть от его хищения.

В день Сретения³¹² находился я в некоем городе, по имени Айни³¹³, принадлежавшем Сагенсе и очень укрепленном по своему положению. В нем находятся тысяча армянских церквей и две синагоги Саррацинов. Татары поставили там судью (ballivum). Тут нашли меня братья проповедники, четыре из которых ехали из Прованса во Францию, а пятый присоединился к ним в Сирии. У них был только один немощный служитель, знавший по-турецки и немножко по-французски. Они имели грамоты господина папы к Сартаху, Мангу-хану и Бури, какие и вы дали мне, а именно просительные, чтобы те позволили им пребывать в их земле и проповедовать слово Божие и т. д. Когда же я рассказал им, что я видел и как Татары меня отослали, они направили свой путь в Тефилис, где пребывают их братья, чтобы посоветоваться, что делать. Я им надлежаше разъяснил, что при помощи этих грамот они могут проехать, если пожелают, но должны запастись надлежащим терпением к перенесению трудов и хорошенько обдумать цель своего приезда, ибо, раз у них не было другого поручения, кроме как проповедь, Татары станут мало заботиться о них, особенно если у них нет толмача. Что случилось с ними потом,— не знаю.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ВТОРАЯ

Переправа через Евфрат. Крепость Камаф³¹⁴. Возвращение в Кипр, Антиохию и Триполи

Далее, во второе воскресенье Четырешастицы, мы прибыли к истоку Аракса и, перевалив через вершину горы, добрались до Евфрата, возле которого спускались восемь дней, направляясь все на запад до некоей крепости, по названию Камаф. Там Евфрат сворачивает на юг в направлении к Алапии³¹⁵. Мы же, переехав через реку, стали направляться через высочайшие горы и по глубочайшим снегам на запад. Там в том году было такое страшное землетрясение, что в одном городе, по имени Арсенген³¹⁶, погибло 10 тысяч лиц, известных по имени, помимо бедняков, о которых не было сведений. Проехав верхом три дня, мы увидели отверстие в земле, образовавшееся от ее раскола при колебании, и груды земли, сползшие с гор и наполнившие долину; поэтому, если бы земля поколебалась несколько больше, буквально исполнилось бы то, что говорил Исаия, а именно: «Всякая долина наполнится и всякая гора и холм понизится».

Мы проехали по равнине, на которой Татары победили Турецкого султана ³¹⁷. Писать, как его победили, было бы слишком длинно; но один служитель моего проводника, бывший с Татарами, говорил, что их было всего-навсего не больше 10 тысяч; а один Кург, раб султана, говорил, что с султаном было 200 тысяч, все на лошадях. На этой равнине, на которой происходила эта война, вернее это бегство, образовалось во время землетрясения большое озеро, и мне говорило мое сердце, что вся эта земля открыла уста свои для принятия и впредь крови Саррацинов. В Себасте ³¹⁸, что в Малой Армении, мы были на Страстной неделе ³¹⁹. Так посетили мы гробницу сорока мучеников ³²⁰. Там есть церковь во имя святого Власия, но я не мог пойти в нее, так как она находится наверху в крепости. В неделю по Пасхе мы прибыли в Кесарию Каппадокийскую ³²¹, в которой находится церковь святого Василия Великого.

После этого, через 15 дней ³²², мы прибыли в Иконий ³²³ делая небольшие дневные переходы и отдыхая во многих местах, так как не могли очень скоро доставить лошадей. И проводник мой устраивал это умышленно, взимая в каждом городе себе продовольствие за три дня; я очень этим огорчился, но не смел говорить, так как он мог бы продать или убить меня и наших служителей, и никто не стал бы противоречить. В Иконии я нашел многих Франков и одного генуезского купца из Акры, по имени Николая де Сен-Сир, который с одним своим товарищем, Венецианцем, по имени Бонифацио де Молендино ³²⁴, получил исключительное право на торговлю квасцами в Турции, так что султан не может никому продать сколько бы то ни было, кроме их двоих, а они сделали квасцы настолько дорогими, что то, что прежде продавалось за 15 византиев, ныне продается за 50. Мой проводник представил меня султану. Султан сказал, что охотно прикажет проводить меня до моря Армянского или до Киликии ³²⁵. Тогда вышеупомянутый купец, зная, что Саррацины мало обо мне заботятся и что я чрезмерно тяготился обществом моего проводника, ежедневно надоедавшего мне просьбами о подарках, приказал проводить меня до Курты ³²⁶ гавани царя Армении. Я прибыл туда накануне Вознесения ³²⁷ и остался вплоть до дня, следующего за Пятидесятницей ³²⁸. Тогда я услышал, что прибыли послы царя (Армянского) к его отцу ³²⁹. Я сложил свои пожитки на корабль, чтобы отвезть их в Акру, сам же налегке отправился к отцу царя узнать, не услышал ли он чего-нибудь нового о своем сыне. Я нашел старика в Ази ³³⁰ вместе со всеми сыновьями, кроме одного, по имени Барунузина ³³¹, который занимался постройкой какого-то замка. От сына он получил несколько сообщений, а именно, что тот возвращался, что Мангу-хан значительно облегчил ему подать и, кроме того, даровал ему то преимущество, чтобы ни один посол

не вступал в его страну; по этому поводу старик со всеми сыновьями и со всем народом устроили большой пир.

Меня же он приказал проводить к морю до гавани, называемой Ауакс³³²; оттуда переправился я на Кипр³³³ и в Никозии нашел вашего Провинциала, который в тот же день повез меня с собою в направлении к Антиохии, находящейся в очень плохом состоянии. Там мы пробыли праздник апостолов Петра и Павла.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ТРЕТЬЯ

О том, как брат Вильгельм писал из Триполи к королю Людовику, донося ему о своем путешествии и об отправке послов к Татарам

Отсюда прибыли мы в Триполи, где, в день Успения Святой Девы, имели собрание нашего ордена; и Провинциал ваш определил, чтобы я избрал [монастырь в] Акре, не позволив мне явиться к вам и приказав, чтобы я написал вам то, что хочу, через подателя сего послания. Я же, не смея противиться обету послушания, составил, как мог и умел, прося прощения у вашей несравненной кротости как за лишнее, так и за нехватки, или за сказанное не совсем умно, а скорее глупо, так как я человек недостаточно умный и не привык составлять такие длинные повествования. Мир Божий, который превосходит всякое понимание, да хранит сердце ваше и разумение ваше! Охотно я повидал бы вас и некоторых особенно близких мне друзей³³⁴, которых имею я в королевстве вашем. Поэтому, если это не противно вашему величеству, я хотел бы молить вас, чтобы вы написали Провинциалу о позволении мне явиться к вам, под условием скорого возвращения в Святую Землю.

О Турции знайте, что там из десяти человек один не Саррацин, а все это — Армяне и Греки, и дети властвуют над этим краем. Именно у султана, побежденного Татарами, была законная жена из Иверии³³⁵; от этой жены у него был расслабленный сын, которого он объявил своим наследником. Другой сын у него родился от греческой наложницы, которую он потом передал одному могущественному эмиру (amiraldo); третий сын у него был от Турчанки; соединившись с ним, Турки и Туркоманы пожелали убить сыновей христиан.

Как я узнал, они решили также, в случае победы, разрушить все церкви и убить всех тех, кто не пожелает сделаться Саррацинами; но сын этот был побежден, и многие из его приближенных были убиты. Он обновил свое войско во второй раз, и тогда его взяли в плен, в оковах держат его и поныне. Пакастер³³⁶, сын Гречанки, стал заботиться о своем сводном брате,

чтобы тот стал султаном, так как другой, которого отправили к Татарам, был слабого сложения; родственники его со стороны матери Иверы, или Георгианы, вознегодовали на это. Отсюда ныне в Турции владычествует отрок, не имеющий никакой казны, немного воинов и много недругов. Сын Вастация³³⁷ слабого сложения и ведет войну с сыном Ассана³³⁸, который также еще мальчик и угнетен рабством Татар. Поэтому, если бы воинство Церкви пожелало пойти к Святой Земле, то было бы очень легко или покорить все эти земли, или пройти через них. Венгерский король имеет, самое большее, не свыше 30 тысяч воинов. От Кельна до Константинополя только сорок дней пути на повозках, а от Константинополя не будет столько дней пути до земли царя Армении. Некогда проходили через эти земли доблестные мужи и имели успех; однако против них стояли весьма сильные неприятели, которых ныне Бог уничтожил с лица земли³³⁹. И нам не следовало подвергаться опасности моря и зависеть от милосердия корабельных служителей, а той платы, которую надлежало заплатить за перевоз, хватило бы на издержки при путешествии по суше. Уверяю вас, что если бы ваши поселяне, не говоря уже о королях и воинах, пожелали итти так, как идут цари Татар, и довольствоваться такою же пищей, то они могли бы покорить целый мир.

Мне кажется бесполезным, чтобы какой-нибудь брат ездил впредь к Татарам так, как ездил я, или так, как едут братья троповедники; но если бы Господин Папа, который является главою всех христиан, пожелал отправить с почетом одного епископа и ответить на глупости Татар, которые они уже трижды писали Франкам (раз блаженной памяти папе Иннокентию четвертому и дважды вам: раз через Давида, который вас обманул, а теперь через меня), то он мог бы сказать им все, что захочет, и даже заставить, чтобы они записали это. Именно они слушают все, что хочет сказать посол, и всегда спрашивают, не желает ли он сказать еще; но ему надлежит иметь хорошего толмача, даже многих толмачей, обильные средства и т. д.

ПРИМЕЧАНИЯ К КНИГЕ ПЛАНО КАРПИНИ «ИСТОРИЯ МОНГАЛОВ»

¹ Д'Авезак, Бизли, Рокхил и Маленн справедливо считают эту форму названия монголов за славянскую и объясняют употребление ее Плато Карпини влиянием его переводчиков, поляка Бенедикта и русских толмачей. Действительно, в русском языке название монголов в форме «мунгал», или «мугал», употреблялось вплоть до XVIII в., что зафиксировано в многочисленных архивных документах XVII в. и первой половины XVIII в. В русских же летописях периода монгольского ига монголы обычно именовались татарами. Однако надо отметить, что существует и монгольская более древняя, чем современная «монгол», а именно форма «могал», сохранившаяся в названии афганских монголов — «могол». Возможно предположить, что Плато Карпини записал именно это древнее наименование монголов.

² Широко распространенное в русской летописной и западноевропейской литературе название монголов, хотя в действительности это было название только одного из монгольских племен, часть которого кочевала около оз. Буир-нор и в бассейне р. Кэрулен. В китайских летописях татары известны под названием «да-да». Этим наименованием китайцы также называли вообще кочевников, обитавших в районе северной Маньчжурии и Восточной Монголии. Благодаря Кара-Киданям это название проникло на Запад. Впоследствии оно сохранилось в Золотой Орде, а после ее распада применялось к народностям, образовавшим Казанское, Астраханское и Крымское ханства.

Этимология названия «татар» до сих пор не выяснена.

³ Католический монашеский орден, являющийся подразделением францисканцев (Маленн).

⁴ В католической церкви легатами назывались посланники папы римского, обладавшие большими полномочиями. В отдаленных странах легаты исполняли функции викариев, т. е. ведали всеми делами церкви данной области.

К главе 1

⁵ Монгольское «solongyos» — корейцы. Средневековые иранские авторы под этим названием подразумевали обитателей восточной части Маньчжурии и Кореи.

⁶ Первоначально этим названием античные авторы именовали одно кочующее племя, жившее в Аравии, затем это название было распространено на все арабские племена, а в эпоху крестовых походов — вообще на все народы, исповедующие ислам. Этимология этого названия не выяснена.

⁷ То-есть уйгуров, народ тюркского происхождения, первоначально обитавший между Хангаем и Алтаем. Уйгурское государство, существовавшее в VIII—IX вв. н. э., было разбито енисейскими киргизами. После разгрома киргизами часть уйгуров переселилась в Восточный Туркестан, образовав там ханство, главным городом которого был Бишбалык развалины которого нахо-

дятся около Гучена. Во главе уйгурского ханства находился правитель, носивший титул идикут. Название «уйгур» до сих пор удовлетворительно не объяснено. По мнению некоторых исследователей (см. Доржи Банзаров. Собрание сочинений, М., 1955, стр. 180—186; Л. Будагов. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, ч. 1), слово «уйгур» происходит от монгольского «ой», т. е. лес, и «гур» — народ и, значит, «лесной народ». Но предложенная гипотеза не выдерживает критики, так как в ней игнорируются фонетические законы монгольского языка. Название уйгур весьма древнее. Различные подробности и теории по поводу происхождения уйгуров см. E. Bretschneider. Mediaeval Researches, vol. I, S. 236—263; В. В. Радлов. К вопросу об уйгурах, СПб., 1893. Уйгуры были довольно культурным народом, имели свою письменность, в основу которой был положен согдийский алфавит. Именно от уйгуров монголы заимствовали письменность. Среди уйгуров было распространено несторианство.

⁸ Одно из наиболее крупных монгольских племен, кочевавших на обширной территории между Хангаем и горными хребтами Алтаин-Нуру, в долине р. Черного Иртыша и оз. Зайсан-нор. Владетелем найманов был Таян-хан, покоренный Чингис-ханом в 1204 г. Название «найман» по-монгольски значит «восемь». Можно предположить, что некогда найманы состояли из восьми племен, или родов, объединение которых и стало называться найман. Подобные числовые наименования племен встречаются у монголов. Найманы были наиболее культурными из монгольских племен. Они первые заимствовали уйгурскую письменность, приспособив ее для монгольского языка. Благодаря содействию с Восточным Туркестаном найманы пользовались также и другими культурными достижениями. Классовое расслоение у найманов было довольно значительным, и найманская знать удерживала в своих руках большую часть остального кочевого населения. Интересные сведения о найманах имеются у Рашид-ад-дина «Сборник летописей», Л., 1952, т. I, кн. I, стр. 135—140.

⁹ Смешана со щибнем.

¹⁰ То есть Каракорум, столица Монгольской империи, находившаяся в долине р. Орхон. Каракорум — тюркская форма монгольского названия «хогит» или «хыгит», встречающегося только единственный раз в монгольских источниках в одной надписи, найденной в развалинах города. Китайское его название — Ho-lin. Согласно двуязычным монголо-китайским надписям из развалин Каракорума, а также по сведениям китайских летописей, Каракорум был основан Чингис-ханом в 1220 г. *. Во время правления Угэдэя в Каракоруме были произведены значительные улучшения и постройки (в 1235 г.), выстроен великолепный ханский дворец, город обнесен крепостной стеной. Поэтому в монгольской литературе часто встречается неточное утверждение, что Каракорум был основан Угэдэем, который лишь завершил перестройку города. В дальнейшем Каракорум не раз подвергался перестройке: так, Мункэ-хан в 1256 г. распорядился построить большую пятиэтажную ступу в 300 шагов длиной с пристройками, в которых находились большие помещения, украшенные буддийскими статуями. Эти пристройки ремонтировались в 1311 г. В 1342 г. была предпринята новая перестройка Каракорума, длившаяся 4 года, по окончании которой была поставлена стела с двуязычной надписью на монгольском и китайском языках, в которой кратко излагалась история монгольской столицы **. Наиболее подробное описание Каракорума дал Гильом Рубрук, посетивший этот город во времена его наибольшего расцвета. Значение Каракорума сильно снижается после воцарения Хубилая и перенесения им столицы на территорию Китая. Каракорум во время правления династии Юань становится резиденцией наместника, которым обычно был наслед-

* P. Pelliot. Note sur Kara-korum — Journal Asiatique, vol. CCVI, 1925, p. 372.

** Fr. C. Cleaves. The Sino-Mongolian Inscription of 1346. Harvard Journal of Asiatic Studies, vol. 15 (1952), № 1—2, p. 1—123.

ник ханского престола. После падения Юаньской династии в результате войны между китайским императором династии Мин и монгольскими ханами, Каракорум в 1380 г. был разрушен китайскими войсками. Через 200 лет рядом с развалинами Каракорума был построен известный буддийский монастырь Эрдэни-Дзу.

Определение местоположения древней монгольской столицы и открытие ее развалин было осуществлено в 1889 г. русским ученым Н. М. Ядринцевым. В связи с его открытием была отправлена в Монголию первая археологическая экспедиция Академии наук под руководством знаменитого тюрколога В. В. Радлова. Экспедиция подробно обследовала развалины и впервые сняла план Каракорума. Археологическое его изучение после многолетнего перерыва успешно проводится советскими и монгольскими учеными. В 1947—1949 гг. специальная археологическая экспедиция под руководством чл.-корр. АН СССР С. В. Киселева провела обширные раскопки развалин; были вскрыты остатки дворца Угэдэя, найдены многочисленные образцы обливной посуды, мастерская которой была также обнаружена. В результате исследования ремесленных кварталов Каракорума были обнаружены бывшие там кузнечные и железообрабатывающие мастерские. Ныне Комитет наук МНР продолжает изучение развалин древней монгольской столицы.

¹¹ Сыр-Орда, или Сыра-Орда (см. стр. 75 текста), от монгольского «Sira-Ordu», что значит «желтая ставка» или «желтый лагерь». Известно, что, кроме Каракорума, монгольские великие ханы имели также и временные ставки, куда они перекочевывали на летние месяцы. Сохранились названия этих временных ставок: Шара-Орду, Алтан-Орду. Одна из таких ставок, возможно именно Шара-Орду, которую посетил Плано Карпини, находилась в долине р. Эдэр. Развалины этой ставки ныне обнаружены сотрудником монгольского Комитета наук т. Намнандоржи. На территории развалин найдена стела с двуязычной надписью, датированная 1256 г. Согласно предварительной расшифровке надписи эта стела была воздвигнута в честь Мункэ-хана его зятем по имени Барс-Тугэ. Надпись на стеле является одним из наиболее ранних образцов монгольского письма.

¹² В указанном параграфе Плано Карпини дал достаточно четкую характеристику климатических особенностей Монголии. Описывая случай с обильным выпадением града и таянием его, повлекшим за собой гибель многих людей, Плано Карпини недалек от истины. Подобное явление наблюдается в Монголии в результате обильного выпадения дождя или снега в горах, когда быстро прибывает вода в горных реках и поток ее смывает на своем пути скот.

К главе 2

¹³ Описание мужской прически, данное Плано Карпини, очень точно. Оно подтверждается рисунками XIV в., изображающими юаньских императоров. Положение перевязанных волос довольно отчетливо видно на портрете Тимура.

¹⁴ По объяснению Дюканжа (*Glossarium mediae et infimae latinjtatis*) тонкое полотно, отсюда французское *bougran*. (Прим. А. И. Малеина.) Точное значение этого слова не установлено. Существует мнение, высказанное Потье, что это шерстяная ткань, а не полотно.

¹⁵ Драгоценная ткань, окрашенная особым красящим веществом красно-фиолетового цвета. Это вещество, извлекавшееся из особой породы улиток, очень высоко ценилось и шло на окраску дорогих одежд, мантий.

¹⁶ По объяснению Дюканжа (там же) драгоценная узорчатая ткань из золотых и шелковых нитей. Слово это производили от названия Вавилона в средние века — Балдакка. Ср. франц. *baudequin*. (Прим. А. И. Малеина.)

¹⁷ Плано Карпини подробно и точно описывает женский головной убор, носивший название *boṭaṭ*. Этот головной убор воспроизведен на портретах императриц Юаньской династии. Оригиналы портретов сохранились в архивах старинного императорского дворца в Пекине и были опубликованы монгольским

издательством. Портреты выполнены в реалистической манере и точно воспроизводят прически и одежду времен Юаньской династии (см. A. Mostaert, *A propos de quelques portraits d'empereurs mongols, Asia Major, vol. IV, 1927*).

¹⁸ Плано Карпини называет ставкой монгольскую юрту, подробно описывая при этом исчезнувший впоследствии вид неразборной юрты, перевозившейся на особых платформах. Конструкция монгольской юрты, прежде чем прийти к удобному, легкому, разборному типу, претерпела целый ряд изменений, одним из которых и является описанная Плано Карпини юрта. Согласно этому описанию, неизвестный художник XVIII в. попытался дать изображение неразборной юрты, повидимому, довольно далекое от реальности. Рисунками этого художника украшена «История монголов» Плано Карпини, помещенная в переиздании известной книги П. Бержерона «*Voyages faites principalement en Asie dans les XII, XIII, XIV et XV siècles*», 1735, tome I. Очень большой интерес представляет также примитивное изображение неразборной юрты в нескольких рисунках по р. Лене. Рисунки найдены и исследованы А. П. Окладниковым. («К вопросу о появлении монголов в Прибайкалье»).

К главе 3

¹⁹ Плано Карпини, так же как и другие средневековые авторы (Г. Рубрук, Марко Поло, Гайтон Армянский, Рашид-ад-дин, Джувейни и др.), считал, что у монголов существовало единобожие и что богом в христианском смысле этого слова у них почиталось божество Тэнгри, или небо. На самом же деле монголы в XIII в. были шаманистами и под именем Тэнгри почитали небо как часть природы. В монгольской летописи 1240 г. «Сокровенное сказание» неоднократно упоминается «вечное синее небо»; в сохранившихся эпиграфических материалах XIII—XIV вв. имеется начальная формула «*Möngke küke tengri — jin kücün — dūr*» — «силою вечного синего неба». Небо приписывались такие сила и значение, которые влияли на судьбу человека. Культ неба у монголов и значение термина «Тэнгри» хорошо освещены и проанализированы Д. Банзаровым в его работе «Черная вера, или шаманство, у монголов». См. также статью Г. Н. Румянцева «О черной вере, или шаманстве, у монголов Доржи Банзарова», в которой автор подробно разбирает концепцию Банзарова.

²⁰ Монголы-шаманисты почитали не только небо, землю, огонь и множество других многостепенных божеств, в том числе покровителей отдельных местностей, гор, рек, охранителей стада и т. п. Некоторых из этих почитаемых божеств монголы изображали в виде грубо вырезанного из войлока подобия человека или просто шкурки какого-либо животного. Весьма почитался «заягачи» — хранитель счастья, судьбы. Изображение его ставилось в почетной части юрты. У дверей ставился «эмегелджи» — охранитель стад, изображение которого делалось из шкуры барана. Подобных божеств у монголов было множество, и культ их сохранялся среди шаманистов вплоть до XX в.

О шаманских культах различных божеств существует обширная литература, в том числе: Д. Банзаров «Черная вера»; Г. Гомбоев «О древних монгольских обычаях и суевериях, описанных у Плано Карпини», а также работы чл.-корр. АН СССР Д. К. Зеленина «Культ онгонов в Сибири», «Идеология сибирского шаманства» и др.

²¹ Этот обычай сохранялся у монголов очень долго. Посвященная онгону лошадь носила особое название (онгон морин), в гриву ее вплетались длинные полоски материи, ездить на ней запрещалось.

²² Плано Карпини передает известный по русским летописям случай, происшедший в ставке Бату-хана в 1246 г. с русским великим князем Михаилом Всеволодовичем Черниговским и его боярином Федором, которые отказались пройти между двух огней, за что и заплатились жизнью. Случай этот неоднократно описан в русских летописях. «Михаила князя Черниговского, не поклонившегося кусту со своим боярином Федором ножом заклана бысть», — сказано в Ипатьевской летописи*. Существует также сочинение, посвященное

* Ипатьевская летопись, изд. 1871 г., см. год 1250-й.

этому случаю, «Повесть о святых мученицах о великом князе Михаиле Всеволодовиче Черниговском и о боярине его Федоре вкупе пострадавших». Великий князь Михаил был впоследствии канонизирован, и рака его находилась в московском Архангельском соборе.

Плано Карпини, повидимому, получил информацию об этом случае от русских, так как приехал в орду Бату-хана из Монголии вместе с русским послом князя Черниговского почти через восемь месяцев после казни Михаила, которая произошла 20 сентября 1246 г.

²³ Батый русских летописей. Бату (1208—1256) был вторым сыном Джочи и внуком Чингис-хана. Возглавлял поход против юго-восточной Европы. Его войсками был захвачен в 1240 г. Киев и покорены русские княжества. Бату совершил поход на Польшу, Венгрию и Далмацию, но не смог удержать этих стран, так как был ослаблен длительной борьбой с русскими княжествами, которые, оставаясь в тылу его войск, тревожили его. Одновременно в Поволжье восстали булгары и на юге половцы. Поэтому, получив известие о смерти великого хана Угэдэя, Бату прервал поход на запад и возвратился в Монголию. Получив в удел земли своего отца Джочи, Бату основал новое монгольское государство, получившее название Золотой Орды, центром которого был город Сарай в низовьях Волги. Бату пользовался большим авторитетом среди монгольских князей и играл активную роль при выдвижении великого хана, приняв активное участие в перевороте 1251 г., во время которого, при его поддержке, выдвинулся род Тулуя в лице четвертого великого хана Мункэ.

²⁴ «В одной летописи (Карамзин, IV, прим. 62) под 1245 г. упоминается о смерти князя Андрея Мстиславича, убитого Батыем; Плано Карпини называет его князем Черниговским». Соловьев. История России, кн. 1, стр. 876. (Прим. А. И. Малеина.)

²⁵ Плано Карпини довольно точно описывает запреты, связанные с культом огня у монголов. Культ огня вообще очень древнего происхождения и существовал в той или иной форме у всех народов, что было связано с добычей огня первобытным человеком и регулярным использованием его в хозяйственной жизни. Монголы почитали дух огня «Ут» или «От» и, боясь оскорбить его, выработали ряд запретов, о которых и упоминает Плано Карпини. Многие из этих запретов существовали среди монголов до последних лет: например, нельзя бросать в огонь нечистые вещи, нельзя плевать в огонь, перешагивать через костер и пр. В Ясе Чингис-хана имелась особая статья, которая запрещала осквернять огонь, за что полагалась смертная казнь.

²⁶ Об очищении огнем в наших летописях говорится следующее: «Обычай бо имея Кан и Батый аще кто придет поклонитися има, не повелевает пред ся вести, но приказано бяше влѣхвом вести я сквозе огонь и поклонитися кусту и огневи и идолум; а иже что приношахуть дары цареви, и от всего того взимающая влѣсви и вметахуть во огонь; таже пред царя пушающе с дары» (Ростовская летопись, см. Карамзин, IV, прим. 41).— «Повелеваше своим волхвом скласти два огня, и провести всех князей русских избояры их сквозе огонь, и поклонитись кусту и идолум их и огню; и дары, елико приносят царю, часть некую в огонь вметаху и тако привожаху их ко царю... Дошедшим же им места идеже бе огонь накладен по обе страны, и мнози князи Рустии збояры своими идяху сквозе огонь, и поклоняхуса солнцу и огню идолум их» (Никоновская летопись, III, 20). Первое упоминание об этом обычае относится к 569 г. н. э. Ср. Гомбоев, стр. 661 и сл. (Прим. А. И. Малеина).

С культом огня связана также вера монголов-шаманистов в его особую очистительную силу. Монголы приписывают огню силу очищать не только предметы, но и уничтожать злые намерения. С этим верованием связаны различные обычаи и обряды, в том числе и прохождение между двумя огнями. Этот старинный обычай был впервые разъяснен Д. Банзаровым, который писал: «Известно, что у монголов иноземные послы проходили между двумя огнями, если хотели явиться к хану, ибо полагали, что огонь отнимает у человека возможность совершать что-нибудь злое; а послы, как полагали тогда монго-

лы, могли притти к хану с преступными намерениями. Многие из этих обычаев еще доселе сохраняются в народе Монгольском» (Доржи Банзаров. Собрание сочинений, М., 1955, стр. 74).

²⁷ Искажение монгольского названия богини земли Этуген. Земля у монголов-шаманистов почиталась как часть природы, была одним из главных божеств. Земле приписывались особые свойства плодородия и производительности. Земле приносились в жертву молоко, кумыс и чай. Существует ласкательное наименование земли «этуген-эке», т. е. матушка Этуген (ср. с русским «мать-земля»). Имя Этуген встречается также в названиях местности, что связано, повидимому, с особым культом данного места, посвященного некогда богине земли.

Выражение «Итога», употребленное Платоном Карпини, было впервые объяснено Доржи Банзаровым (см. собрание сочинений, статья «Черная вера», стр. 67). Правильность этого объяснения подтверждается исследованием П. Пелльо (см. T'oung Pao, vol. XXVI, 1929, p. 219).

²⁸ То есть кыпчаки, народ тюркского происхождения, населявший южнорусские степи в XI—XV вв. Византийские авторы, а также авторы, писавшие на латинском языке, называют кыпчаков команам. В русских летописях они называются половцами.

²⁹ Платон Карпини, не зная монгольского языка, смешал название богини земли Этуген со словом «удаган», или «идоган», что значит «шаманка», и поэтому дал неверное объяснение, написав «Этого бога они называют Итога, а команам именуют Кам». На самом деле речь идет о двух понятиях: 1) о богине Этуген, 2) о тюркском слове «qam» — кам, что значит «шаман». В дальнейшем рассказе Платона Карпини также смешал «кам» с монгольским термином «хан», приписав свойства хана шаманам.

Это темное место в рассказе Платона Карпини было впервые объяснено Д. Банзаровым (см. Собрание сочинений, стр. 65—66).

³⁰ Подобный обычай, несколько видоизменившись, соблюдался монголами почти до последних лет. Если в юрте имеется большая, то перед юртой втыкается в землю палка, к которой привязана веревка, другой конец которой привязывается к юрте. Обычай этот называется «седер» (цэгэр), что значит «запрет» или «запрещение». Согласно этому обычаю никто посторонний не должен входить в юрту, чтобы не повредить большому.

Подробности этого запрета разъяснены Г. Гомбоевым (стр. 250—251).

³¹ Сообщение Платона Карпини о варварском характере захоронений монголов подтверждается другими литературными данными; так, сообщая о похоронах Бату в 1256 г., Джузджани писал: «Похоронили его по обычаю монгольскому. У этого народа принято, что если кто из них умирает, то под землей устраивают место вроде дома или ниши, сообразно сану того проклятого, который отправился в преисподнюю. Место это украшают ложем, ковром, сосудами и множеством вещей; там же хоронят его с оружием и со всем его имуществом. Хоронят с ними в этом месте и некоторых жен и слуг его...»*.

Марко Поло рассказал о еще более свирепом обычае при похоронах монгольского великого хана: «Когда государь умирает, всех его лучших лошадей они убивают на тот конец, чтобы они были у него на том свете. Когда умер Монгу-хан, так знайте, более двадцати тысяч человек, встреченных по дороге, где несли его тело хоронить, было побито**». Археологические материалы, полученные в результате раскопок, произведенных за последние 30—35 лет, показывают, что подобный способ захоронения был свойствен многим на-

* В. Г. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. II (Извлечения из персидских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузенем и обработанные А. А. Ромаскевичем и С. А. Волиным), М.—Л., Изд. АН СССР, 1941, стр. 116.

** И. П. Миняев. Путешествие Марко Поло, Издано РГО, под ред. действ. члена В. В. Бартольда, СПб., б. г., стр. 87.

родам Центральной Азии. См. материалы раскопок Ноинульских курганов * и раскопок, произведенных на Алтае **.

В следующем параграфе «О погребальном обряде» Плато Карпини сообщил, данные о том, что монголы старались скрыть место захоронения своих ханов, что также совпадает со сведениями Марко Поло, Джузджани и других авторов.

³² То есть Угэдэй-хан (1187—1241), третий сын Чингис-хана и его преемник, ставший великим монгольским ханом после курлтай князей в 1229 г. При Угэдэе продолжались монгольские завоевания, из которых наибольшее значение имели покорение Северного Китая и завоевание юго-востока Европы, осуществленное Бату и Субэдэем в 1236—1243 гг. Портрет Угэдэя работы неизвестного китайского мастера XIII в. публикуется нами по снимку, изданному Мостэром (А. Mostaert. A propos de quelques portraits d'empereurs mongols).

³³ У монголов-шаманистов наблюдался культ деревьев, которые были по их представлению местом обитания гениев. Существовал не только культ отдельных деревьев, но были целые священные рощи, где запрещалось не только охотиться, но куда нельзя было даже и входить. О культе куста у монголов имеются сведения в русских летописях.

К главе 4

³⁴ Ярослав, великий князь Руси — Ярослав Всеволодович (1190—1246), князь новгородский, впоследствии великий князь, не раз бывал в Орде. В 1243 г. получил от Бату утверждение на великое княжение. В Новгородской летописи имеется об этом следующий рассказ: «Великий князь Ярослав поехал в татары к Батыеву, а сына своего Константина посла к Канову. Батый же почти Ярослава великого честью и мужи его и отпусти и рек ему: Ярославе. Буди ты старей всем князем в Русском языке». Ярослав же возвратился в свою землю с великою честью***. Но монгольский хан не удовольствовался посещением Каракорума Константином, а потребовал приезда самого великого князя Ярослава, которого Плато Карпини и застал в ханской ставке. По сведениям русских летописей князь Ярослав был отравлен в Орде и умер через неделю после выезда оттуда, 30 сентября 1246 г. В последующих главах своего рассказа Плато Карпини также утверждает, что Ярослав был отравлен в ставке Гуук-хана (см. стр. 77).

³⁵ Царевич Давид, сын умершего в 1238 г. царя Грузии Георга IV Лашена, и его двоюродный брат, сын царицы Русуданы, также называвшийся Давидом (см. прим. 126).

К главе 5

³⁶ Монг. «Уеке Монгол», т. е. Великие Монголы. Так стали именовать себя монголы после объединения Чингис-ханом монгольских племен и образования Монгольского государства. Рашид-ад-дин делит монгольские племена на два отдела****: монголы-дарлекин (т. е. монголы вообще) и монголы-нирун (т. е. аристократические роды, происходящие от прародительницы Алан-Гоа, в том числе и род Чингис-хана). Повидимому, одно из делений Рашид-ад-дина соответствует термину «йеке-Монгал». Этот термин несколько раз встречается в монгольской летописи 1240 г. «Сокровенное сказание».

³⁷ Термин «Су-монгол», употребляемый Плато Карпини, в настоящее время, вряд ли может быть объяснен вполне удовлетворительно, так как его этимология не выяснена. Этот термин, записанный латинскими буквами, встречается только у Плато Карпини и Гильома Рубрука, что, несомненно, является доказательством его употребления в XIII веке. Однако в монгольских источниках выражения «Су-монгол» не встречается, в китайских же анналах

* Краткие отчеты экспедиции по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской экспедицией П. К. Козлова, Л., 1925.

** М. П. Грязнов. Первый Пазырыкский курган, Л., 1950.

*** Новгородская летопись, 1888 г., стр. 447.

**** Рашид-ад-дин. Собрание летописей, т. I, кн. 1, стр. 152.

имеется термин «Су-татар». Нет его и у Рашид-ад-дина. Предположительно можно дать два варианта объяснения этого термина.

1. Название «Су-монгол» представляет собой тюркское слово «су» — вода, присоединенное к племенному названию «монгол», что возможно перевести или «водяные монголы», как это и делает А. И. Малеин, или «монголы вод». Однако содержание данного термина остается невыясненным, так как неизвестно, что это за «водяные монголы».

2. Название «Су-монгол» происходит от монгольского «sū», что значит «обладающий счастьем — величием», или «августейший». Точного перевода слово «sū» не имеет и разными авторами-монголоведами переводится по-разному, так как значение его не выяснено. Это выражение применяется обычно к хану или императору — например sūtū Čingis — августейший Чингис.

Возможно предположить, что выражение «Су-монгол» может значить «монголы, принадлежащие августейшему», т. е. монголы, покоренные Чингис-ханом. Платон Карпини употребляет это выражение по отношению к татарам, одному из монгольских племен, покоренных Чингис-ханом.

³⁸ Средневековые западноевропейские историки часто употребляют для обозначения монголов термин «тартары», который они производят от «тартар» — ад, подземное царство. Такая подмена одного слова другим диктовалась, вероятно, тем ужасом, который был внушен Западной Европе монгольским вторжением в Юго-Восточную Европу.

³⁹ Меркиты — одно из крупных монгольских племен, обитавших в бассейне р. Селенги. Меркиты отличались воинственностью, что отмечено неоднократно в «Сокровенном сказании», где рассказывается о нападении меркитов на стойбище Чингис-хана *.

Рашид-ад-дин приводит о меркитах следующие сведения: «Племя меркит. Их также называют племенем удуйт, хотя некоторая часть монголов называет меркитов мекритами, но смысл обоих названий один и тот же»**. Основываясь на этом указании, быть может, надо считать, что Платон Карпини был введен в заблуждение и принял один народ за два различных.

⁴⁰ «Страна Баргу, ныне Забайкалье, где жил народ мергиты, или мекриты» (В. В. Бартольд, стр. 92, прим. 3). (Прим. А. И. Малеина.)

⁴¹ А. И. Малеин придерживается написания Хингис, так как эта форма более точно передает латинское Chingis, употребленное Платоном Карпини. Нам не представляется необходимым сохранить это написание, и мы заменяем его более понятным Чингис.

Чингис-хан (1155—1227). Знаменитый монгольский хан и полководец, организатор Монгольской империи. Собственное его имя было Тэмучин. Титул Чингис-хана Тэмучин получил в 1206 г., когда был провозглашен верховным ханом. До сих пор точно не установлено значение этого титула. Наиболее убедительным объяснением можно считать предложенное известным финским монголистом Рамстэдом, который считал, что этот титул имеет значение «Океан-хан», т. е. «Великий хан».

⁴² То есть «Черный Китай» в отличие от Китая в собственном смысле (т. е. от Северного Китая). Кара-китаи назывался народ, повидимому, монгольского происхождения, обитавший в Южной Маньчжурии. В китайских летописях кара-китаи называются ци-дань. В XII в. кара-китаи были вытеснены из Маньчжурии чжурчженями и переселились на Запад в область теперешнего Чугучака. Затем кара-китаи подчинили тюрк-канглов и карлуков, захватили Восточный Туркестан и покорили Хорезм, основав государство, известное в истории под названием Кара-Китай ***.

* Сокровенное сказание, стр. 50, 55 и др.

** Рашид-ад-дин. Указ. соч., т. I, кн. I, стр. 114.

*** В. В. Бартольд. Очерки истории Семиречья, Фрунзе, 1943, стр. 32, 33.

⁴³ Сообщение Плато Карпини о постройке Угэдэй-ханом города Омьл на север от пустыни заслуживает внимания, так как у кочевников-монголов во времена Монгольской империи было, повидимому, несколько городов, о которых известно до сих пор немного. Омьл Плато Карпини можно локализовать на месте г. Имиль, находящегося несколько к западу от оз. Кизилбаш, южнее Чугучака. Этот город был построен кара-китаями около 1125 г. После завоевания Кара-Китая монголами Имиль был, повидимому, перестроен Угэдэем.

⁴⁴ Воображение кочевников населяло пустыню фантастическими обитателями, в существование которых Плато Карпини мог легко поверить, так как средневековые географы распространяли немало легенд о существовании людей с глазами в груди, с одной ногой и т. д. В глухих углах Монголии и до наших дней бытовала легенда о людях, обитающих в пустыне, в песках так называемых Хун-Хорохой. Основой этой легенды служат рассказы о песчаном удаве, живущем среди песков. Одну из таких легенд, бытовавших в XIII в., и повторяет Плато Карпини.

⁴⁵ Известно, что монголы во времена Чингис-хана начали употреблять для монгольского языка уйгурские буквы. Уйгурская письменность распространилась среди монголов, повидимому, через найманов. Существует легенда о том, что Тэмучином при разгроме найманов в 1204 г. был захвачен в плен один уйгур по имени Тата-Тунга, служивший у найманского Таян-хана. У пленника оказалась государственная печать найманов, что указывало на высший его ранг. Именно через этого уйгура, согласно легенде, сохранившейся в монгольской летописи «Алтан-тобчи», и была введена письменность для нужд нового государства монголов. Наиболее древним образцом этой монгольской письменности на уйгурской основе является так называемый «Чингисов камень», надпись на котором датируется 1219 г.

⁴⁶ То есть желтые уйгуры, подразделение племени уйгуров, жившее вблизи озера Куку-Нора в северном Тибете (Bretschneider, В. 1, S. 263; В. 2, S. 205). (Прим. А. И. Маленна.)

⁴⁷ Быть может, Плато Карпини имеет в виду монгольское племя «каранут», о котором Рашид-ад-дин сообщает, что оно отделилось от известного в истории монголов племени «кунгират» (P a ш и д-а д-д и н. Сборник летописей, т. I, кн. 1, стр. 164).

⁴⁸ Имеются в виду ойраты, племя монгольского происхождения, обитавшее первоначально в районе верховьев р. Енисей, согласно свидетельству Рашид-ад-дина (P a ш и д-а д-д и н. Сборник летописей, т. I, кн. 1, стр. 118).

⁴⁹ Речь идет о Северном Китае, находившемся под властью династии Цзинь, чжурчженского происхождения. Чингис-хан в течение ряда лет вел войну с Цзинями; монгольские войска зашли глубоко в пределы Северного Китая и в 1215 г. заняли столицу его Чжун-ду (нынешний Пекин). Взят огромную добычу и множество пленных, Чингис-хан ушел из Северного Китая, покорение которого было завершено Угэдэй-ханом. Южный Китай находился в это время во власти китайской династии Сун, завоевание его монголами было осуществлено через 50 лет после смерти Чингис-хана.

⁵⁰ Утубу, последний император из династии Цзинь, которого монголы называли почтенным прозвищем Алган-хаган (что является точным переводом китайского «Цзинь» — «золото» и значит «золотой хаган»), бежал в один из южных городов (Нань-Цзин), оставив защиту столицы Чжун-ду на одного из своих генералов. Монголы осадили Чжун-ду (1215 г.), население которого перенесло большие испытания. Недостаток съестных припасов был настолько велик, что «тамашнее население от чрезмерного голода ело человеческое мясо и умирало» (P a ш и д-а д-д и н. Сборник летописей, т. I, кн. 2, стр. 174). Впоследствии на месте Чжун-ду Хубилай выстроил свою новую столицу Дай-ду (Ханбалык, Марко Поло), татарский город современного Пекина.

⁵¹ Чингис-хан, уходя из Китая, оставил там своего наместника, старшего из своих девяти ближайших сподвижников (девять брлюков), Мухали-найона,

дав ему титул Го-вана. Мухали был родом джалаир, умер в 1223 г. Го-ван титул китайского происхождения в значении «царь, король».

⁵² Имеется в виду Джочи, старший сын Чингис-хана (1184(?)—1224), получивший в удел земли, находившиеся на запад от р. Иртыша, весь северный Хорезм, низовья рек Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи, степи Дешт-и-Кыпчак, т. е. земли до тех отдаленных пределов, куда ступали копыта монгольских коней. Ставка Джочи находилась в долине р. Иртыша. Так как Плано Карпини был в окружении тюрок, славян и монголов, то он слышал, как Джочи называли *Tosī*, *Tuši*, или *Tossu-cap*, что представляет собой тюркскую форму имени Джочи.

⁵³ То есть хан, широко распространенный титул тюркско-монгольского происхождения. Первоначальная форма этого слова была, повидимому, хаан, хаган. Этот титул встречается в Орхонских памятниках, в китайских летописях в отношении государей кочевых народов. В патриархально-общинном строе этот титул носили племенные вожди; по всей вероятности, слово «хан» первоначально значило «родовой вождь» и связано по происхождению с тюркским «gop» — «кровь». Впоследствии титул хаган стал употребляться в значении император, а титул хан стал обозначать государя местного (ограниченного) значения.

⁵⁴ Завоевание кыпчаков (команов) завершил сын Джочу, Бату.

⁵⁵ Повидимому, Плано Карпини имеет в виду поход против султана Джелал-уд-дина, бежавшего под натиском монголов к берегам Инда, где он и был окончательно разбит. В этом походе принимал активное участие младший сын Чингис-хана, Тулуй, сопровождавший отца, а также третий его сын, Угэдэй.

⁵⁶ Вероятно, страны по западному берегу Инда.

⁵⁷ Легенда о могущественном пресвитере Иоанне, возглавлявшем некое христианское государство в Центральной Азии, была широко распространена в средневековой историко-географической литературе. Исследованию вопроса о том, кто такой был легендарный пресвитер Иоанн (или поп Иван, царь Иван), посвящено довольно много различных работ. В. В. Бартольд считает, что в основу легенды было положено известие о керейтском хане, носившем титул Ван-хан, в монгольском произношении Онг-хан, что в какой-то мере напоминает имя Иоанн. Кроме того, известно, что среди керейтов было распространено несторианство (В. Б а р т о л ь д. Примечания к «Путешествию Марко Поло», СПб., Изд. Геогр. о-ва, стр. 82, прим. 2).

Керейты — одно из монгольских племен, образовавших одно из раннефеодальных государств в Монголии. Монгольское происхождение керейтов некоторыми исследователями подвергается сомнению.

⁵⁸ Плано Карпини передает слышанный им рассказ, в котором можно видеть отражение каких-то смутных представлений, существовавших среди монголов легенд о мифических амазонках. О том, что к монголам проник миф об амазонках, имеются некоторые данные в монгольских летописях (см. летописи «Шара-Туджи» (Желтая история), «Гангаин урусхал» — (Истоки Ганга) и др.

⁵⁹ Также одна из средневековых легенд, проникшая к монголам.

⁶⁰ То есть Тибет. Сведения Плано Карпини о завоевании Чингис-ханом Тибета не подтверждаются другими источниками. В 1223 г. Чингис-хан, находясь на берегах р. Инда, предположил было вернуться в Монголию через Индию и Тибет, но затем переменял свое намерение вследствие трудностей перехода через высокие горы и малодоступные горные цепи Тибета. Этот отказ Чингис-хана впоследствии послужил к созданию любопытной легенды о том, что причиной перемены решения Чингис-хана была встреча его с неким мифическим зверем, преклонившим перед ним колена, предостерегшим его против завоевания священных стран Индии и Тибета. Легенда эта — позднейшего ламского происхождения, создана, вероятно, после XVI в., когда происходило распространение и укрепление ламаизма в Монголии. Целью легенды

является стремление лам доказать связь буддийской церкви с монголами еще со времен Чингис-хана.

⁸¹ То-есть черкесы на Кавказе, покоренные монголами в 1227 г.; киргизы же были побеждены уже в 1207 г. (Прим. А. И. Малеина.)

⁸² В данном случае Платон Карпини повторяет одну из средневековых легенд, связывая ее с походом монголов через Кавказские горы. Легенда же относится к походу Александра Македонского на восток. О широком распространении этой легенды свидетельствует и рассказ Плиния (Естеств. история, кн. VII, § 23), а также рассказ автора «Повести временных лет». Последний ссылается при этом на византийский источник (сочинения Мефодия Патраского)*.

Суть легенды в следующем: во время своего похода в восточные страны Александр Македонский встретил людей нечистых из племени иафетов и загнал их в горы, которые сомкнулись, оставив лишь узкий проход, который был тут же закрыт железными или медными воротами. В этой легенде можно видеть попытку войск Александра Македонского пройти через Кавказский хребет, через проход Дербент, что значит «железные ворота».

⁸³ Одно из интересных поверий, бытующих в Азии, о том, что солнце при заходе и восходе производит ужасающий шум. Кроме упоминания Платона Карпини об этом поверье, имеется также рисунок с подписью в одной китайской книге XV в. На рисунке изображено солнце, садящееся под аккомпанемент гонга, рогов и барабанов. В надписи сказано: «Вечером, когда солнце садится, появляется шум, подобный грому. Государь всегда собирает тысячу людей на городской стене, которые дуют в рога, ударяют в гонг, бьют в барабаны, чтобы заглушить звуки солнца. Иначе маленькие дети умрут от страха». Оказывается, это поверье основано на редком и интересном феномене, наблюдающемся в пустыне и носящем название «поющие пески». Этот феномен заключается в том, что после захода солнца в жаркие летние дни в песках при охлаждении происходит движение, порождающее некоторый шум. Подобное редкое явление было зарегистрировано в 1931 г. и послужило причиной небольшого научного спора между двумя английскими исследователями Азии: А. Штейном и лордом Керзоном.

⁸⁴ То есть так называемую Ясу, представляющую собой кодекс законов и распоряжений, приписываемых Чингис-хану. Датой составления Ясы Рашид-ад-дин и Джувейни считают курилтай 1206 г. Впоследствии к ней могли быть прибавлены новые статьи и законы в связи с превращением государства монголов в Монгольскую империю. Повидимому, Яса существовала в письменном виде, так как Джувейни утверждает, что текст Ясы хранился в ханской сокровищнице. Полный текст Ясы не дошел до нас, сохранилась лишь небольшая часть в летописи египетского историка Макризи (1364—1442), использовавшего копию Ясы, хранившуюся в библиотеке Багдада. Об Ясе упоминают почти все персидские историки; краткие сведения о ней имеются у армянских историков Магакяна и Вардана. Сведения о законах, приводимые Платоном Карпини в параграфе XI главы V, несомненно, также относятся к Ясе.

Законы Ясы были чрезвычайно суровы, и за неисполнение их, за малейшее нарушение правил виновнику часто грозила смертная казнь. Яса узаконила закрепощение монголов. Согласно Ясе в мирное время все кочевники должны были нести различные повинности в пользу хана и найонов.

В. А. Рязановский, исследовавший материалы, приводимые в летописи Макризи, пришел к выводу, что Яса представляет собой кодификацию обычного права монголов. Г. В. Вернадский, изучив основательнее все сохранившиеся у разных авторов отрывки Ясы, считает, что Чингис-хан хотел создать

* См. Повесть временных лет, т. 1, стр. 369.

новую, по отношению к обычному праву, систему законов, в которых видна императорская концепция государства.

⁶⁵ То есть Гуюк-хан (1205—1248), старший сын Угэдэй-хана, наследовавший престол великого хана. Был избран ханом на курилтае 1246 г., ценное описание которого находится у Плато Карпини. Возведение на престол Гуюка произошло после шестилетнего междоусобия, во время которого регентшей оставалась вдова Угэдэя, Туракина, властная женщина, которая была, судя по имени, тюркского происхождения. Избрание Гуюка не было единодушным. В частности, оказал противодействие Бату, который не признал нового великого хана и не принес ему присяги. Гуюк, став великим ханом, выступил даже в поход против Бату, но по дороге умер в 1248 г. в Биш-Балыке.

⁶⁶ Чингис-хан организовал свое государство на военно-административный лад. Все население Монголии было разделено на два крыла: правое и левое. Каждое крыло было разбито на «тмы», «тма» состояла из 10 000 человек, во главе ее находился темник, во главе каждой тысячи стоял тысячник, во главе сотни — сотник, и т. д. Во главе крупных делений (тмы и тысячи) находились предводители кочевой аристократии и члены Золотого рода (т. е. рода Чингиса). Всего Чингис образовал 95 отрядов по тысяче человек.

⁶⁷ Это сообщение Плато Карпини отражает, вероятно, какие-то легенды об обстоятельствах смерти Чингис-хана и не подтверждается другими источниками. Чингис-хан умер 28 августа 1227 г. во время похода на Тангут «от приключившейся с ним болезни» (Рашид-ад-дин, т. I, кн. 2, стр. 258).

⁶⁸ У Чингис-хана было четыре сына от старшей жены Бортегельджин-хатун: Джочи (1185(?)—1224), Угэдэй (1186—1241), Чагатай (1190(?)—1242(?)) и Тулуй (1192—1232). Кроме того, у него был еще сын Кулкан от Хулан-хатун, второй жены, который был убит во время похода на русские княжества при осаде одного из городов.

«Эти четыре сына Чингис-хана,—сообщает Рашид-ад-дин,— были умны, исполнены достоинств и совершенны, отважны и могущественны, ценимы отцом, войском и народом. Государству Чингис-хана они служили как четыре основных столпа. Каждому из них он уготовил государство и их называл четырьмя «кулуками», а «кулуками» называют тех из людей, коней и прочих, которые выделяются, превосходят других и стоят впереди» (Рашид-ад-дин, т. I, кн. 2, стр. 69—70). Күлүг — герой, богатырь; по отношению к лошади — отборный конь.

⁶⁹ Русское искажение имени Chagatai. По свидетельству персидских историков, его владения простирались от страны Уйгуров до Аму-Дарьи. (Прим. А. И. Малеина.)

⁷⁰ Четвертым сыном Чингис-хана был Тулуй, который согласно древнемонгольскому обычаю как младший сын являлся хранителем домашнего очага и носил почетное прозвище «отчигин», т. е. «князь огня», а также титулы «иеке ноюн» (великий господин) и «едзен» (владыка)*. Младший сын, по обычаю, всегда находился при отце и наследовал его основное имущество («юрт»). Поэтому Тулуй, помимо удела, полученного при жизни Чингис-хана, должен был получить еще основной удел — улус хана-отца и войска, составившие его собственность. Именно поэтому Тулуй после смерти Чингис-хана наследовал почти все его войска — сто одну тысячу из 129 тысяч**. Тулуй пользовался большим уважением и влиянием и после своей смерти стал предметом особого культа, как родоначальник царевичей и ханов Юаньской династии. Во Внутренней Монголии до сих пор сохранился старинный храм, который считается усыпальницей Тулуя. Об обстоятельствах смерти Тулуя в «Сокровенном сказании» приведен, повидимому, легендарный рассказ о том, что Тулуй скончался, выпив лекарство для больного Угэдэя.

* Б. Я. Владимирцов. Общественный строй, стр. 54.

** Рашид-ад-дин, т. I, кн. 2, стр. 266.

⁷¹ Угэдэй имел семерых сыновей — Гуюк-хана (1205—1248), Годана (Коктен у Платона Карпини), Кучука, Харачара, Хаши, Хадана и Мелика.

⁷² У Джочи было семь сыновей. Старший был Орду-Ичен, вторым сыном был Бату (ум. 1256 г.) основатель ханства «Золотая орда», третьим — Бэркэ (Беркай русских летописей), сменивший Бату на ханском троне «Золотой орды» (1256—1266), четвертым — Бэркэчэр, пятым — Шибан, шестым — Танкут, седьмым Бо'ал, отец известного в русских летописях Ногай.

⁷³ Сыновьями Чагатая были Мотукан (или Моатуган), погибший при осаде Башьяна, Байдар и Ийсу-Мункэ. Бурин же был внуком Чагатая, а Кадан, или Годан, его племянником.

⁷⁴ Подразумевается Тулуй, который имел девять сыновей, в том числе двух, ставших великими ханами — Мункэ и Хубилая, Хулагу, основавшего в Персии династию иль-ханов, и Ариг-Буку, соперничавшего с Хубилаем.

⁷⁵ То есть Мункэ-хан (1209—1259), старший сын Тулуя, ставший четвертым великим ханом (1251—1259), престол которого получил в условиях феодальной борьбы, при помощи своего двоюродного брата, могущественного Бату. Платон Карпини употребляет тюркскую форму имени Мункэ — Мэнгу.

⁷⁶ Имя вдовы Тулуя пишется авторами того времени по-разному. В «Сокровенном сказании» она названа Сорхатани-бэги, в Юань-ши — Соргоктэни, грузинский историк Стефан Орбелиани называет ее Сурахтхамбек, Джувейни — Сорхийатай-беки, или Беки-Сорхихитай, Рашид-ад-дин — Соркуктани-беги и т. д. Правильное написание этого имени Сорхатани-беки было восстановлено П. Пелльо*, проанализировавшим его и установившим, что оно состоит из трех частей: «соргах», «тани» и «беки». Соргах — родимое пятно, тани — архаическая форма суффикса женского рода, беки — женский титул в значении «княгиня».

Сорхатани-беки была керейткой, дочерью Джахагамбу, младшего брата керейтского Онг-хана (Ван-хан), после покорения которого была отдана Чингисханом в жены младшему его сыну Тулуу. Пользовалась большим уважением и влиянием среди монгольских царевичей. Рашид-ад-дин сообщает, что «она была раковиной четырех крупных жемчужин чистой воды, матерью четырех славных сыновей» (сборник летописей, т. 1, кн. 2, стр. 72), т. е. Мункэ-хана, Ариг-Буки, Хулагу и Хубилая. Сорхатани-беки была христианской-несторичанкой, умерла в 1252 г.

⁷⁷ Восточные историки называют его Вујек, Вууек, или Вучек, китайские — Росхо. (Прим. А. И. Маленна.) Буджек — был сыном Тулуя.

⁷⁸ Орду-Ичен, старший сын Джочи, принимавший участие в походах на русские княжества, на Польшу и Венгрию. Основатель «Белой Орды».

⁷⁹ Пятый сын Джочи, участник походов 1235—1236 гг. на русские княжества, Польшу и Венгрию. В результате анализа всех вариантов имени Шибана, которые имеются у разных восточных авторов, П. Пелльо высказал предположение, что это имя христианского происхождения представляет собой монгольскую модификацию имени «Степан».

⁸⁰ Вероятно, Бури, внук Чагатая, участник походов 1235—1236 гг. на русские княжества и в юго-западную Европу.

⁸¹ Чагтагун, воевавший в Юго-Западной Азии в 1229—1231 гг., умер в 1241 г. (Прим. А. И. Маленна.) Чормагун, крупный монгольский военачальник, принимал активное участие в походах Чингис-хана на Среднюю Азию, покоритель Грузии, Армении в 1232—1233 гг., где был затем наместником. Неоднократно упоминается в «Сокровенном сказании».

⁸² См. прим. 74.

⁸³ Ширемун, сын Гуюк-хана от старшей его жены Огул-Гаймиш. Относительно имени Ширемун Пелльо высказывает предположение о том, что оно является тюркской и монгольской модификацией христианского имени Шлемун, или Соломон, и было распространено у монголов-несторичан.

* P. Pelliot. Le vrai nom de Seroctan. T'oung Pao, vol. 29, 1932.

⁸⁴ Хубилай (1216—1294), внук Чингис-хана, знаменитый пятый и последний великий хан, при котором Монгольская империя фактически распалась. После смерти Мункэ-хана Хубилай захватил престол, на который претендовал также его брат Ариг-Бука. Не дожидаясь созыва курильта, Хубилай добился, чтобы его провозгласили ханом; он собрал своих приверженцев в 1260 г. в отстроенном им г. Кай-пине. При Хубилае была закончена борьба с династией Сун и покорен весь Южный Китай, чем было завершено завоевание всего Китая, начатое Чингис-ханом. Хубилай выстроил новую столицу (почти на территории Чжунду — столицы Цзиньской династии), получившую название Дайду, т. е. главная столица, впоследствии переименованную в Пекин. С именем Хубилая связано много различных изменений, происшедших в жизни монголов. Он основал в Китае монгольскую династию Юань, правившую около ста лет (до 1368 г.). Подробное описание Юаньской империи во время Хубилая имеется у Марко Поло. Китайская хроника Юань-ши посвящена истории династии Юань и содержит богатый материал по истории монголов.

⁸⁵ Sobodai, Subutai или Subudai, один из величайших монгольских вождей. — воин, так переводит Карпини слово Bahadur. (Прим. А. И. Маленна.)

Субэдей-бахатур — один из наиболее талантливых полководцев Чингис-хана, возглавлявший поход против кыпчаков, разбивший русские и половецкие отряды на р. Калке. Происходил из рода Урянхат, был ближайшим сподвижником Чингиса в числе девяти Орлюков. Чингис так характеризовал наиболее близких ему сподвижников, в том числе и Субэдей-бахатура: «Хубилай, да Джемел, Чжебе и Субэдей словно четыре свирепых пса у меня; куда бы я ни послал вас, вы крепкие камни разбивали в куски, скалы ниспровергали; глубокую воду останавливали; потому что в битвах я велел Вам быть впереди (Сокровенное сказание, стр. 119).

Субэдей носил титул «bahatur», или «bagatur», что значит «богатырь».

⁸⁶ В русских летописях Беркай и Бирка, особенно угнетавший русских, так что в наших летописях отмечается, что по смерти этого хана «бысть ослоба Русской земле». (Прим. А. И. Маленна.) Бэркэ, сын Джочи и брат Бату, после смерти которого был его преемником в «Золотой орде» под именем Бэркэ-хана (1256—1266). Уделял много внимания развитию торговли и ремесленной промышленности. Выстроил вторую столицу Золотой орды, известную под его именем как «Сарай-Бэркэ». В исторической литературе этот город часто именуется Новым Сараем. Его развалины находятся недалеко от Сталинграда; он был расположен на рукаве Волги Ахтубе, где в настоящее время стоит город Ленинск.

Бэркэ-хан, повидимому из политических соображений, принял Ислам. Собственное имя Бэркэ по-монгольски значит «трудный, затруднительный», по-тюркски, согласно утверждению В. Минорского, значит «залажник».

⁸⁷ Варианты: Montij, Мопсу. Это Mauchi, второй сын Хыаадая. (Прим. А. И. Маленна.) У Чагатая был сын Мотукан.

⁸⁸ Плано Карпини называет этого князя также Сиготза. Вероятно, это был третий сын Орду, внук Джочи, по имени Хурумши. Среди чингисханидов имело несколько Хурумши. Но тот, о котором упоминает Плано Карпини, был скорее всего сыном Орду и племянником Бату, который, вполне естественно, мог послать своего племянника командовать на Днепре. В русских летописях есть упоминание о Хурумши в форме Куремша.

⁸⁹ Плано Карпини дает верную и точную характеристику власти великого хана в Монгольской империи. Великий хан обладал не только полнотой власти, но и являлся верховным собственником всех земель и полным распорядителем жизни своих подданных. Плано Карпини, повидимому, в этом разделе излагает положения Ясы, относящиеся к власти великого хана.

⁹⁰ В Монгольской империи для обслуживания всей системы управления была организована в 1235 г. почтовая служба, обязанная перевозить послов, гонцов и всяких чиновных лиц. Были организованы почтовые станции — ямы,

на которых должны были находиться по 20 человек улачинов и табун свежих лошадей, а также стадо баранов, для продовольствия приезжающих. Содержание ямов и средств передвижения — «ула» ложилось тяжелой повинностью на население.

⁹¹ На курилтае 1229 г. были решены военные походы: 1) против Хорезмийского султана Джелал-уд-дина, вернувшегося из Индии и вновь захватившего часть своих прежних владений. Во главе этого похода находился Чормагун, а не Бату, как указывает Платон Карпини; 2) был решен также поход против кыпчаков, в котором принимал участие и Бату. Именно кыпчаков и имеет в виду Платон Карпини, когда говорит о бисерминах. Бисермины, т. е. бусурмане, что является искажением названия «мусульмане».

⁹² Вероятно, на р. Сыр-Дарье. (Прим. А. И. Малеина.) В долине р. Сыр-Дарьи был расположен г. Барчкенд, или Барчынлыгкенд.

⁹³ Город Янчикент, находившийся в низовьях р. Сыр-Дарьи. Ныне его развалины известны под именем Джаныкент.

⁹⁴ Судя по описанию города, которое делает Платон Карпини, под этим названием следует понимать Ургенч, столицу Хорезма, при завоевании которой был применен отвод русла реки. Об этом имеются сведения у персидских историков (Ибн-Ал-Асир, Джувейни). Следует отметить, что в различных манускриптах труда Платона Карпини название этого города дается по-разному: Орнас, Орнак, Орнар. Последний вариант названия позволил Э. Бретшнейдеру отождествить его с Оттаром. Подкрепляющим обстоятельством этого отождествления служит утверждение Платона Карпини о том, что г. Орнас стоит на одной реке с Ианкинтом. Несмотря на эту аргументацию, современные нам ученые считают, что под Орнасом следует понимать Ургенч, так как описание Платона Карпини соответствует именно Ургенчу. (См. С. П. Толстой в. Древний Хорезм; А. Ю. Якубовский в. Развалины Ургенча.) С. П. Толстой при этом полагает, что Платон Карпини спутал названия рек, что вполне допустимо. Именно в Ургенч вели пути из южнорусских степей, а из Ургенча — в Фараб (впоследствии Отрар), откуда начинался знаменитый шелковый путь в Китай и Монголию. Ургенч был большим, оживленным городом, который, несмотря на жестокое разрушение, причиненное монголами, уже в XIII в. вернул свое домонгольское торговое и культурное значение. Ибн-ал-Асир, описавший мрачную картину разрушения Ургенча, затем отмечает: «Области Мавераннахра опять стали обстраиваться и они (татары) построили большой город поблизости от г. Хорезма (т. е. Ургенча)». (Цит. по книге А. Ю. Якубовского. Развалины Ургенча, стр. 13.) Ургенч быстро обстроился и был одним из узловых пунктов на караванном пути из Восточной Европы в Монголию. Этим путем шел, вероятно, и Платон Карпини в 1246 г. (см. А. Ю. Якубовский. Развалины Ургенча, стр. 15). Развалины Ургенча находятся на месте нынешнего Куны-Ургенч и были основательно изучены А. Ю. Якубовским. Название Орнас у Платона Карпини могло произойти от смешения двух названий — Ургенч и Ашнас, последний был также хорезмийским городом, расположенным в нижнем течении Сыр-Дарьи.

⁹⁵ Народ тюркского происхождения, обитавший в низовьях Волги и волжско-донских степях. В VII в. хазары образовали Хазарский каганат, военно-административное объединение, державшееся на угнетении других народов. Хазарский каганат просуществовал до X в. и распался под напором русских князей с запада, а печенегов и кыпчаков с востока. Киевский князь Святослав окончательно разгромил хазаров. Но хазарские города — столица Итиль на Волге, Саркел, или Белая Вежа, на Дону, перейдя к другим народам, продолжали существовать и после распада каганата. Впоследствии хазары, как народность, исчезли, потеряв свой язык и даже этнический тип. Важнейшим памятником хазарской письменности считается «еврейско-хазарская переписка», имеющая значение для истории народов СССР. Несомненный интерес представляет собой упоминание Платона Карпини о хазарах, позволяющее предполагать, что в XIII в. хазары еще не растворились среди других народностей.

⁹⁶ Народ, принадлежавший к арийской расе, и притом к иранской ее ветви. См. обстоятельную монографию проф. Ю. А. Кулаковского «Аланы по сведениям классических и византийских писателей» («Чтения в историческом обществе Нестора-летописца», кн. XIII, Киев, 1899), где указана и другая главная литература (см. особ. «Живую старину», за 1894 г., стр. 65—77), «Совершенно... неизвестна нам судьба аланских поселений, которые в придонских местностях встречали Платона Карпини и Рубруквис. Но не лишено интереса отметить, что на территории степного Крыма в нынешнем Евпаторийском уезде живет и поныне имя Ас в названиях двух волостей: Биюк-Ас и Кучук-Ас, т. е. Большой и Малый Ас» (Ю. А. Кулаковский, стр. 65). (Прим. А. И. Маленна.)

Аланы — кочевые племена сарматского происхождения, жившие в южно-русских степях. Часть аланских племен в результате великого переселения народов ушла в Европу, часть же осталась и вошла в состав Хазарского каганата. От аланов остались интересные и богатые по археологическим материалам погребения в Керчи, Осетии, на Дону и в других местностях. Аланы считаются предками осетин.

⁹⁷ В данном случае под саррацинами подразумеваются хорезмийцы.

⁹⁸ То есть Торков. Это одно из тюркских племен, кочевавшее в южно-русских степях. (Прим. А. И. Маленна.)

Торки — кочевой народ тюркского происхождения, появившийся в южно-русских степях в середине XI в. Неоднократно упоминается в русских летописях. Во второй половине XI в. торки совершили набег на Русь, но были разбиты. Торки прошли на запад, перешли Дунай и, разорив Македонию, двинулись на Константинополь. Не дойдя до него, повернули обратно, так как военачальники торков были, повидимому, подкуплены греками. При этом большая часть торков была истреблена, часть же, вернувшаяся обратно, была расселена русскими в городах.

⁹⁹ Киев был осажден осенью 1240 г. во время второго похода Бату на южную Русь. Во главе монгольских войск, осадивших Киев, находился сам Бату. Русский летописец, описывая осаду, рассказывает о величине монгольских войск в следующих словах: «окружи град и остолпи сила татарская... От гласа скрипения телег его, множества ревеня вельблуд его и ржания от гласа стад конь его... человеческого голоса не слышно» (Ипатьевская летопись, 1871, стр. 522). Киев был взят, повидимому, в начале декабря 1240 г. (русские летописи указывают различные даты: 19 ноября и 6 декабря) и подвергнут жестокому разгрому.

¹⁰⁰ Монгольские отряды вторгались в Польшу несколько раз в течение 1240 и 1241 гг. Они разорили Люблин, Сандомир, Краков, прошли в Силезию, где разбились встретившие их войска силезского герцога Генриха, который был убит в сражении под Лигницею. Полному разорению подверглась также Моравия.

Одновременно с действиями отрядов в Польше, основная монгольская армия под руководством Бату вторглась в Венгрию через горный проход, называвшийся «ворота в Русь», а отряды царевича Кадана и Субэдей-бахатура в это же время вошли в Венгрию со стороны Молдавии. Венгерские войска, пытавшиеся оказать сопротивление под Пештом, были разбиты, и столица Венгрии была взята приступом. Монголы преследовали бежавшие войска венгров, захватывая город за городом, опустошая страну. В погоне за королем Бэла монгольские отряды дошли до берегов Адриатического моря. Но в 1242 г. Бату прервал военные действия и повернул свои войска обратно в Монголию, получив известие о смерти Угэдея. Западноевропейские хронисты и историки объясняют этот внезапный уход монгольских отрядов страхом и отпором, который им внушали рыцарские войска. Но главной причиной отступления монголов было и мужественное сопротивление русских, ослабившее монгольские войска, и большое восстание в Булгарии — монгольские завоеватели боялись за свой тыл.

¹⁰¹ То есть мордвы, племени финского происхождения, обитавшего в бассейне среднего течения Волги (по рекам Мокша, Сура). Часть мордовских земель была покорена монголами в 1229 г. Монголы ценили меха, мед, воск и хлеб, имевшиеся у мордвы (см. А. А. Кортков, К вопросу о северных улусах Золотоордынского ханства, стр. 77). Окончательное покорение полуразрушенной мордовской земли произошло в 1239 г.

¹⁰² Речь идет о Волжской Булгарии, которая появилась в результате распада «Великой Булгарии», сильного племенного союза, о военных походах которого на Византию неоднократно упоминают византийские историки. «Великая Булгария», в VII в. под напором хазар распалась, часть болгар ушла на Дунай, часть — в Среднее Поволжье, где и образовалась раннефеодальное государство волжских болгар, на территории бассейна Камы и слияния ее с Волгой. Булгары отличались высоко развитой культурой, занимались земледелием и скотоводством, имели ряд городов, наиболее крупными из которых были: Билляр, Булгар, Сувар и др. Название города Билляр арабскими средневековыми географами применялось к Булгарии вообще. Платон Карпини также именуется болгар билерами. О хозяйстве, быте, торговле болгар сохранились интересные сведения у арабских путешественников XII в. Ибн-Фадлана*, Ибн-Руста. Монгольскому нашествию болгары впервые подверглись в 1223 г., но сумели дать монголам отпор. Покорены же болгары были в 1236 г. войсками Бату, разорившими болгарские города. Булгары все же покорились не сразу, они восставали против монгольских поработителей; особенно большое восстание произошло в 1240 г. Затем Булгария вошла в состав Золотой орды. О Булгарии см. «Историю Татарской ССР», т. I, Казань, 1955, стр. 42—98.

¹⁰³ В данном случае под Баскарт надо понимать башкиров. Следует отметить, что название Башкыр (Баскарт у Платона Карпини) употреблялось арабскими и персидскими авторами для обозначения Венгрии, что и явилось причиной употребления этого термина Платоном Карпини. Платон Карпини трижды в своей книге повторяет это положение. Согласно новейшим исследованиям, между средневековыми башкирами Приуралья и венграми существует племенное родство. Под напором кочевых народностей часть башкир ушла на запад и осела в Венгрии, оставшиеся же башкиры смешались с тюрками и монголами, потеряли свой язык и в конце концов дали совсем новую этнически народность, называвшуюся также башкирами.

¹⁰⁴ Финские племена, жившие в Пермской и Вятской губерниях. Упоминание про дым объясняется тем, что они постоянно разводят его летом для удаления мух и комаров. (Прим. А. И. Маленна.)

Арабские и средневековые авторы называют борасситами пермяков, вотяков и другие племена финского происхождения, обитавшие в бассейне р. Вятки и других областях на север от Волжской Булгарии. Замечание Платона Карпини о дыме вряд ли следует понимать столь конкретно, как это делает А. Маленн. Скорее всего Платон Карпини в данном случае повторяет одну из легенд о народах северо-востока, которые были широко распространены у античных авторов. Рассказы о народах, питающихся воздухом или запахами, имеются у Плиния, Страбона и других античных писателей.

¹⁰⁵ То есть к самоедам. Сообщение Платона Карпини о самоедах было одним из первых известий об этом народе в западноевропейской географической литературе. Это сообщение наряду с достаточно достоверными известиями о жизни и занятиях самоедов содержит также ясное указание на их местобитание и до сих пор невыясненное положение о том, что монголы совершили поход на самоедов. Подтверждение этого последнего указания Платона Карпини мы не находим ни в монгольских летописях, вообще очень скупо сообщающих о походах Чингис-хана, ни в китайских анналах. Тем не менее, повидимому, именно это указание Платона Карпини послужило причиной создания

* Путешествие Ибн-Фадлана. Перевод с арабского под ред. И. Ю. Крачковского, Л., 1939.

так называемой теории южного происхождения самоедов, которой придерживаются советские этнографы. Авторы этой теории Фишер, Кастрен предполагали, что самоеды первоначально жили южнее, где-то в верховьях Енисея, откуда были затем вытеснены на север.

¹⁰⁸ А. И. Малейн, основываясь, повидимому, на работе Лерберга*, видел в этом сообщении Плато Карпини искаженное известие о моржах и тюленях. Другой комментатор «Истории Монгалов» д'Авезак полагал, что Плато Карпини сообщает какие-то сведения об исчезнувших народах, вытесненных самоедами**. Но вероятнее всего, как это отметил М. П. Алексеев***, рассказ Плато Карпини является отражением распространенных в средневековой литературе легенд о диковинных странах и населяющих их чудовищах. К таким легендам относятся сообщения о песиглавах (кинокефалах), о которых рассказывают и Марко Поло, и Одорик, и другие средневековые авторы. Весьма интересно отметить, что и в монгольской средневековой литературе эта легенда о песиглавах также нашла отражение. Так, в летописи «Ганга-ин-Урусхал» (Истоки Ганга) даются довольно подробные сведения о народах, покоренных Чингис-ханом, в том числе и о людях, имеющих голову собаки. Легенда о песиглавах была широко распространена в Азии, ее знают также китайцы. Исследовавший китайские рассказы о людях-собаках Н. Cordier полагает, что легенда эта зародилась в Индии, а отсюда распространилась по другим странам****. Слышал ее и Плато Карпини.

¹⁰⁷ То есть черкесов. В данном случае Плато Карпини под названием кергис подразумевает черкесов. В дальнейшем он употребляет этот же термин для обозначения киргизов. (См. прим. 131.)

¹⁰⁸ Отражение средневековых легенд, см. прим. 106.

¹⁰⁹ То есть Исидор Севильский (570—636), испанский епископ, выдающийся ученый, писатель раннего средневековья. Автор многочисленных сочинений, обнаруживающих большую начитанность и умение популяризировать в доступной и краткой форме знания своего времени. Географическое сочинение Исидора «De natura rerum» было широко известно и выражало общепринятые для его времени воззрения на природу и географию. Не менее распространена была знаменитая книга Исидора «Etimologiae» энциклопедического характера. Эта книга намного пережила своего автора и в течение нескольких столетий служила основным источником географических сведений. Имеются в ней и сообщения о различных чудовищных народах, населявших отдаленные и малоизвестные места, что вполне соответствовало уровню географических знаний раннего средневековья. Ссылки Плато Карпини на Исидора показывают, что он был знаком с сочинениями испанского епископа, хотя прошло шесть столетий после смерти последнего.

¹¹⁰ Латинское название Грузии.

¹¹¹ Повидимому, одно из названий бизанта, употреблявшегося в Византийской империи. См. прим. 115.

¹¹² То есть султана Рума. Под названием Рум в античное время восточные народы называли Рим. После разделения Римской империи в IV в. название Рум применялось только к Византии. С конца же XI в. оно относится лишь к Малой Азии, где после завоевания Азии огузами-туркменами образовалось государство, возглавлявшееся малоазиатской ветвью династии Сельджукидов. Во время завоевания Малой Азии монголами султаном Рума был Ала-ад-дин Кей Кобад I (1219—1236).

* Лерберг. Исследование, служащее к объяснению древней русской истории, СПб., 1819.

** d'Avézac. Recueil des voyages et des mémoires publié par la Société de Géographie, Paris, 1839, vol. IV, p. 493.

*** М. П. Алексеев. Сибирь в Известиях западно-европейских путешественников, стр. 12.

**** Н. Cordier. Les monstres dans la légende et dans la nature, p. 79—81.

¹¹⁸ То есть султана Халеба. Область Халеб находилась в северной части Сирии, столицей ее был город Ма'арра, вторым по величине считался одноименный с названием этой области Халеб (современный Алеппо). Вся область находилась во владении мелика Захира Гияс-ад-дина Гази (1186—1216) из династии Эйюбидов.

¹¹⁴ То есть халифа Багдадского. Балдах — средневековое название Багдада, столицы аббасидских халифов, правивших Ираном с 762 по 1258 г. Последним аббасидским халифом был Мустасим, посла которого Платон Карпини видел в монгольской ставке во время провозглашения Гуюка великим ханом.

¹¹⁵ Разумеются так называемые византины, первоначально византийские солиды, а затем всякая восточная золотая монета (отсюда франц. *besant*). Цена ее очень колебалась и зависела от места чеканки (и, стало быть, количества металла). С византинами, вероятно, тождественны иперперы. (Прим. А. И. Малеина.)

В примечаниях к изданию Марко Поло В. В. Бартольд пишет: безан, или бизант; по мнению Юля, Марко Поло, как и другие средневековые авторы, понимал под этим словом арабский динар (около пяти рублей). (И. П. М и н а е в. Путешествие Марко Поло, изд. ИРГО, под ред. В. В. Бартольда, СПб., стр. 75).

К главе 6

¹¹⁶ Русская интерпретация монгольского «тумэн», что значит десять тысяч. Выражение «тьма» неоднократно встречается в русских летописях.

¹¹⁷ В монгольских войсках, как известно, царла суровая дисциплина, правила которой были узаконены в Ясе Чингис-хана.

¹¹⁸ В монгольских летописях имеются упоминания о разных стрелах, например, стрела — годоли, метательные стрелы и др. (см. «Сокровенное сказание», § 198).

¹¹⁹ Эти сведения Платона Карпини совпадают с материалами монгольской летописи «Сокровенное сказание», в которой имеется краткая инструкция, дававшаяся передовым отрядам при отправлении в Среднюю Азию «обходить города, населенные мусульманами, и не трогать тамошнего народа, пока сам он (т. е. Чингис-хан) не придет туда; тогда напасть на мусульман с двух сторон» (Сокровенное сказание, перев. Кафарова, стр. 146).

¹²⁰ Способ переправы через реки в кожаных лодках, описанный Платоном Карпини, довольно близок к способу, применяемому до сих пор в северном Тибете. Это обычный у кочевников способ переправы.

¹²¹ Интересно сравнить рассказ Платона Карпини со сведениями одной значительно более поздней монгольской летописи, в которой сохранился рассказ о построении войск перед сражением согласно особой дислокации, называвшейся «лук-ключ» (номон тұлхикүр байри), т. е. «строй дугой, охватом врага» (см. Ц. Ж а м ц а р а н о. Монгольские летописи XVII в., Л., 1935, стр. 58). Подобное лукообразное построение войска практиковалось монголами, повидимому, и во времена завоеваний XIII в.

¹²² Так назывались зажигательные смеси, употреблявшиеся для военных целей в античное время и в средние века. Впервые подобная смесь была применена греками, вследствие чего и получила название греческого огня. В состав его входила нефть и смола. Почти все народы знали его применение, монголы позанимались употреблением его, повидимому, у китайцев. В монгольских летописях приводится легенда, как монголы пытались поджечь осажденный город, направив в него множество птиц, к хвостам которых была привязана подожженная вата или фитиль (см. «Алтан-Тобчи» и др.). В этой легенде отразилось действительное употребление монголами при осаде городов зажигательных средств.

К главе 7

¹²³ Ср. приведенные у Карамзина (т. III, прим. 27) «Деяния прежних времен храбрых человек», где хорек назван дъхорь. (Прим. А. И. Малеина.)

¹²⁴ См. примечание 22.

¹²⁵ В наших летописях б а с к а к о в (ср. Bretschneider, II, 78). (Прим. А. И. Малеина.)

¹²⁶ Хотя рассказ Плано Карпини о соперничестве двух грузинских царевичей не совсем точен, но в то же время содержит некоторые подробности, о которых в других источниках нет сведений. Согласно материалам армянских и грузинских хроник * события в Грузии происходили следующим образом: грузинский царь Георгий IV Лашен умер в 1223 г., уже после вторжения монголов. Ему наследовала его сестра царица Русудана, так как его сын Давид находился долгое время в плену у султана Рума, где провел семь лет в подземной тюрьме. Русудана хотела, чтобы ей наследовал ее собственный сын, также носивший имя Давида. Поэтому она вместе со своим сыном и освобожденным из плена племянником отправилась за инвеститурой в ставку Бату-хана, но умерла. Бату же хан отправил царевичей в Каракорум к великому хану, от которого они и получили инвеституру на Грузинское царство, причем сын Русуданы царствовал как Давид IV и был зависим от Давида V Лашена. Первого Плано Карпини называет в своем рассказе не по имени, а по титулу—Мелик.

¹²⁷ То есть абазы, или абхазами, ср. d'Avezac, p. 497. (Прим. А. И. Малеина.)

¹²⁸ См. прим. 115.

¹²⁹ Подразумевается северный Китай, или Цзиньская империя.

¹³⁰ Хори-Тумат, племенной союз нескольких монгольских племен, существовавших еще в дочингисовское время. Хори-Туматы принадлежали к «лесным племенам», согласно делению всех монгольских племен на лесные и степные (см. Б. Я. В л а д и м и р ц о в. Общественный строй монголов, стр. 33—36). Хори-Туматы были покорены Чингис-ханом, но неоднократно восставали. При подавлении одного из восстаний было убито много народу, «так как туматы были злокозненным и недоброжелательным племенем», отмечает Рашид-ад-дин (см. т. 1, кн. 1, стр. 122).

¹³¹ То есть киргизы и кэм-кэмджиуты, племена тюркского происхождения, жившие в северо-западных районах Монголии, в верховьях Енисея и Оби. В названии племени кэм-кэмджиуты имеется указание на его местообитание — кем (или кэм), слово, которым обозначались верховья реки Енисея и которое сохранилось в современном названии притока Енисея — Кемчик. Киргизы были покорены Чингисом в 1206 г.

¹³² То есть Кашмир.

¹³³ То есть подданные султана Алеппского ср. d'Avezac, p. 572 (Прим. А. И. Малеина.)

¹³⁴ Хорезмийцы.

¹³⁵ Туркмены. (Прим. А. И. Малеина.)

¹³⁶ Эти имена восстановлены у d'Avezac'a гипотетично: в рукописях стоит *Caŋogomuty*, *Korola Tomici*, *Colona Thorati*. Тот же ученый (стр. 575) предполагает, что короля тождественны с *Coreli*, которых называет Альберт Кампенский, как народ, соседний с башкирами, а комуки — то же, что дагестанский народ *Shomuyq*, *Coimiks* или *Qomouq*. (Прим. А. И. Малеина.)

Повидимому, Плано Карпини имел в виду под комуками кумыков, племена тюркского происхождения, кочевавшие в прикавказских степях, входившие в Дешт-и-Кыпчак.

¹³⁷ Вариант *Jassi*. Народ в точности не известный, ср. d'Avezac, p. 574. (Прим. А. И. Малеина.)

¹³⁸ Плано Карпини наряду с названиями народов перечисляет также и некоторые распространенные на Востоке названия христианских сект, в том числе яковитов, или яковитов, принадлежавших к ереси монофизитов. Последние были объявлены еретиками на Вселенском соборе в 451 г. Учение монофизитов расходилось с ортодоксальной христианской церковью по

* History of the Nation of the archers by Grigor of Akanac. Edited by R. Blake and R. Fray, Cambridge, Mass. 1954, стр. 293, 317.

вопросу о единой сущности или природе Христа (отсюда и название секты: *попос* — один, *physis* — природа), отрицая догмат о богочеловеческой природе Христа, т. е. двойственной сущности. Учение монофизитов и его ответвления были довольно широко распространены в средние века.

¹³⁹ См. прим. 95.

¹⁴⁰ Христианская секта, основанная в V в. в Сирии патриархом Несторием, от имени которого и получила свое название. Несторий был низложен на Вселенском соборе в Эфесе в 431 г., а проповедуемое им учение о человеческом естестве Христа объявлено ересью. Несторианство из Сирии распространилось довольно быстро по Азии, проникло в Китай и Монголию к кереитам и найманам через уйгуров. Археологические материалы подтверждают сведения летописей о распространении несторианства среди народов Центральной Азии. Не так давно в Китае за пределами Великой стены были найдены развалины несторианского города, описанного Латтимором. Надгробные несторианские памятники обнаружены также на юге Китая.

¹⁴¹ То есть армяне.

¹⁴² Рубрук называет их канглами. Канглы — кочевое племя, входившее в состав Дешт-и-Кыпчак. В XIII в. канглы обитали на восток от р. Яик (р. Урал).

¹⁴³ d'Avezac предлагает искать это племя на Кавказе по правому берегу Куры, между реками *Berdâgi*, или *Berdougî* и Араксом. (Прим. А. И. Малеина.) Вряд ли можно согласиться с предположением d'Avezaca. Скорее всего под Брутахами следует подразумевать буртасов, завоеванных монголами во время похода последних на Волжскую Булгарию. Буртасы обитали на правом берегу Волги, в среднем ее течении, и были связаны с булгарами. В IX в. буртасы были данниками хазаров, среди которых было широко распространено иудейство, которое могло попасть и к буртасам. О буртасах неоднократно упоминается в русских летописях и в сочинениях арабских средневековых писателей. После завоевания монголами буртасы быстро растворились среди народностей Золотой орды, потеряли свой язык и племенные особенности.

¹⁴⁴ Неизвестный народ; рукописи дают формы: *Tarci*, *Tarti*, *Tati*, *Thaos*, *Thoas*. (Прим. А. И. Малеина.)

¹⁴⁵ То есть черкесы. (Прим. А. И. Малеина.)

¹⁴⁶ То есть русские. (Прим. А. И. Малеина.)

¹⁴⁷ Монголы называли сартагулами жителей Средней Азии, в частности хорезмийцев. Платон Карпини и повторяет монгольское название. Название сарты восходит к санскритскому *sârtha*, что значит «торговец».

¹⁴⁸ Часть южного Китая, Манзу мусульманских писателей, *Man-tsu* китайских историков (d'Avezac, p. 576). (Прим. А. И. Малеина.)

Манги, или Манзи, называлась часть Китая, расположенная южнее Хуанхэ, земли империи Сун.

¹⁴⁹ *Saqsup* у восточных историков народ, соседний с хазарами и Великой Булгарией, вероятно финского происхождения (d'Avezac, p. 576). (Прим. А. И. Малеина.)

Спутник Платона Карпини, Бенедикт, отмечает, что когда они ехали на Восток через Команию, то направо находилась страна Сакси (*Saxi*), которых они считали готами и которые были христианами. Рокхил полагает, что это были Готы в Крыму, и ссылается при этом на показание Рубрука.

¹⁵⁰ Так называемые самострелы. «Величина самострелов была иногда необыкновенна: у Половецкого хана Кончака «бяху луци тузи самострелнии, одна 50 мужь можашеть наприящи» (Летопись по Ипатьевскому списку, изд. 1871 г., стр. 428). С а в в а и т о в, Описание старинных русских утварей, одежд, оружия и т. д. (СПб., 1896, стр. 123). (Прим. А. И. Малеина.)

К главе 8

¹⁵¹ Текст надписи, приведенный у Платона Карпини, значительно отличается от надписи печати, скрепляющей письмо Гуюк-хана, привезенное Платоном Карпини и сохранившееся в архивах Ватикана (о письме см. прим. 217). Письмо

и печать были исследованы и опубликованы П. Пелльо. Текст печати состоит из шести строк, вырезанных монгольским шрифтом:

Mongka t(ā)ngri—yin kūcūn—dūr yeke mongγol ulus—un dalai—in
γan j(a)ri(i)X il bolγa irγūn — dūr kūrbāsū būsirātūgūi ayutuγai

(Текст приведен в транскрипции, примененной П. Пелльо.) что значит: «Силою вечного неба народа великих Монголов Далай-хана приказ. Если он прибудет к покорившемуся народу, то пусть они почитают его и пусть они боятся».

Надпись эта чрезвычайно интересна. В ней упомянуты «Великие монголы» — одно из четырех монгольских племен, о которых говорит Платон Карпини (см. стр. 37). Монгольский великий хан в ней назван необычайным титулом — Далай-хан, что должно перевести Океан-хан, т. е. Всемирный хан. Последняя строка надписи является запрещением, очень близким к тем запретительным формулам, которыми заканчиваются монгольские эдикты: «бойтесь и повинуйтесь». Подобное же запрещение обычно заканчивает текст, выгравированный на пайдзах: «кто не повинуется, пусть умрет».

Можно сказать, что завоевательные тенденции монгольских ханов нашли свое яркое выражение в надписи на ханской печати. Частично они отражены и в варианте, приведенном в тексте Платона Карпини, который записал содержание надписи со слов Чинкая, Бала и Хадака — ханских секретарей, переведя ее на латинский язык не слишком точно. Особенно интересен этот отпечаток потому, что надпись была выгравирована и вся печать сделана русским мастером, ювелиром Козьмой, тем самым Козьмой (Космой), который помогал Платону Карпини в трудные для того минуты, о чем с такой теплотой вспоминает наш путешественник. Повидимому, Козьма был одним из тех русских мастеров, которые во время походов на русские княжества были захвачены в плен и уведены в далекую Монголию. Мастерство и ловкие руки русского умельца создали вещи высокой художественной ценности, которые вызвали восхищение окружающих (Козьма сделал также трон для Великого хана) и о которых мы узнаем из описания Платона Карпини.

¹⁵² Платон Карпини передает какие-то слухи об обстоятельствах смерти Угэдэя, который, по сведениям Юань-ши умер в результате неумеренного употребления вина (История первых четырех ханов из дома Чингисова, стр. 284, 285). Рассказ Платона Карпини заслуживает внимания, если сопоставить его с материалами «Сокровенного сказания» о болезни Угэдэя и о лекарстве, приготовленном для него, которое было выпито Тулуем (см. Сокровенное сказание, § 272); т. е. о попытке отравить Угэдэя.

К главе последней

¹⁵³ В Богемии королем с 1240 по 1253 г. был Венцеслав I, придерживавшийся ориентации на папу Римского в борьбе против германского императора Фридриха.

¹⁵⁴ Болеслав V Стыдливый (1226—1279), герцог Лигницкий, Сандомирский и Краковский. (Прим. А. И. Малеина.)

¹⁵⁵ Этот Конрад (дядя Болеслава) был герцогом Мазовским и Куявским; столицей его был Плоцк. Ланциск, ныне Ленчица, город в Польше на р. Бзуре. Ср. d'Ohsson, II, 121. (Прим. А. И. Малеина.)

¹⁵⁶ Василько Романович, кн. Волынский (ум. 1269 г.), сын Романа Мстиславовича, кн. Галицкого. (Прим. А. И. Малеина.)

¹⁵⁷ То есть Даниил Романович Галицкий (1201—1264), сражавшийся впервые против монголов в битве при р. Калке (1223 г.). Во время второго похода Бату захватил Киев, после того как тот был покинут киевским князем Михаилом, бежавшим в Венгрию при приближении татар. Даниил посадил в Киеве своего тысяцкого Дмитра, который и во время осады Киева мужественно защищал город. Даниил Галицкий, пытаясь ослабить татарское иго, вел переговоры с Бату, а также с папой Иннокентием IV, у которого просил военной помощи. Не получив ее, он прекратил в 1249 г. переговоры с папой.

¹⁵⁸ Княгиня Гремислава. (Прим. А. И. Малеина.)

- ¹⁵⁹ То есть Конрада, князя Ланциского — Лешко. (Прим. А. И. Малеина.)
- ¹⁶⁰ Город, или городок Данилов, который Платон Карпини называет Dargifone.
- ¹⁶¹ То есть 4 февраля 1246 г.
- ¹⁶² Городок, расположенный на Днепре в 120 км. от Киева. (Прим. А. И. Малеина.)
- ¹⁶³ Монголы оставляли в городах своих уполномоченных, носивших титулы «даругачи» или «ташгачи».
- ¹⁶⁴ Имя этого монгольского начальника пишется Платон Карпини по-разному — Choganza, Sigoniza, Karancha. См. прим. 88.
- ¹⁶⁵ 19 февраля 1246 г.
- ¹⁶⁶ 23 февраля 1246 г.
- ¹⁶⁷ Орда — искаженное монгольское слово «ogdu», что значит «ставка», «походный дворец».
- ¹⁶⁸ 26 февраля 1246 г.
- ¹⁶⁹ То есть 4 апреля 1246 г. Таким образом, выехав из Киева 4 февраля, Платон Карпини добрался до Волги, где находилась ставка Бату, через два месяца.
- ¹⁷⁰ См. прим. 87.
- ¹⁷¹ Варианты: Carpon, Carbon, Tirbon. (Прим. А. И. Малеина.)
- ¹⁷² Через несколько строк Платон Карпини пишет: «греческое море, которое называют «Mare Magnum», т. е. Черное море, называвшееся в древности «Понтом Евксинским». Географические представления у Платона Карпини были довольно неясными: он путает Черное море с Каспийским и с Аральским. Волга впадает, по его мнению, в Черное море.
- ¹⁷³ Босфор. В одном латинском паломничестве в Святую Землю (d'Avezas, p. 853) сказано, что этот рукав «разделяет две земли, Романию и Македонию». (Прим. А. И. Малеина.)
- ¹⁷⁴ Левка есть древнегалльская мера длины, соответствующая французскому лье = $\frac{1}{25}^{\circ}$ меридиана = 4 445 метр. (Прим. А. И. Малеина.)
- ¹⁷⁵ Наши летописи, упоминая это лицо по поводу убения св. Михаила Черниговского, называют его Елдега и стольником Батыевым. (Прим. А. И. Малеина.)
- ¹⁷⁶ 6 апреля. (Прим. А. И. Малеина.)
- ¹⁷⁷ Монголы после 1206 г. стали пользоваться уйгурским алфавитом, приспособив его для монгольского языка. Наиболее ранним из дошедших до нас образцов этого письма является надпись на так называемом «Чингисовом камне», датированная 1219 г.
- ¹⁷⁸ То есть Бела IV (1235—1270), потерпевшему поражение в бою за Пешт в 1241 г. от монгольских войск, во главе которых находился Бату. Бела бежал от монголов в Австрию, затем в Далмацию, наконец на острова Адриатического моря, где и выжидал уход монгольских войск.
- ¹⁷⁹ Гомбоев называет это пение выражением уважения к известному лицу. (Прим. А. И. Малеина.)
- ¹⁸⁰ 7 апреля. (Прим. А. И. Малеина.)
- ¹⁸¹ То есть черкесы. (Прим. А. И. Малеина.)
- ¹⁸² Иберы, то есть население страны, находящейся между Москскими горами, Кавказом и Арменией. Иберы — народ с высокой культурой — жили в многочисленных городах. Кахи — кахетины.
- ¹⁸³ См. прим. 143.
- ¹⁸⁴ Варианты написания: Sittorum, Zythorum, Zichorum. У Страбона имеются сведения о племени Zygi, или Zigoï, обитавшем между Каспийским и Черным морями. Первый издатель путешествия Платона Карпини на русском языке Д. Языков полагает, что земля Цикков это «Цихия, Зихия на восточном берегу Черного моря». (Д. Языков. Собрание путешествий к татарам, стр. 270.) Известно, что в XIII в. в Тмутаракане правила местная Зихийская династия, о которой упоминает доминиканец Юлиан, побывавший там в 1237 г.

Он пишет, что из Константинополя прибыл в землю, называемую Зихия. (См. А. Н. Насонов. Тмутаракань в истории Вост. Европы.)

¹⁸⁵ 17 мая 1246 г.

¹⁸⁶ В данном случае под биссерминами подразумеваются хорезмийцы.

¹⁸⁷ Река Сыр-Дарья, в долине которой было расположено много городов: Отрар, Ясы, Сабран, Сыгнак, Баргкенд, Янгикент, Дженд, Ашнас и др. О некоторых из них упоминает Плано Карпини.

¹⁸⁸ То есть Ала-эд-дин Мухаммед Хорезмшах (1200—1220), погибший в борьбе с монголами.

¹⁸⁹ Средневековое название Багдада.

¹⁹⁰ В данном случае под Саррацинами, именем которых Плано Карпини называет мусульман вообще, надо понимать персидские земли.

¹⁹¹ Эти царевичи не были родными братьями. Бурин, или Бури, был внуком Чагатая, а Кадан сыном Угэдэя.

¹⁹² 24 июня.

¹⁹³ См. прим. 43.

¹⁹⁴ Рокхил полагает, что «неким морем» является оз. Ала-Куль, если считать, что память Плано Карпини ему не изменила. Так как прежде, чем проехать Имил, надо было проехать озеро, а не наоборот. Быть может, Плано Карпини в данном месте говорит об обратном пути. Последнее предположение подтверждается словами Плано Карпини, написанными немного ниже, что озеро оставалось «с левой стороны». Предположение Рокхила весьма правдоподобно, комментарий же А. И. Маленна, считавшего, что речь идет о Байкальском море, является результатом какого-то недоразумения.

¹⁹⁵ То есть ставка Чагатая Алмалык, находившаяся в долине р. Или.

¹⁹⁶ 29 июня.

¹⁹⁷ Это указание Плано Карпини противоречит сведениям Рубрука, утверждающего, что найманы христиане-несториане. Вероятнее всего, не все найманы были несториане, шаманство также было распространено среди них.

¹⁹⁸ 22 июля. Плано Карпини, выехав из Киева 4 февраля, прибыл в ставку Гююк-хана 22 июля, т. е. потратил на путь от Днепра до центра Монголии пять с половиной месяцев. Срок небольшой, если вспомнить, что братья Поло потратили на свое путешествие в Китай более полутора лет. По объяснению самого Карпини его везли так быстро потому, что торопились к курилтаю, на котором должны были провозгласить великим ханом сына Угэдэя.

¹⁹⁹ Матерью Гююк-хана была Туракина, которая после смерти Угэдэя управляла Монгольской империей около пяти лет. Ее имя, Туракина, свидетельствует о тюркском происхождении. Она была женой владельца огуз-меркитов и вместе с мужем была взята в плен во время покорения меркитов Чингисханом, который отдал ее в жены своему сыну Угэдэю. Во время регентства Туракины очень усилилось влияние мусульманских купцов, ведущих ханскую торговлю. Один из них, некий Абд-ур-Рахман был даже поставлен во главе финансового управления. Объявив себя правительницей, Туракина «все дела самовольно решала» (История первых четырех ханов, стр. 295). Несколько ниже Плано Карпини пишет, что это она отравила князя Ярослав из Суздаля.

²⁰⁰ Одна марка весила полфунта (16 лотов). (Прим. А. И. Маленна.) Следовательно, вес золотых украшений конской сбруи доходил до двух килограммов, что свидетельствует о богатстве монгольской знати. О богатстве украшений конской упряжи позволяют судить археологические материалы, обнаруженные в Южной Сибири и в Монголии.

²⁰¹ См. прим. 34.

²⁰² То есть посол калифа Мустасима, последнего аббасидского калифа Багдада, убитого в 1258 г. монголами.

²⁰³ В знак почтения монголы пели особое хвалебное песнопение, называемое «мактал».

²⁰⁴ По всей вероятности, «туг» — монгольские своеобразные знамена, украшенные конскими хвостами. Перед Великим ханом несли обычно «9 туг'ов».

²⁰⁵ По сведениям Юан-ши Гуюк вступил на престол «в урочище Анги-сумэ-толи» (История первых четырех ханов, стр. 299).

²⁰⁶ 24 августа 1246 г.

²⁰⁷ Интересно сравнить эти сведения Платона Карпини с рассказом Симона Сен-Кентина, который хотя и не был непосредственным свидетелем этой церемонии, но знал о ней, повидимому, от Бенедикта (спутника Платона Карпини). Последний вернулся в Малую Азию, как раз в то время, когда Асцелин и Сент-Кентин находились там. Вот как описывает Сен-Кентин это событие: «Все бароны собрались, они поставили золоченое сидение в середину и посадили этого Гога (т. е. хана) на него и положили меч перед ним и сказали: «Мы жеедем, мы просим, мы приказываем, чтобы ты властвовал над всеми нами». И он сказал им: «Если вы хотите, чтобы я царствовал над вами, то готовы ли все до одного делать то, что я прикажу, приходит, когда бы я ни позвал, итти туда, куда я пошлю вас, предать смерти всякого, кого я прикажу?». Они отвечали, что они будут. Тогда он сказал им: «Мой приказ будет мой меч». С этим они все согласились. Тогда они положили кусок войлока и посадили его на него, говоря: «Смотри вверх и познай бога, и смотри вниз и увидишь войлок, на котором сидишь. Если ты будешь хорошо управлять своим королевством, будешь щедр и будешь поступать справедливо, и почитать каждого из князей соответственно его рангу, то будешь царствовать во славу, весь мир преклонится перед твоим правлением и господь пошлет тебе все, что ты пожелаешь в сердце твоём. Но если ты будешь делать противное, то будешь несчастен, отвержен и беден так, что этот войлок, на котором ты сидишь, не будет оставлен тебе». После того как это сказали, бароны посадили жену Гога на войлок и вместе с ними обоими, сидящими там, они подняли их вверх от земли, и провозгласили их громогласными криками: «Император и императрица всех татар»*.

Рассказ Сен-Кентина служит интересным дополнением к повествованию Платона Карпини. Сен-Кентин был в числе четырех доминиканцев посольства Асцелина, отправленного в 1245 г. папой Иннокентием IV к монгольскому полководцу Байджу, находившемуся в Персии.

Сен-Кентин, так же как и Платон Карпини, составил записки о своем путешествии.

²⁰⁸ Чингай, уйгур по происхождению, был сановником Угэдэя. Ему было поручено записывать ежедневно распоряжения великого хана. Во время ре-гентства Туракины он был смещен (d'O h s o n, vol. II, стр. 189).

²⁰⁹ Одним из знаков императорского достоинства на Востоке с древних времен является особого рода зонт, который держат над государем. По-санскритски он называется «chattrā». Ибн-Батута рассказывает, что над султаном Синда несли chattrā, шелк которого был расшит драгоценными камнями и ручка была из чистого золота. Над китайскими императорами и членами его семьи также носили зонты, причем цвет и украшения зонта строго соответствовали рангу того лица, которому он принадлежал. «Зонты, носимые перед императором, неодинаковы, — пишет Юй-вэнь Мяо-чжао, — желтые или красные; верхушка у палки зонта представляет золотого дракона, у императрицы золотого феникса, у наследника (тай-цзы, или вообще императорского сына) золотого дракона (он мог отличаться от императорского лапами); у королев зонт коричневого цвета и на верхушке имеет форму павлина и т. д.» (В а с л ь е в, История и древности Средней Азии, стр. 215. Тр. Вост. Отд. имп. Арх. Общ-ва, ч. IV, СПб, 1859). Монголы ламаисты также носили перед богдогэгэном традиционный зонт, называемый «шүкүр».

* Speculi Maioris Vincentii Burgundi praesulis belvacensis ordinis praedicatorum. Venetiis, apud Dominicum Nicolinum, MDXCI, Tomus quartus liber XXXI, cap. XXXII, стр. 452 а.

²¹⁰ О каком случае рассказывает Плато Карпини — неясно. Но что подобный факт мог иметь место, не вызывает сомнения. Распри и интриги при дворе великого хана были весьма распространены. Например ханша Огул-Гаймиш была казнена по обвинению в колдовстве против Мункэ-хана. Д'Оссон сообщает, что первым делом Гуюк-хана был суд над царевичем Уджукэном, когда были казнены несколько его приближенных (d'O h s s o n, vol. II, стр. 203).

²¹¹ См. прим. 34.

²¹² То есть Туракина-хатун, старшая жена Угэдэя, о ней см. прим. 199.

²¹³ То есть знаменитому впоследствии новгородскому князю Александру Невскому. Он ездил в Орду несколько позже и благополучно вернулся обратно в 1249 г. (К а р а м з и н, т. IV, стр. 78—80).

²¹⁴ Этот замечательный золотых дел мастер, был, повидимому, одним из пленных русских мастеров, уведенных монголами после захвата русских княжеств. Рубрук рассказывает и о другом мастере, французе Гильоме Бушэ. Монголы из завоеванных стран вводили искусных мастеров и ремесленников. Известно, например, что в Монголии было целое поселение китайских мастеров, выделявавших стрелы.

²¹⁵ В конце своего повествования Плато Карпини упоминает также, что при Ярославе был священник по имени Dubarlaus и слуги Яков и Михаил и другой Яков.

²¹⁶ 11 ноября.

²¹⁷ Письмо Гуюка написано по-персидски на длинной (1 м 12 см), но узкой (20 см) бумаге, состоящей из двух склеенных кусков. В конце письма и в месте склейки листов имеются красные оттиски печати (см. прим. 151). Письмо это считалось утерянным и монголоеды строили всякие предположения о содержании его и о характере письменности. Оказалось, что выражение «посарраниски» в данном случае следует понимать по-персидски.

Письмо было обнаружено в 1920 г. в архиве Ватикана польским ученым монахом Кириллом Каралевским, сфотографировано и передано на изучение иранисту Массэ, который первый сделал перевод этого письма. Впоследствии письмо было исследовано и еще раз переведено крупнейшим монголоведом Франции Полем Пелльо, опубликовавшим персидский текст, перевод и комментарии. Так как письмо представляет большой интерес, то приводим его полностью, используя перевод Пелльо.

Перевод письма:

Силюю Вечного Неба (мы) Далай-хан всего великого народа; наш приказ *.

Это приказ, посланный великому папе, чтобы он его знал и понял.

После того как держали совет в... области Kāgāl, вы нам отправили просьбу о покорности, что было услышано от ваших послов. И если вы поступаете по словам вашим, то ты, который есть великий папа, приходите вместе сами к нашей особе, чтобы каждый приказ Ясы мы вас заставили выслушать в это самое время.

И еще. Вы сказали, что если я приму крещение, то это будет хорошо; ты умно поступил, прислав к нам прошение, но мы эту твою просьбу не поняли.

И еще. Вы послали мне такие слова: «Вы взяли всю область Мајаг (Венгров) и Kīristan (христиан); я удивляюсь. Какая ошибка была в этом, скажите нам?» И эти твои слова мы тоже не поняли. Чингис-хан и Каан послали к обоим выслушать приказ бога. Но приказу бога эти люди не послушались. Те, о которых ты говоришь, даже держали великий совет, они показали себя высокомерными и убили наших послов, которых мы отправили. В этих землях силюю вечного бога люди были убиты и уничтожены. Некоторые по приказу бога спаслись, по его единой силе. Как человек может взять и убить, как он может хватать (и заточать в темницу)?

* Эти строки написаны по-тюркски.

Разве так ты говоришь: «я христианин, я люблю бога, я презираю и...»
Каким образом ты знаешь, что бог отпускает грехи и по своей благодати жалует милосердие, как можешь ты знать его, потому что произносишь такие слова?

Силою бога все земли, начиная от тех, где восходит солнце, и кончая теми, где заходит, пожалованы нам. Кроме приказа бога так никто не может ничего сделать. Ныне вы должны сказать чистосердечно «мы станем вашими подданными, мы отдадим вам все свое имущество». Ты сам во главе королей, все вместе без исключения, придите предложить нам службу и покорность. С этого времени мы будем считать вас покорившимися. И если вы не последуете приказу бога и воспротивитесь нашим приказам, то вы станете (нашими) врагами.

Вот что Вам следует знать. А если вы поступите иначе, то разве мы знаем, что будет, одному богу это известно.

В последние дни джамада-оль-ахар года 644. (3—11 ноября 1246 г.)».

Письмо носит ярко выраженный угрожающий характер и вполне соответствует рассказу Плано Карпини о предполагаемых монголами походах, которые, как известно, не были осуществлены. Плано Карпини сообщает, что письмо сперва было написано по-монгольски, но затем переведено «по-саррицински». Это объясняется, возможно, тем, что при посылке угрожающих, воинственных писем, согласно восточным обычаям, надлежало употреблять чужой язык.

²¹⁸ По сведениям иранских авторов, Гуюк-хан был человек серьезный и строгий (д'Оссон, т. II, стр. 234).

²¹⁹ Гуго де Сантокаро, ср. d'Avezac, стр. 481. (Прим. А. И. Маленна.)

²²⁰ 13 ноября 1246 г.

²²¹ 9 мая 1247 г. Таким образом, Плано Карпини совершил путь из центра Монголии до ставки Бату на Волге в течение шести месяцев.

²²² То есть 9 июня, так как Иванов день (праздник Иоанна Крестителя) приходится на 24 июля.

²²³ В «Словаре древнерусских личных собственных имен» Н. М. Тупикова (СПб., 1903) этого имени нет. (Прим. А. И. Маленна.)

²²⁴ Рокхил полагает, что под этим названием, быть может, подразумевается один из хорезмийских городов в долине Сыр-Дарьи, возможно Чимкент.

ПРИМЕЧАНИЯ К КНИГЕ ГИЛЬОМА РУБРУКА «ПУТЕШЕСТВИЕ В ВОСТОЧНЫЕ СТРАНЫ»

¹ Людовик IX (р. 1215—ум. 1270) — французский король из династии Капетингов, известный под прозвищем «Людовик Святой». Организатор и глава седьмого крестового похода 1248—1250 гг., окончившегося неудачно. Людовик попал в плен, был освобожден за выкуп. Провел в Сирии четыре года, ожидая приезда новых отрядов крестоносцев, но, получив известие о смерти своей матери, королевы Бланки Кастильской, вернулся во Францию, где предпринял ряд мер к укреплению государственной власти. Боролся против феодальной раздробленности и успешно содействовал объединению Франции в единое феодальное государство. После смерти был канонизирован католической церковью.

² В нашей Библии эта цитата имеется в «Книге премудрости Иисуса, сына Сирахова» (гл. XXXIX, ст. 5): «Будет путешествовать по земле чужих народов, ибо испытал добро и злое между людьми». (Прим. А. И. Малеина.)

К главе I

³ Итальянское название Судака, главного порта в Крыму в середине XIII в., Судак, или Сугдак, известен с III в. Сначала это было аланское поселение, впоследствии превратившееся в крупный торговый город, ведущий обширную торговлю. В XII—XIII вв. это был город кипчаков. В Судаке торговали и русские, где имели свою колонию. В русских летописях Судак носит название Сурож. В 1223 г. Судак был впервые взят монголами и в течение XIII столетия не раз подвергался разорению. В XIV столетии был захвачен генуэзцами, удержавшими Судак как свою колонию до 1475 г., когда Крымом овладели турки. По истории средневекового Судака имеется исследование С. Секиринского, «Очерки истории Сурожа IX—XV вв.», Симферополь, 1955.

⁴ В оригинале *popas maū*, что я принимал сперва за *popa d. maij*, но все переводчики передают: «7-го мая». (Прим. А. И. Малеина.)

⁵ Исидор (Origg., XIII, 16, 1) называет так все Средиземное море. Черное же море именуется так еще у Марко Поло (И. П. М и н а е в, стр. 4). Ср. стр. 70. (Прим. А. И. Малеина.)

⁶ Этот размер представляется преувеличенным, так как теперь длина Черного моря измеряется в 1160 км. (Прим. А. И. Малеина.)

⁷ Ср. ниже «находится на юге» и «находится на севере». В оригинале везде *ad aquilonem... ad meridiem*. Так как буквальный перевод противоречил бы географии, остается допустить, что эти выражения стоят здесь в смысле так называемого локатива (ср. G. H. G r a n d g e n t. An introduction to vulgar Latin, Boston, 1908, p. 46). (Прим. А. И. Малеина.)

⁸ Синоп, или Синопа, взятый турками в 1215 г. (Прим. А. И. Малеина.)

Портовый и торговый город на южном побережье Черного моря. В древности Синоп был греческой колонией, затем входил в состав Римской империи,

а затем Византийской. С 1204 г. находился под властью Трапезунда, но в 1214 г. был завоеван Сельджуками.

⁹ Так, по имени народа хазаров, назывался Крым, вероятно с IX столетия (R o s k h i l l, p. 42, п. 1). (Прим. А. И. Малеина.)

¹⁰ См. прим. 182 к путешествию Плано Карпини.

¹¹ Херсонес Таврический. (Прим. А. И. Малеина.) Греческая колония, основание которой относится к V в. до н. э. Первоначально в рабовладельческую эпоху это был город-государство, выросший затем в крупный торговый и ремесленный город. В V в. Херсонес перешел под власть Византийской империи и был ее опорным пунктом в Крыму. В результате систематических археологических работ, проводимых в Херсонесе, восстановлена древняя история этого города. Об археологических работах см. книгу Белова «Херсонес».

¹² См. прим. 3.

¹³ В оригинале *varijum et grysiun*. (Прим. А. И. Малеина.)

¹⁴ *Materkha* у восточных писателей, *таматарха* или *та ма'тарха* у Константина Порфирородного, Тмутаракань наших летописей. (Прим. А. И. Малеина.) Тмутаракань — древнерусский крупный торговый город, выросший неподалеку от древнегреческой колонии Фанагория (основана в VI в. до н. э.). Впервые о Тмутаракани упоминается в русских летописях в 1022 г., но город был заложен несколько раньше. Относится к числу черниговских городов. В Тмутаракани русские вели большую торговлю, кроме того, получали большие доходы с окрестного нерусского населения, обложенного данью (касоги, ясы, обезы русских летописей, т. е. черкесы, аланы, абхазцы). Но с конца XI в. Тмутаракань отрывается от русских княжеств вследствие передвижений печенегов, кыпчаков и входит в византийские владения. Название Тмутаракани — Таматархи дошло до наших дней в другой форме — Тамань.

¹⁵ То есть Танаис, греческое название Дона.

¹⁶ То есть Азовское море.

¹⁷ У Дюканжа слов *hosas barbatus* нет. Перевод дан по Д. И. Языкову, который присоединил сюда еще и тунцов. Чебак — название леща в Азовском море. (Прим. А. И. Малеина.)

¹⁸ *Ziqia*, или *Zikia*, прим. 184 к путешествию Плано Карпини.

¹⁹ Вероятно, Сваны, обитатели Сванетии.

²⁰ Татары покорили их в 1239 г., так что показание Рубрука неправильное. (Прим. А. И. Малеина.)

²¹ Этот город был покорен монголами в 1244 г. (Прим. А. И. Малеина.) Большой торговый порт на южном побережье Черного моря. С 1204 г. стал центром Трапезундской империи, после того как Константинополь был захвачен крестоносцами. В Трапезундской империи правление находилось в руках династии Комненов, Империя просуществовала до 1461 г., когда перешла под власть османских турок.

²² Рубрук может разуметь только Андроника I Гида, умершего, однако, еще в 1235 г.; при Рубруке же в Трапезунде правил Мануил I (1238—1263). (Прим. А. И. Малеина.)

²³ Иоанн III Дука Ватацес, никейский император (1222—1254). Он платил дань монголам. (Прим. А. И. Малеина.)

Это был второй император Никейской империи, унаследовавший власть через свою жену Ирину, которая была дочерью Феодора Ласкариса, основателя Никейской империи. Никейская империя (1204—1261) представляла собой феодальное государство, возникшее после захвата крестоносцами Константинополя (1204 г.) и части Византийской империи. Столицей новой империи была Никея, древний крупный город, один из культурных центров в Малой Азии. Хотя Иоанн Дука Ватацес и платил дань монголам, но не был их вассалом. Он успешно вел борьбу с крестоносцами и добился освобождения части византийских владений, подготовив восстановление Византийской империи в 1261 г.

²⁴ Феодор Ласкарис, сын Вастация от первой жены его Ирины, дочери императора Феодора Ласкариса. (Прим. А. И. Малеина.)

Феодор Ласкарис, третий никейский император, царствовал недолго, с 1255 по 1258 г.

²⁵ Валахия, или в некоторых рукописях Рубрука — Блация. Ср. Ю. А. Кулаковский, «Где находилась вичинская епархия константинопольского патриархата?» «Визант. Врем.», 1897, № 3, стр. 9, отд. отт. (Прим. А. И. Маленна.) Валахией в средние века называлась территория, находящаяся между Карпатами и Дунаем, на которой было расположено несколько феодальных княжеств, объединенных затем в единое, находившееся в вассальной зависимости от Венгрии.

²⁶ Разумеется династия царей Асеней. Во время Рубрука царем был Михаил Асень. (Прим. А. И. Маленна.) Со второй половины XII в. в Валахии правила династия Асенидов, основателями которой считались три брата: Асень, Петр и Иоанн. Михаил Асень, о котором упоминает Рубрук, царствовал с 1246 по 1277 г.

²⁷ Имя этого сына Бату и внука Чингис-хана в рукописях передается весьма различно (ср. Rockhill, p. 48). Форма *Sартах* ближе всего воспроизводит написание этого имени у современных Рубруку магометанских писателей. (Прим. А. И. Маленна.) Сартак — сын Бату, наследовал власть в Золотой Орде после смерти отца. Получил утверждение на владение Золотой Ордой от великого хана Мункэ, в ставке которого находился в момент смерти Бату. Умер в 1256 г. по дороге из Монголии в Золотую орду. Обстоятельства его смерти не выяснены. Относительно написания имени Сартака в форме *Sартах* А. И. Маленн придерживается мнения В. Рокхила, который опирается на материалы Бретшнейдера, но в современной монголоведческой литературе установлено правильное написание — Сартак. Это тюркская форма, происшедшая от санскритского *sārtha*, что значит «торговец».

²⁸ То есть 12 апреля 1253 г.

²⁹ Мнение о том, что Сартак был христианином и даже носил сан диакона, держалось очень упорно. Ср. И. А. Орбели, Асан Джалал, князь Хаченский в «Известиях имп. Академии наук», 1909, № 6, стр. 423, прим. 7. (Прим. А. И. Маленна.)

³⁰ В оригинале *lator praesentium*, что надо понять, как «податель настоящего послания». (Прим. А. И. Маленна.)

³¹ Ср. наше выражение «раб божий», указывающее на недостаток разума у человека. (Прим. А. И. Маленна.)

³² См. А. А. Куник. О записке готского топарха в «Зап. Имп. Акад. наук», т. 24 (1874), стр. 78, прим. 3. (Прим. А. И. Маленна.)

³³ *Teutonicum* в оригинале. Ср. Ю. А. Кулаковский, Аланы и т. д., стр. 65, прим., а также примечания к данному месту Rockhill'a и Beazley. (Прим. А. И. Маленна.)

Рокхил полагает, что употребленное Рубруком выражение *Castella* соответствует старофранцузскому *Kasel*, или *Casal*, эквивалентном чего в современном французском языке является «bourg», что значит «городок».

³⁴ Впервые монголы вторглись в Крым в 1223 г. и овладели городом Судак. Крым находился в то время под властью кыпчаков, кочевавших и в крымских степях и собиравших обильную дань с городов. Второй раз монголы появились в Крыму во время большого похода 1236 г., когда были завоеваны юго-восток Восточной Европы, Дешт-и-Кыпчак, а также и Крым. Затем Крым вошел в состав Золотой Орды.

³⁵ То есть кыпчаки, см. прим. 28 к Плано Карпини.

³⁶ См. прим. 15 к Плано Карпини. Бизли полагает, что стоимость иперпера равнялась 10 шиллингам и 6 пенсам.

К главе 2

³⁷ В оригинале *Cithiam*. Исидора (*Originum*, lib. XIV, 3, 31) определяет границы Скифии от восточной Индии до Германии и Дуная. (Прим. А. И. Маленна.)

На авторитет Исидора Севильского Рубрук ссылается очень часто.

³⁸ У монголов в период Монгольской империи вся земля номинально являлась собственностью великого хана, но каждый феодальный сеньор в пределах пожалованных ему земельных угодий распоряжался кочевками зависящих от него людей, распределяя лучшие пастбища по своему усмотрению. Эту черту монгольской жизни заметил Рубрук, который был вообще очень внимательным и наблюдательным путешественником.

³⁹ Рубрук описал очень подробно ныне исчезнувший вид юрты монгола-кочевника. На основании описаний Плано Карпини (см. также прим. 18 к путешествию Плано Карпини) и Рубрука, а также сведений Рашид-ад-дина и некоторых других восточных авторов можно установить эволюцию юрты, служившей жилищем кочевников: 1) шалаш лесного охотника, 2) юрта, покрытая шкурами, 3) юрта неразборная войлочная с шейкой, 4) современная разборная юрта. 5) деревянная юрта постоянная (монастырские постройки монгольского стиля).

⁴⁰ Описание Рубрука подтверждается археологическими материалами. В раскопках Каракорума найдены огромные втулки для деревянных осей большой повозки. Описание монгольских повозок, данное Рубруком, наиболее полно, в монгольских летописях имеются лишь отдельные указания на такие повозки. Упоминают о них и китайские авторы Чань-чунь, Чжан-Дэ-хуай.

⁴¹ То есть монгол. Употребляемое Рубруком название «моал» вместо «монгол» вызвано, вероятно, тем, что он слышал, как произносили одну из монгольских форм этого слова, а именно *moal*, а не *mongol*. Также, быть может, сказало и влияние тюркских и славянских переводчиков.

⁴² В оригинале *ipa curia*. Этим словом Рубрук передает татарское орда. Китайские писатели переводят эти слова «движущийся дворец». Ср. d'O h s s o n, I, p. 83, 2: «Ordou называется собрание шатров (*pavillons*), палаток и жилищ, которые составляют обычное поселение государя и его жен, равно как и лиц, состоящих у него на службе; от слова *ordou* произошло слово *horde*, значение которого иное (т. е. орда, шайка, сборище). Множество людей, повинующихся татарскому монарху, именуется его *улус*, т. е. его народ, а частная территория государя, вождя племени, вождя семейства называется его *юрта*». (Прим. А. И. Малеина.) Термин «улус» во времена Монгольской империи имел значение «народ-государство», составлявшее владение хана. «Народ-государство» проживал на определенной территории, носившей название по-монгольски — нутук, по-тюркски — юрт.

К главе 3

⁴³ См. прим. 20 к путешествию Плано Карпини.

К главе 4

⁴⁴ Так называемая террасина (далее см. прим. 204).

⁴⁵ Вероятно, из Персии и Туркестана. (Прим. А. И. Малеина.)

⁴⁶ Вероятно, подобие нашей балалайки. (Прим. А. И. Малеина.)

К главе 5

⁴⁷ Летом монголы питаются исключительно молочной пищей. Ко всяким молочным продуктам (а монголы умеют готовить из молока более 20 видов всевозможных продуктов) они относятся с уважением и называют их почтительно *agiqun çayān idē* — «чистая, белая пища». На зиму монголы запасают масло (*шара-тос*), несколько видов сушеного творога и сыра. Очень ценят овечьё молоко, а кобылье идет на приготовление кумыса.

⁴⁸ Высушенное и вяленое на солнце мясо до сих пор употребляется в Монголии, а также среди кочевников северного Тибета.

⁴⁹ Вилка стала необходимой принадлежностью столовой посуды только около половины XIV в. Ср. M a r q u a r d t—M a u. «Privatleben der Römer», 2-te Auflage, S. 370, Berlin, 1886. См. также L u m b r o s o. «La forchetta di ta-

vola in Eurora» в *Mémoires Acad. Lincel., Sc. morali*, X, 19 fevr. 1882. (Прим. А. И. Малеина.)

⁵⁰ «Капы в Туркестане— мешки для укладывания всякого товара. Костенко III, 75», Бретшнейдер. (Прим. А. И. Малеина.)

Kabtaga, Kabtaga по-тюркски значит «мешок». В тюркских языках в источниках XV—XVI вв. употреблялось слово K'artağhai в значении «мешок, большой кошель».

К главе 6

⁵¹ Бретшнейдер сообщает, что «Eau devie de lait de cavalen Kirghise et Turc— kumuz, ep mongol agadj». Монгольское название кумыса — чигэ, или арик-чигэ. Монголы приготавливают из коровьего молока довольно крепкую водку, называемую агаки или в разговорной речи «архи».

⁵² То есть буквально «черный кумыс», о котором упоминает также персидский историк Вассаф. В китайских источниках имеется указание, что кыпчаки иногда назывались черными кыпчаками, потому что доставляли ко двору монгольского хана молоко от черных кобылиц (см. E. B r e t s c h n e i d e r. *Mediæval Geography*, 249). Точно не выяснено, что представляет собой каракосмос.

⁵³ В оригинале *regula enim est quod nullius animalis in cuius fetus ventre lac non invenitur coagulum coagulatur*. Рокхил, может быть, точнее передает это место так: «It is a fact that (the milk) of no animal will curdle in the stomach of whose fetus is not found curdled milk». (Прим. А. И. Малеина.)

⁵⁴ Способ приготовления масла (tos) монголами, описанный Рубруком, распространен в Монголии и поныне.

⁵⁵ «Сыр по-киргизски krouit, по-турецки kourt, по-монгольски (П е в ц о в, *Путешествие в Монголию*, стр. 84) hurut или bislik». Бретшнейдер. (Прим. А. И. Малеина.) Монголы приготавливают из творога своеобразный сыр, который называется хурут. Рубрук довольно точно описал его приготовление. Хурут действительно приготавливается из свернувшегося при кипячении молока, затем прессуется и режется на кусочки, высушиваемые на солнце.

К главе 7

⁵⁶ «По Потанину, киргизы называют это животное с у у р». Бретшнейдер. (Прим. А. И. Малеина.)

Монголы называют сурков тарбаганами, и их мясо употребляют в пищу.

⁵⁷ По-монгольски «кулан», водятся главным образом в степной полосе Монголии, держатся стадами.

⁵⁸ Горный баран (*ovis argali*), охота на которого очень трудна.

⁵⁹ В оригинале *falcones, girfous erodios*. Перевод для *erodios* дан приблизительно к величине этих птиц (также передает слово и Д. И. Языков, ср. *Ducange, s. v. herodius*). Неправильно, повидимому, Rockhill считает это слово за прилагательное и переводит *hawks and peregrine falcons*. Языков отождествлял *herodius* с беркутом (*aquila imperialis*). (Прим. А. И. Малеина.) Охота с подрученными кречетами и соколами была не только распространенным, но и любимым занятием монголов, о чем имеются неоднократные упоминания в монгольских летописях. Ловчие соколы ценились очень высоко.

⁶⁰ То же что Баскарт у Плано Карпини. См. прим. 103 к Плано Карпини.

⁶¹ В данном случае Рубрук под названием черкис подразумевает киргизов. Это же самое слово он употребляет иногда для обозначения черкесов.

⁶² Рубрук называет это животное *rapionibus*, что точнее всего перевести павианы, как это и сделал А. И. Малеин. Однако трудно себе представить, чтобы монголы одевались в меха обезьян; скорее всего Рубрук подразумевает мех или корсака, или колонка, т. е. животных, распространенных в Монголии.

⁶³ Рубрук дает очень краткие сведения об облавной охоте, которая широко практиковалась монголами во время походов и войн, благодаря чему войско получало пищу. Кроме того, облавные охоты представляли собой как бы подготовительные маневры. Таким образом, облавные охоты имели военное-хозяйственное значение. При Чингис-хане облавные охоты получили правиль-

ную организацию и проводились в очень больших масштабах. В Ясе Чингис-хана имелся специальный раздел, посвященный организации облавной охоты, которая могла длиться от одного до трех месяцев. Все участвующие делились на два крыла и занимали крайние точки гигантского круга в местности, назначенной для охоты. Круг постепенно сужался, особые загонщики должны были гнать зверя к центру. Малейшее нарушение правил влекло за собой суровые наказания. Облавная охота являлась школой военной тренировки.

К главе 8

⁶⁴ То есть богтаг, см. прим. 17 к путешествию Плато Карпини.

⁶⁵ Обычай натирать лицо различными мазями, обычно черными, чтобы предохранить кожу от раздражения ветром и солнцем, долгое время существовал в Азии. Впервые об этом обычае упоминается в тибетских источниках VII в.

⁶⁶ У монголов до последнего времени был распространен обычай рожать, присев на корточки. Роженицу при этом кто-нибудь поддерживал сзади.

К главе 9

⁶⁷ Эти и нижеследующие странные обычаи монголов стоят по большей части в соответствии с наставлениями Чингис-хана. См. d'O h s s o n, I, p. 409. (прим. А. И. Малеина.)

К главе 10

⁶⁸ См. прим. 75 к путешествию Плато Карпини. Рубрук, так же как и Плато Карпини, приводит имя Мункэ в его тюркской форме—Мэнгу или даже Мангу.

⁶⁹ Монголы держали в тайне место захоронения своих ханов. Неизвестно, где был похоронен Чингис. В одной из монгольских летописей рассказано, что над могилой Чингиса был прогнан табун в 20 000 лошадей, чтобы сравнять место и чтобы никто не мог найти его. Возможно, что рассказ этот легендарен.

К главе 11

⁷⁰ В оригинале de villa. Вероятно, разумеется, Константинополь. (Прим. А. И. Малеина.)

⁷¹ В рукописях — варианты: Scatai, Scatay, Scatatai, Scatatay и Scatapanu. Rockhill склонен думать, что это лицо тождественно с Каданом у Плато Карпини (стр. 44 и 73). (Прим. А. И. Малеина.)

⁷² Балдуин II, последний император латинской империи (1228—1261). (Прим. А. И. Малеина.)

⁷³ Правильно «арик», готовится из молока, которое подогревают, сливают в большой кожаный мешок, называемый архат. К этому молоку прибавляется теплая смесь кимар, состоящая из молока же и воды. Все это сбивают мутовкой, пока не собьется масло, и останется арик — кислая на вкус жидкость, которую пьют или чистой, или подливают молока.

К главе 12

⁷⁴ В 1253 г. этот день приходился на 5 июня.

⁷⁵ Подтверждение этого утверждения Рубрука имеется в армянских хрониках, где сказано, что грузины не принимают участия в пирах монголов, не пьют кумыса, «потому что они христиане» (История монголов Киракоса).

К главе 13

⁷⁶ То есть 7 июня.

⁷⁷ Об аланах см. прим. 96 к путешествию Плато Карпини. Средневековые персидские авторы упоминают об аланах и асах (Мирхонд). Русские летописи упоминают ясов, предков осетин, живших в степях и предгорьях Кавказа (см. Повесть временных лет, т. 1, стр. 244, под годом 965, о походе Святослава на хазар и победе его над ясами и касогами).

⁷⁸ См. прим. 111 и 115 к Плато Карпини.

⁷⁹ Византийские монеты XIII в. отличались большим количеством лигатуры, о чем упоминают греческие авторы. Так, Пахимер сообщает, что золотые

монеты Иоанна III Дука Вастация содержали только одну треть золота. Судя По рассказу Рубрука, монголы отлично разбирались в качестве и стоимости византийских денег.

К главе 14

⁸⁰ Перекопский перешеек, соединяющий Крымский полуостров с материком. В древности он был перекопан рвом, см. Геродот, IV, 3; В. В. Л а т ы ш е в. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе, т. 1, вып. 1, СПб., 1893, стр. 11. (Прим. А. И. Малеина.)

⁸¹ То есть кыпчаки, см. прим. 28 к путешествию Плано Карпини.

⁸² См. прим. 109 к путешествию Плано Карпини.

⁸³ Птолемей, первый из классических писателей, упоминающих про Волгу, называет ее Rha, Константин Багрянородный — Atel или Etel. (Прим. А. И. Малеина.) В средние века Волгу также называли «Итиль», что по-тюркски значит «река». Во времена Рубрука, однако, уже было введено русское название Волга, о чем упоминает Плано Карпини. Однако Рубрук в своем описании везде называет Волгу Этилем.

К главе 15

⁸⁴ Окончательное покорение Пруссии рыцарями тевтонского ордена совершилось значительно позже, ср. С о л о в ь е в, кн. 1, стр. 816—820. (Прим. А. И. Малеина.)

⁸⁵ Рубрук ошибался, высказывая предположение о возможности покорения Руси тевтонскими рыцарями. Пытавшиеся вступить в Русскую землю немецкие рыцари неоднократно получали жестокий отпор и были разгромлены в известной битве на Чудском озере 5 апреля 1242 г. новгородским войском, руководимым князем Александром Невским.

⁸⁶ То есть Азовское море.

⁸⁷ 22-го июля.

⁸⁸ Что Дон (Танаид) служил границей между Европой и Азией, это было общераспространенное мнение античных географов, которое повторяют еще Герберштейн (стр. 105) и Олеарий (стр. 387). (Прим. А. И. Малеина.)

⁸⁹ *Sasalia* именовались местности, примыкавшие к замку или городу; это могли быть как отдельные дворы, так и целые деревни. См. Н е у d. «Die italienischen Handelskolonien in Palästina» в «*Zeitschrift für Staatswissenschaft*», Bd. XVI, S. 32. (Прим. А. И. Малеина.)

⁹⁰ Что разумеется под этим названием, в точности неизвестно. Бенедикт, толмач Плано Карпини, понимал под ним соленые озера в степях к северу от Каспийского моря (d'А в е з а с, р. 777). По Герберштейну (стр. 105) Дон берет начало из Иванова озера, а по Олеарию — из трех озер, называемых *Resanscha* (см. его карту). (Прим. А. И. Малеина.)

⁹¹ То есть Азовское море, размеры которого Рубруком преувеличены.

К главе 16

⁹² Вероятно, народ мокша-эрзя финско-мордовского происхождения, населявший бассейн р. Мокша (левый приток р. Оки).

⁹³ То есть мордва, см. прим. 101 к путешествию Плано Карпини.

⁹⁴ То есть Каспийское море.

⁹⁵ Повидимому, лезгины. Согласно сведениям автора X в. Ибн-Алатира, лезгины (или как он их называет «лекз») исповедовали и мусульманство и христианство.

⁹⁶ См. прим. 62 к путешествию Плано Карпини.

К главе 17

⁹⁷ В рукописях Рубрука это имя пишется *Caiaс*, *Coiaт* или *Coiaс*.

⁹⁸ См. прим. 90 к путешествию Плано Карпини.

⁹⁹ Французский рыцарь, находившийся на службе в Константинополе у императора Болдуина II. Женился на кыпчакской царевне в 1240 г. для того, чтобы содействовать заключению мирного договора между кыпчаками и Бол-

дуином II. Из книги Рубрука известно, что Болдуин Гэно совершил путешествие по Азии, доехав до Каракорума, но нигде в других источниках нет упоминаний об этом путешествии.

¹⁰⁰ Повидимому, это тот самый Давид, который в 1248 г. явился к Людовику IX на Кипр с поручением от монгольского генерала Илчикадая. С Давидом при этом был товарищ по имени Марк (Marchus). Возможно, что именно этого Марка и встретил Рубрук у Сартака.

¹⁰¹ То есть в Акре, откуда Рубрук, вероятно, отправился на корабле в Константинополь.

К главе 18

¹⁰² 2 августа.

¹⁰³ Несториане не употребляли миро (благовонная мазь, в состав которой входит 31 ароматическое вещество), а лишь чистое оливковое масло. Армяне, наоборот, употребляют при совершении христианских обрядов миро и называют его «миерон».

¹⁰⁴ На стр. 122 Рубрук говорит, что у него не было других книг, кроме Библии и служебника. Бизли понимает под *Sentenciae* большой труд Петра Ломбардского, епископа Парижского (ум. в 1164 г.), носившего прозвище *Magister Sententiarum*. (Прим. А. И. Малеина.)

¹⁰⁵ См. прим. 84.

К главе 19

¹⁰⁶ Антиохия была взята крестоносцами после девятимесячной осады (в июне 1098 г. во время первого крестового похода).

¹⁰⁷ То есть Гурхан, что значит «великий хан», или «всеобщий хан». Этот титул был принят в 1125 г. Елюй-Таша, основателем государства Кара-Китаев.

¹⁰⁸ Рубрук, так же как и Плано Карпини, путает два разных слова: хан и кам. См. прим. 29 к путешествию Плано Карпини.

¹⁰⁹ См. прим. 42 к путешествию Плано Карпини.

¹¹⁰ См. прим. 9 к путешествию Плано Карпини.

¹¹¹ Рубрук чаще употребляет написание *kepchan*, но иногда пишет *kepcep*, что более близко к имени Гуюк-хана, которого он и имеет в виду. О Гуюк-хане см. прим. 65 к путешествию Плано Карпини.

¹¹² Андрей de Longumedi или de Lonjmetel был послан Людовиком IX к монголам в феврале 1249 г. (Прим. А. И. Малеина.)

¹¹³ Онг-хан керентский, собственное имя которого было Тоорил. Рашид-ад-дин называет его Тогорил (Собрание летописей, т. I, кн. 2, стр. 108).

¹¹⁴ Это наиболее часто встречающееся у Рубрука название этого города (другие варианты *Saracoron*, *Saracaron*, *Saratorum*, *Saratharum*). (Прим. А. И. Малеина.) О Каракоруме см. прим. 10 к путешествию Плано Карпини.

¹¹⁵ То есть керенты и меркиты см. прим. 57 и 39 к путешествию Плано Карпини.

¹¹⁶ Рассказ Рубрука представляет собой передачу каких-то слухов о Чингис-хане, излагавших крайне упрощенно и неточно эпизоды из ранней юности монгольского хана, когда последнему приходилось скрываться от своих врагов меркитов. Эпизод этот поэтически описан в «Сокровенном сказании» и повторяется во многих монгольских летописях.

¹¹⁷ Соргахтани-беки, мать Мункэ-хана, была дочерью не Онг-хана (Унк у Рубрука), а его младшего брата. О ней см. прим. 76 к путешествию Плано Карпини. Дочь Онг-хана по имени Чор-беки Чингис-хан сватал в жены своему старшему сыну Джочи, но Онг-хан не согласился.

¹¹⁸ В районе рек Онона и Керулена находились родовые земли Борджигитов, к роду которых принадлежал Чингис-хан. Река Онон — правый приток р. Шилки, р. Керулен берет начало в горах Кентея, течет по равнинной Монголии и впадает в оз. Далай-нор.

К главе 20

¹¹⁹ Греч. *Semanterium*. Cp. F. X. Kraus, *Realencyklopädie der shriftl. Alterthümer*, Bd. I (Freiburg im Breisgau), с. 622. (Прим. А. И. Малеина.)

В ранние времена христианства у греков и восточных христиан вместо колоколов употреблялась железная плита или доска, в которую ударяли бидлом или деревянным молотом. Такая плита у греков носила название семантрон (*σημαντρον*), а у армян *jamahar*. Несториане придерживались этого обычая и не имели колоколов.

¹²⁰ То есть Бэркэ, см. прим. 86 к путешествию Плато Карпини.

¹²¹ *Mare Sirsan*, в других рукописях Рубрука *Sirfan* или *Sircan*, что представляет собой, повидимому, ошибку переписчика, вместо *mare Servanicum* или море Ширванское. Может быть, это название происходит от Ширван. Государство Ширван находилось в северо-восточном Азербайджане, между реками Курой и Самурой, главным городом его был Шемаха.

¹²² «Имеется в виду арабское слово *мульхид* = еретик», В. В. Бартольд, стр. 57, прим. 2. (Прим. А. И. Малеина.)

¹²³ «Название секты было *Х а ш и ш и н* от одуряющего напитка *х а ш и ш*. Убийства исмаилитов получили такую известность, что от названия их секты произошло французское слово *assassin* (убийца)». В. В. Бартольд, стр. 58, прим. 1. (Прим. А. И. Малеина.)

¹²⁴ См. прим. 142 к путешествию Плато Карпини.

К главе 21

¹²⁵ Это определение Албании взято Рубруком из Исидора Севильского, который в своих знаменитых «Этимологиях» (кн. XIV, стр. 501) пишет: «Албания называется так от цвета народа, который имеет светлые (*alba*) волосы; она начинается на Востоке у Каспийского моря и простирается через степи и леса вдоль берега Северного Океана до Меотидских болот. В этой стране имеются огромные собаки, столь свирепые, что хватают быков и повергают львов». О свирепых собаках Албании рассказывают многие средневековые авторы. Основой этих рассказов, так же как и сообщения Рубрука, являются сведения об использовании палеоазиатскими племенами собак для транспорта.

¹²⁶ Вероятно, Рубрук говорит об Увек. Марко Поло называет его Укака. Так как Рубрук отмечает несколько далее, что от Железных Ворот (Дербента) требуется 30 дней, чтобы дойти до города Булгар, а сам он совершил в 15 дней обратный путь от Сарая до Дербента, то не названный им по имени поселок, повидимому, должен находиться в десятидневном пути на север от Сарая. (Эти расчёты соответствуют местоположению Увека. Увек, или по-татарски Укек, находился недалеко от Саратова. Это был золотоордынский город, от которого ныне сохранились лишь развалины, раскопки которых дали интересные материалы по истории Золотой орды. Увек был разорен и разрушен Тимуром во время походов его на Волгу в 1391—1395 гг.)

¹²⁷ Древние Булгары были издавна связаны торговлей с Ираном, и Ислам проник в приволжские земли давно. Удивление Рубрука происходит и от незнания им истинных условий распространения Ислама и от предвзятости отношения к магометанам христианского монаха периода крестовых походов.

¹²⁸ Разумеется Плато Карпини. Об упоминаемой затем перемене платья говорит толмач Плато Карпини, Бенедикт (*Avezas*, р. 777). (Прим. А. И. Малеина.)

¹²⁹ Вероятно, первая жена Бату, которую звали Боракчин.

¹³⁰ Участник седьмого крестового похода, адмирал французского флота, сопровождавший Людовика IX при высадке в Египет в 1249 г. Его племянник Гильом де Бомон был также в этом крестовом походе в звании маршала.

К главе 22

¹³¹ То есть 14 августа.

¹³² Нет ничего удивительного, что Бату вместе со своей свитой путешествовал медленно, вероятно, не более 10—15 км в день, так как Рубрук, указывает, что ему приходилось идти пешком за недостатком лошадей.

¹³³ Рубрук выехал ко двору хана Мункэ 15 сентября 1253 г. Он оставил Волгу в её течении между 48° и 50° градусами северной широты, значительно

севернее того места, куда он впервые пришел на Волгу с запада. К такому выводу пришел Г. Юль, изучая маршрут Рубрука. Это мнение Юля удерживается и поныне.

К главе 23

¹³⁴ То есть р. Яик, переименованная в р. Урал во второй половине XVIII в.

¹³⁵ Баскарт у Плато Карпини, см. прим. 103 к путешествию Плато Карпини.

¹³⁶ Передвижение части болгар с Волги и занятие ими Валахии произошло в 485 г. н. э., но только в начале VI в. часть из них, возглавляемая Аспарухом, перешла Дунай и заняла земли современной Болгарии, «земли Ассана» по Рубруку.

¹³⁷ Это замечание Рубрука о связи славянских языков с языком вандалов, является, по видимому, самым ранним наблюдением над этим фактом в западной литературе.

¹³⁸ Второзаконие, XXXII, 21 (ср. Посл. к Римлянам, X, 19). В нашей Библии: «Они раздражили Меня не богом, суетными своими огорчили Меня: и я раздражу их не народом, народом бессмысленным огорчу их». (Прим. А. И. Малеина.)

¹³⁹ Об этих первых проповедниках, принадлежавших к доминиканскому ордену, имеется только одно упоминание в «Хронике» Albert Tri um Fontium под 1237 г.: «Распространились слухи, что татары намереваются захватить Команию и Венгрию, поэтому четыре проповедника путешествовали в течение стадней и дошли до Старой Венгрии и, вернувшись, они утверждали, что татары уже вторглись в Старую Венгрию и подчинили ее своему господству». Судя по словам Рубрука, были и другие попытки доминиканцев проникнуть на восток Европы.

¹⁴⁰ 10 километров. По вычислениям F. Schmidt в «Ueber Rubruk's Reise von 1253—55» в журнале «Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde», 1885, XX Band. Рубрук делал ежедневно по 80 км.

К главе 24

¹⁴¹ То есть Джочи, Угэдэй, Чагатай и Тулуй, см. прим. 68 к путешествию Плато Карпини.

¹⁴² 31 октября (накануне дня Всех Святых) Рубрук повернул на восток. Трудно определить, в каком месте это произошло. Если предположить, как это делает Рокхил, что в день Рубрук продвигался по 30 миль, то, вероятно, за 34 дня со дня перехода р. Яик он мог сделать одну тысячу миль и повернуть на юг примерно около 69° долготы. Исследователи маршрута Рубрука (Юль, Шмидт, Рокхил) указывают долготу от 67° до 70°.

¹⁴³ Монг. кулан, или хулан, дикий осел.

¹⁴⁴ 8 ноября.

¹⁴⁵ В сочинении Mesalek al-absar упоминается город Кенджек, один из городов в долине Таласа. Вероятно, именно об этом городе и говорит Рубрук.

¹⁴⁶ То есть р. Талас, которая начинается в горах Александровского хребта и теряется в песках Муюн-куль. Длина течения 417 км. Талас протекает по территории современных Казахской и Киргизской ССР.

¹⁴⁷ Разведение винограда в этих районах Средней Азии имеет почти двухтысячелетнюю давность.

К главе 25

¹⁴⁸ Горы, которые видел Рубрук в долине Таласа, — хребет Александровский. Рубрук называет его Кавказом, следуя традиции средневековых географов, полагавших, что Кавказ простирается через Азию от Индийского океана на запад, при этом горы Урала являются одним из боковых хребтов великих Кавказских гор. Исидор Севильский, например, сообщает, что горы Кавказа тянутся от Индии до Таврии.

¹⁴⁹ Город на реке того же имени; точное положение его неизвестно. См. Schmidt, S. 194 (Прим. А. И. Малеина.)

Город Талас позднее назывался Аулие-ата, ныне г. Джамбул в Казахской ССР. Средневековый Талас был крупным торговым городом, имел хорошо укрепленную цитадель. Впервые упоминается в источниках VI в. Рашид-ад-дин называет его иногда Тараз.

¹⁵⁰ Бури у Плано Карпини, см. прим. 73 к путешествию Плано Карпини.

¹⁵¹ В кратком отчете, дошедшем до нас о миссии Андрэ Лонжумэла, нет упоминания о немцах, рабах Бури. Быть может, Рубрук слышал о них непосредственно от самого Андре, так как встретил последнего в Сирии.

¹⁵² Сведения Рубрука о ссоре между Бату и Бури подтверждаются также материалами монгольских летописей. В «Сокровенном сказании» эта ссора описана так: «Когда войско возвратилось, то был устроен пир, на котором присутствовали все князья. Будучи старшим, я (рассказывает Бату) одну или две чаши вина выпил раньше других. Бури и Гуюк рассердились, покинули пир и, садясь верхом на своих лошадей, бранили меня в то же время. Бури сказал «Бату не выше меня, почему он пьет раньше меня? Это старая баба с бородой. Одним ударом я могу опрокинуть его наземь». Гуюк сказал: «Он старая баба с луком и стрелами. Я прикажу избить его палкой!» Другой предложил привязать мне деревянный хвост». Впоследствии Бури был выдан Бату и предан смерти. При казни князей ханского рода монголы соблюдали обычай: не проливать ханской крови. Поэтому вряд ли Бури отрубил голову, как это сообщает Рубрук. Своих князей монголы убивали иначе: или закатывали в войлок и забивали до смерти, или топили. Марко Поло, рассказывая о казни князя Наяна, сообщает, что его завернули в войлок, «да так плотно свили, что он и умер» (Книга Марко Поло, М., 1955, стр. 102).

¹⁵³ Bolu у китайских писателей. «Lag im Gebiete der Borotola nördlich vom Sairamsee». Schmidt, S. 200. (Прим. А. И. Малеина.)

Средневековые иранские авторы называют этот город Пулад или Пула. О нем упоминает Гетум армянский, помещая его на юго-запад от оз. Кизилбаш-нор. Китайский путешественник Чанг-дэ в 1253 г. проезжал через Пулад и отметил, что в окрестностях его растет пшеница и рис, дома в городе глиняные, а в окнах имеются стекла (см. Bretschneider, Mediaeval Travel, стр. 70).

¹⁵⁴ То есть р. Или — многоводная река, ширина ее достигает в некоторых местах километра.

¹⁵⁵ Вблизи нынешнего Копала; точное положение неизвестно (Schmidt, р. 203). (Прим. А. И. Малеина.)

¹⁵⁶ Вероятно, Kayalik, Kaligh и Khaulak у мусульманских писателей, Naiva-li у китайских; находился по Шмидту, стр. 204, немного к западу от нынешнего Копала. (Прим. А. И. Малеина.)

¹⁵⁷ Альмалик или Кульджа. Bretschneider, I, 114, 167 и прим. 285. По мнению Yule, Органа было имя царицы той страны (Schmidt, стр. 204), так что Рубрук здесь странно ошибся. (Прим. А. И. Малеина.) Органа была вдовой Кара-Хулагу, внука Чагатая, и управляла после смерти мужа всем его улусом. Ее резиденцией был Альмалик, главный город владений Чагатая, находившийся неподалеку от современной Кульджи, как это определил В. В. Бартольд. Рубрук перенес собственное имя ханчи на название области, которой она правила.

К главе 26

¹⁵⁸ То есть уйгуров, см. прим. 7 к путешествию Плано Карпини.

¹⁵⁹ Рубрук довольно точно определяет положение страны уйгуров. В XIII столетии уйгуры занимали Урумчи, Турфан, Каракоджу и соседние местности, расположенные на юго-восток от Кульджи.

¹⁶⁰ О подобном обычае среди турок говорит византийский писатель Феофилакт (т. 46, стр. 225 Боннского издания). (Прим. А. И. Малеина.)

Феофилакт, византийский автор VI в., рассказывает, что видел несколько пленных турок, присланных в Константинополь, у которых на лбу был вы-

татуирован знак креста. Тюрки объяснили ему, что во время чумы, свирепствовавшей в их стране, христиане-несториане посоветовали им начертать знак креста на лбу для защиты себя от чумы.

¹⁶¹ Повидимому, Рубрук видел буддийский храм, в котором были изображения Будды и Бодисатв, проповедующих учение. В подобных изображениях правая рука божества поднята как бы для благословения.

¹⁶² Рокхил предполагает, что это был праздник Байрам.

¹⁶³ Первый и пятнадцатый день каждого лунного месяца отмечается у буддистов особым праздником в храмах. Эти дни считаются счастливыми, так же как 8-е и 26-е числа. Особенно значителен праздник 1-го числа, когда в храме служба совершается в течение целого дня, сжигаются благовонные курения, приносятся в жертву особого рода печенья, фрукты, вода, зажигаются лампы перед богами.

¹⁶⁴ Рубрук довольно точно передает описание буддийского храма и убранство «тахилийн ширэ» (т. е. жертвенного стола).

¹⁶⁵ Христианская легенда сообщает, что Христофор был великаном, его изображения поэтому делаются значительно больших размеров, чем обычные размеры человека.

¹⁶⁶ Колоссальные статуи Будды имеются в Китае, Монголии и Тибете. О некоторых из них упоминают и средневековые путешественники. Так, Марко Поло, описывая город Канпичион, упоминает о статуях «в десять шагов в высоту» (Книга Марко Поло, стр. 83). Армянский царь Гетум упоминает о большом глиняном изображении Шигемуни (монгольское название Будды) и о гигантском Майтреи. Недавно на территории МНР обнаружено А. П. Окладниковым колоссальное изображение Будды, выложенное из камней в степи.

К главе 27

¹⁶⁷ То есть в буддийском монастыре. Рубрук дает верное описание ламы — буддийского монаха. Его описание буддийских храмов и монахов является одним из точно датированных доказательств широкого распространения тибетского буддизма в Центральной Азии уже в половине XIII в.

¹⁶⁸ То есть «ом, мани падме, хум!», что значит «ом, драгоценность в лотосе, хум!» — краткая священная формула буддистов на тибетском языке, состоящая из двух мистических непереводаемых восклицаний «ом» и «хум» и выражения «драгоценность в лотосе», что значит Будда. Имеет значение вроде православного «господи, помилуй». Упоминание Рубрука об этой формуле является первым в европейской литературе.

¹⁶⁹ См. прим. 177 к путешествию Плано Карпини.

К главе 28

¹⁷⁰ См. Марко Поло, стр. 74. Племя в северном Тибете. Чингис-хан воевал с ними в 1209—1210 гг. и покорил их в 1226—1227 гг. «История первых четырех ханов», стр. 41 и 133. (Прим. А. И. Малеина.)

Раннефеодальное государство Тангут, более известное под китайским названием Си Ся, просуществовало с 1004 по 1236 г., когда погибло под напором монгольских войск. Территория его находилась между 34 и 42° северной широты, с востока ограничивалась р. Хуанхэ, на западе доходила до оз. Кукунор. Столицей тангутов считался город И-цзи-лу (Езина или Эзина у Марко Поло), находившийся у р. Хуанхэ. Основателем государства Тангут считается Тоба Ци-цзянь.

У тангутов была сильная военная организация. Они обладали письменностью и высоко развитой своеобразной культурой. Одним из тангутских городов был город на р. Эдзин-гол, развалины которого, известные под названием Хара-Хото, были открыты и исследованы П. К. Козловым в 1907—1910 гг., и в 1923—1926 гг. П. К. Козловым был найден тайник, в котором сохранились прекрасные образцы тангутской письменности и искусства. Город Хара-Хото был осажден монголами и подвергнут разрушению.

В монголоведческой литературе не имеется никаких сведений о пленении Чингис-хана тангутами, как об этом упоминает Рубрук. Это упоминание вызвано, вероятнее всего, фактом смерти Чингис-хана в 1227 г. во время похода на Тангут.

¹⁷¹ Это описание относится к яку, сильному и крупному животному, прирученному тибетцами. Впервые упоминание о яках в средневековой литературе встречается у Косьмы Индикоплова в его «Христианской Топографии».

¹⁷² Обычай делать чаши из человеческого черепа существовал и у монголов. Известно, что Чингис-хан велел обделать в золото череп Онг-хана, своего бывшего покровителя, а затем покоренного врага, и пользовался этой чашей во время пиров.

¹⁷³ Сведения Рубрука о золоте Тибета соответствуют действительности. Еще у Геродота имеется упоминание о наличии золота в Тибете. В большинстве рек и ручьев Тибета находится золото, в западной части Тибета также имеются большие месторождения золота.

¹⁷⁴ См. прим. 5 к путешествию Плано Карпини.

¹⁷⁵ Подобные дощечки употреблялись в Китае и в Корее и назывались «ху» или «ху-фу». Они делались из нефрита, слоновой кости или из бамбука в соответствии с рангом того лица, которое имело такую дощечку. Дощечка «ху-фу» употреблялась обычно для записывания ответов императора посланникам. Одорик также упоминает о дощечке из слоновой кости, которую держат императорские бароны в руке, когда стоят перед императором.

¹⁷⁶ То есть мохэ, или мохо, племена тунгусского происхождения, населявшие долины Приморья, Амура и Уссури и занимавшиеся земледелием и скотоводством. Вели оживленный торговый обмен с Китаем, а с 417 г. установили с ним и регулярные политические связи. Часть мохэ вошла в состав Бохайского царства, сложившегося на территории Приморья в VIII в., а часть — в Чжурчженское, которые оба были разгромлены монголами при хане Угэдэе.

¹⁷⁷ Рубрук был первым западноевропейским писателем, отождествившим жителей страны Китая с серами античных географов.

¹⁷⁸ Рубрук в описании своего путешествия семь раз повторяет слово «яскот» для обозначения серебряных слитков, являющихся денежной единицей высокого достоинства. Это слово долгое время было непонятно комментаторам Рубрука. П. Пельлю на основании филологического анализа названий серебряных слитков, употребленных в одном тюркском тексте из Турфана времен монгольской эпохи, приходит к выводу, что «яскот» у Рубрука это есть искаженное тюркское слово «yastuq» — ястуг. Ястуг эквивалентен персидскому термину «балиш», употреблявшемуся для названия золотых и серебряных слитков. Нет ничего удивительного, что Рубрук употребил тюркское слово, так как тюркский язык был в широком употреблении в империи монголов. Сами же монголы называли золотые и серебряные слитки, находившиеся у них в обращении, «сухэ», что значит топор. Но впоследствии это название для серебряных слитков было утрачено. Оно сохранилось лишь в одной монгольской надписи 1340 г.

¹⁷⁹ Ср. у Исидора (Orig., XIV, 8, 2): «Кавказские горы, протянувшиеся от Индии до Тавра, именуются на своем протяжении различными именами подобно с разнообразием народов и языков». (Прим. А. И. Малеина.)

¹⁸⁰ В оригинале Sithie и Sichie. Ср. И с и д о р, XIV, 4, 31. (Прим. А. И. Малеина.)

¹⁸¹ Обыкновенно его отождествляют с Hsi-an Fu. (Прим. А. И. Малеина.) Си-ан-фу в VIII—IX вв. был несторианским центром в Китае. В XIII столетии этот город назывался иначе: Чанг-ан. Сегин Рубрука, возможно, представляет собой искажение китайского Си-Чинг — «западная столица», как часто называли Си-ан-Фу.

¹⁸² Среди китайских буддистов всегда были отшельники, так же как и в других странах Центральной Азии, где распространялся буддизм.

¹⁸³ «Touin-lama en ouigour (Djihan Koushai). Quatremère, Histoire des Mon-

gols, p. 198. Восточный сборник, 64 (Григорьев): тойн». Бретшнейдер. Ср. d'O h s s o n, II, 264, п. 1. (Прим. А. И. Малеина.)

Уйгурское слово «Туин» объясняется китайцами как «ши», т. е. «ученый», но имеет также значение «буддийский монах». В монгольский язык этот термин вошел в форме «тойн», что значит «монах благородного или аристократического происхождения». Рубрук употребляет это выражение именно в значении монах, священнослужитель.

К главе 29

¹⁸⁴ 30 ноября.

¹⁸⁵ В оригинале ad capud. Rockhill переводит: to the head of that province. (Прим. А. И. Малеина.)

Перевод Рокхила «главный город этой провинции» более соответствует истинному положению вещей.

¹⁸⁶ Повидимому, под этим морем следует понимать оз. Алакуоль.

¹⁸⁷ По Шмидту (стр. 206 сл.) «углубление, отделяющее джунгарское Ала-тау от гор Барлык и связующее бассейны Алакуль и Эбинор». Река, вероятно, Tosty. (Прим. А. И. Малеина.)

¹⁸⁸ Вероятно, Тарбагатай.

¹⁸⁹ 6 декабря.

¹⁹⁰ 13 декабря.

К главе 30

¹⁹¹ То есть Гуюк-хана, который жил по р. Имил, текущей в оз. Алакуоль.

¹⁹² Шибан, один из братьев Бату. Рубрук называет его Stican, Strican, Stichan или Stichin. В разных рукописных списках это имя написано по-разному. О Шибане см. прим. 79 к путешествию Плано Карпини.

¹⁹³ Плано Карпини называет его Хиренен. Это был Ширемун, племянник Гуюк-хана. О нем. см. прим. 83 к путешествию Плано Карпини.

¹⁹⁴ Рассказ Рубрука о заговоре Ширемуна совпадает с материалами, находящимися в летописях персидских историков (Рашид-ад-дин, Джувейни), которые приводят некоторые подробности, отсутствующие у Рубрука. Заговор был ликвидирован, и Мункэ жестоко расправился с заговорщиками.

¹⁹⁵ Вдохновительницей заговора против Мункэ была старшая жена Гуюк-хана по имени Огул-Гаймиш. Ее завернули в войлок и утопили, обвинив в том, что она колдовала против Мункэ с целью убить его.

К главе 31

¹⁹⁶ То есть 27 декабря. Рубрук выехал из Константинополя 7 мая 1253 г., 21 мая прибыл в Солдайю, откуда начал сухопутное путешествие. Только 27 декабря Рубрук приехал в ставку Мункэ, потратив 8 месяцев на путь по Восточной Европе и Азии, считая при этом и пребывание у Бату.

¹⁹⁷ В оригинале statim admitteremus eos. Rockhill исправляет emitteremus; ближе к тексту было бы amitteremus. (Прим. А. И. Малеина.)

¹⁹⁸ Булгай Ака, начальник ханской канцелярии, финансового и внутреннего управления. Ср. d'O h s s o n, II, 260. (Прим. А. И. Малеина.)

Д'Оссон сообщает, что Мункэ, став великим ханом, назначил Булгай христианина-несторианина главой своей канцелярии, отделов финансового и внутренних дел. Канцелярия делилась на несколько отделений и состояла из персидских, уйгурских, китайских, тибетских, тангутских писцов, обязанных вести переписку со всеми этими странами. Сведения об этом д'Оссон почерпнул из рукописей Джувейни и Рашид-ад-дина. Судя по неоднократным упоминаниям Рубрука, секретарь Булгай пользовался большим влиянием при дворе Мункэ.

К главе 32

¹⁹⁹ См. прим. 23

²⁰⁰ В оригинале *grimo*, что Rockhill, кажется без нужды, исправляет на *grincipi* или *grime*, подразумевая под этим первую жену Мангу-хана (Прим. А. И. Маленна.)

Рокхил предполагал, что Рубруку были посланы теплые одежды от старшей жены Мункэ по имени Кутуктай Хатун, которая покровительствовала христианам.

²⁰¹ 3 января 1254 г.

К главе 33

²⁰² Судя по описанию, это был саксаул (*Anabasis Ammodendron*), а не полынь.

²⁰³ Быть может, это был мех нерпы, которая водится в Байкале и в Каспийском море, т. е. в местах, подвластных монголам. Рубрук употребляет выражение «*bovis marini*».

²⁰⁴ Монгольское «тарасун» — молочная водка. О рисовом пиве или вине Марко Поло пишет так: «приготавливают его из риса с другими хорошими пряно-стями, и питье выходит лучшего всякого другого вина; и чисто, и вкусно; вино горячее, и пьянеешь от него скорее, нежели от другого» (Книга Марко Поло, гл. СІ, стр. 123).

²⁰⁵ *Val* или *boal*, быть может, имеется в виду тюркская буза.

²⁰⁶ Мункэ, так же как и Угэдэй, Гуюк, Тулуй, Чагатай и другие князья ханского рода, были весьма привержены к вину, о чем сохранились сведения в китайских и монгольских летописях. Хотя Чингис-хан в своих поучениях строго осуждает пьянство, но это не уменьшает пристрастия великих ханов к вину.

К главе 34

²⁰⁷ Рубрук несколько далее подробно рассказывает о французском мастере Гильоме Буше, жившем в Каракоруме и выполнявшем там ряд художественных работ по украшению дворца Мункэ-хана. Особенно выдающимся произведением Буше был серебряный фонтан, подробно описанный Рубруком в главе ХLI. Механическое устройство этого фонтана показало высокое мастерство его создателя, владевшего высшей техникой своего времени. О Гильоме Буше, этом замечательном мастере, написана интересная книга Леонардом Олшки. Основным источником книги Олшки являются записки Рубрука. (См. *L e o n a r d O l s h k i. Guillaume Boucher. A french artist at the court of the Khans, Baltimore, 1946, 125 стр.*)

²⁰⁸ См. прим. 178.

²⁰⁹ Монреаль и Крак — города Аравии. (Прим. А. И. Маленна.)

К главе 35

²¹⁰ В тексте Рубрука сказано: «*Quedam organa ab Ammorico*», что может значить барабаны или духовные музыкальные инструменты. Неясным остается название какой-то страны или города — Амморик. Рокхил пытается объяснить это слово ошибкой писца, написавшего *Ammorico* вместо *Hermetia* (Армения), что вряд ли возможно.

²¹¹ Одон, епископ Тускульский, участник седьмого крестового похода. Сопровождал Людовика IX как легат папы римского.

²¹² Скорее всего, это искажение имени Людовика IX.

²¹³ Битва между крестоносцами и египтянами в 1249 г. при Мансуре на берегу Нила, когда Людовик IX был взят в плен.

²¹⁴ Монголы для устрашения врага употребляли особые свистящие стрелы. Употребление подобных стрел и тюркскими народностями зарегистрировано в китайских летописях еще до нашей эры. Китайское название таких стрел значит «сигнальные стрелы».

Употребление свистящих стрел знали еще гунны. Так, гуннский шаньюй Модэ (209 г. до н. э.) «сделал свистунку и начал упражнять своих людей в кон-

ном стрельни из лука с таким приказом: всем, кто пустит стрелу не туда, куда свистунка полетит, тому отрубят голову...» Модэ даже подобной свистящей стрелой застрелил свою любимую жену (см. Н. Б и ч у р и н. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии, М.—Л., 1950, стр. I, стр. 46). Знали эти стрелы и монголы. В «Сокровенном сказании», например, рассказывается, что «Чжамуха из рога молодой коровы, склеив гремучий наконечник на стрелу, подарил ее Темучину» (см. Труды Пекинской миссии, т. IV, стр. 58).

²¹⁵ То есть пайдзу. Пайдзой назывались металлические таблички, дававшиеся посланникам и гонцам и представлявшие собой своеобразные удостоверения. Пайдзы бывали золотые, серебряные, бронзовые и даже деревянные. Чем важнее было лицо, получившее пайдзу, чем выше был его ранг, тем больше прав заключалось в данной ему пайдзе, что отмечалось на ней разными знаками (изображения льва, дракона и т. д.). До нас не дошло золотых пайдз, а только несколько серебряных, хранящихся ныне в собраниях Государственного Эрмитажа. Название «пайдза» происходит от китайского «pai-tzu», что значит дощечка, табличка.

К главе 36

²¹⁶ Большие пиры устраивались в дни Нового года и в день рождения великого хана. Праздник, о котором упоминает Рубрук, относится, вероятнее всего, к первым дням Нового года. Монголы отмечали Новый год по лунному календарю, называя его белый месяц (Цаган-сара). Точно нельзя определить, когда он начинался, так как лунный календарь не совпадает с европейским календарем. Обычно начало Нового года у монголов приходится на конец января или начало февраля. Описание празднования Нового года великим ханом Хубилаем дано в книге Марко Поло (см. Книгу Марко Поло, гл. XXXIX. Здесь описывается большой праздник, который великий хан задает в начале года, стр. 113—114).

²¹⁷ В оригинале *cervisia de milio*. Это единственное упоминание о подобном напитке. Rockhill отождествляет его с китайским *huang chiu*. (Прим. А. И. Малеина.)

²¹⁸ Хутухтай Хатун (Кутуктай Катун у мусульманских авторов) из рода Икирас. Старшая жена Мункэ-хана, от которой у него были сыновья Балту и Оренгиас.

Хатун — женский титул, который носили жены и дочери хана, т. е. ханша, принцесса.

²¹⁹ Итальянские средневековые купцы, ведшие торговлю с Левантом, называли золотую парчу *нассит*, производное от арабского «несидж». Вероятно, это и есть *наси* Рубрука. Трудно определить, какого рода материя, подразумевалась в средние века под этим названием. Марко Поло также упоминает о золотых сукнах *нашизи* и *нак* (Книга Марко Поло, гл. LXXIV, стр. 95).

К главе 37

²²⁰ В оригинале: *quem Greci dicunt fuisse canon*. Последнее загадочное слово скорее всего надо рассматривать как сокращение *canonizatum* (т. е. причислен к лику святых). (Прим. А. И. Малеина.)

²²¹ Этот способ гадания, не чуждый и античным народам, называется *скапуломантией*, или *омоплатоскопией*. Ср. G o m b o j e w, p. 654; Т э й л о р. Первобытная культура. Пер. под ред. Д. А. Коропчевского, изд. 2-е, Спб., 1896, т. I, стр. 112 и другую литературу, указанную у Rockhill'a ad loc. (Прим. А. И. Малеина.)

К главе 38

²²² Монголы употребляли ремень как лекарство, в то время как в Европе он еще был неизвестен. Марко Поло также упоминает о торговле ремнем, который в изобилии растет в Восточном Тибете и северо-западных областях Китая.

²²³ Жители северного Китая и Монголии делают кашницу из поджаренной муки (*цзамба*) и горячего чая, в которую добавляют кусочки бараньего жира.

Особенно рекомендуется есть это блюдо после запоя или выпивки, какая была, вероятно, у Мункэ-хана накануне.

²²⁴ О таком гадании упоминает и Марко Поло (ср. Rockhill ad loc.) Аммиан Марцеллин (кн. XXXI, гл. 2, § 24) говорит следующее про аланов: «Их способ предугадывать будущее странен: связав в пучок прямые ивовые прутья, они разбирают их в определенное время с какими-то таинственными заклятиями и получают весьма определенные указания о том, что предвещается» (перев. проф. Ю. А. Кулаковского, вып. 3, Киев, 1908, стр. 42). (Прим. А. И. Маленна.)

К главе 39

²²⁵ То же, что и Су-Монгалы у Платона Карпини, см. прим. 37 к путешествию Платона Карпини.

²²⁶ В данном случае киргизы, жившие на север от Монголии, в Минусинской котловине. Киргизы — тюрки по происхождению — известны в китайских источниках с III в. н. э. под названием Гянь-гунь. В IX в. у киргизов сложилось раннефеодальное государство, во главе которого находился каган. Успешно разбив уйгурское царство, киргизы заняли Монголию и столицу уйгуров в 840 г. Но государство киргизов, известное в исторической литературе под названием «Киргизский каганат», просуществовало недолго. Киргизы были вытеснены из Монголии киданями в X в. и с тех пор «в течение более пяти веков упоминаются только на своей первоначальной родине — на Енисее к северу от Саянского хребта» (В. В. Бартольд. Киргизы. Исторический очерк, Фрунзе, 1927, стр. 7).

²²⁷ Имеются в виду урянхи. «Сокровенное сказание» и Рашид-ад-дин делают все монгольские племена на «лесных» и «степных». Урянхи, или урянкат были и лесные и степные. «Лесные» занимались охотой, жили в лесах. «Степные» кочевали в степях и разводили скот. Рубрук упоминает лесных урянхов, живших, согласно сведениям Рашид-ад-дина, в районе «Баргуджин-Токум» (местность, находившаяся, повидимому, по течению р. Баргузин).

²²⁸ То есть лыжи. Употребление лыж лесными урянкатами отмечено также Рашид-ад-дином: «Они делают особые доски, которые называют чанэ, и на них становятся; сделавши из ремня поводья, прикрепляют их к передним концам досок, берут в руки палку и, скользя по снежному покрову, упираются той палкой в землю, подобно тому как гонят по воде судно» (Рашид-ад-дин, Сборник летописей, т. I, кн. I, стр. 124).

²²⁹ Паскатири — см. прим. 60.

²³⁰ Гай Юлий Солин, римский писатель, живший в III в. н. э. и написавший книгу «Collectanea rerum memorabilium» (Собрание достойных упоминания вещей), в которой рассказывалось о многих чудесах природы. Книга Солина весьма ценилась в средние века.

²³¹ Рубрук упоминает в данном случае одно из постановлений Ясы Чингисхана.

²³² Рассказ, приводимый Рубруком, о человекоподобных существах «хин-хин» представляет собой одну из многих легенд, распространенных в Азии в средние века. В китайских источниках приведены подобные же легенды. Как известно, в средние века вера в существование различных чудовищ и человекоподобных существ была широко распространена. Доверял подобным легендам и Рубрук, хотя в некоторых случаях здравый смысл заставляет его оговариваться: «я этому не верю»; как, например, несколькими строками ниже в рассказе об области бессмертия.

²³³ В китайском фольклоре имеется народная сказка о знаменитых горах Кунлун, где живет прекрасная королева Си-ван Му и где растут персики, дающие бессмертие, если их съест обыкновенный смертный человек. Рокхилл утверждает, что рассказ Рубрука о стране бессмертия является отражением этой китайской сказки.

²³⁴ Гао-ли — название династии, правившей в Корее до середины XV в. Название династии часто применялось ко всему государству. Пользуясь рас-

спросными сведениями, да еще при наличии плохих переводчиков, на что Рубрук неоднократно жалуется, он иногда делает неверные выводы. Так и в данном месте Рубрук считает, что Гао-ли (т. е. Корея) и Манзе (Южный Китай) находятся на островах. Однако сведения о Гао-ли Рубрук получил от Гильома Буше, который мог видеть корейцев, живших на острове Кан-хуа, находящемся около берегов Кореи. Буше, вероятно, видел также корейских послов, которых король Кореи послал в Монголию после своего подчинения Угэдэй-хану в 1241 г.

²³⁵ В Китае во время династии Цин были в употреблении бумажные деньги. Первый монгольский император Китая Хубилай заимствовал эту систему бумажных денег, и его потомки широко пользовались ею для увеличения доходов императорской казны. Образцы бумажных денег времен династии Юань были найдены экспедицией П. К. Козлова в развалинах Хара-Хото.

²³⁶ Рокхил отмечает, что упоминание Рубрука о китайских иероглифах является наиболее ранним известием о них в западноевропейской литературе.

К главе 40

²³⁷ 23 февраля 1254 г.

²³⁸ У Рубрука *samico grasio*. Самит — тяжелая шелковая ткань с вплетенной в нее золотой или серебряной нитью. Рубрук употребляет этот термин по отношению к китайской шелковой материи. Аскамит — золотая или серебряная ткань, украшенная вытканными узорами, плотная и ворсистая.

²³⁹ Вероятно, речь идет о св. Иакове Компостелла — области, находящейся в Испании.

²⁴⁰ Манихейство — религиозное учение, возникшее в III в. среди последователей зороастризма. Основателем его считается Сураик, более известный под прозвищем Мани (производное от греческого манес — ум, дух). В основе учения манихеев лежали понятия о добром и злом началах, присущих бытию. Манихейство в какой-то степени являлось идеологией народных масс, поэтому подвергалось жестоким гонениям со стороны господствующих классов тех стран, где было распространено. Манихейство существовало в Персии, Сирии, Средней Азии, Китае и других странах Востока.

²⁴¹ Rockhill говорит, что эти слова взяты из книги Притчей Соломоновых, гл. XVIII, ст. 19. Вакег цитирует «Притчи, 10». В нашей Библии в гл. XVIII, ст. 20, стоит следующее: «Озлотившийся брат неприступнее крепкого города, и ссоры подобны запорам замка». (Прим. А. И. Малеина.)

К главе 41

²⁴² Рубрук подробно описал это замечательное сооружение, выполненное Гильомом Буше. Свидетельство Рубрука остается пока единственным источником, так как археологические раскопки, произведенные в Каракоруме, пока еще не вскрыли никаких следов серебряного фонтана. Подобные сооружения, так же как и всякие механические выдумки, были в большом ходу при восточных дворах. О золотом дереве у Дария Персидского рассказывает еще Геродот. Посол Константина Порфирородного (X в.) видел в Багдаде у калифа дерево с 18 ветвями, сделанными из золота и серебра. В Султанийе, резиденции иль-ханов Персии, также имелось дерево, сделанное из золота и драгоценных камней, из которого текли разные напитки. Марко Поло также рассказывает, что во дворце Хубилая было приспособление, из которого текли различные вина.

Л. Олшки в своем исследовании о Гильоме Буше посвящает целую главу серебряному фонтану Мункэ-хана. Автор собрал достаточно сведений о подобных средневековых сооружениях и считает, что фонтан был выполнен на высоком техническом уровне для своего времени. Олшки также подчеркивает, что Гильом Буше был единственным христианским художником-мастером в Каракоруме, однако он забывает, что в Каракоруме за несколько лет до того жил русский мастер Косма, работы которого являлись образцами высокохудожественного мастерства, так же как и работы Буше, описанные Рубруком.

²⁴³ Дворец, судя по описанию, был, очевидно, выстроен в китайском стиле китайскими мастерами.

²⁴⁴ Марко Поло, рассказывая о пирах Хубилая, также сообщает, что хан сидит выше остальных и на северной стороне. «На пиру великий хан за столом сидит вот как: его стол много выше других столов; садится он на северной стороне, лицом на юг; с левой стороны возле него сидит старшая жена, а по правую руку, много ниже, сыновья, племянники и родичи императорского рода» (книга Марко Поло, гл. LXXXVI, стр. 111). Это описание вполне соответствует описанию Рубрука.

²⁴⁵ В оригинале *circa dominicam in Passione (am Jonntag Yudica, S c h m i d t, p. 220)*, т. е. 29 марта. (Прим. А. И. Малейна.)

²⁴⁶ То есть с юртами, перевозимыми на повозках.

²⁴⁷ 5 апреля 1254 г. Рубрук провел в ставке Мункэ три с лишним месяца, так как приехал он туда 27 декабря 1253 г.

К главе 42

²⁴⁸ Несторианские патриархи находились в посольских отношениях с папой римским и признавали его авторитет. Несторианский посол ил-хана Аргуна Раббан Саума получил от папы причастие. Патриарх несториан Мар Ябалах III получил от папы в подарок тиару и священные облачения (см. *S c h a b o t. Histoire de Mar. Jabalaha, Paris, 1895, стр. 86, 87, 92*).

²⁴⁹ Антиминс.

К главе 43

²⁵⁰ Известное поверье, распространенное в средние века, заключающееся в том, что для того, чтобы поймать злых духов или дьяволов, надо рассыпать пепел, на котором должны остаться следы от их ног, чем и удостоверяется появление злых существ. Это поверье отразилось в обычаях различных народов. Так, например, английские простолюдины верили, что если вечером накануне дня св. Марка посыпать очаг золой, то на ней появится отпечаток ноги того, кто должен умереть в этом году (*Т э й л о р. Первобытная культура, т. II, стр. 247*).

К главе 44

²⁵¹ 7 мая 1254 г.

²⁵² Мункэ-хан был старшим сыном Тулуя от Соргактани-беки. Его родными братьями были Хубилай, Хулагу и Ариг-Бука. Остальные братья Мункэ-хана были от второстепенных жен и наложниц.

²⁵³ Против исмаилитов (которых европейские авторы именовали асасинами) был отправлен Хулагу в 1253 г. Хулагу пришлось приложить немало усилий, прежде чем удалось разгромить исмаилитов, глава которых, Алад-дин Мухаммед, был убит в 1255 г., а сын его Руки-ад-дин сдался в плен монголам в 1256 г. У исмаилитов было до 50 крепостей. Главная крепость Аламут (гнездо орла) была отлично укреплена и потребовалось много времени и сил, прежде чем она была взята монголами.

²⁵⁴ Искажение арабского слова «мульхид», что значит «еретик» и часто применялось по отношению к еретической секте исмаилитов.

²⁵⁵ Хубилай был отправлен в 1251 г. продолжать покорение Китая.

²⁵⁶ Арик-Бука, младший брат Мункэ-хана, претендовавший после смерти Мункэ на престол великого хана и оспаривавший его у Хубилая.

²⁵⁷ Вероятнее всего, Белград на Дунае, столица современной Югославской Республики. Во время второго похода в Восточную Европу монголы вторглись в эти места. Гильом Буше был взят в плен, вероятно, около 1242 г.

²⁵⁸ 22 мая 1254 г.

²⁵⁹ Гетум I (1227—1269), царь Малой Армении, совершил путешествие в Каракорум в 1254 г., куда прибыл 13 сентября 1254 г. уже после отъезда Рубрука. В обратный путь Гетум отправился в ноябре того же года и в июле 1255 г. был уже в Армении. Столицей Гетума был г. Сис в Киликии. Гетум скончался

²⁶⁶ Составление гороскопов было широко распространено у многих народов Азии до последнего времени.

²⁶⁷ Среди народов Центральной Азии существует немало поверий о необыкновенной силе некоторых шаманов повелевать силами природы, вызывать дождь, бурю, мятежь и пр. Марко Поло, рассказывая об астрологах, отмечает, что они могли предсказать «в такой-то луне будут грозы и бури, в такой-то землетрясения, в такой-то — сильные дожди...» (Книга Марко Поло, гл. IV Б стр. 125). Рашид-ад-дин также, рассказывая о лесных урянках, отмечает их стремление повелевать грозой: «У них есть такой обычай когда падает много молний, они поносят и небо, и тучи, и молнии и кричат на них» (Р а ш и д - а д - д и н, Сборник летописей, т. I, кн. 1, стр. 156). Путешественник по Тибету и Синьцзяну Гренар указывает, например, что в Синьцзяне шаманы употребляют нефритовые камни для вызывания дождя. Таких примеров можно привести много.

²⁶⁸ То есть кам, что по-тюркски значит шаман.

К главе 48

²⁶⁹ 7 июня 1254 г.

²⁷⁰ Обычай носить разные одежды в каждый новый день праздника отмечен у Плато Карпини (см. стр. 74), и Марко Поло (гл. X, стр. 114), и Одориком (H. Yule, Cathay, p. 141). Последний при этом отмечает, что каждому рангу соответствовал свой особый цвет.

²⁷¹ Это был султан Азз-ад-дин, сын Кей-Хосрова II. Турки заключили в 1245 г. договор с монголами и обязались ежегодно платить дань в 1 250 000 иперперов, 14 верблюдов и 1 000 000 овец, которых они должны были доставлять к устью р. Кур. Кроме этого, как утверждает Сен-Кентин, турки подносили монголам, особенно чиновникам, богатые подарки, лошадей и пр. (V i p s e n t d e В e a u v a i s, кн. XXX, гл. XXVIII, стр. 451).

²⁷² То есть Иванов день, 24 июня.

²⁷³ 29 июня. Мункэ устраивал пиры, судя по этим датам, в каждую неделю.

²⁷⁴ Искажение имени Темучина Чингиса.

²⁷⁵ Основанием для легенды о том, что Чингис был кузнецом, послужило, повидимому, его собственное имя Темучин, которое является производным от *tömür*, что значит железо (см. P e l l i o t e t L. H a m b i s. Les campagnes de Chingis-chan, Paris 1953, p. 9).

²⁷⁶ То есть Огул-Гаймиш, старшая жена Гуюк-хана, интриговавшая против Мункэ-хана, см. прим. 195.

²⁷⁷ Спутником Рубрука был минорит Варфоломей из Кремоны (см. гл. I, стр. 90), оставшийся в Монголии.

²⁷⁸ Рубрук был принят Мункэ-ханом 8 июля, за несколько дней до обратного возвращения в Сирию. Он пробыл при дворе монгольского хана несколько более полугода.

К главе 49

²⁷⁹ Ср. у d'O h s s o n (II, 614) рассказ о камнях, вызывающих при обмакивании их в воду даже среди лета снежный вихрь и чрезмерный холод. (Прим. А. И. Маленна.)

²⁸⁰ В оригинале *ша villula*, что правильнее передать «одного городка», хотя Rockhill переводит *one little village*. Ш м и д т (стр. 231) предполагает, что это был Омыл, который Рубрук, по его словам (стр. 113), посетил при возвращении. (Прим. А. И. Маленна.)

²⁸¹ 16 сентября 1254 г.

²⁸² 16 октября. Рубрук провел месяц в ставке Бату на обратном пути.

²⁸³ Мусульманский географ Абд-ал-Рашид (XV в.) упоминает о городе Саксин, который был затоплен Волгой. Точное местоположение его неясно.

Быть может, Суммеркент Рубрука представляет собой искажение названия Сакассин.

К главе 50

²⁸⁴ То есть 1 ноября.

²⁸⁵ То есть 15 декабря.

²⁸⁶ О кожаных панцирях упоминает Сен-Кентин. См. также Плано Карпини, гл. VI, § 2, Об оружии.

²⁸⁷ Точное положение этого города неизвестно; он находится в середине между Дербентом и Шемахой, на два дня пути от того и другого города. (Прим. А. И. Малеина.)

²⁸⁸ Намек на известную легенду о народах Гог и Магог (см. Книгу пророка Иезекииля, гл. 39 и Откровение св. Иоанна, гл. 20, ст. 77. Ср. А. Н. Веселовский и др., в журн. Мин. Нар. Пр., 1875, кн. 4, стр. 304). (Прим. А. И. Малеина.)

²⁸⁹ Шемаха, значительный торговый город Ширвана, также одна из резиденций ширваншахов.

²⁹⁰ Мугань или Муганская долина.

²⁹¹ В названии грузин—курга и Грузии—Кургия, употребляемом Рубруком, можно видеть искажение от местного наименования восточногрузинской этнической группы «карду», или «корду». Карту-вели — местное название грузин, Са-карту-вело — грузины.

²⁹² То есть Тифлиса, Тбилиси.

²⁹³ Хорезмийцы, напавшие на Грузию во время захвата ими западного Ирана и Азербайджана при Ала-эд-дине Мухамеде II (1200—1220 гг).

²⁹⁴ Вероятнее всего, г. Гянджа, который был в XI—XIII вв. главным городом северной части Аррана, области, находившейся между реками Курой и Араксом. Ныне это город Кировабад Азербайджанской ССР.

²⁹⁵ Эти две реки соединяются около селения Джават, ныне там расположен город.

К главе 51

²⁸⁶ Рубрук цитирует из Энеиды Вергилия строку 728 главы VIII «*Popem indignatur Araxes*».

²⁸⁷ Скорее всего, описка Рубрука, так как по смыслу здесь должно стоять имя Байджу-нояна. Байджу-ноян — монгольский военачальник, находившийся с 1242 г. во главе монгольских войск в Иране после смерти генерала Чармагуна. О Байджу-нояне неоднократно упоминают армянские историки Киракос, Григор и др., называя его Бачу-нуин. Байджу-ноян принимал в 1247 г. Асцелина и Симон Сен-Кентина. Асцелин сообщает много интересных подробностей об этом монгольском генерале.

²⁸⁸ Город Тавриз основан, согласно сведениям иранских историков, в 792 г. Сперва Тавриз был незначительным поселением, но с конца X в. был уже порядочным городом. При монголах становится большим и значительным городом, так как в Тавризе была столица монгольских ханов Хулагуидов. Город был реконструирован при Газан-хане (1295—1304), обнесен стеной, окружность которой достигала 25—27 км. Тавриз славился своими ремесленными изделиями, особенно шелковыми и парчевыми тканями. После падения династии Хулагуидов Тавриз остается резиденцией монархов разных династий, правивших до начала XVIII в.

²⁸⁹ Аргун-ака был вызван ко двору Мункэ-хана, по сообщению Рашид-ад-дина, в 1256 г., по Рубруку — в 1254 г. Он получил снова свой пост в Иране в 1258 г. Армянский историк Григор пишет о нем: «Татарский вожь по имени Аргун пришел по приказу Манку-Кана и произвел перепись восточной страны для сбора налогов» (гл. X, стр. 21 Истории Григора). Имя Аргун тюркского происхождения.

³⁰⁰ Исидор Севильский, который является авторитетом для Рубрука, помещает Гирканию на запад от Каспия, южнее Армении. Название Гиркании встречается также у античных авторов.

³⁰¹ То есть с 23 ноября 1254 г. по 15 февраля 1255 г.

³⁰² То есть Эрзерум. В 1243 г. взят монголами после двадцатидневной осады.

³⁰³ То есть Нахичевань, Нахчеван (Нашева — у араб. геогр.), один из древнейших городов Закавказья, точное время возникновения которого неизвестно. Уже в VIII в. это был большой ремесленный и торговый город. В течение некоторого времени был центром феодального княжества Эльдигидов. В 1221—1222 г. был взят монголами, которые разорили город и перебили население. Рашид-ад-дин пишет об этом так: «После опустошения Хамадана они направились в Нахчеван, взяли его и учинили там избиение и грабеж» (Сборник летописей, т. I, кн. 2, стр. 228). В рассказе Рубрука о Нахчеване обрисовано жалкое состояние города, который тем не менее через некоторое время оправился и был еще при монголах значительным городом, а впоследствии центром Нахчеванского ханства, в 1828 г. по Туркманчайскому договору присоединенного к России. Ныне город Азербайджанской ССР.

³⁰⁴ В разных рукописях Рубрука название этого города пишется по-разному: *Сетепит*, *Сетепит*, *Сетаигит*. Последнее написание близко к арабскому *Тетайп*, таким названием средневековые персидские авторы (Ибн Хаукал, Масуди) именовали город, постройку которого приписывали библейскому Ною, и локализовали его у подножья Арарата.

³⁰⁵ Армянское название горы Арарат. Согласно древним армянским и христианским поверьям, на гору Арарат нельзя восходить, так как на ней оставался во время всемирного потопа ковчег Ноя, и поэтому она почитается как колыбель человеческого рода.

³⁰⁶ То есть из г. Нахичевань Рубрук выехал 13 января 1255 г.

³⁰⁷ Сагенса—искажение от шахиншах, титула правителей г. Ани. Во времена Рубрука шахиншахом Анийским был Ваграм, сын Зикаре и племянник констебля Грузии Иване. О Ваграме неоднократно упоминается в армянских хрониках Киракоса и Вардана, так как он играл значительную роль в событиях своего времени. После покорения монголами его области Ваграму пришлось служить в монгольских войсках и принимать участие во взятии Эрзерума.

³⁰⁸ В армянских хрониках Закаре сын шахиншаха так же служил в монгольских войсках и стоял во главе грузинского отряда. Закаре принимал участие в осаде Багдада в 1258 г. и заслужил благосклонность хана Хулагу благодаря своей личной храбрости. Но через некоторое время был обвинен в заговоре против монголов и казнен по приказу Хулагу.

³⁰⁹ То есть 15 февраля 1255 г.

³¹⁰ Вероятно, Меджинкерт. Ныне в 15 милях на северо-запад от оз. Ван имеется турецкая деревня по имени Малазкерт.

³¹¹ То есть 17 июня.

³¹² 2 февраля. Хронологический порядок в главе LI сильно спутан, что затрудняет определение маршрута Рубрука.

³¹³ То есть Ани, один из древних городов Армении, находившийся на берегу р. Арпа-чай. Ани известен с I в. как крепость армянских князей. В X—XI вв. Ани был блестящей столицей армянской династии Багратидов. В 1045 г. Анийское царство пало и город стал местопребыванием византийских резидентов, а в 1064 г. был захвачен турками-сельджуками, во власти которых оставался до 1124 г. Торговое и культурное значение Ани было восстановлено. Город состоял из цитадели и ремесленно-торговых кварталов, населения насчитывалось до 100 000 человек. Со стороны равнины город был укреплен двойным рядом стен с башнями. «Много было в нем церквей,—пишет армянский историк Киракос, современник Рубрука,—так что вошло в обыкновение клясться тысяча одной церковью Ани» (К. Патканов. История монголов,

гл. XXV, стр. 36). Этот прекрасный город был взят в 1239 г. монголами и так жестоко разрушен, что потерял свое значение. «Рушили навеки всю красу его», отмечает Киракос. Развалины Ани были хорошо изучены и обследованы археологами, которые обнаружили остатки некогда прекрасных зданий: кафедрального собора, дворца, храмов и пр. Сооружения Ани оказали значительное влияние на развитие армянской архитектуры. В работах Н. Я. Марра «Ани» («Изв. АН», 1910, № 6) и И. А. Орбели «Развалины Ани» (СПб., 1911) указана обширная литература, посвященная археологическому исследованию Ани.

К главе 52

³¹⁴ Константин Порфирородный называет эту крепость *Καμαρα* (De Administris, 226), Идриси — *Καμακκ*, современный Камаш, или Кебин. Крепость была расположена на высокой горе, откуда берет начало западный приток Евфрата — Карасу.

³¹⁵ То есть современный Халеб (Алеппо), см. прим. 113 к путешествию Плато Карпини.

³¹⁶ Современный город Эрзинджан на р. Карасу.

³¹⁷ Монголы разбили войско сельджукского султана Рума Гияс-ад-дина Кей Хосроу II в 1244 г. на равнине Козедаг (Куза-Даг), находящейся между Эрзинджаном и Сивасом. Монгольскими войсками командовал Байджу-ноян. Эта битва положила конец независимости Румского царства, которое стало платить дань татарам. Согласно сведениям армянских и персидских историков, битва была ожесточенной и кровопролитной.

³¹⁸ Греческая Севастия, ныне крупный город Сивас, в центральной части Малой Азии в бассейне р. Кызылырмак. В XII в. Сивас был одной из столиц сельджуков. Сивас был осажден и разграблен монголами в 1244 г. после разгрома султана Рума в битве на равнине Козедаг.

³¹⁹ В 1255 г. страстная неделя приходилась между 21 и 28 марта.

³²⁰ Во время гонения на христиан в 320 г. были замучены 40 римских воинов-христиан, память которых чтится армянской, католической и православной церквами.

³²¹ Бывшая столица Каппадокии Мазака, получившая после завоевания Римом название Кесарии. В XII в. Кесария была городом сельджукских турок. Ныне Кайсери- крупный город малоазиатской Турции в бассейне р. Кызылырмак.

³²² То есть 19 апреля.

³²³ Точнее, Кония — столица малоазиатских Сельджукидов. Была взята монголами в 1257 г. через два года после того, как через нее проезжал Рубрук. Ныне Кония — главный город Конийского вилайета Турции.

³²⁴ На службе у султана Конии находился кондотьер Бонифацио де Молино из известной венецианской семьи Молино.

³²⁵ А. И. Малеин отмечает, что прочтение Киликия спорно. В рукописи *Ecilie*.

³²⁶ То есть Корикус античных авторов, гавань, расположенная на берегу Киликии. Средневековые географы называют это место Курка. Там находился укрепленный замок, впоследствии покинутый и забытый.

³²⁷ То есть 5 мая 1255 г.

³²⁸ То есть 17 мая 1255 г.

³²⁹ Когда армянский царь Гетум I отправился ко двору Мункэ-хана, то он оставил управление Малой Арменией своему отцу Константину Ламбруну и двумя своим сыновьям Левону и Торосу.

³³⁰ То есть Сис, армянский главный город в Киликии, взятый позднее турками-сельджуками и разграбленный ими.

³³¹ Возможно, что Рубрук имеет в виду *Oschip*, который был одним из сыновей Гетума I. Средневековые авторы называют его *Вагон Oschin*.

³³² То есть Аяс, наиболее значительная гавань Киликии. Через Аяс ехали братья Поло, когда возвращались в первый раз из Китая в Венецию. Марко

Поло упоминает об этом городе, называя его Лаяс (см. Книгу Марко Поло, гл. XX, стр. 55). Аяс находится у входа в бухту Юмурталык залива Искандерон.

³³³ Рубрук прибыл на Кипр 16 июня, о чем он упоминает в гл. LI.

К главе 53

³³⁴ *Amicos specialies*. В некоторых рукописях Рубрука «*amicos spiritualis*» — духовные друзья.

³³⁵ У султана Гияс-ад-дина была любимая жена (вторая) по имени Тхамар, дочь грузинской царицы Русуданы. Гияс-ад-дин умер в 1246 г. или в 1247 г., оставив нескольких сыновей. Ему наследовал Рокн-ад-дин Кулуг Арслан, его сын от дочери одного греческого священника. Кроме того, у него были сыновья Азз-ад-дин Кай Кавус и от дочери грузинской царицы Ала-ад-дин Кей Кобад.

³³⁶ То есть Рокн-ад-дин Кулуг Арслан IV.

³³⁷ То есть Феодор Ласкарис, третий никейский император (1255—1258), которому было в это время не менее 34 лет, хотя Рубрук склонен считать его юношей. Федор Ласкарис страдал эпилепсией, что и нашло отражение в словах Рубрука о слабом здоровье сына Вастация.

³³⁸ То есть Михаил Асен, правивший в Болгарии в 1245—1258 гг. Он был возведен на престол ребенком. Между никейским императором Федором Ласкарисом и болгарским Михаилом Асеном шла война, окончившаяся полным поражением последнего в 1255 г.

³³⁹ Под «доблестными» мужами Рубрук подразумевает, повидимому, крепостцев, участников похода Петра-отшельника, прошедших через Германию, Венгрию, Болгарию и Турцию в 1096 г. Под «сильными неприятелями» он, быть может, подразумевает турок, которые в 1097 г. оказали сильное сопротивление Готфриду Бульонскому.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Адамович М. Плано Карпини, «Наша страна», 1940, № 10, стр. 24—28.
- Адамович М. Путешествие Плано Карпини и Рубруквиса в Монголию в XIII в., «Исторический журнал», 1940, № 11, стр. 96—109.
- Алексеев М. П. Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей. Введение, тексты и комментарии, XIII—XVII вв., изд. 2-е, Иркутск, 1941.
- Артамонов М. И. Белая Вежа, «Советская археология», XVI, М.—Л., 1952, стр. 42—76.
- Банзаров Доржи. Собр. соч. Подготовка к печати и примечания Г. Н. Румянцева, М., 1955.
- Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России, изд. 2-е, Л., 1925.
- Бартольд В. В. Образование империи Чингис-хана, «Зап. Вост. отд. Русск. археологич. об-ва», т. X, 1896, стр. 105—119.
- Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, т. II, СПб., 1900.
- Бернштам А. Н. В горах и долинах Памира и Тянь-Шаня. В кн. «По следам древних культур. От Волги до Тихого океана», М., 1954, стр. 263—304.
- Бичурин Н. Я. История первых четырех ханов из дома Чингисова. С приложением карты походов их в юго-восточной Азии, СПб., 1829.
- Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, ч. I—II, М.—Л., 1950; ч. III, М.—Л., 1953.
- Бичилли П. М. Салимбене (очерки итальянской жизни XIII в.), Одесса, 1916.
- Бурдуков А. В. Значение молочных продуктов и способы их приготовления у монголов в Джаргалантуйском и Джабхалантуйском округах Монгольской Народной Республики, «Советская этнография», 1936, № 1, стр. 121—128.
- Вайнштейн О. Л. Историография средних веков в связи с развитием исторической мысли от начала средних веков до наших дней, М.—Л., 1950.
- Васильев В. П. История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII в. с приложением перевода китайских известий о киданях, джурджитах и монголо-татарах, «Труды Вост. отд. Русск. археолог. об-ва», 1859, т. IV, стр. 1—235.
- Веселовский Н. И. О религии татар по русским летописям, ЖМНП, июль 1916, стр. 81—101.
- Веселовский Н. И. Святящие стрелы, «Изв. археолог. комиссии», вып. 30, СПб., 1909, стр. 156—161.
- Владимирцов Б. Я. О прозвище «Дауан-qaγan» (Даян-хан). Доклады Акад. наук СССР, Серия В, 1924, стр. 119—121.

В л а д и м и р ц о в Б. Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм, Л., 1934.

В л а д и м и р ц о в Б. Я. По поводу древнетюркского *Ötüken yüš*. Докл. Акад. наук, серия В, 1929, № 7, стр. 133—136.

В л а д и м и р ц о в Б. Я. Этнолого-лингвистические исследования в Урге, Ургинском и Кэнтэйском районах. В кн.: «Северная Монголия», П, Л., 1927, стр. 1—42.

Г о м б о е в Г. О древних монгольских обычаях и суевериях, описанных у Плано Карпини, «Труды Вост. отд. арх. общ-ва», т. VII, 1859, стр. 236—256.

Г р е к о в Б. Д. и Я к у б о в с к и й А. Ю. Золотая Орда и ее падение, М.—Л., 1950.

З е л е н ы й Д. К. Культ онгонов в Сибири. Пережитки тотемизма в идеологии сибирских народов, «Тр. Ин-та антропологии, археологии и этнографии АН СССР», т. XIV, Этнографическая серия, вып. 3, М.—Л., 1936.

И о а н н д е П л а н о К а р п и н и. История Монгалов. Вильгельм де Рубрук. Путешествие в восточные страны. Введение, перевод и примечания А. И. Маленна, с приложением 8 рисунков, карты и указателей, СПб., 1911.

История Монгольской Народной Республики, М., 1954.

История Татарской АССР, т. I, Казань, 1955.

К а п л и н с к и й В. Я. К 25-летию ученой и литературно-библиологической деятельности проф. А. И. Маленна. Доклады и отчеты русск. библиол. общ-ва, в. III, Петроград, 1915, стр. 12—18.

К а ф а р о в П. Комментарии на путешествие Марко Поло по северному Китаю, СПб., 1902 («Изв. РГО», т. XXXVIII, вып. I). То же на англ. яз.: Elucidations of Marco Polo's Travels in North China, drawn from Chinese Sources, «Journal of China branch of Royal Asiatic Society», New Series, v. X, pp. 1—54.

К а ф а р о в П. Старинное монгольское сказание о Чингис-хане, «Труды членов Российской духовной миссии в Пекине», т. IV, 1866, стр. 3—258.

Книга Марко Поло. Перевод И. П. Минаева. Редакция и примечания И. П. Магидовича, М. 1955.

К о р о т к о в А. А. К вопросу о северных улусах Золотоордынского ханства. «Изв. об-ва обследования и изучения Азербайджана», 1928, № 5, стр. 77.

К о т в и ч В. Л. Монгольские надписи в Эрдени-дзу. «Сб. Музея антропологии и этнографии при Российской Акад. наук», 1918, т. 5, стр. 205—214.

Л е р б е р г. Исследования, служащие к объяснению древней русской истории, СПб., 1819.

Любопытнейшее путешествие монаха францисканского Ордена Жана дю План-Карпино, посланного в 1246 г. в достоинстве Легата и Посла от папы Иннокентия IV к татарам, им самим писанное и заключающее в себе достоверные известия о тогдашнем в Европе и Азии могуществе татар; об их одежде, пище и питии; о политическом и гражданском правлении; о образе богопочитания] их; о поведении их на войне; об обрядах, наблюдаемых при свадьбах и погребениях и о многих достопамятных происшествиях, касающихся до Российских великих князей, М., 1800, в университетской типографии у Ридигера и Клаудия.

М а в р о д и н В. В. Славяно-русское население нижнего Дона и Северного Кавказа в X—XIV вв., «Ученые записки Ленинградского Педагогического Института имени Герцена», т. XI, 1938, стр. 231—273.

М а р р Н. Я. [Докладная записка]. Об учреждении Анийского археологического института, Изв. имп. Акад. наук, 1910, № 6, стр. 438.

М е л и к и ш в и л и Г. А. Древневосточные материалы по истории народов Закавказья, Тбилиси, 1954.

М и л л е р В. Ф. Осетинские этюды, ч. III. Исследования, М., 1887.

М и н а е в И. П. Путешествие Марко Поло. Перевод старофранцузского текста, издано Русским географическим обществом под редакцией действ. чл. В. В. Бартольда, СПб., 1902.

Мурзаев Э. М. Географические исследования Монгольской Народной Республики, М.—Л., 1948.

Мурзаев Э. М. Путешествие в Монголию Платона Карпини и Вильгельма Рубруквиса (XIII в.). Современная Монголия, 1941, № 1, стр. 68—75.

Мэн-г-у-м-у-цзи. Записки о монгольских кочевьях. Перевод с китайского П. С. Попова, СПб., 1895.

Насонов А. Н. Монголы и Русь (История татарской политики на Руси), М.—Л., 1940.

Насонов А. Н. Тмуторокань в истории Восточной Европы. «Исторические записки», 6, М., 1940, стр. 79—99.

Окладников А. П. У истоков культуры народов Дальнего Востока. В кн. «По следам древних культур». От Волги до Тихого океана, М., 1954, стр. 227—260.

Орбели И. А. Асап Джалал, князь Хаченский, «Изв. имп. Акад. наук», 1909, № 6, стр. 405—436.

Оссон К. История монголов от Чингис-хана до Тамерлана, том I; Чингис-хан. Перевод и предисловие проф. Н. Козьмина, Иркутск, 1937.

Памяти А. И. Малеина. «Вестник древней истории», 1938, № 4 (6), стр. 270.

Памятная книжка С.-Петербургского историко-филологического института СПб., 1898.

Потканов К. П. История монголов по армянским источникам, Вып. I... извлечения из трудов Вардана, Стефана Орбелиани и конетабля Сембата, СПб., 1873.

Потканов К. П. История монголов по армянским источникам. Вып. II, извлечения из истории Киракоса, СПб., 1874.

Потканов К. История монголов инока Магакия, СПб., 1871.

Повесть временных лет, ч. I. Текст и перевод, подготовка текста Д. С. Лихачева, перевод Д. С. Лихачева и Б. А. Романова, ч. 2. Приложения. Статьи и комментарии Д. С. Лихачева, под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1950.

Попов П. С. Яса Чингис-хана и уложение монгольской династии «Юань-чао-дянь-чжан», «Зап. Вост. отд. Русск. археологич. об-ва», т. XVII, в. 4, стр. 151.

Путешествие Асцелина, Карпини, Рубруквиса, Марко Поло, «Вестник Европы», 1829, № 15, стр. 167—187; № 16, стр. 260—263.

Путешествие Ибн-Фадлана. Перевод с арабского под ред. И. Ю. Крачковского, Л., 1939.

Радлов В. В. К вопросу об уйгурах. Приложение к LXXII тому «Зап. Акад. наук», № 2, СПб., 1893.

Рамstedт Г. И. Этимология имени ойрат. В кн.: «Сборник в честь семидесятилетия Григория Николаевича Потанина», СПб., 1909, стр. 547—558 («Зап. РГО» по отд. этн., т. XXXIV).

Рашид-ад-Дин. Сборник летописей, т. I, кн. 1, перевод с персидского Л. А. Хетагурова, ред. и прим. проф. А. А. Семенова, М.—Л., 1952.

Рашид-ад-Дин. Сборник летописей, т. I, кн. 2, перевод с персидского О. И. Смирновой, прим. Б. И. Панкратова и О. И. Смирновой, редакция проф. А. А. Семенова, М.—Л., 1952.

Рашид-ад-Дин. Сборник летописей, т. III, перевод с персидского А. К. Арндса, М.—Л., 1946.

Секиринский С. Очерки истории Сурожя IX—XV вв., Симферополь, 1955.

Sertum bibliologicum. В честь президента Русского библиологического общества проф. А. И. Малеина, Петербург, 1922.

«Сокровенное сказание». Монгольская хроника 1240 г. под названием «Юань-чао-би-ши», русск. перев. С. А. Козина, М.—Л., 1941.

Соловьев С. М. История России т. I.

- Тихомиров М. Н. Древнерусские города, изд. 2-е доп. и переработ., М., 1956.
- Толстов С. П. Древний Хорезм, М., 1948.
- Шервуд. Былые пути в Китай. П. Карпини, Рубруквис, Марко Поло, Одорик, М., 1931.
- Ядринцев Н. М. Путешествие на верховья Орхона к развалинам Каракорума, «Изв. РГО», 1890, т. XVI, стр. 257—272.
- Языков Д. И. Собрание путешествий к татарам и другим восточным народам в XIII, XIV, XV столетиях, I. Плано Карпини. II. Асцелин, СПб., 1825.
- Якубовский А. Ю. К вопросу об исторической географии Итиля и Болгар, «Советская археология», 1948, т. X, стр. 255.
- Якубовский А. Ю. Развалины Ургенча. Л., 1930 (Изв. ГАИМК, т. VI, вып. 2).
- Якубовский А. Ю. Рассказ Ибн-ал-Биби о походе малоазийских турок на Судак. «Византийский временник», Л., 1928, т. XXV.
- Абе Такео. Where was the capital of the West Uighurs? — Silver Jubilee Volume of the University Jimbun Kogaku Kenkyu-sho, 1954, p. 435—450.
- D'Arvezac. Relation des Mongols ou Tartares par le frère Jean du Plan de Carpin, de l'ordre des Frères Mineurs, Légat du Saint-Siège Apostolique, Nonce en Tartarie, pendant les années 1245, 1246 et 1247, Paris, 1839. (Recueil de Voyages et de Mémoires publié par la Société de Géographie. v. IV, p. 2).
- Bacon Roger. The «Opus Majus». Edited with Introduction and Analytical table by John Henry Bridges, Oxford, 1900, v. I.
- Bartold W. Batu-khan, «Encyclopédie de l'Islam», p. 699.
- Beazley R. The Texts and Versions of John de Plano Carpin and William de Rubruquis as printed for the first time by Hakluyt in 1598 together with some shorter Pieces. Edited by C. Raymond Beazley, London, 1903. Printed for the Hakluyt Society.
- Bergeron P. Voyages faites principalement en Asie dans les XII, XIII, XIV et XV siècles, La Haye, 1735, t. I.
- Blake P. and Frye R. N. History of the nation of the Archers (the Mongols) by Grigor of Akanc' hitherto ascribed to Marak'ia the monk. The armenian text edited with an English translation and notes. Cleaves, Fr. W. The mongolian names and terms in the «History of the nation of the archers». Cambridge, Mass., Harvard Univ. Press, 1954.
- Bretschneider E. V. Mediaeval Researches from Eastern Asiatic Sources, 2 vol., London, 1910.
- Brown E. G. History of Persian Literature under Tartar Dominion, Cambridge, 1920.
- Cleaves Fr. W. The Sino-Mongolian Inscription of 1362 in memory of prince Hindu. «Harvard Journal of Asiatic Studies», 1949, vol. XII, p. 106.
- Cleaves Fr. W. The Sino-Mongolian Inscription of 1346. «Harvard Journal of Asiatic Studies», 1952, vol. XV, № 1—2, p. 1—123.
- Cordier H. Le Christianisme en Chine et en Asie sous les Mongols, «T'oung Pao», 1917, vol. XVIII, p. 49—113.
- Cordier H. Situation de Ho-lin en Tartarie. Manuscrit inédit du père A. Gaubil J. S. publié avec une introduction et des notes, «T'oung Pao», 1893, vol. IV, p. 33—80.
- Dawson Christopher. The Mongol Mission. Narratives and Letters of the Franciscan Missionaries in Mongolia and China in the Thirteenth and Fourteenth centuries. Translated by a nun of Stanbrook Abbey. Edited and with an Introduction on by Christopher Dawson, London and New York. Sheed and Ward, 1955.
- Easton St. C. Roger Bacon and his search for a universal science, Oxford, 1952.

G o m b o j e w Galsan. Randbemerkungen zu Plano Carpini.— *Melanges Asiatiques de L'Academie des Sciences de St., Petersbourg*, 1856, vol. II, pp. 650—666.

H a m b i s L. et P e l l i o t, P. Les campagnes de Chingis-chan cheng-wou ts'in. tcheng lou. Leiden, 1951.

H a m b i s L. Le chapitre CYIII du Yuan che t. 1, Leiden, 1, 1954.

H e r b s t H. Der Bericht des Franziskaners Wilhelm de Rubruk über seine Reise in das Innere Asiens in den Jahren 1253—1255. Erste vollständige Übersetzung aus dem Lateinischen, Leipzig, 1925.

J o g a n n de Plano Carpini. Geschichte der Mongolen und Reisebericht 1245—1247. Übersetzt und erläutert von Dr. Friedrich R i s c h, Leipzig, 1930.

K a t e s C. N. A new date for the origin the Forbidden City. «*Harvard Journal of Asiatic Studies*», 1943, vol. VII, pp. 180—202.

M a r t i n F. R. The Miniature Paintings and Painters of Persia, India and Turkey from the 8-th to the 18-th century, London, 1912, vol. II.

M o s t a e r t A. A propos de quelques portraits d'empereurs mongols. *Asia Major*, 1927, vol. IV, p. 147—156.

M i n o r s k y V. The Alān capital Magas and the Mongol campaigns (1239). «*Bulletin of the School of Oriental and African Studies*», 1952, vol. XIX, № 2, p. p. 221—238.

M o u l e A. C. Singing sands, «*T'oung Pao*», XXVII, 1930, № 2—3.

D' O h s s o n. Histoire des Mongols depuis Tchinguiz khan jusqu'à Timour Bey ou Tamerlan, vol. 1—IV, La Haye et Amsterdam, 1834—1835.

O l s c h k i Leonardo. Guillaume Boucher, A French Artist at the Court of the Khans, Baltimore, 1946.

P e l l i o t P. Рецензия на книгу: G. J. Bratianu. Recherches sur le commerce genois dans la Mer Noire au XIII siècle, Paris, 1929, p. 359, «*T'oung Pao*», 1930, vol. XXVII, № 2—3, p. p. 203—211.

P e l l i o t P. Une ville musulmane dans la Chine du Nord sous les Mongols, «*Journal Asiatique*», 1927, vol. CCXI, p. p. 266—269.

P e l l i o t P. Sur yam ou jam «relais postal», «*T'oung Pao*», 1930, vol. XXVII, № 23, p. p. 192—195.

P e l l i o t P. Note sur Karakorum. «*Journal Asiatique*», vol. CCVI, 1925, p. p. 372—375.

P e l l i o t P. Les Mongoles et la Papauté, Paris, 1923 (Extrait de la *Revue de l'Orient chrétien*, 3-e serie, t. 111, № 1—2).

P e l l i o t P. Chrétiens d'Asie Central et d'Extrême Orient, «*T'oung Pao*», 1914, vol. XV, pp. 623—644.

P e l l i o t P. Le prétendu mot «iascot» chez Guillome de Roubrouck, «*T'oung Pao*», vol. XXVII, № 2—3, 1930, p. 190—191.

P e l l i o t P. Le vrai nom de «Serocstan», «*T'oung Pao*», 1932, vol. XXIX, p. 43.

P e l l i o t P. Le nom du ywārizm dans les textes chinois, «*T'oung Pao*», 1938, vol. XXXIV, p. 146—152.

P e l l i o t P. Oeuvres posthumes. vol. II. Notes sur l'histoire de la Horde d'Or, Paris, 1949.

P e t e c h L. Friar John of Plan del Carpine, papal legate to the Mongol Qaghan, «*East and West*», Roma, 1955, Janv., year 5, № 4, p. 271—275.

R o c k h i l l W. W. The Journey of William of Rubruck to the Eastern parts of the World 1253—1255 as narrated by himself, with two accounts of the earlier journey of John of Plan de Carpine. Translated from the Latin, and edited with an Introductory Notice, London, The Hakluyt Society, 1900.

P u r c h a s Samuel. His Pilgrimes, London, 1625, vol. 111, part. II, booke 1, pp. 1—52 (translation of Rubruck).

S a l i m b e n a e de Adam. Chronica. Herausgegeben Osw. Holder — Egger. Hanover und Leipzig, 1905—1913 (Monumenta Germanica. Histor. Inscriptores. XXII).

Speculi Majoris Vincentii Burgundi praesulis Belvancensis ordinis praedicatorum. Tomus quartus. Qui Speculum Historiale inscribitur, Venise, 1591.

Schmidt Franz Max. Über Rubruk's Reise von 1253—1255. «Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin», Berlin, 1885, Bd. XX, S. 161—253.

Spuler B. Die Mongolen in Iran. Politik, Verwaltung und Kultur der Ilchanzeit 1220—1350. 2 erweiterte Auflage, Berlin, 1955.

Vernadsky G. The scope and contents of Chingis khan's Yasa. «Harvard Journal of Asiatic Studies», 1938, vol. III, № 3—4, p. 337—360.

Wyngeert van den Anastasius. Itinera et relationes Fratrum Minorum saec., XIII et XIV, Firenze, 1929, Sinica Franciscana, vol. I.

Yule H. The Book of Ser Marco Polo. Third edition revised by H. Cordier, London, 1903.

Yule Henri. Cathay and the Way Thither, being a collection of mediaeval notices of China, London, 1866, vol. II New edition by H. Cordier (vol. IV Hakluyt Society, London 1913—1916).

УКАЗАТЕЛИ К КНИГЕ ПЛАНО КАРПИНИ

1. УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Австрия 82
Аланы, народ 46, 56, 57, 64, 72, 210
Александр Ярославич Невский, вел. князь 78, 56, 29, 201, 220
Алемания 80, 221
Алога (Алоха), князь 82
Алтисолданус, владыка Хорезма 73, 218
Андрей Всеволодович, князь Черниговский (Cherneglove) 29, 30, 199
Армения, страна 48
Армены, народ 48, 57, 72, 215
Ассы, см. Аланы
- Балдах-Багдад 49, 73, 57, 75, 213, 218
Бал, первый секретарь великого хана Гуюка 78, 79
Баскарты, народ, ср. Венгрия 48, 57, 72, 211
Бату (Bati), сын Джочи (Тоссук-кана) 29, 30, 44, 46, 47, 55, 66, 69, 70, 71, 73, 74, 78, 81, 82, 199
Бархин, хорезмийский город 46, 72, 209
Бенедикт, брат ордена миноритов 24
Берка (Фаут), сын Джочи (Тоссук-кана) 44, 208
Билеры, народ 47, 57, 72
Бисермины, народ 46, 57, 72, 82, 209, 214, 218
Бихак, внук Чингис-кана 44, 207
Богемия, страна 81, 83
Болеслав, князь Силезии 66, 216
Бора, сын Джочи (Тоссук-кана) 44
Брутахи, народ 57, 72
Буингек, монгольский князь 44
Бурин, внук Чагатая 44, 73, 207
Буритабет, страна 42, 57, 204, 205
- Варфоломей, купец Генуэзский 82
Василько Романович, князь Галицкий 67, 81, 67, 216
- Великое Море, Море Греции 70, 217
Венгрия 33, 44, 47, 48, 57, 60, 72, 77
Венгрия великая, см. Венгрия
Венгры 47, 68, 77
Войрат, страна 39, 57, 203
Волга, река 70
Высокий-Султан, владыка Хорезма 46, 73
- Генрих, купец 82
Генрих Бонадиес, купец 82
Георгиания, страна 48, 56, 57, 212, 214
Георгианы, народ 57, 72, 214
Георгий, святой, см. Рукав св. Георгия
- Греки 79
Греция 70, 72
Грузинский царь и царица 34, 201
Грузия 75
Гуиры народ 25, 39, 195, 196
Гуйюр (Нуиур), страна 57
- Давид, царь Георгиани 56, 57
Данилов, местность в Руссии 67, 207
Даниил Романович, князь Галицкий 66, 67, 81, 216
Днепр (Nepер), река 70
Дон, река 70
Дубарлай, клирик князя Ярослава 82
- Епископ Краковский, см. Краковский Е.
- Епископы русские 81, 67
Елдегай, управляющий при ставке Бату 70, 71, 217
- Иберы, народ 72
Император, нынешний Император и т. д., см. Куйюк-кан
Император великий, наименование луны у Татар 31

- Император Китаев 38, 40
 Индия большая и малая 41, 57, 207
 Инды, народ 41, 204
 Исидор, писатель 48, 212
 Итога, название богини земли у монголов 31, 200
 Йека-Монгал, народ 37, 201
 Ианкинт (Iankint), хорезмийский город 46, 72, 209
 Иерусалим, город 73
 Иоанн Вазий, купец 82
 Иоанн Пресвитер, легендарный христианский владыка в Центральной Азии 41, 204
 Иудеи, ср. Брутахи 57, 215

 Кадак, управитель при дворце Гуюккана 78, 79
 Кадан, сын Угэдэй-хана 44, 73, 207, 208
 Калиф Балдакский 49, 75, 218
 Кампания, страна 83
 Кам, название шамана у Команов 31, 200
 Кангиты народ 57, 72, 215
 Канов, селение в России 67, 217
 Каракарон, столица Монгольской империи XIII в. 25, 196, 197
 Кара-Китай, черные Китай, народ 38, 57, 73, 202
 Караниты, народ 39, 57, 203
 Карахай, монгольский воин 45
 Карпини, см. (де) Плано Карпини
 Картан, монгольский князь 70, 82
 Касмир, страна 57, 214
 Каспийские горы 42, 205
 Кассы, народ 57, 214,
 Кахи, народ 72, 217
 Кергисы, народ 42, 48, 57, 205, 212, 214
 Китай, народ 25, 39, 40, 41, 57, 75, 77, 203, 214
 Китай черные, см. Каракитай
 Китай, осада монголами города 35, 40
 Китайцы, см. Китай
 Киев, столица России 46, 67, 68, 81, 82, 210
 Княгиня Краковская, см. Краковская кн.
 Князь Солангов 34
 Коктелеб 82
 Коктен, сын Угэдэй-хана Годан, 44, 207
 Комана, страна 57
 Комания, страна Команов 47, 48, 60, 72, 82
 Команы, народ 31, 40, 41, 46, 56, 57, 70, 72, 81, 200, 204
 Комуки, народ 57, 214
 Конрад, князь Ланциский 66, 216, 217
 Константинополь 70, 72, 82
 Коренца, монгольский князь Хурунши, 45, 68, 72, 82, 208
 Корола, народ 57
 Король Венгерский 71, 217
 Король Богемский 66, 216
 Косма, русский, золотых дел мастер при великом хане Гуюке 78, 220
 Краковская Княгиня 66, 216
 Краковский Епископ 66
 Куйюк-кан, сын Угэдэй-хана, третий великий хан 34, 35, 38, 41, 44, 49, 55, 56, 59, 60, 66, 69, 73—82, 206, 218
 Лемфинк, Хорезмийский город 82, 221
 Леодия, страна 83
 Ливония 60
 Литовцы 67, 69
 Магния, страна 57, 215
 Мануил, купец Венецианский 82
 Марк, купец 82
 Мауци, сын Чагатая 45, 70, 71, 81, 83, 208
 Мекриты, одно из монгольских племен 37, 57, 202
 Мелик, царь Георгиани 56, 57
 Менгу (Мункэ), внук Чингис-хана 44, 207
 Мекриты, одно из монгольских племен 37, 57, 202
 Михаил Всеволодович, князь Черниговский 29, 55, 198, 199
 Михаил, купец Генуэзский 82
 Михаил, служитель князя Ярослава 82
 Михай, алан, начальник русского селения 68
 Монгал, страна на Востоке 37, 74, Монгалы, см. Татары
 Монгрот, сотник Киевский 82
 Моравы, народ 68
 Мордваны, народ 72, 211
 Мордвы, народ 47, 57
 Море Греции, см. Великое море
 Найманы, одно из монгольских племен 25, 38, 57, 73, 196, 218
 Несториане 57, 215
 Несторианская ересь у Уйгуров 39
 Николай, купец из Пизы 82

- Обезы, см. Георгианы
 Океан 48, 72
 Оккодай-кан (Угэдэй-хан), сын Чингис-хана 32, 38, 44, 46, 48, 201, 207
 Омыль, город в земле Каракитаев 38, 73, 203, 218
 Орда, ставка 25
 Орду, сын Джочи (Тоссук-кана) 44, 73, 207, 218
 Орнас, хорезмийский город 46, 72, 209
 Папа Римский 23, 24, 59, 66, 67, 68, 69, 71, 79
 Паросситы, народ 48, 57, 72, 211
 Персы 57
 Петр Пасхами, купец 82
 (Де) Плано Карпини, Дживанни, архиепископ Антиварийский 23, 45, 59, 66, 82
 Польша 44, 47, 60, 65, 67, 69, 81, 82, 83
 Поляки 47, 68, 210
 Пруссия 60
 Римская империя 59
 Роман, князь 82
 Рукав св. Георгия, вытекающий из Великого моря 70, 217
 Россия 30, 46, 47, 55, 60, 66, 70, 72, 77, 81, 82
 Русские 46, 56, 57, 67, 79, 215
 Руфены, см. Русские
 Саксы, народ 57, 215
 Самогеды, народ 48, 57, 72, 211, 212
 Сангор, воин русский 82
 Сари-Гуйюр, народ 39, 57, 203
 Саригуйюр, см. Сари-Гуйюр
 Саррацины, народ, 25, 41, 46, 55, 57, 58, 72, 73, 79, 80, 195, 214, 218
 Сарты, народ 57, 215
 Святополк (Santopolicus) 82
 Серемум, монгольский князь 45
 Сероктан, невестка Чингис-хана 44, 207
 Сибедей, монгольский полководец 45, 208
 Силезия 66
 Синокур, монгольский князь 45
 Соланги, народ 25, 34, 56, 57, 75, 76, 195
 Суздаль, княжество 75, 77, 82, 201
 Суздальская земля, см. Суздаль
 Су-Монгал, одно из монгольских племен 37, 57, 201, 202
 Сумонгал, см. Су-Монгал
 Сыбан, сын Джочи 44, 73, 207
 Сыра-Орда, наименование ставки Великого хана 25, 75, 197
 Тарки, народ 57, 215
 Татар, согласно Плано Карпини, название реки в стране монголов 37
 Тевтония, страна 83
 Тевтоны 80
 Темер, русский воин, толмач в Орде 78, 82, 220
 Тоссук-кан, старший сын Чингис-хана Джочи 41, 44, 204, 207
 Тулуй, младший сын Чингис-хана 206, 207
 Тумат, страна 57, 130
 Турки, народ 46, 57, 72, 210
 Туркоманы, народ 57, 204
 Угней 82
 Урум, солдан, 48, 213, 212
 Фаут, сын Тоссук-кана 44
 Фуатемур, монгольский князь 45
 Халапия (Halapia), город 49, 213
 Хингай, первый секретарь Гуюк-хана 78, 76, 79, 219
 Хингис-кан (Чингис-хан) 29, 37, 38, 39, 40, 42, 43, 44, 46, 49, 55, 59, 202, 206
 Хиренен, внук Угэдэй-хана Ширемун 44, 207
 Хирподан, монгольский князь 44, 48, 207
 Хозары (Gazari), народ 46, 57, 72, 209
 Хубилай, четвертый Великий хан 44, 208
 Хыаадай, сын Чингис-хана Чагатай 44, 206
 Цикки, народ 72, 207, 218
 Циклопеды, народ с одной рукой и ногой 48
 Чингис-хан, см. Хингис-кан
 Чиркасы, народ 57, 72, 215, 217
 Эфиопия 57
 Эфиопы, см. Саррацины
 Яик, (Iaes), река 70
 Якобиты, христианская секта 57, 214, 215
 Яков, имя двух служителей князя Ярославла 82
 Яков Реверий, купец из Акры 82
 Янкинт (Ianskint), город, ср. Ианкинт 72
 Ярослав Всеволодович, вел. князь 29, 34, 72, 75, 77, 78, 82, 201

2. УКАЗАТЕЛЬ ПРЕДМЕТНЫЙ

- адамантов камень 42
- балдакин 27, 49, 74, 76, 297
- баллисты 57, 62, 65, 215
- бархат, ср. подарки 76
- башафы (Baschafi), см. Наместники
- бизантии, монета 49, 57, 213
- бобр, см. шкуры
- богочитание у монголов 28—31, 60, 198
- брак у монголов 26, 27, 36
- букаран, материя 27, 33, 197
- бури в земле монголов 25
- бегство притворное 63
- бегство с поля битвы и наказание за это 49, 62, 213
- вельможи монгольские 25, 33, 39
- веревки и веревочки 50
- вождь 29, 44, 45, 48, 49, 52, 53, 55, 56, 62, 63, 69, 75, 74, 76, 77, 218
- вождь Аланов, замученный в орде 56
- войско 44, 49, 51, 52, 53, 60, 62, 63
- вооруженная лошадь 50
- выносливость монголов 34, 58
- гадания 31
- гитара 71
- глашатаи 51
- грамота Китайская 40
- грамота Монгольская 39, 78, 203, 207
- грамота русская 71, 79
- грамота Саррацинская 71, 78, 79
- грамоты легата 1. де ПIANO Карпини:
- грамота верительная от Папы 67, 68, 71, 69, 74, 80
- грамота отпускная от Хана 79, 80, 81, 220, 221
- грамота пропускная от Бату 81
- грозы в земле монголов 25
- грехи и что под ними разумеют монголы 30, 31
- гуменце на голове монголов 26
- дань татарская 49, 55, 56, 57
- дары иноземных послов монгольскому Великому хану, князьям, вождям и женам 31, 45, 55, 69, 70, 76
- двор Императора (Великого хана) 25, 29, 34, 48, 74—79
- демоны 31
- десятина (десятая часть) от людей и имущества 55
- десятники монгольского войска 44, 49, 62
- женщины — чудовища, см. чудовища
- жены вождей 45
- жертвоприношения у монголов 28, 29, 38
- жилища монгольские, см. ставки
- законы и постановления 36, 37, 43—46, 205, 206
- застрельщики (граесурсорес) 51, 213
- заседание торжественное при избрании монгольского хана 60, 76, 77, 219
- Золотая Орда, ставка Великого хана 76
- идолы Татарские 28, 29, 198
- изображения людей для запугивания неприятеля 53
- изображения разные на ограде Императорской ставки 74
- ильтис (iltis), животное, см. шкуры 55, 213
- имущество у монголов 28, 37
- иперперы, монета 57, 212, 213
- кан, название императора на языке монголов 41, 59, 204
- кафтаны татарские 27

- кладбища 32, 33
 климат Татарии 25, 26, 197
 клирики русские при ханском дворе 41, 48, 78
 князья монгольские 45
 колдуны монгольские 30, 32, 33
 колчаны 36, 50, 51
 копыя с крюками 51, 62
 косы у монголов 26
 кошель из кожи для переправы через реку 51
 купцы 82
- латы 50, 51, 62
 левка, мера 70 пр. 217
 легат 23, 195
 лисицы, см. шкуры
 лошади и их изобилие у монголов 63
 лошади, посвященные монгольскому хану 29, 198
 луки 50, 62, 36
 лесные люди 38, 39, 203
- матьер луны, солнце 31
 машины осадные 57, 65
 медведь белый, см. шкуры
 мечи кривые 50, 62
 минориты, монашеский орден 23, 195
 многоженство у монголов 26, 27, 36
 молоко кобылье, овечье и верблюжье 36, 46, 75
 мучничество кн. Михаила в орде, см. Михаил, князь
 мешок круглый кожаный, ср. кошель 52
- навоз бычачий и конский, топливо у монголов 25
 надпись на печати Великого хана, ср. печать 59, 215, 216
 наконечники стрел железные 51
 наместники ханов 56, 75, 204, 213
 напильники для изощрения стрел 51
 напитки губительные 55
 ножики 50
 нравы монголов 34, 36
- обыск послов в Орде 76
 обычаи монголов 36, 37
 огонь, религиозное значение его у монголов 28—31, 33, 70, 199
 одеяние монголов 27, 36, 37, 58
 оружие 50, 51, 62
 осада укреплений 53, 54, 58, 64, 65; 203
 отроки 28, 52, 55
 очищение у монголов 31, 32, 33
- палица (dolabrum) 62
 пеня за собиране добычи раньше окончания битвы 62
 переправа через реку 52, 213
 печать монгольского хана 61
 писцы при дворе Великого хана 78, 79
 письмена, см. грамота
 пленные и отношение к ним монголов 50, 54, 55, 58, 60
 плодородие земли у монголов 25
 пища, разные виды ее и способы потребления 35, 36, 40, 43
 повозки монгольские 28, 29, 32—34, 37
 погребальные обычаи у Кергисов 48
 погребение 32, 33, 200, 201
 подкопы под укрепления при осаде их 53, 58
 полшубки монгольские 27, 37
 пояса шелковые 76
 пословицы монгольские 39, 42
 послы иноземные к монголам, их содержание и отношение к ним 45, 46, 55, 74, 75, 76, 208, 209
 послы монгольские и их содержание 45, 46, 80
 прелюбодеяние 36
 привратники при ставке Бату 71
 прикрытия для лошадей из кожи 50
 прическа мужская у монголов 26, 197
 прическа женская 27, 197, 198
 птицы, гадание по их полету 31
 пурпур 27, 74, 77, 80, 197
 пьянство 34, 35
- рабы и рабство 32, 33, 46, 47, 54, 55, 58, 60, 72
 ратники 60
 ремесленники 54, 58
 ремни 51
- секира с ручкой 62
 секретари при дворе Великого хана 76, 78, 79
 собаки — мушины, см. чудовища
 соболь, см. шкуры
 сотники монгольского войска 29, 44, 45, 49, 54, 55, 62
 ставки, жилища монгольские 27, 28, 32—34, 58, 69, 71, 74, 75, 77, 198, 217
 степи русские 80, 81
 стремена 37
 стрелы 36, 50, 51, 62, 213

- стрельба, мастерство монголов и упражнения их в ней 36, 37, 41, 42, 43, 52, 62
- султаны Саррацинов 75
- обуюдоострая секира 54
- топор 30, 50, 54
- трон монгольского Великого хана 77, 78
- тысячники монгольского войска 29, 44, 45, 49, 55, 62, 70, 206
- тьма, десятитысячники монгольского войска 44, 49, 213
- убор головной у монголов 27
- футы, мера длины у монголов 51
- хитрости монголов при столкновениях 51—53, 62—64
- царевичи Грузинские 75
- часовня христианская при дворе Великого хана 79, 80
- чиновники при ставке Бату и при дворе Великого хана 71, 79
- чудовища-женщины 41, 42, 204
- чудовища-мужчины 42, 48, 72, 204, 212
- шапочки монгольские 27
- шатер Великого хана 74, 75, 77
- шкуры разных животных, дань монголам, 55, 66
- шуба лисья, подарок папскому легату в Орде 80
- шум солнца в Каспийских горах 43, 205
- шлемы 50, 62
- щит от солнца 71, 76, 219
- щит 51
- яд 55, 60, 77, 216, 220
- ямы погребальные 32, 33
-

УКАЗАТЕЛИ К КНИГЕ РУБРУКА

1. УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Аарзерум город, 145, 188, 242
Аас, народ, см. Аланы
Ази, местность 192, 244
Азия 108, 109
Айни, город 191, 243
Акатрон, пророк армянский 189
Акон, см. Акра
Акра, город 113, 144, 192, 193, 229
Алания, 108 см. также Команы
Аланские горы 118, 186
Аланы, народ 105, 106, 111, 117, 118, 185, 186, 227
Алапия, город 191, 244
Албания, страна 118, 230
Александр Великий 111, 118, 123, 186, 187
Амморик, местность в Персии 144, 236
Андрей, минорит, миссионер при дворе Кен-хана 116, 118, 125, 135, 144, 170, 176, 229, 231
Андрей, святой 133
Антиохия, город 115, 193
Арабукха, брат Мункэ-хана 166, 167, 240
Арабы 155
Аракс, река 187, 188, 189, 191, 242
Арарат, страна 187, 243
Аргон, сборщик податей в Персии 188, 190, 242
Аркакк 186
Армянское море 192
Армения Великая и Малая 136, 151, 174, 183, 184, 185, 187, 189, 190, 192, 194
Армяне 113, 136, 148, 156, 157, 161, 187, 189, 190, 193
Арсенген, город 191, 244
Аскар, сын Вастация 89, 224
Ассан, владетель Валахии 89, 123, 194, 224, 231, 245
Ауакс, гавань 193, 244
Африка 109
Базиль, европеец, сын Англичанина 160
Балдах, Багдадский калифат 162, 166, 179
Балдуин де-Гэно 112, 154, 228, 229
Балту, сын Мункэ-хана 147, 149, 150
Барунузин, брат Армянского царя 192, 244
Бату, хан 90, 103, 109, 114, 117—122, 125—127, 135—137, 139, 141—144, 168—170, 174, 180, 181, 183—186, 188, 230, 232, 242
Батый, см. Бату
Белеграв, город в Венгрии 166, 240
Бельвиль, населенный пункт во Франции 166
Берка (Жегга), брат Бату, 117, 229
Бернард, минорит 189, 190
Блак, см. Иллак
Болат, город 126, 167, 175, 232
Большой мост в Париже 143
Бонифацио де Молендино, купец 192, 244
Булгай, канцлер при дворе Мункэ-хана 148, 149, 151, 158, 165, 181, 182
Булгария Великая и Малая 89, 98, 111, 117, 118, 119, 122, 123,
Булгаре, народ, ср. Саррацины 117, 119, 123
Бури, властитель города Талас 125, 191, 231
Буше Вильгельм, золотых дел мастер 143, 144, 145, 148, 155, 158, 159, 160, 162, 163, 164, 166, 168, 171, 175, 178, 179, 182, 183, 236
Буше Лоран 143
Буше Роже 143
Валаны, Валакия, см. Команы
Валахи (Vlaci), народ 117, 123
Валахия 89, 123, 224
Вандалы, народ 123, 231

- Варфоломей, святой 176, 188
 Варфоломей из Кремоны, спутник
 Гильома Рубрука 90, 181, 241
 Василий Великий, святой 192
 Вастаций, император 89, 139, 145, 166,
 168, 190, 194, 223, 245.
 Великое море, ср. Понт 88, 222
 Венгрия 98, 108, 122, 123, 143, 154,
 160, 166, 168, 176, 184, 190, 231
 Венгры 106, 117, 121, 123, 161
 Вильгельм, мастер из Парижа, см.
 Буше В.
 Власий, святой 192
 Волга, река, см. Этилия 121
 Ворота Железные на границе Персии
 111, 118, 119, 186, 187
- Газария, область 88, 107, 128, 223
 Гангес, город 187, 242
 Гвидо, государь Трапезунды 89, 223
 Георгианы, народ 89, 118, 187, 194,
 242
 Грузия 88, 223
 Германия 110
 Гиркания, страна 188, 242
 Госсель, см. Госсет
 Госсет, причетник 90, 121, 184, 185,
 224
 Готы, народ 90
 Греки 105, 106, 123, 128, 190, 193
 Гунны, народ 123
 Гэно, см. Балдуин Гэно
- Давид, посол к Мункэ-хану 112, 113,
 170, 180, 194, 229
 Давид, священник, наставник стар-
 шего сына хана 150, 157
 Дамаск, город 144
 Дамietta, местность в Египте 185
 Данубий, см. Дунай
 Демугин Хингей (т. е. «звон железа»),
 прозвание Чингис-хана 180, 241
 Дионисия святого, монастырь 165
 Дунай, 89, 91, 123
- Европа 108, 109
 Евфрат 188, 191
 Египет 109, 123
- Жан де Бомон 120, 230
 Железные Ворота, см. Ворота Желез-
 ные
- Захарий, отец Сагенсы 190
 Захарий, сын Сагенсы 190, 243
 Зикия, местность у устья Танаидско-
 го моря 89, 223
- Иверия, область Георгии 88, 193
 Иверы, ср. Георгианы 89, 194, 223
 Израильский народ 119, 130
 Измаелиты 189
 Иконий, город 192, 244
 Иллак, народ 123
 Индийский султан 179
 Индия 132, 179
 Иннокентий IV, папа, Римский 194
 Исаия, пророк 187, 191
 Исидор 108, 118, 123, 154
 Испанцы 131
 Иаков, святой 156, 176, 239
 Иерусалим, 120, 138, 150, 152, 182,
 189
 Иоанн, легендарный владыка Найма-
 нов 116, 130, 134
 Иоанн, евангелист 136, 152
 Иоанн де Поликарпо, т. е. Плато Кар-
 пини 119, 230
 Иоанн Креститель 138, 190, 179, 181,
 241
 Иона, пророк 148
 Иона, священник 156, 158, 163—165
 Иуда Фаддей, апостол 188
 Иудеи 187
- Кавказ 123, 125, 132, 188, 231
 Кайлак, город 126, 127, 133, 136, 232
 Камаф, крепость 191, 244
 Камус, супруга Гуюк-хана Огул Гай-
 миш 180, 241
 Кангле, тюркское племя, ср. Команы
 118, 122, 123, 230
 Канглы, см. Кангле
 Капчат, см. Команы
 Каракарум, столица Монголии XIII в.
 116, 117, 128, 130, 132, 139, 142,
 143, 153, 154, 158, 160, 161, 165,
 166, 179, 182, 229
 Каракатаи, народ 115, 116, 126
 Каракатай, т. е. «Черный Катай»,
 ср. Кон-хам 116, 229
 Каспийские горы 118, 188
 Каспийское море, ср. Сиркан 118,
 122
 Кассария, см. Газария
 Катар народ 116, 132, 165
 Катайя, страна 117, 128, 132, 154,
 155, 165, 166, 171, 177, 240
 Катен, т. е. хатун, госпожа, ср. Ко-
 тотта 148, 237
 Кауле, народ 155, 238
 Кельн, город 194
 Кен-хан (т. е. Гуюк-хан) 116, 119,
 134, 135, 136, 176, 180, 229
 Керкис, страна 98

- Керкисы, народ 117, 154, 226, 237, 238
 Керсона, город 88, 90, 223
 Кесария Каппадокийская 192, 244
 Киликия, страна 192, 244
 Кинчат, город Саррацинский 125, 231
 Кипр, остров 112, 144, 148, 190, 193, 244
 Китай 98, 115
 Климент св., епископ Римский 88, 89, 188
 Кояк, вельможа 111, 112, 113, 114, 183, 184, 185, 228
 Команы, народ 90, 102, 104, 108, 111, 118, 122, 224
 Константинополь 88, 89, 90, 123, 154, 189, 194
 Кон-хам 115, 116, 229
 Корасмины (Crosmini), народ 17, 242
 Кота, супруга Мункэ-хана 150—153, 166, 167
 Котота Катен, супруга Мункэ-хана 147, 155, 157
 Краксий, см. Мон-Реальский
 Кремона 90
 Крит, народ 116
 Кура, река 187
 Курги, ср. Георгианы 187, 188, 190, 192
 Кургия, страна, ср. Грузия 187, 188, 189
 Курта, гавань 192, 244

 Ласкатири 98, 226
 Лагины 88, 110
 Лесги, народ 111, 118, 186, 228
 Лонга, народ 131, 234
 Лотарингия 143, 160
 Людовик IX, король 87, 111, 112, 113, 119, 120, 136, 137, 141, 142, 144, 145, 168, 170, 180, 181, 184, 193, 222, 236

 Магомед, пророк 118, 165, 167, 230
 Мангу-хан, т. е. Мункэ-хан 102, 116—118, 120, 121, 125—127, 129, 130, 135, 138, 140—147, 149, 150—158, 162—175, 177, 179, 180, 183, 186, 188, 191, 192, 235, 236, 240
 Манзе, народ 55
 Манихеи, еретики и их учение 157, 171, 239
 Мансура 144, 236
 Маритандис, см. Матрика
 Мария Магдалина, святая 161
 Марсенген, замок в Турции 190, 243

 Мартин, святой 186
 Массис, гора 189, 243
 Матрика, город в Газарии 88, 89, 223
 Меотиды, см. Меотидские болота
 Меотидские болота 108, 109, 118, 228
 Мердас, народ 110
 Мердинис, см. Мердас
 Меркит, народ 116, 180, 116
 Метц, город 143, 176
 Мефодий, мученик и пророк 188
 Михаил, святой 127
 Моалы, т. е. монголы 92, 113, 114, 115, 116, 117, 120, 124, 129, 130, 131, 132, 133, 145, 154, 168, 170, 173, 180, 181, 225
 Моан, равнина реки Куры 187, 242
 Моисей, пророк 175
 Моксель (Machel), страна 98, 228
 Моксель, народ 110
 Молес, см. Людовик
 Мон-Реальский и Краксий султан 144, 236
 Мук, народ 131, 234
 Мулигек, горы, ср. Мулидет 118, 230
 Мулидет, народ, ср. Мулигек 166, 240
 Мусталеманы, народ 180

 Найманы (Naiman), одно из монгольских племен 116, 134, 180, 229
 Наксуа, город 188, 242, 243
 Никозия, местность 193
 Николай, отрок 90
 Николай де Сен-Сир, купец 192
 Николай, святой 134
 Нил, река 118, 185
 Ной, патриарх 189
 Немцы 108, 110, 125, 126, 167, 185, 190.

 Океан Восточный 109
 Океан Индийский 155, 111
 Океан Северный Ледовитый 109, 118
 Онанкеруле, наименование двора Чингис-хана 116, 136, 154, 229
 Органум, местность, занятая Туркманами 126, 232
 Оренган, народ 154, 238
 Орлеан, город 123, 231
 Отон, епископ 144, 236

 Павел, апостол 179, 193
 Пакастер, сын Турецкого султана 193, 245
 Пакетта (Pascha), пленница 143

- Паннония 123
Париж 109, 123, 143
Паскатири, см. Венгрия
Персия 98, 111, 118, 119, 126, 127, 144, 151, 166, 183, 184, 186, 187, 188, 189
Персы 188
Петр, апостол 113, 179, 193
Польша 108
Поляки 123
Понт 88, 109, 111, 223, 228
Прованс, область во Франции 191
Пруссия 108, 228
- Раймунд, см. Феодул
Рошелль, город 148
Руан, город 166
Россия 88, 90, 98, 108, 109, 110
Русские 105, 106, 108, 109, 110, 117, 118, 123, 128, 155, 161
- Сагенса, могущественный Кург, данник Татар 190, 191, 243
Самаг, город 187, 242
Самарон, город 187, 242
Сарай, город 184, 185, 186
Саррацины 106, 107, 108, 110, —112, 117—120, 123, 126—128, 130, 132—136, 144, 145, 150, 151, 153, 160, 167—170, 172, 173, 185, 186, 188—192, 232
Сартах, т. е. Сартак 89, 90, 103, 105, 106, 108—114, 116, 117, 119, 120, 121, 125, 136, 137, 141, 142, 164, 168, 170, 180, 183—186, 190, 191, 224
Свевы, народ 89, 223
Святая земля 89, 152, 193, 194
Святая София 89
Себаста, местность в Малой Армении 192, 244
Сегин, город 132, 234
Сена, река 109, 117
Сенахериб 187
Сергий, несторианский лжемонах 145, 151—153
Серкис, святой Армянский 148, 237
Серы, народ 132, 234
Сикст, святой 176
Синополь, крепость 88, 89
Сиремон, племянник Гуюк-хана Ширемун 135, 222, 223, 235
Сирия 118, 181, 191
Сиркан, город 117
Сиркан, море 117, 111, 230
Скатай, начальник монгольский 103, 104, 105, 227
- Скифия 91, 132, 224, 225, 234
Склавония 89, 123
Славяне 123
Соланга, народ 131
Солдайя, город 88, 89, 90, 91, 104, 105, 223
Солдайны, жители Солдани 117
Солин, писатель 154, 238
Стефан, святой 136
Стикан, т. е. Шибан, брат Бату 135, 235
Стрелки, народ 189
Су, т. е. вода 154
Суммеркент, город 185, 241
Су-Моал, одно из монгольских племен 154, 237
- Таврис, город 188, 189, 190, 242
Талас, город 125, 126, 231
Танаидское море 89, 108, 228
Танаид, река 88, 89, 90, 108, 109, 110, 111, 118, 183, 223, 228
Тангуты, народ 130, 131, 155, 233
Тартары 116
Тевтонский орден 108, 228
Тифлис, город 187, 190, 191, 242
Тибетцы, народ 130, 131, 155, 234
Тигр, река 188
Трапезунда, город 89, 223
Триполи, город 193
Туины, буддийские монахи 133, 139, 169, 170, 171, 172, 173, 234
Тургеманн (драгоман), спутник Гильома Рубрука 90
Турки 100, 115, 188, 193
Туркоманы, народ 126, 193
Турция 88, 89, 117, 145, 166, 192, 193, 194
- Унк, хан 116, 117, 130, 229
- Франки, народ 89, 112, 115, 120, 129, 137, 138, 141, 144, 145, 156, 168, 180, 189, 190, 192, 194
Франция 123, 184, 194
- Херина, дочь Мункэ-хана 140, 150, 177
Хинхин, фантастические человекоподобные существа 155, 238
Христофор, святой 128, 176, 233
- Цезария, см. Газария
Цеманум, город 189, 243
Цирина, см. Херина
- Человекоубийцы, см. Мулидет
Черкисы, народ 111

Чехи 123

Чингис-хан 102, 116, 117, 124, 125,
130, 136, 154, 180, 231

Эквиус, город 126, 232

Эрзерум, город 145

Этилия, озеро или море, ср. Каспий-
ское море 111

Югуры, т. е. уйгуры 127—131, 155,
173, 185, 232

Ягак, река 122, 230

Ямьям, лицо при дворе Сартаха,
принимающее послов 111, 228

Ямы монгольские 143, 181

---

2. УКАЗАТЕЛЬ ПРЕДМЕТНЫЙ

- аисты 98, 226
айра, кислое молоко 104, 228
аксамит, материя 156, 238
аркалы, животные 98, 226
- базар в Каракаруме 165
бал, напиток 140, 158, 236
барабаны 176, 178
бегство невесты, обычай 101
белки 88
бизантии, монета 185, 192
бокка, головной убор 100, 147, 227
брак у монголов 101
брат хозяина и брат госпожи, идолы у монголов 94
бритье у монголов 99
буккаран, материя 148
булла Мункэ-хана 145
бумажка из хлопка, монета 155, 238
бумажея 88
бурдюки, 94, 96, 97, 107, 157, 158, 159
бутыль, см. бурдюки
быки 91, 130, 131, 132, 233
- вдовы монгольские 101
верблюды 101, 92
веревки 98
веревки палатки и их значение 119
веревочки с ядрышками, четки 128
вино мускатное 90, 112
вино оксерское 137
виночерпии при дворе Мункэ-хана 159, 179
войлок для покрывания домов 91, 92, 99
волшебство 128—130
воплощение душ 171, 240
- гадание хана по костям барана 148, 149, 152, 156, 237
гадатели у монголов 103, 165, 174, 237, 239, 240
- газели 98
гитара 95, 105, 111, 225
гитаристы в монгольских домах 95, 111
глина жидкая 152, 237
горностаи 88
грамоты: Бату к Мункэ-хану 136
императора Константинопольского к Скатаю 105
короля Людовика IX к Сартаку 89, 103, 105, 111, 112, 113, 119, 120, 136, 137, 141 170
Мункэ-хана к королю Людовику IX 174, 179—181, 183, 184
Мункэ-хана к сборщику податей в Персии 151
папская 191
посланная с неба, написанная золотыми буквами 144
Сартака к отцу Койяка 184, 185
супруги Гуюк-хана к Людовику IX 180
- гриут 97
гром и страх пред ним 101
грут 100
- дары Мункэ-хана 181
дворецкий Мункэ-хана 161
дворец Бату 185
дзорец Мункэ-хана 158—161, 165, 181, 239
дворцы секретарей 165
двор Бату 118, 120, 121, 143, 144, 184
Мункэ-хана 137, 140—148 и сл.
Скатая 104, 105
Сартака 111—113, 117, 185
Чингис-хана 116, 154, 136
демоны-похитители 134

- дерево серебряное 158—161, 179, 239
 деревяшка для приготовления кумыса 74
 дома у монголов 91, 92, 93
 дощечка золотая 145, 236
 дощечка из слоновой кости 131, 234
 дыякон русский 165
- епанча, одеяние русских 110
 епископы Армян 189
- железо, дань 89
 жены Бату 92, 119, 230
 Мункэ-хана 140, 141, 147—153, 159, 163, 176—178
 царя Армении 183
 живописцы Китайские 155, 238
 живопись на жилищах монголов 91
 жрецы Катаев 132
 монгольские 115, 116, 175
 уйгуров 128, 129, 233
- зайцы 98
 замки в Газарии 90
 замок в городе Железные Ворота 187
 затмение солнца и луны 176
 золотые Кипрские, монета 148
- яскот, см. яскот
 идолопоклонство Саррацинов 127
 идолы монголов 94, 150, 151, 166, 175
 идолы уйгуров 127, 128, 129, 233
 изображения: с выменем кобылы или коровы 94
 умерших войлочные 129, 130
- изречения в храмах уйгуров 129
 иперперы, монета 106, 224, 227
 источники соляные в Хазарии 90
- казнь смертная 102
 калиф Балдахский 179
 канцлер при дворе Мункэ-хана 148
 капишоны желтые 132
 каптаргак, мешок 96
 каракосмос черный, кумыс 97, 140, 158, 226
 ключники Мункэ-хана 141
 ковчег Ноя 189
 колбасы 96
 колдовство у монголов 102, 116, 153, 160, 176—178, 180
 колокола уйгуров 128
 колчаны 117, 186
 коренья душистые 88
 космос, см. яскот
 кости отполированные 154, 238
- косы у монголов 99
 кража и преследование ее 102, 162
 красота женщин 100
 кречеты 98
 кролики 98
 кулан, животное 124, 125, 231
 кумирни 127, 165
 кумыс 95, 96, 97, 101, 102, 104—107, 117, 113, 120, 121, 140, 148, 166, 176, 183, 188
 купля и продажа невест 101
 купцы константинопольские 89
- леопарды 179
 лососи 187
 луки 145
- мазь черная 105
 масло коровье 97, 226
 материи шелковые и золотые 88, 138
 медики у Катаев 132
 минориты, см. орден Миноритов
 миро у несториан 113, 229
 митра, см. одеяние народов Лонга и Соланга
 молоко кобылье, коровье 96, 97, 106, 158
 музыкальные инструменты 95
 мука для священного хлеба 161, 162
 мыши 98
 меха разные 98
 мясо 96, 101, 124, 146, 225
- наказания судебные 102, 177
 наложницы хана 178
 напиток монгольский из риса, проса, ячменя и меда 95, 225
 насик, ткань 148, 180, 237
 недужные 103
 неопрятность и неряшливость 101, 109
 нитки из жил 100, 101
- обрызгивание идолов 94
 обыск послов при дворе Мангу-хана 140, 147, 156
 огонь и его значение 176
 одеяние народов Лонга и Соланга 131
 органы, музыкальные инструменты 127
 орда 119, 225
 орден миноритов 87, 89, 105, 139
 осетры, см. рыба сушеная
 ослы дикие 98, 226
 охота 99, 226, 227
- павлиньи перья 100
 панцири 186, 242

- папионы (павианы) 99, 146, 226
 пасха армянская 148
   саррацинов 127
 патриарх несторианский 162, 239
 перекоп (fossatum) в северной части Газарии 107, 228
 пиво 146, 237
 пирамиды надгробные 102, 129
 письма и вера Аланов 206
 письма уйгуров 129
 платья русских женщин 110
 плащи войлочные 129
 пляски 95, 111
 повозки крытые 89, 90, 225
 повозки монгольские 91, 92, 130, 151, 154, 165, 175, 182, 225
 подарки послов монголам 105, 108, 176, 179
 пожирание умерших родителей, обряд Тибетцев 131
 попойки Мункэ-хана 146, 158, 179, 241
 попрошайничество монголов 104, 105, 109, 192
 постели в домах монгольских 92, 94
 похороны монгольские 102, 103, 227
 почитание стихий и умерших 94
 пояс против грома и молнии 183
 праздники у монголов 95, 146, 236—237
 предсказание судьбы 176—178
 престол Мункэ-хана 159, 239
 привратники Мункэ-хана 156
 пригород св. Дионисия 165
 прическа женская 100
 прорицатели у монголов 115, 130, 152, 163, 166, 175—178, 240, 241
 пурпур 155
 пытки у монголов 177
- рабы Бури, немцы 125
 рабы и рабыни 98, 102, 175, 178
 ремень, лекарство 151, 163, 237
 религия Катаев 132, 133
 рубашки желтые 129
 рыба сушеная 88
 рыли, музыкальный инструмент 95
- сандалии 101, 137
 священники: из Катайн 128, 154, 155
   при дворе Мункэ-хана 146—149, 153, 156—158, 160, 161, 163—167, 171, 172, 173, 176
   при дворе Сартака 113
   114, 164, 229
- священники при дворе Скатая 105
   русские 106
- седла 101
 секретари: Бату 126
   Мункэ-хана 137, 142, 148, 165, 168, 174, 181, 235
- собаки борзые 118
 сожигание умерших 129
 согур 98, 226
 создания, не сгибающие колен 155
 соколы 98, 141, 186
 солеварни в Газарии, см. соль
 соль 90, 91, 107
 сони 98
 статуи погребальные 102, 103
 стрелы 144, 236
 стены городские 158, 165
 султан Мон-Реальский и Кракский 144
 султан Турецкий 179, 188, 190, 192, 193, 241, 244, 245
 сухари 90, 103, 106, 107, 112, 117
- телеги 90
 террасина 140, 159, 235
 тиары у жрецов 129
 ткани хлопчатобумажные 88
 толмачи при монгольских властях и при посольствах к монголам 105, 109, 114, 120, 121, 124, 134, 136, 139—142, 148, 149—152, 156, 162, 168, 171, 173, 175, 182, 188
 топор как дань 89
 тумен, монета 155
 тюрбан 179
- уборы головные русских женщин 110
 умовение рук и лица 101
 усыпальницы Команов 108
- хам 115, 178, 229, 241
 храмы уйгуров 128, 129, 233
 храм близ Керсоны, сооруженный руками ангельскими 88
- царь армянский 167, 183, 184, 192, 240, 244
 церковь в Каракаруме 159, 160
- чапраки войлочные 99
 часовня христианская при дворе Мункэ-хана 138, 147, 148, 151, 156—158, 160, 161, 162, 165, 166
 чаши из рогов аркалы 98

-
- чаши Тибетцев из голов умерших родителей 131, 233
чебак (borbota), большая свежая рыба 88, 109, 223
четки, см. веревочки
чудовищные люди, обитающие на севере Китая 154, 155
- шапка меховая (almiscia) женская 100
шапки против дождя, войлочные 99
- шкурки пушных зверей, денежная единица русских 155
шкурки, их приготовления 100
шляпы войлочные у русских 110
штаны овчинные 99, 122
шубы 98, 99, 122
- ямы 143
яскот, монета 132, 147, 151, 155, 163, 166, 182, 234
ящики 91, 92
-

О Г Л А В Л Е Н И Е

	<i>Стр.</i>
Путешествия на Восток Плано Карпини и Гильома Рубрука <i>Вступительная статья</i>	3
Иоанна де Плано Карпини, архиепископа Антиварийского, Истории Монгалов, именуемых нами Татарами.	23
Глава первая. О положении земли Татар, ее качестве и распределении в ней воздуха.	24
Глава вторая. О внешнем виде лиц, о супружестве, одеянии, жилищах и имуществе их.	26
Глава третья. О богопочитании, о том, что они признают грехами, о гаданиях и очищениях и погребальном обряде.	28
Глава четвертая. О нравах Татар, хороших и дурных, их пище и обычаях.	33
Глава пятая. О начале державы Татар, об их князьях, о власти императора и его князей.	37
Глава шестая. О войне и разделении войск, об оружии и хитростях при столкновении, об осаде укреплений и вероломстве их против тех, кто сдается им, и о жестокости против пленных.	49
Глава седьмая. Как они заключают мир с людьми; о названиях земель, которые они покорили; о землях, которые оказали им сопротивление, и о жестокости, которую они проявляют к своим подданным.	54
Глава восьмая. Как надлежит встретить Татар на войне, что они замышляют, об оружии и устройстве войск, как надлежит встретить их хитрости в бою, об укреплении крепостей и городов и что надлежит делать с пленными.	59
Глава последняя. О тех областях, через которые мы проехали, и об их положении, о дворе Императора Татар и его князей и о свидетелях, которые нас там нашли.	66
Путешествие в восточные страны Вильгельма де Рубрук в лето благодсти 1253.	87

Глава первая. Отъезд наш из Константинополя и прибытие в Солдаю, первый город Татар.	88
Глава вторая. О Татарах и их жилищах.	91
Глава третья. Об их постелях, идолах и обрядах перед питьем.	92
Глава четвертая. Об их напитках и о том, как они поощряют других к питью.	95
Глава пятая. Об их пище.	95
Глава шестая. Как они готовят кумыс.	96
Глава седьмая. О животных, которыми они питаются; об их одежде и об их охоте.	98
Глава восьмая. О бритье мужчин и наряде женщин.	99
Глава девятая. Об обязанностях женщин, об их занятиях и об их свадьбах.	100
Глава десятая. Об их судопроизводстве, судах, смерти и похоронах.	102
Глава одиннадцатая. О нашем приезде в страну варваров и об их неблагодарности.	103
Глава двенадцатая. О дворе Скатая и о том, что христиане не пьют кумыса.	104
Глава тринадцатая. О том, как накануне Пятидесятницы к нам пришли Аланы.	106
Глава четырнадцатая. Об одном Саррацине, желавшем креститься, и о некоторых людях, имевших вид прокаженных.	107
Глава пятнадцатая. О тягостях, которые мы испытали, и о могилах Команов.	108
Глава шестнадцатая. О стране Сартаха и об ее народах.	110
Глава семнадцатая. О дворе Сартаха и об его славе.	111
Глава восемнадцатая. О том, что мы получили приказание ехать к отцу Сартаха Бату.	113
Глава девятнадцатая. Сартах, Мангу-хан и Кен-хан оказывают почет христианам. Происхождение Хингиса и Татар.	115
Глава двадцатая. О Русских, Венграх, Аланах и о Каспийском море.	117
Глава двадцать первая. О дворе Бату и о том, как он нас принял.	118
Глава двадцать вторая. О пути братьев ко двору Мангу-хана	121
Глава двадцать третья. О реке Ягаке и о разных землях и народах в этой стране.	122
Глава двадцать четвертая. О голоде, жажде и иных бедствиях, которые мы испытали в этом пути.	124
Глава двадцать пятая. Об умерщвлении Бури и о жилищах Немцев в этой земле.	125
Глава двадцать шестая. О смешении несториан и Саррацинов	

и об их идолопоклонстве.	127
Глава двадцать седьмая. Об их храмах и идолах и о том, как они отправляют службу своим богам.	128
Глава двадцать восьмая. О разных народах этих стран и о тех, кто имели обычай есть своих родителей.	130
Глава двадцать девятая. Что случилось с нами по отъезде из Кайлака в землю Найманов.	133
Глава тридцатая. О земле Найманов, о смерти Кен-хана, об его жене и старшем сыне.	134
Глава тридцать первая. О приезде нашем ко двору Мангу-хана.	136
Глава тридцать вторая. О христианской часовне и о встрече с несторианским лжемонахом, по имени Сергием.	138
Глава тридцать третья. Описание сделанного нам приема.	140
Глава тридцать четвертая. Об одной Лотарингской женщине и об одном Парижанине, золотых дел мастере, которых мы нашли в этой стране.	143
Глава тридцать пятая. О Феодуле, причетнике из Акры, и о других.	144
Глава тридцать шестая. О празднике, данном Мангу-ханом. О том, что главная его жена и старший сын были при богослужении несториан.	145
Глава тридцать седьмая. О посте Несториан. О том, как мы ходили во дворец Мангу-хана, и о весьма многих других посещениях.	148
Глава тридцать восьмая. О том, как монах Сергей вылечил госпожу Коту.	151
Глава тридцать девятая. Описание земель, лежащих в окрестностях ханского дворца. О нравах, монетах и письменах Татар.	153
Глава сороковая. О втором посте восточных народов.	155
Глава сорок первая. О работе Вильгельма, золотых дел мастера, и о ханском дворце в Каракаруме.	158
Глава сорок вторая. Как несториане совершают таинства. Как христиане исповедовались у Рубрука и причащались в Пасху.	161
Глава сорок третья. О болезни мастера Вильгельма и о священнике Ионе.	163
Глава сорок четвертая. Описание города Каракарума. О том, как Мангу-хан послал своих братьев против разных народов.	165
Глава сорок пятая. Как нас несколько раз спрашивали. Наши беседы и споры с идолопоклонниками.	168
Глава сорок шестая. Как призывал нас хан к себе в день Пятидесятницы. О Татарском вероисповедании. Беседа о нашем обратном пути.	173
Глава сорок седьмая. О прорицателях и колдунах у Татар;	

об их обычаях и дурной жизни.	175
Глава сорок восьмая. Описание большого праздника. О грамоте, посланной Мангу-ханом королю Французскому Людовику. Товарищ брата Вильгельма остался у Татар.	179
Глава сорок девятая. Путешествие из Каракарума к Бату, а от него в город Сарай.	182
Глава пятидесятая. Продолжение пути от Сарая через Албанские и Лесгийские горы, через Железные Ворота и через другие места.	186
Глава пятьдесят первая. Продолжение путешествия по Араксу. О городе Наксуа, о земле Сагенсы и о других местах	188
Глава пятьдесят вторая. Переправа через Евфрат. Крепость Камаф. Возвращение в Кипр, Антиохию и Триполи.	191
Глава пятьдесят третья. О том, как брат Вильгельм писал из Триполи к королю Людовику, донося ему о своем путешествии и об отправке послов к Татарам.	193
Примечания к книге Плано Карпини «История Монгалов»	195
Примечания к книге Рубрука «Путешествие в Восточные страны».	222
Использованная литература.	246
Указатели к книге Плано Карпини.	252
1. Указатель имен.	252
2. Указатель предметный.	255
Указатели к книге Рубрука.	258
1. Указатель имен.	258
2. Указатель предметный.	263

ПУТЕШЕСТВИЕ В ВОСТОЧНЫЕ СТРАНЫ
ПЛАНО КАРПИНИ И РУБРУКА

Редактор *Г. П. Богоявленский*
Художник *Б. В. Шварц*
Художественный редактор
В. Г. Петухов
Технический редактор *Д. А. Глейх*
Редактор карт *Н. С. Кузнецов*
Корректор *Г. И. Ландратова*

Т02467. Сдано в производство 3/XII-56 г.
Подписано в печать 22/III-57 г.
Формат 60×92¹/₁₆. Физических листов 18,19.
Печатных листов 17+1,19 л. вкл.
Издательских листов 18,84. Тираж 25000.
Цена 5 р. 90 к. Переплет 1 р. 50 к.

Москва В-71, Б. Калужская 15, Географгиз
Министерство культуры СССР. Главное
управление полиграфической промышлен-
ности. Набрано в Первой Образцовой ти-
пографии имени А. А. Жданова. Отпечатано
в 15-ой типографии «Искра революции».
Москва. Заказ 673.

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

Вышли в свет:

Путешествия и исследования лейтенанта Лаврентия Загоскина в русской Америке в 1842—1844 гг. 1956 г., 456 стр., цена 19 руб.

Путешествия Христофора Колумба. Дневники, письма, документы. 1956 г., 528 стр., цена 12 руб.

Давид Ливингстон. Путешествия и исследования в Южной Африке. 1956 г., 392 стр., цена 8 р. 85 к.

Давид Левингстон. Чарльз Ливингстон. Путешествие по Замбези с 1858 по 1864 гг. 1956 г., 384 стр., цена 8 р. 65 к.

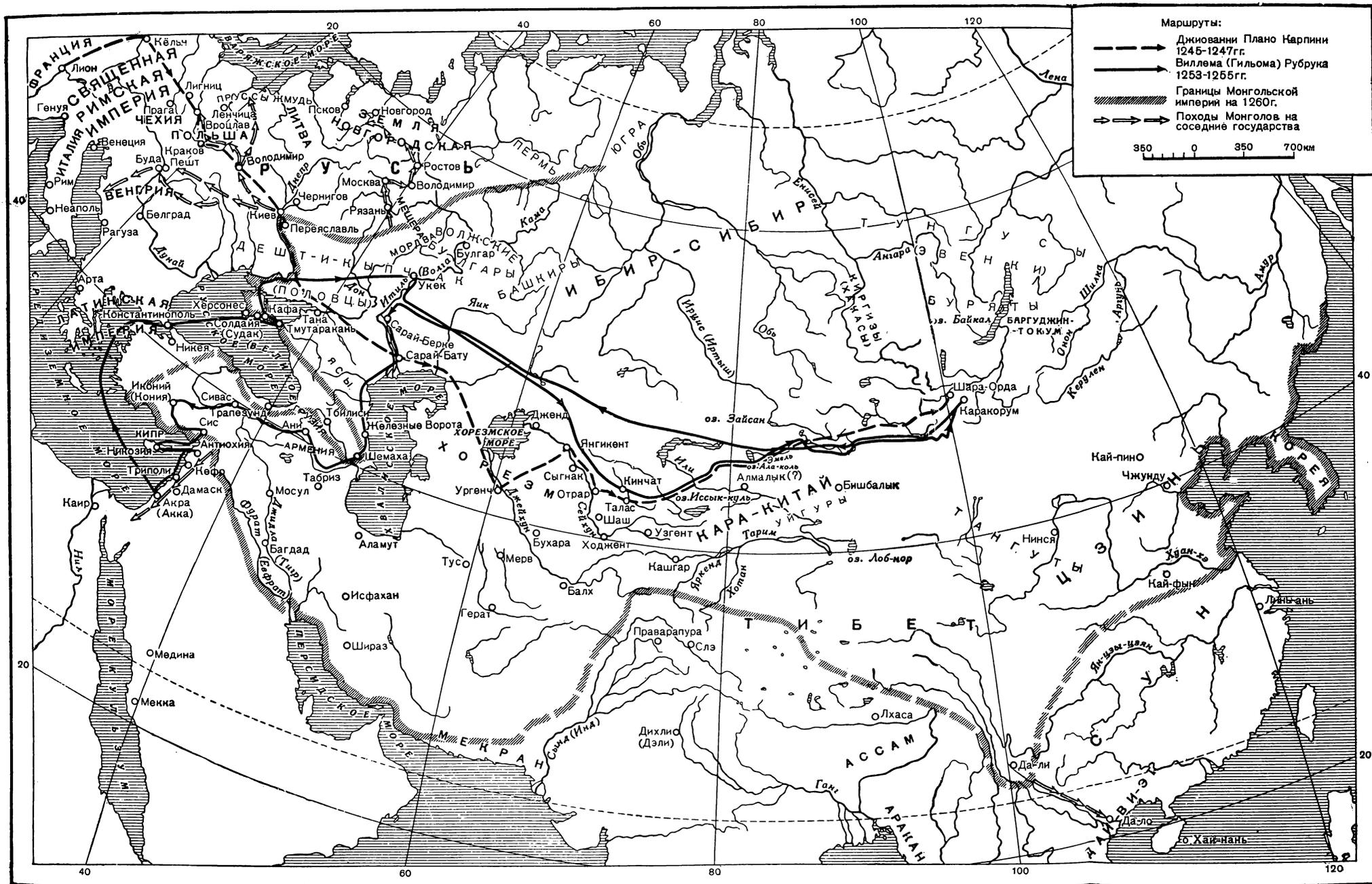
Н. Н. Миклухо-Маклай. Путешествия на берег Маклая. 1956 г. 416 стр., цена 9 р. 45 к.

Фритъоф Нансен. „Фрам“ в Полярном море, ч. I, 1956 г., 368 стр., цена 9 р. 65 к.

Фритъоф Нансен. „Фрам“ в Полярном море, ч. II, 1956 г. 352 стр., цена 9 р. 65 к.

Дневные записки П. К. Пахтусова и С. А. Моисеева. 1956 г., 216 стр., цена 9 р.

Последняя экспедиция Р. Скотта. 1955 г., 408 стр., цена 9 р. 55 к.

Маршруты Плато Карпини и Рубрука (XIII в.).
 Выполнено по карте (составленной В. Н. Казимым в 1938 г.) из книги
 Б. Д. Грекова и А. Ю. Якубовского «Золотая Орда и ее падение» и по карте
 в книге: W. Rockhill. The Journey of William of Rubruck... (London, 1903)
 с исправлениями и дополнениями Н. П. Шастной

О П Е Ч А Т К И

Страница	Строка	Напечатано	Следует
20	5 снизу	В. А. Казицым	В. Н. Казиным
196	25 снизу	„хычит“	„хигит“
196	18 снизу	монгольской	монголоведческой
197	15 снизу	Тимура	Тогон Тимура
208	24 сверху	Джемел	Джелме
240	1 снизу	Гетум скончался	Гетум скончался 29 октября 1269 г.

Кроме того, по техническим причинам выпали примечания 260-265 (см. стр. 240):

²⁶⁰ Рубрук цитирует евангелие от Иоанна, гл. XIV.

²⁶¹ 30 мая 1254 г.

²⁶² По замечанию Рокхилла, Рубрук был первым из западных писателей, упоминавшим о буддийском учении о воплощении.

²⁶³ То есть 31 мая 1254 г.

²⁶⁴ Гайтон (XIII в.), написавший книгу по истории Востока, утверждает, что Мункэ-хан и его семья были крещены армянским епископом, сопровождавшим Гетума I при его поездке в Каракорум в 1254 г. Это сообщение вряд ли правильно.

²⁶⁵ Белый цвет весьма почитался монголами (см. Книга Марко Поло, гл. XXXIX, стр. 113). Впоследствии монгольские князья подносили дань „9 белых“ маньчжурским императорам. Обычай этот имеет древнюю традицию среди народов Центральной Азии.